Журнал по психологическим
и когнитивным наукам

Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования

Том 14, № 12А, 2025.
С. 1-241.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Psychology
and Cognitive Science

Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches

December 2025, Volume 14, Issue 12A.
Pages 1-241.

ANALITIKA RODIS publishing house
Noginsk, Moscow region

«Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» Том 14, № 12А, 2025

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, ***Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ)*** – главный редактор журнала.

Савина Надежда Николаевна, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук, профессор – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и когнитивистики. Материалы открывают дискуссии по проблемам общей, возрастной, педагогической, социальной, коррекционной, клинической психологии и смежных наук. Журнал также пропагандирует идеи символицизма и коннекционизма и содействует распространению знаний о моделировании когнитивных систем. В статьях формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование психодиагностической и психокоррекционной деятельности.

Авторами статей являются ведущие специалисты в области психологии и когнитивной науки, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам психологических наук и междисциплинарных исследований мозга и языка.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	И.Н. Семенов, доктор психологических наук (5.3.1)
Зам. главного редактора	Н.Н. Савина, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	analitikarodis@yandex.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43674 от 24.01.2011.
ISSN 2223-5477.
Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:
43049 «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования».
Цена договорная. Печ. л. 32,5. Формат 60x90/8.
Дата выхода в свет: 30.12.2025.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 5185.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" December 2025, Volume 14, Issue 12A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Semenov Igor' Nikitovich, Doctor of Psychology (5.3.1), Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; ***Moscow City University*** – editor-in-chief.

Savina Nadezhda Nikolaevna – Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy, Professor – deputy editor-in-chief.

The journal publishes the results of theoretical and applied research in the field of psychology and cognitive science. The materials stimulate discussions on the problems of general, developmental, educational, social, correctional, clinical psychology and related sciences. The journal also promotes the ideas of symbolism and connectionism and contributes to the dissemination of the knowledge of cognitive modeling. The articles formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving psychodiagnostic and psychocorrective activities.

The articles are written by leading experts in the field of psychology and cognitive science, as well as researchers working on dissertations devoted to the problems of psychological sciences and interdisciplinary studies of the brain and language.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" ("*Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	I.N. Semenov, Doctor of Psychology (5.3.1)
Deputy editor-in-chief	N.N. Savina, Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	analitikarodis@yandex.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate: PI No. FS77-43674 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5477.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press":
43049 "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches".

Contract price. 32.5 printed sheets. Format 60x90/8.
Date of release: 30.12.2025.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 5185.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Мазилов Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского.

Савина Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук, профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.3.2. Психофизиология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Каменская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии, психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Котова Светлана Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, директор Института Психологии, РГПУ им. А.И. Герцена.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Сыманюк Эльвира Эвальдовна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, директор Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

по направлению: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, президент АНО «Академия Национального образования и науки», Международная ассоциация девиантологов, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Миронова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, Деаартамент психологии, Высшая школа экономики.

по направлению: 5.3.6. Клиническая психология

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.3.7. Возрастная психология

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.8. Коррекционная психология и дефектология

Волкова Ирина Павловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой основ дефектологии и реабилитологии, Институт дефектологического образования и реабилитации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской Академии образования.

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

Сердечная Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет.

по направлению: 5.12.4. Когнитивное моделирование

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской академии образования.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

по направлению: 3.2.5. Медицинская психология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики., психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Editional board

5.3.1. General psychology, personality psychology, history of psychology

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Savina Nadezhda Nikolaevna – Deputy Chief Editor, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.3.2. Psychophysiology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Kamenskaya Valentina Georgievna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Psychophysiology; Bunin Yelets State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Kotova Svetlana Arkad'yevna – PhD in Psychology, Associate Professor, Director of the Institute of Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSSES) (Russia).

Sokol'skaya Marina Vyacheslavovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov Medical University) (Russia).

5.3.4. Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Borzova Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pacific National University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Symanyuk El'vira Eval'dovna – Doctor of Psychology, Professor, Director of the Ural Humanitarian Institute, Ural federal University; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology

Kozlov Vladimir Vasil'evich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University (Russia).

Klayberg Yurii Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, President of Academy of National Education and Science, International Association of Deviantologists, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in Education (Russia).

Mironova Oksana Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Higher School of Economics (Russia).

5.3.6. Clinical psychology

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.3.7. Age psychology

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

5.3.8. Correctional psychology and defectology

Volkova Irina Pavlovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Fundamentals of Defectology and Rehabilitation, Institute of Defectology Education and Rehabilitation, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.12.1. Interdisciplinary research on cognitive processes

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSSES) (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.12.2. Interdisciplinary brain research

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.12.3. Interdisciplinary language studies

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

Serdechnaya Vera Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies, Kuban State University (Russia).

5.12.4. Cognitive modeling

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

3.2.5. Medical psychology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Содержание

Общая психология, психология личности, история психологии

Ковалёв Вячеслав Эдуардович
Историко-теоретический анализ эмоционального отношения к «помогающим технологиям»: от телефонии до искусственного интеллекта 5

Гутова Тамара Сергеевна
Пидшморга Юлия Владимировна
Головач Олеся Александровна
Журжу Арина Сергеевна
Исследование особенностей социально-психологической адаптации у студентов среднеспециальных профессиональных образовательных учреждений 12

Власов Иван Васильевич
Структура и особенности учебной мотивации подростков 33

Власов Иван Васильевич
Внутренние и внешние мотивы учения у подростков с разным уровнем интернет-зависимости: сравнительный анализ мотивационных профилей 40

Ищенко Варвара Владимировна
Вилкова Анастасия Владимировна
Токарева Елена Евгеньевна
Сазонова Александра Викторовна
Институциональные условия предоставления психологической помощи в России 47

Психофизиология

Исаев Фариз Фуркатович
Минаева Ирина Анатольевна
Методика диагностики психофизиологической готовности к действиям в чрезвычайных ситуациях: разработка и валидизация на примере персонала объектов 57

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Ушакова Лидия Геннадьевна
Этапы становления самоопределения в юношеском возрасте как основы профессионального самосознания 69

Фалунина Елена Васильевна
Мирошниченко Евгения Витальевна
Шмонина Наталья Ивановна
Проблема готовности преподавателей вуза к работе по программам дополнительного профессионального образования: теория и практика 75

Дзядевич Ирина Владимировна
Серых Анна Борисовна
Критерии и показатели эффективности образовательной среды в личностном становлении курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России 83

Дзядевич Ирина Владимировна
Психологическая безопасность образовательной среды высшей ведомственной школы как состояние защищенности от эмоционального напряжения 90

Иванов Василий Игоревич
Влияние иммерсивной виртуальной реальности на развитие психологической устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов Росгвардии 95

Социальная психология, политическая и экономическая психология

Третьяков Виталий Владимирович
Федоришин Михаил Иванович
Особенности ролевой гибкости и ролевой ригидности военнослужащих Росгвардии.....106

Иванов Василий Игоревич
Перевозкин Сергей Борисович
Перевозкина Юлия Михайловна
Федоришин Михаил Иванович
Структурные компоненты устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям.....115

Маричева Мария Алексеевна
Мотивационные основания потребительского поведения: модель личностных адаптаций в транзактном анализе.....127

Богатеева Любовь Игоревна
Теоретические аспекты изучения представлений экстремальной ситуации.....137

Новиков Алексей Валерьевич
Смирнов Олег Аркадьевич
Психологические инструменты реинтеграции правонарушителей, освободившихся из мест лишения свободы.....148

Елагина Анна Сергеевна
Слабкая Диана Николаевна
Систематизация психологических предикторов рецидива преступности у женщин.....157

Елагина Анна Сергеевна
Слабкая Диана Николаевна
Влияние образа жизни на рецидивизм преступности у женщин.....166

Макарова Анна Рустемовна
Бучацкая Марина Викторовна
Взаимосвязь эмоционального интеллекта и удовлетворенности браком у женщин с разным стажем супружества.....175

Миронова Оксана Ивановна
Яковлев Дмитрий Анатольевич
Инновационный конфликт у специалистов муниципальных учреждений как объект психологических исследований.....186

Возрастная психология

Дон Екатерина Сергеевна
Сравнительное изучение развития когнитивных регуляторных функций у старших дошкольников в различных педагогических средах: теоретический и методический аспекты.....202

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Голушко Роман Игоревич
D-O-S-N: гипотеза универсального когнитивного механизма ориентации.....209

Междисциплинарные исследования мозга

Литаш-Сорокина Елена Александровна
Нейрофизиологические корреляты когнитивной гибкости при умеренной когнитивной нагрузке: пилотное мультимодальное ЭЭГ-исследование.....224

Contents

General psychology, personality psychology, history of psychology

Vyacheslav E. Kovalev
Historical-Theoretical Analysis of Emotional Attitudes Towards "Assistive Technologies": From Telephony to Artificial Intelligence 5

Tamara S. Gutova
Yuliya V. Pidshmorga
Olesya A. Golovach
Arina S. Zhurzhu
A Study of the Features of Socio-Psychological Adaptation among Students of Secondary Vocational Educational Institutions 12

Ivan V. Vlasov
The Structure and Features of Learning Motivation in Adolescents..... 33

Ivan V. Vlasov
Internal and External Learning Motives in Adolescents with Different Levels of Internet Addiction: A Comparative Analysis of Motivational Profiles 40

Varvara V. Ishchenko
Anastasiya V. Vilkova
Elena E. Tokareva
Aleksandra V. Sazonova
Institutional Conditions for Providing Psychological Assistance in Russia 47

Psychophysiology

Fariz F. Isaev
Irina A. Minaeva
Methodology for Diagnosing Psychophysiological Readiness for Actions in Emergency Situations: Development and Validation Using the Example of Personnel at Critical Facilities 57

Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Lidiya G. Ushakova
Stages of Identity Formation in Adolescence as the Foundation of Professional Self-Consciousness..... 69

Elena V. Falunina
Evgeniya V. Miroshnichenko
Natal'ya I. Shmonina
The Problem of University Teachers' Readiness for Work in Continuing Professional Education Programs: Theory and Practice..... 75

Irina V. Dzyadevich
Anna B. Serykh
Criteria and Indicators of the Effectiveness of the Educational Environment in the Personal Development of Cadets at Higher Education Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia 83

Irina V. Dzyadevich
Psychological Safety of the Educational Environment in Higher Departmental Schools as a State of Protection from Emotional Stress..... 90

Vasilii I. Ivanov
The Influence of Immersive Virtual Reality on the Development of Psychological Resilience to Stress-Frustration Situations in Rosgvardiya Cadets..... 95

Social psychology, political and economic psychology

Vitalii V. Tret'yakov
Mikhail I. Fedorishin
Peculiarities of Role Flexibility and Role Rigidity Among Personnel of the Russian National Guard (Rosgvardiya) 106

Vasilii I. Ivanov
Sergei B. Perevozkin
Yuliya M. Perevozkina
Mikhail I. Fedorishin
Structural Components of Servicemen's Resilience to Stress-Frustration States 115

Mariya A. Maricheva
Motivational Foundations of Consumer Behavior: A Model of Personality Adaptations in Transactional Analysis 127

Lyubov' I. Bogateeva
Theoretical Aspects of Studying Perceptions of Extreme Situations 137

Aleksei V. Novikov
Oleg A. Smirnov
Psychological Tools for the Reintegration of Offenders Released from Places of Deprivation of Liberty 148

Anna S. Elagina
Diana N. Slabkaya
Systematization of Psychological Predictors of Recidivism in Female Offenders 157

Anna S. Elagina
Diana N. Slabkaya
The Influence of Lifestyle on Recidivism in Female Offenders 166

Anna R. Makarova
Marina V. Buchatskaya
The Interconnection between Emotional Intelligence and Marital Satisfaction among Women with Different Lengths of Marriage 175

Oksana I. Mironova
Dmitrii A. Yakovlev
Innovation Conflict Among Specialists in Municipal Institutions as an Object of Psychological Research 186

Age psychology

Ekaterina S. Don
Comparative Study of the Development of Cognitive Regulatory Functions in Senior Preschool Children in Different Pedagogical Environments: Theoretical and Methodological Aspects 202

Interdisciplinary research on cognitive processes

Roman I. Golushko
D-O-S-N: A Hypothesis of a Universal Cognitive Mechanism of Orientation 209

Interdisciplinary brain research

Elena A. Litash-Sorokina
Neurophysiological Correlates of Cognitive Flexibility under Moderate Cognitive Load: A Pilot Multimodal EEG Study 224

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.54.50.001**

Историко-теоретический анализ эмоционального отношения к «помогающим технологиям»: от телефонии до искусственного интеллекта

Ковалёв Вячеслав Эдуардович

Аспирант, психолог-консультант,
Таганрогский институт управления и экономики,
347900, Российская Федерация, Таганрог, ул. Петровская, 45;
e-mail: kovalev.v0603@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится историко-теоретический анализ эволюции эмоционального отношения общества к «помогающим технологиям» – от телефонии и радиопередач до современных систем искусственного интеллекта. Проанализированы повторяющиеся паттерны реакций: первоначальный страх или скепсис, затем постепенная адаптация и рост доверия по мере накопления положительного опыта взаимодействия. Показано, что пользователи склонны предавать «антропоморфизации» технологии, приписывая им эмпатические качества, одновременно опасаясь их «бездушности» и недостатка подлинного понимания. Рассмотрены эффекты анонимности и онлайн-растормаживания, роль парасоциальных связей и этапы принятия инноваций. Обзор эмпирических исследований подтверждает, что дистанционные формы поддержки – от телефонов доверия и радиопередач до онлайн-консультирования и ИИ-чатботов оказываются эмоционально значимыми и часто сопоставимыми с личным контактом. Выделены основные вызовы: этика, надёжность, качество и прозрачность алгоритмов, а также рекомендации для психологов и практиков по созданию более «человечных» интерфейсов. Результаты важны для клиницистов и разработчиков цифровых сервисов: они подчеркивают необходимость сочетания технической надёжности с коммуникативной эмпатией, обучения пользователей и прозрачных правил использования данных. Практические рекомендации: интеграция гибридных моделей, обучение операторов, тестирование интерфейсов на эмоциональную восприимчивость. Отмечено также значение междисциплинарных исследований, мониторинга долгосрочных эффектов и вовлечения пользователей в процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Ковалёв В.Э. Историко-теоретический анализ эмоционального отношения к «помогающим технологиям»: от телефонии до искусственного интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2026.54.50.001

Ключевые слова

Искусственный интеллект, психология, чат-боты, телефон доверия, радио, психологическая помощь, эмоциональная готовность, психологическое консультирование, онлайн-консультирование, инновации.

Введение

Современные технологии, плотно вошедшие в нашу жизнь, сегодня всё активнее используются для психологической помощи: начиная с первых телефонов доверия (так называемые психологические «горячие линии») и радиопередач с советами психологов до онлайн-ресурсов и чат-ботов на базе искусственного интеллекта. Наряду с этим возникает резонный вопрос: как люди эмоционально реагируют на такого рода «помогающие технологии»? Ведь в отличие от чисто когнитивных оценок эффективности (например, количественно измеряемое уменьшение тревоги), мы фокусируемся на чувственных реакциях – доверии, надежде, страхе и эмпатии по отношению к обезличенным средствам помощи. Этот аспект, к сожалению, мало освещен в научной литературе: традиционные исследования телемедицины и психологического консалтинга обычно анализируют результаты консультирования (лечения, терапии), но не объясняют, как сами пользователи, клиенты воспринимают механизм такого взаимодействия. Целью настоящей работы является проведение историко-теоретического обзора, выявив и обозначив типичные эмоциональные паттерны в восприятии технологий поддержки психологического состояния на разных этапах их появления.

Основная часть

В основе проведённого анализа лежат общие концепции восприятия инноваций. Согласно теории социолога Эверетта Роджерса [Rogers, 2003] люди проходят стадии принятия инновации: на первой стадии большинство воспринимает технологию странной, отвергают её, и только новаторы активно к новому опыту. На второй и третьей стадии появляются ранние последователи, мнения начинают расходиться, в следствие чего достигается критическая масса, где инновация становится «обычным делом» и постепенно устаревает. Этот цикл характерен и для «помогающих технологий». Сначала телефоны доверия и компьютерные программы казались необычными, но позднее многие люди признали их полезными.

С другой стороны, согласно концепции «медиа-уравнения», предложенной А. Фиске, П. Хеннигсеном и А. Буйкс [Fiske, 2019], мы неосознанно относимся к компьютерам и роботам как к живым существам. По данным этих исследователей люди часто наделяют роботов-психологов формальными качествами, приписывая им определённые «эмоциональные состояния», пусть и виртуально. Хотя с когнитивной точки зрения мы знаем, что робот не умеет чувствовать, выражать эмпатию, мы подсознательно можем реагировать на него как на некого «выслушивающего друга» путём его антропоморфизации.

Таким образом, технологии способны стать своего рода эмоциональными катализаторами – дарить пользователям, клиентам, ощущение понимания.

Наконец, стоит сказать о существующей особенности онлайн-среды – эффекте растормаживания (the online disinhibition effect), подробно раскрытым психологом Джоном Сулером в своей одноименной работе [Suler, 2004], который отмечает, что люди чаще делятся эмоциями в виртуальном пространстве, нежели чем лично. Это происходит из-за анонимности в виртуальном пространстве, так или иначе снижающем социальный страх. Имея это в виду, мы можем сказать, что дистанционные «помогающие» технологии могут вызывать у клиентов, пользователей, чувство большей свободы в выражении чувств. Сочетание таких эффектов, как: снижение барьеров, приписывание человеческих черт и принятие через прохождение стадии –

создаёт сложный эмоциональный фон при знакомстве с любым новым цифровым средством поддержки.

Одними из первых массовых средств психологической поддержки стали телефоны доверия. Ещё в 1953-м году английский священник Ч. Вэрах организовал первую линию для людей с суицидальными тенденциям [Bernstein, 2007], а уже в 1982-м году в Москве открылся первый советский телефон доверия [Федунина, 2022]. Для многих обратившихся эмоциональная помощь начиналась с обычного разговора по телефону: слыша «живой» человеческий голос люди чувствовали тепло и внимательность оператора, человеческую поддержку. Телефон доверия в этом случае выступал средством, помогающим преодолеть одиночество и стыд открыться другому: многие отмечали, что проще «выговориться» анонимно через провода, чем перед глазами окружающих.

Похожую функцию выполняет радио. С 1960-х годов в эфир выходили психологические передачи с советами и «прямой линией» со слушателями. В исследовании, проведенном Д.Шлюц и И.Хеддером [Schlütz, 2022], мы находим, что радио демонстрирует эффект «парасоциальной связи»: люди воспринимали диктора или ведущего как близкого друга, с которым можно поделиться тревогами, ощущая поддержку из динамика радио.

В обеих технологиях прослеживается похожий паттерн: поначалу общество относилось с осторожностью – критики отмечали неполноценность дистанционного контакта. Тем не менее практические оценки оказались позитивными:телефоны доверия по сей день дают возможность пережить кризис десяткам тысяч людей, а проведённые исследования подтвердили эффективность телефонных консультаций. Можно сказать, что общий паттерн выглядит следующим образом – технология сначала вызывала удивление и настороженность, затем – доверие и привязанность.

С появлением интернета «помогающие» технологии перешли на новый уровень. Онлайн-консультирование в чате или по e-mail, видеосвязь и форумы расширили доступ к психологической помощи. Основной эмоциональный компоненты – анонимность и удаленность обеспечили пользователей, клиентов, открытостью в выражении своих чувств, эмоций, проблем. Страх быть отвергнутым и уровень стыда резко упал, когда человек мог написать сообщение либо поговорить с незнакомым специалистом, не называя имени. Именно поэтому многие люди склонялись к онлайн-формату – повышенное чувство безопасности в общении.

Клинические специалисты и психологи поначалу скептически оценивали новый формат, но впоследствии эффективность этого формата была подтверждена исследованием Д. Хилти, Д. Феррера, М.Б. Берка, Б. Джонстон, Э.Д. Каллахана, П. Йеллоуиса [Hilty, 2013]. Согласно Э. Роджерсу это соответствует этапам «ранних последователей» в его теории: небольшая группа «новаторов» пыталась пробовать проводить консультации в виртуальном формате, где вскоре присоединились те, кто тоже захотел попробовать новый формат.

Сегодня исследования показывают гибридные предпочтения в выборе вариантов для получения психологической помощи. В этом отношении показательно исследование, проведённое Б.Н. Ренн, Т. Хефт, Х.С. Ли, Э.М. Бауэр, П.Ареан [Renn, 2019]. В исследовании участвовали 164 взрослых американца, которые ранее рассматривали или пользовались услугами психологической помощи при депрессии. Согласно результатам исследования, 44,5% участников опроса предпочли индивидуальную офлайн-терапию. Остальные распределились следующим образом: 25,6% выбрали самостоятельную цифровую терапию, 19,7% отдали предпочтение цифровой терапии с сопровождением эксперта, а 8,5% выбрали цифровую

терапию с поддержкой сверстников. Из этого можно сделать вывод, что около 55,5% опрошенных в той или иной степени были готовы к цифровым и самостоятельным форматам терапии.

Таким образом, эмоциональное отношение к интернет-технологиям изначально было смешанным, настороженным, но со временем вызвало больше доверия и вошло в привычку. Сегодня это особенно видно по охватам популярных сервисов: консультации через Zoom и в мессенджерах – обычное дело.

Современный этап, начиная с 2020-го года, характеризуется присутствием в нашей жизни искусственного интеллекта (ИИ) и роботов-помощников. Чат-боты для ментального здоровья (например, Woebot, Wysa) и роботы-компаньоны (Paro, Nao) уже вошли в клиентский обиход. Конечно, эмоциональное отношение к ним демонстрирует характерный дуализм. С одной стороны, люди ценят доступность и отсутствие оценок ИИ. В международном опросе, проведённом компанией Oracle [PR Newswire 2021], 75% респондентов заявили, что готовы доверить свои проблемы ИИ, потому что он «никогда не спит» и «не осуждает». Опрошенные отмечают, что виртуальные ассистенты всегда готовы тебя выслушать, не показывают усталости, что, в свою очередь, даёт особое чувство поддержки.

С другой стороны, сохраняется глубокое сомнение: люди переживают, что компьютер не поймет их по-настоящему. В эксперименте, проведённом У. Кеунгом [Keung, 2025], участники, получив опыт общения с чат-ботом, показывали снижение уровня стресса, но явно сомневались в его помощи – чувствовали себя неуверенно из-за отсутствия понимания, что ИИ в чат-боте действительно понимает тебя. Человек знает, что робот – не человек, и испытывает легкий дискомфорт от этого факта.

Между тем, социальные роботы, «одушевленные» животные-куклы (Paro) часто встречают теплую реакцию. В рассмотренном ранее исследовании А. Фиске, П. Хеннигсена и А. Буйкс у детей с аутизмом или пожилых с деменцией они вызывают улыбку, желание общаться и внутреннее успокоение. В этом же исследовании было отмечено, что младшие дети с трудностями социализации взаимодействуют с роботами охотнее, чем с врачами-людьми – это повышает шанс для их нормального социального развития. Взрослые же пациенты отмечают, что «роботы слушают без слов».

Таким образом, к роботам и ИИ-помощникам отношение характеризуется как сочетание надежды («он всегда выслушает» и «не будет тебя оценивать») и смущения («можно ли ему доверять свои секреты?»). Этот паттерн повторяет предыдущие: новинка вызывала скептическое отношение, но адаптация прошла довольно быстро и успешно – люди начинают воспринимают чат-бота как обычный инструмент психологической поддержки.

Обобщая вышесказанное, можно выделить несколько устойчивых закономерностей:

– При появлении новой техники психологическая помощь большинству кажется чуждой, человеку непривычно осваивать новое, но по мере знакомства опасения уходят.
– Технологии способствуют снижению эмоциональных барьеров. Люди делились сокровенным, даже когда связь осуществлялась не лицом к лицу, а через форумы, мессенджеры. В свою очередь это дает особый положительный эмоциональный эффект: клиент чувствует, что его примут со всеми его проблемами. Этот фактор был особенно сильным, когда появились онлайн-консультации и первые ИИ-помощники.
– Ожидание, что технология никогда не устает, не обидится и всегда будет в сети, повышало доверие. В то же время понимание, что это машина, внушало некую «тревогу

аутентичности». Клиенты ценят дружелюбие ИИ, но испытывают настороженность из-за отсутствия человека.

– Даже если на сознательном уровне люди не считают ИИ способным искренне понимать, многие на подсознательном относятся к нему как к близкому товарищу – делятся с ними своими переживаниями, словно это настоящий и живой слушатель. Это отражает вышеупомянутый эффект медиа-уравнения: мы, порой неосознанно, относимся к машине как к человеку. Можно сказать, что роботы и чат-боты как бы вступают в «психологическую игру» доверия с пользователем.

Заключение

Выделенные паттерны подтверждают гипотезу, что эмоциональное отношение к «помогающим технологиям» определяется скорее не свойствами самих технологий, а тем, как люди их осваивают – через этапы знакомства, первой пробы, принятия.

Получившаяся историко-теоретическая модель демонстрирует, что хотя конкретные технологии меняются, эмоции пользователей при общении с ними подчиняются похожей динамике. Телефон доверия 1980-х и чат-бот 2020-х решают одну задачу – служить собеседником в трудный момент. Реакция людей в обоих случаях оказывается сходной: первоначально новые технологии воспринимаются критически, но впоследствии принимаются, если приносят реальную поддержку.

Тем менее, истинное понимание, теплота, эмпатия – словом, всё то, на что машина не способна, всё ещё остаётся прерогативной человека, живого человеческого общения.

Полученные результаты также указывают на необходимость сопровождать технологические новшества информационно: когда ChatGPT или любой другой ИИ предстает в роли «психолога», важно проводить серьёзное психологическое просвещение – чем именно может помочь живой человек-психолог, а чем ИИ, объяснять возможности и ограничения.

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональное отношение к «помогающим» технологиям развивается по общим законам: от первоначального недоверия – через адаптацию – к преимущественному принятию. Люди стремятся установить связь даже с безличными инструментами, приписывая им человеческие черты, если это приносит чувство утешения и безопасности (анонимность, постоянная готовность помочь). Тем не менее всегда остаются «пределы автоматизма»: ни один ИИ не заменит полностью живого человека.

Внедрение новых технологий психологической поддержки должно учитывать обе стороны: с одной – использовать их сильные стороны (неустанная готовность помочь, отсутствие оценок), с другой – снижать слабости искусственных систем (отсутствие искреннего понимания, эмпатии). Практически это значит оптимизировать интерфейсы ИИ таким образом, чтобы человек мог почувствовать себя услышанным и понятым, а не просто получившим определённую услугу. В завершение важно подчеркнуть, что полученные паттерны эмоций могут быть применимы в развитии виртуальной и дополненной реальности, а также могут помочь в прогнозировании реакции общества на последующие технологические инновации.

Библиография

1. Федунина Н.Ю., Чурсина Е.А. Образ телефона доверия в России в зеркале прессы и воспоминаниях сотрудников // Психологическая газета. URL: https://psy.su/feed/9374/ (дата обращения: 23.11.2025).
2. Bernstein A. Chad Varah, 95; began one of first suicide-prevention groups // Los Angeles Times. 2007. URL:

https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2007-nov-13-me-varah13-story.html (дата обращения: 25.11.2025).
3. Fiske A., Henningsen P., Buyx A. Your Robot Therapist Will See You Now: Ethical Implications of Embodied Artificial Intelligence in Psychiatry, Psychology, and Psychotherapy // J Med Internet Res. 2019. Vol. 21, no. 5: e13216. doi:10.2196/13216. PMID: 31094356; PMCID: PMC6532335.
4. Hilty D.M., Ferrer D.C., Parish M.B., Johnston B., Callahan E.J., Yellowlees P.M. The effectiveness of telemental health: a 2013 review // Telemed J E Health. 2013. Vol. 19, no. 6. P. 444–454. doi:10.1089/tmj.2013.0075. PMID: 23697504; PMCID: PMC3662387.
5. Keung W.M., So T.Y. Attitudes towards AI counseling: the existence of perceptual fear in affecting perceived chatbot support quality // Front Psychol. 2025. Vol. 16: 1538387. doi:10.3389/fpsyg.2025.1538387. PMID: 40823408; PMCID: PMC12355521.
6. Renn B.N., Hoeft T.J., Lee H.S. et al. Preference for in-person psychotherapy versus digital psychotherapy options for depression: survey of adults in the U.S. // npj Digital Med. 2019. Vol. 2: 6. doi:10.1038/s41746-019-0077-1.
7. Rogers E.M. Diffusion of innovations. 5th ed. New York, NY: Free Press, 2003.
8. Schlütz D., Hedder I. Aural Parasocial Relations: Host–Listener Relationships in Podcasts // Journal of Radio & Audio Media. 2022. Vol. 29, no. 2. P. 457–474. doi:10.1080/19376529.2020.1870467.
9. Suler J. The online disinhibition effect // Cyberpsychol Behav. 2004. Vol. 7, no. 3. P. 321–326. doi:10.1089/1094931041291295. PMID: 15257832.
10. 82% of People Believe Robots Can Support Their Career Better Than Humans // PR Newswire. URL: https://www.prnewswire.com/news-releases/82-of-people-believe-robots-can-support-their-career-better-than-humans-301407933.html (дата обращения: 24.11.2025).

Historical-Theoretical Analysis of Emotional Attitudes Towards "Assistive Technologies": From Telephony to Artificial Intelligence

Vyacheslav E. Kovalev

Postgraduate Student, Psychological Counselor,
Taganrog Institute of Management and Economics,
347900, 45, Petrovskaya str., Taganrog, Russian Federation;
e-mail: kovalev.v0603@yandex.ru

Abstract

The article conducts a historical-theoretical analysis of the evolution of society's emotional attitude towards "assistive technologies"—from telephony and radio broadcasts to modern artificial intelligence systems. Recurring reaction patterns are analyzed: initial fear or skepticism, followed by gradual adaptation and increased trust as positive interaction experience accumulates. It is shown that users tend to anthropomorphize technology, attributing empathetic qualities to it while simultaneously fearing its "soullessness" and lack of genuine understanding. The effects of anonymity and online disinhibition, the role of parasocial connections, and the stages of innovation adoption are considered. A review of empirical studies confirms that remote forms of support—from helplines and radio broadcasts to online counseling and AI chatbots—prove to be emotionally significant and often comparable to in-person contact. Key challenges are identified: ethics, reliability, quality and transparency of algorithms, as well as recommendations for psychologists and practitioners on creating more "human" interfaces. The results are important for clinicians and developers of digital services: they emphasize the need to combine technical reliability with communicative empathy, user education, and transparent data usage rules. Practical recommendations include integrating hybrid models, training operators, and testing interfaces for emotional sensitivity. The significance of interdisciplinary research, monitoring long-term effects, and involving users in the process is also noted.

For citation

Kovalev V.E. (2025) Istoriko-teoreticheskiy analiz emotsional'nogo otnosheniya k «pomogayushchim tekhnologiyam»: ot telefonii do iskusstvennogo intellekta [Historical-Theoretical Analysis of Emotional Attitudes Towards "Assistive Technologies": From Telephony to Artificial Intelligence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2026.54.50.001

Keywords

Artificial intelligence, psychology, chatbots, helpline, radio, psychological assistance, emotional readiness, psychological counseling, online counseling, innovations.

References

1. Bernstein, A. (2007, November 13). *Chad Varah, 95; began one of first suicide-prevention groups*. Los Angeles Times. Fedunina, N.Yu., & Chursina, E.A. (2025) *Obraz telefona doveriya v Rossii v zerkale pressy i vospominaniyakh sotrudnikov* [The image of trust helplines in Russia in media and staff recollections]. Psikhologicheskaya gazeta [Psychological Gazette].
2. Fiske, A., Henningsen, P., & Buyx, A. (2019). Your robot therapist will see you now: Ethical implications of embodied artificial intelligence in psychiatry, psychology, and psychotherapy. *Journal of Medical Internet Research, 21*(5), e13216
3. Hilty, D.M., Ferrer, D.C., Parish, M.B., Johnston, B., Callahan, E.J., & Yellowlees, P.M. (2013). The effectiveness of telemental health: A 2013 review. *Telemedicine and e-Health, 19*(6), 444–454.
4. Fedunina N.Yu., Chursina E.A. Obraz telefona doveriya v Rossii v zerkale pressy i vospominaniyakh sotrudnikov. Psikhologicheskaya gazeta. URL: https://psy.su/feed/9374/
5. Keung, W.M., & So, T.Y. (2025) Attitudes towards AI counseling: The existence of perceptual fear in affecting perceived chatbot support quality. *Frontiers in Psychology, 16*, 1538387.
6. PR Newswire. (2021, October 13). *82% of people believe robots can support their career better than humans*.
7. Renn, B.N., Hoeft, T.J., Lee, H.S., Bauer, E.M., & Arean, P. (2019). Preference for in-person psychotherapy versus digital psychotherapy options for depression: Survey of adults in the U.S. *npj Digital Medicine, 2*, 6.
8. Rogers, E.M. (2003). *Diffusion of innovations* (5th ed.). Free Press.
9. Schlütz, D., & Hedder, I. (2022). Aural parasocial relations: Host–listener relationships in podcasts. *Journal of Radio & Audio Media, 29*(2), 457–474.
10. Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior, 7*(3), 321–326.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.031.4 **DOI:10.34670/AR.2026.40.64.002**

Исследование особенностей социально-психологической адаптации у студентов среднеспециальных профессиональных образовательных учреждений

Гутова Тамара Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
350063, Российская Федерация, Краснодар, ул. Седина, 4;
e-mail: zhurzhu@mail.ru

Пидшморга Юлия Владимировна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры психологии, педагогики и коммуникации,
Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
350063, Российская Федерация, Краснодар, ул. Седина, 4;
e-mail: ypidshmorga@yandex.ru

Головач Олеся Александровна

Ассистент кафедры психологии, педагогики и коммуникации,
Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
350063, Российская Федерация, Краснодар, ул. Седина, 4;
e-mail: vagnero83@yandex.ru

Журжу Арина Сергеевна

Ассистент кафедры психологии, педагогики и коммуникации,
Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
350063, Российская Федерация, Краснодар, ул. Седина, 4;
e-mail: arinazhurzhu@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена проблеме самоопределения личности юношеского возраста, которая объясняется условиями окружающей среды, политики, экономики. Адаптация к новым условиям для неокрепшей юношеской психики может носить характер психотравмирующей ситуации. Профессиональное самоопределение становится сложным вопросом, так как в этом возрасте личность совершает переход от привычных условий

обучения в школе к новым социокультурным условиям обучения и профессионального становления, взрослой жизни. Адаптация является очень сложным многофункциональным процессом, связанным с необходимостью полного приспособления и (или) привыкания к новым условиям бытия: каждый раз, попадая в новые социальные условия жизни (учеба, работа, дружеские отношения), человек «становится» той личностью, для которой необходимо умение совладать с новыми условиями реальности, приспособиться к ним, и чувствовать себя в них настолько комфортно, насколько было до появления новых условий. В процессе адаптации у человека проявляются его индивидуальные способности: разные люди будут по-разному приспосабливаться к новым условиям своей жизни, к одному и тому же коллективу. Если процесс адаптации личности становится затруднительным, то внутри личности начинают происходить изменения, которые активизируют механизмы внутренней психологической защиты человека: он закрывается в себе и начинает обдумывать что происходит, как на это реагировать, далее начинает происходить изоляция от мира.

Для цитирования в научных исследованиях

Гутова Т.С., Пидшморга Ю.В., Головач О.А., Журжу А.С. Исследование особенностей социально-психологической адаптации у студентов среднеспециальных профессиональных образовательных учреждений // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 12-32. DOI:10.34670/AR.2026.40.64.002

Ключевые слова

Адаптация, механизм адаптации, типы адаптации, социализация личности, образовательные условия, социокультурные условия, ценностные ориентации, студенческая молодежь, психолого-педагогическое сопровождение.

Введение

В современном мире ограничено число исследований, посвященных вопросу адаптивности студентов юношеского возраста к образовательному процессу. Особенно данные исследования актуальны относительно мотивации и адаптивных способностей студентов к условиям обучения в среднеспециальном профессиональном образовательном учреждении: абитуриенты в возрасте от 15 до 17 лет – лица, находящиеся на завершающем этапе сложного «переходного возраста», находятся в зоне риска. Отдельным пунктом, требующим исследовательского внимания, можно выделить социализацию студентов, приезжающих из сельской местности в городскую с целью поступления в колледж. Помимо образовательных целей данный контингент студентов таким образом стремится повысить социальное положение в обществе и уровень жизни. В этой связи молодые люди сталкиваются со сложностями адаптации не только к новым образовательным условиям, но и к новой социокультурной обстановке, так как городское общество со своими правилами и ценностями отличается от общественных позиций сельских жителей, что существенно осложняет данный процесс [Казначева, 2023; Козьмина, 2020; Остапенко, 2020].

Ценностные ориентиры (представления) молодежи городской среды и малочисленных населенных пунктов существенно отличаются: то, что является приоритетным для сельского жителя, может быть не актуальным или даже неприемлемым для городского жителя, и наоборот.

В условиях трансформации общественного сознания, глобализации, урбанизации меняются и условия жизни в различных средах обитания – городской и сельской. Важно также учитывать и половые различия процесса адаптации к новым образовательным условиям: адаптационные способности девушек выше, чем у юношей.

Актуальность данного исследования состоит в необходимости привлечения внимания педагогического состава колледжей к процессу адаптации студентов младших курсов к новым социокультурным условиям существования, а также формирование их психолого-педагогической компетенции для облегчения данного процесса в интересах студентов.

Преодоление этапа адаптации и привыкания к учебе в колледже должно быть комфортным, так как в этот период жизни у молодых людей начинается физическая и духовная перестройка организма, увеличивается спектр эмоций, формируется картина будущего (в том числе, профессионального), проявляется максимализм и, как следствие, разочарование в своих идеалах, целях, приоритетах. Особенно данный процесс усложнятся в случае, когда преподаватели и сотрудники СУЗов не вовлечены в процесс помощи студентам в преодолении данного этапа, тогда как именно данное вмешательство способствует формированию целостной и психически устойчивой личности. Данное обстоятельство может также негативно сказываться на результатах обучения [Конягина, Грибкова, 2022; Кузнецова, Шалимова, 2023].

Материалы и методы. Методологической основой исследования выступили концептуальные положения субъектно-бытийного подхода к процессу становления и развития личности, разрабатываемые С.Л. Рубинштейном, В.В. Знаковым, Г.Ю. Фоменко и др., а также теорий активности личности А.Г. Асмолова, Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева, средовой подход к формированию личности У. Джеймс, К. Левина, Р. Соммера и др.

Эмпирическая часть исследования социально-психологической адаптации молодежи при переходе из статуса школьника в статус студента среднего специального образовательного учреждения была поведена на базе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Краснодарского края «Пашковский сельскохозяйственный колледж» г. Краснодар (далее ГБПОУ КК ПСХК).

Литературный обзор. Теоретическое обоснование исследования базировалось на концепции ценностных представлений [Ж.К. Абрик, А.И. Донцов, Т.П. Емельянова, И. Маркова, С. Московичи, П.Н. Шихирев и др.]; ценностей и ценностных ориентаций личности (В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Л.М. Смирнов, М. Рокич и др.); влияния окружающей среды на личность [А.В. Баранов, Р. Баркер, К. Левин, Д. Саймондс, Б. Хиллер и др.].

Результаты

Мировосприятие личности напрямую связано с действиями, применяемыми человеком в этой среде, а различая в среде обитания напрямую связаны с побуждением к неодинаковым действиям, связанных с ее функциями и структурой. Городская среда – это искусственно созданная среда обитания человека, которая должна полностью соответствовать его потребностям и ценностям. Город создает объективные условия для накопления, развития и передачи жизненного опыта, здесь объединено прошлое и будущее, создается ощущение преемственности, возникает чувство связанности во времени и пространстве. Для разных форм поведения в городе, отводятся специальные территории с четко заданными границами. Гибкость является очень важным качеством соответствия. Если же рассматривать жителей негородской

местности, где как правило, плотность населения гораздо ниже, чем в городе, то можно выделить основную проблему развития подобного социума – практически все люди знают друг друга «в лицо», что имеет непосредственное влияние на развитие такого социума. Люди, проживающие в такой местности, ходят в садик, школу, работают, живут, общаются в одном и том же кругу и знакомство с кем-то и чем-то новым в большинстве своем не представляется возможным. И это является основной проблемой для самоопределения и самореализации личность, так же имеет глобальное влияние на адаптивное поведение индивида, живущего в таком социуме [Воскрекасенко, Игошин, 2020; Даниленко, 2020; Казначева, 2023].

Закономерно заключение, что у людей, проживающих в сельской местности, адаптационные механизмы развиты слабее, чем у городского жителя, так как в малочисленных поселениях отсутствует необходимость постоянного знакомства с новыми личностями, и как следствие – нет необходимости привыкания к новому коллективу. При переходе из садика в школу у ребенка формируются адаптивные навыки только относительно новых условий обучения и существования, нет необходимости в знакомстве и принятии одноклассников [Конягина, Грибкова, 2022; Кузнецова, Шалимова, 2023; Кучеренко и др., 2020].

Таким образом, выкристаллизовывается проблема перехода из школы в среднее специальное учебное учреждение, когда многие выпускники, жившие в сельской местности, едут поступать в город: они сложнее проходят период адаптации к новым условиям образования в колледже, нежели их сверстники из города, так как для городских жителей, процесс постоянной смены коллектива уже не так нов. Причем помимо проблемы адаптации к новым условиям обучения жители сельской местности также сталкиваются с проблемой адаптации к новым социокультурным нормам города, в сущностный смысл которых приходится вникать и привыкать к ним.

Отдельным вопросом в адаптивном поведении молодежи хочется выделить вопрос о приятии друг друга юношей из разных социальных слоев. Так, городские жители зачастую предвзято и негативно относятся к молодым людям, приехавшим на обучение из не городской местности, хотя в противовес к данной тенденции, ребята из сельской местности относятся к городским жителям как к образцу для подражания. Сельская молодежь пытается подстроить свое поведения под идеалы и нормы городских людей из-за чего испытывают затруднение в приятии новых образовательных и социокультурных условий.

В соответствии с целью и задачами исследования, эмпирической базой работы выступил эксперимент, участниками которого стали 230 студентов первых курсов различных специальностей ГБПОУ КК ПСХК в возрасте 16-17 лет, из которых: 106 девушек (54 человека – не городские жители и 52 человека – городские жители), 124 юноши (61 человек – не городские жители, 63 человека – городские). В данном случае выборка была представлена молодежью из двух социокультурных сред предшествующей социализации: город и не город (деревня, село, станица).

При проведении исследования с целью определения системы ценностей и уровня адаптации к новой социокультурной среде авторами использовался тест Л.В. Янковского, а также методика изучения адаптации студентов Т.Д.Дубовицкой и А.В. Крылова (в части выявления групп студентов со сниженными адаптивными способностями). Методология представляет собой набор из 16 суждений, посредством которых студенты должны выразить свой уровень согласия с сущностным смыслом утверждения. Результаты обрабатывались путем преобразования чисел, соответствующих ключам, в точки, а затем суммированием баллов, полученных отдельно для каждого стандарта. Результаты интерпретировались по 4 группам – разделение осуществилось

с учетом условий, в которых протекала социализация респондентов, а также с учетом половой принадлежности: 1-я группа – девушки из не городской местности; 2-я группа – девушки из городской местности; 3-я группа – юноши из не городской местности; 4-я группа – юноши из городской местности.

Исследование с использованием данной методики приводилось в два этапа: на первом этапе – в качестве респондентов выступали студенты, только поступившие в колледж, тогда как на втором этапе в качестве респондентов выступали эти же студенты, но уже в конце учебного года. Подобное решение позволило авторам отследить процесс адаптации в динамике и определить, возможно ли преодоление адаптационных проблем в течение первого года обучения при создании сопутствующих условий.

Результаты исследования на этапе позволили сформулировать следующие выводы: выпускники школ негородской среды характеризуются более низкими адаптационными способностями по сравнению со студентами – выпускниками школ городской среды. Причем, у юношей адаптивность и к учебной группе, и к учебной деятельности, ниже, чем у девушек. Результаты исследования на этапе окончания первого года обучения в колледже показывают, что адаптация как к учебной группе, так к и учебной деятельности для учащихся-представителей школ негородской среды, не смотря на незначительное увеличение, к концу учебного года, все еще остается на более низком уровне, чем для учащихся городских школ. С начала первого года обучения и до завершения учебного года корректировка успеваемости учащихся, заканчивающих школы негородской среды, остается в среднем ниже, чем среди городских учащихся. Сводные результаты данного этапа исследования представлены на рисунке 1.

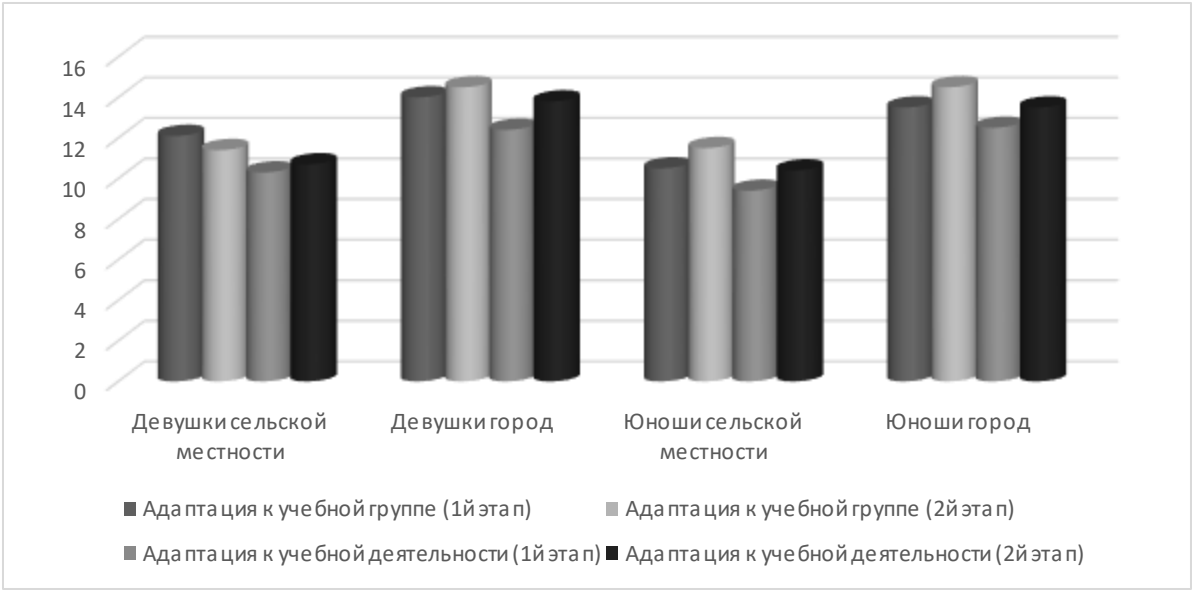

Рисунок 1 – Сводная диаграмма степени адаптивности студентов по группам испытуемых на этапе поступления в колледж и на этапе окончания первого года обучения

Исследование завершалось применением методологии «Социальная идентичность», разработанной авторами В.А. Ядовым, Е. Даниловой, С. Климовой.

Решению задачи выявления особенностей отношения юношей и девушек к своим сверстникам в зависимости от места предыдущей социализации – способствовало тестирование

с применением методики «Социальная идентичность», разработанной В.А.Ядовым, Е.Даниловой, С.Климовой. Данная часть исследования позволила погрузиться в проблему отношения студентов городской и не городской среды друг к другу и увидеть, а также выявить, как это влияет на адаптационные возможности студентов не городской среды и на их успеваемость. Методология строилась на опросе респондентов из числа представителей негородских жителей относительно их отношения к молодежи из городских условий, и наоборот. Техника опросов состояла из трех блоков. Первый блок направлен на оценку когнитивного компонента, второй – эмоционального, третий – поведенческого. Тестовые методики, использованные в исследовании, выявляют уровень и тип адаптационных возможностей подростков к новой социокультурной среде, с учетом особенностей их прошлого жизненного опыта: адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический и отчужденный.

Технология проведения исследования когнитивного компонента адаптации. Данный этап исследования строился на основе субъективной оценки личного отношения к горожанам (со стороны ребят негородской среды через ответ на вопрос: «Как бы вы охарактеризовали городскую молодежь, обучающуюся в колледже?») и к ребятам негородской среды (со стороны горожан через ответ на вопрос «Как бы вы охарактеризовали молодых людей, которые приехали учиться в другие регионы Краснодара?»). Респондентам было предложено высказать согласие с тем тили иным суждением из предложенных пар (Таблица 1). Исследование проводилось в 2 этапа: на момент поступления в колледж и после шести месяцев совместного обучения.

Таблица 1 – Суждения, используемые для исследования когнитивного компонента адаптации

A	бедные	богатые
B	не имеющие власть	имеющие власть
C	незаметные	очень заметные
D	не пользуются уважением	пользуются уважением
E	бездеятельные, пассивные	деятельные, активные
F	не имеют будущее	имеют будущее
G	обуза для других	опора для других
H	нуждаются в помощи других	могут оказать помощь другим
I	неразумные	разумные
J	непрактичные	практичные
K	витают в облаках	твердо стоят на земле
L	не имеют ясной цели	целеустремленные
M	необразованные	хорошо образованные
N	раздроблены	сплочены
O	помогают друг другу	не помогают друг другу

Результаты исследования когнитивного компонента адаптации (на этапе поступления в колледж).

Оценки девочек из негородской среды, как правило, выше практически по всем суждениям, чем аналогичные оценки, выставленные другими группами учащихся. Расчеты показывают, что средний бал рейтинговых оценок девочек из негородской среды составляет 5,0, а в других группах – от 4,7 до 4,6. Можно заключить, что девушки из негородской среды, как правило, более позитивно относятся к группам сверстников. При этом, наибольшая переоценка наблюдается по шкале «не имеющие / имеющие власть» и «незаметные / очень заметные».

Становится понятно, что городские девушки оказывают достойное впечатление на девушек из негородской местности. Фактор места предыдущей социализации оказывает большое влияние на восприятие своих сверстников. Таким образом, если максимальная разница по полу находится в пределах 1, то по месту предыдущей социализации разница достигает 1,9 при абсолютном значении. Четыре шкалы (K – витают в облаках / твердо стоят на земле», «L – не имеют четкой цели / целенаправленные», «I – неразумные / разумные», «D – не пользуются / пользуются уважением» имеют превосходящее значение у респондентов из городской среды. По остальным категориям суждений в пространстве «город – не город» оценки молодых людей из негородской местности немного выше, чем ребят из городской местности: это объясняется тем, что, когда молодые люди приходят в новый социум, они гораздо более уважительны в своих оценках. Особо отметим высокие значения суждениям M, B и C «образование», «власть» и «очень заметные» соответственно. В пространстве «девочки – мальчики» заметное превышение рейтинговых значений отмечается у девушек. Они оценили своих сверстников – представителей городской среды социализации – более высоко. Это в первую очередь относится к шкалам «образование» и «уважение» M и D соответственно. Молодые люди больше оценили прагматическое свойство – шкала K – «твердо стоять на земле».

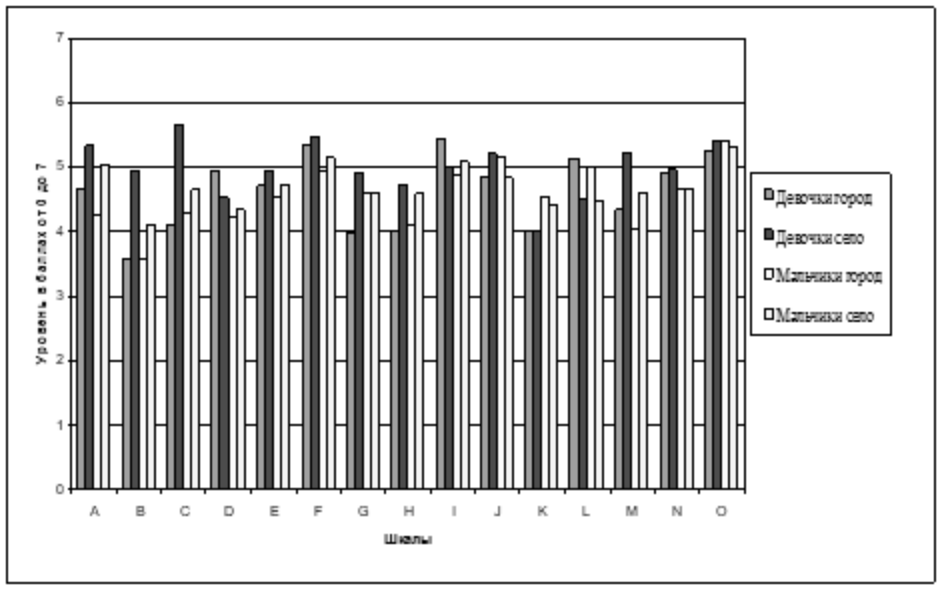

Рисунок 2 – Когнитивный компонент адаптации на этапе поступления в колледж

Результаты исследования когнитивного компонента адаптации (после первых шести месяцев обучения в колледже).

Как и на первом этапе исследования, оценки девочек из н городской среды выше, чем аналогичные оценки других групп учащихся. Средний рейтинг девочек из негородской среды остался на уровне 5,0, а в других группах этот же показатель не превышает значение 4,6. Как и на первом этапе исследования, негородские девочки имеют высокие оценки по шкале B – «имеет власть / не имеет власти» и по суждению C – «незаметный / очень заметный».

У девочек из негородской среды улучшилось восприятие сверстников (рейтинговое значение повысилось на 0,5) по сравнению с первым этапом тестирования. Молодежь из городской среды продемонстрировала более существенные изменения: в пределах 2 баллов возросло рейтинговое значение суждений относительно восприятия ими негородских жителей.

Негородская молодежь также изменила свое восприятие городской молодежи – рейтинговое значение выросло на 2,2 балла. Городская молодежь все чаще воспринимает негородскую молодежь как «доминирующую» и «богатую». А среди негородской молодежи позиции, связанные с заметным ростом рейтинга – «является обузой для других» и «раздробленность».

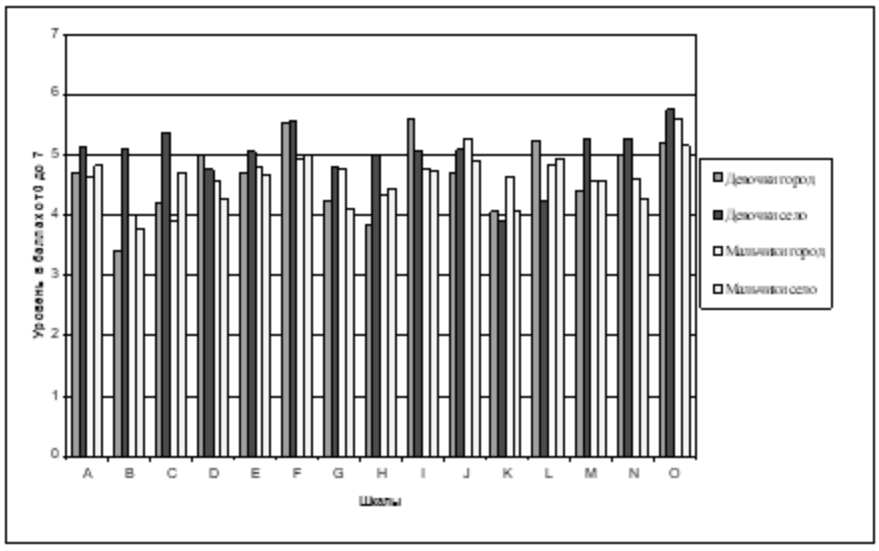

Рисунок 3 – Когнитивный компонент адаптации после первых шести месяцев обучения в колледже

В городских и сельских районах сохраняется избыток в оценках молодых людей от сельских до городских, но он перешел с количественного на качественный уровень. В тех масштабах, которые оценены приезжими выше городских, разница в два раза больше, чем в противоположной ситуации. Шкала L – «не имеет четкой цели / целеустремленные» остается самой переоцененной среди городских жителей по сравнению с приезжими. Очевидно, что это в значительной степени объективная оценка решимости негородской молодежи, поскольку сам факт их переезда на новое место жительства, несомненно, подтверждает эту оценку. Три наиболее высоко оцененные шкалы среди негородских жителей практически не изменились по сравнению с первым этапом исследования когнитивного компонента адаптации. Только суждение M – «не образованный / хорошо образованный» потерял одну позицию. Шкала H – «может помочь» переместилась на третье место, не прибавляя в абсолютном выражении. В критерии сопоставления «девочки – мальчики» заметное превышение рейтингов девушек осталось и даже увеличилось. Особенно по шкалам N – «иметь будущее» и F – «объединены». По этим параметрам девочки стали оценивать своих сверстников более положительно по сравнению с мальчиками. Рост рейтингов юношей по суждению K – «витают в облаках / твердо стоят на земле» несколько сократился, но остался самым высоким среди прочих суждений.

По результатам второго этапа исследования когнитивного компонента адаптации не удалось обнаружить значительную динамику изменений когнитивного отношения к городским группам. Некоторые изменения произошли, но в целом все остается в рамках, которые были определены на первом этапе исследования.

Технология проведения исследования эмоционального компонента адаптации. Второй блок тестирования предназначен для измерения эмоционального отношения городской и не городской молодежи друг к другу. Для анализа этого компонента респондентам был предложен

ряд полярных шкал, каждая из которых требовала оценки их восприятия и отношения к другой группе студентов (городских – к негородским, и наоборот: негородских – к городским). Чем выше итоговый результат, тем ближе он к положительному полюсу шкалы. Респондентам было предложено оценить свое отношение на основе следующего вопроса: «Как вы относитесь к встрече с этой группой?» Респондентам были предложены следующие шкалы для ответов (Таблица 2). Исследование проводилось в 2 этапа: на момент поступления в колледж и после шести месяцев совместного обучения.

Таблица 2 – Суждения, используемые для исследования эмоционального компонента адаптации

A	беспокойство, тревога	покой, защищенность
B	страх	ни чего опасного нет
C	презрение, неприязнь	восхищение, уважение, приязнь
D	гнев	любовь
E	зависть	гордость
F	сочувствие, жалость	превосходство
G	брезгливость	симпатия
H	недоверие	доверие
I	уныние, скука	радость
J	безразличие	любопытство
K	отчаяние	надежда

Результаты исследования эмоционального компонента адаптации (на этапе поступления в колледж).

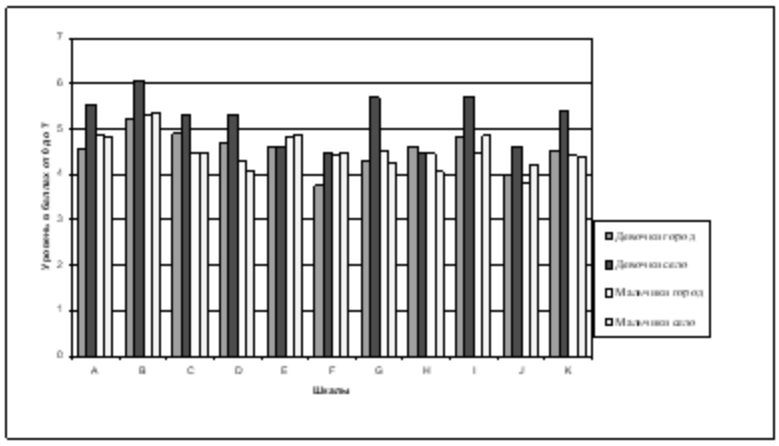

Рисунок 4 – Эмоциональный компонент адаптации на этапе поступления в колледж

Оценки девочек из негородской среды часто выше, чем аналогичные оценки их сверстников из городской среды. Расчеты показали, что среднее значение баллов у приезжих девушек составляет 5,2, тогда как средний бал балл у других групп респондентов составляет 4,5. Наибольшее значение отмечается по шкалам G – «отвращение / симпатия» и K – «отчаяние / надежда». Обращаясь к части исследования когнитивного компонента, характеристики «заметность» и «владение властью», которыми были отмечены молодые девушки из городской среды в первом блоке, не мешают стремлению к сочувствию. В отличие от первого блока,

эмоциональные оценки не подтверждают, что фактор предыдущего развертывания социализации оказывает большее влияние на рейтинги своих сверстников. Здесь мы получаем примерное соотношение факторов влияния. Мальчики из негородской среды обычно превосходят городских мальчиков в части суждений «сострадание» и «радость», в то время как девочки также склонны давать своим сверстникам в другой группе более высокие оценки, чем мальчики. Наиболее показательная шкала в этом отношении таких характеристик как «любовь» и «восхищение, уважение».

Далее было проанализировано, что изменилось с течением времени и какова ситуация с эмоциональным отношением к сверстникам из городской / негородской сред после шестимесячного совместного пребывания в одной социальной среде.

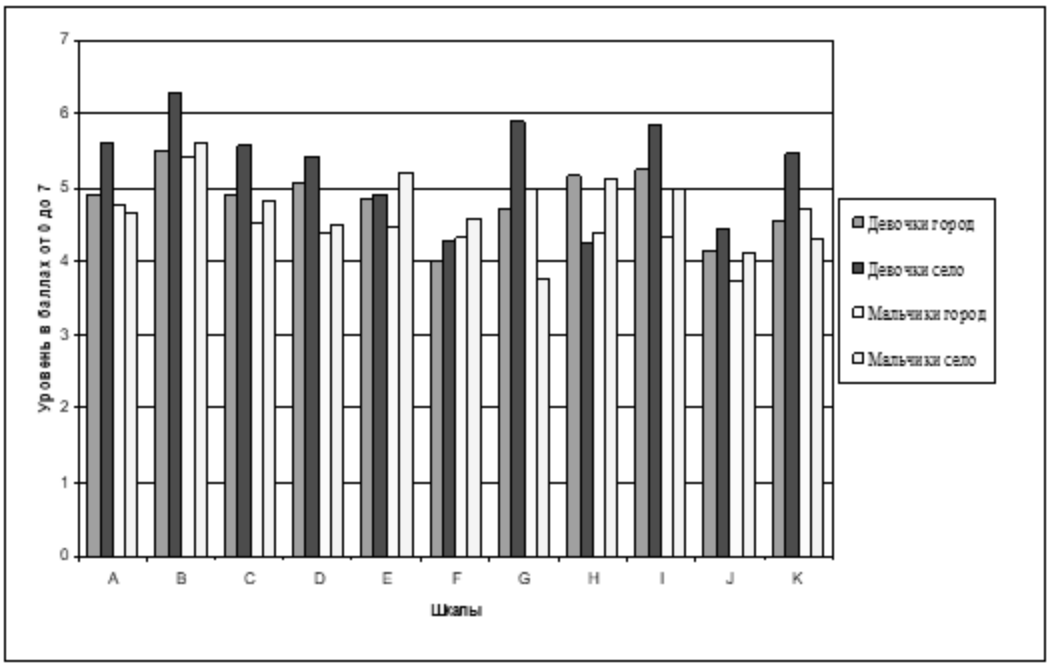

Рисунок 5 – Эмоциональный компонент адаптации после первых шести месяцев обучения в колледже

Как и на первом этапе исследования, оценки приезжих девушек часто выше, чем аналогичные оценки других групп учащихся, хотя этот разрыв несколько сокращается. Расчеты показывают, что среднее значение оценок для негородских девушек составляет 5,3 балла, тогда как в других группах средний балл находится на уровне 4,8-4,5. Наибольшее превышение над оценками всех остальных отмечается по характеристикам G – «отвращение / симпатия» и I – «уныние / радость» со стороны девушек – представительниц негородской среды. По результатам второго этапа исследования, улучшение отношения к сверстникам из других мест предыдущей социализации было обнаружено во всех 4 молодежных группах. Наиболее значительное улучшение отношений среди групп респондентов наблюдалось среди городских девушек, на 3,1 балла по сравнению с начальным этапом обучения. Девочки из городской среды начали чувствовать «уверенность», «любовь», «сочувствие» и «радость» в процессе их взаимодействия со сверстниками из не городской среды. Молодые люди из небольших населенных пунктов Краснодарского края улучшили свое отношение к жизни на 1,9 балла. В то же время основными причинами этого изменения были обостренные чувства «сочувствия», «любви» и «уважения».

На втором этапе отмечается влияние гендера более существенное, чем влияние фактора места предыдущей социализации. Кроме того, мнение юношей и девушек, как правило, дает более высокие оценки городским жителям, но вместо «сочувствия» на первый план выходит «уважение и привязанность». А у девушек на первых позициях «сочувствие» и «радость» вместо «любовь» и «восхищение, уважение» на предыдущем этапе исследования.

Технология проведения исследования поведенческого компонента адаптации. Для анализа поведенческого компонента респондентам был предложен ряд полярных шкал, каждая из которых требовала оценки поведения респондентов по отношению к другой группе студентов. Респондентам было предложено оценить их отношение, ответив на вопрос: «Что вы обычно делаете с представителями этой группы?» Респонденты использовали следующие шкалы для своих ответов (Таблица 3).

Таблица 3 – Суждения, используемые для исследования поведенческого компонента адаптации

A	стараюсь держаться на расстоянии	стремлюсь сблизиться
B	хочется как-то противодействовать, чем-то «насолить»	хочу помочь
C	общаюсь без желания, по необходимости	общаюсь с желанием
D	готов выступить против вместе с другими	готов вступить в защиту
E	готов обмануть	никогда не обману
F	не приму от них помощь	готов принять помощь
G	не хотел бы породниться (иметь родственниками)	мог бы породниться
H	стараюсь не иметь общих дел по работе	люблю быть в одной команде
I	не хотел бы иметь соседом	с удовольствием имел бы соседом
J	не пошел бы вместе в разведку	пошел бы вместе в разведку

Результаты исследования поведенческого компонента адаптации (на этапе поступления в колледж).

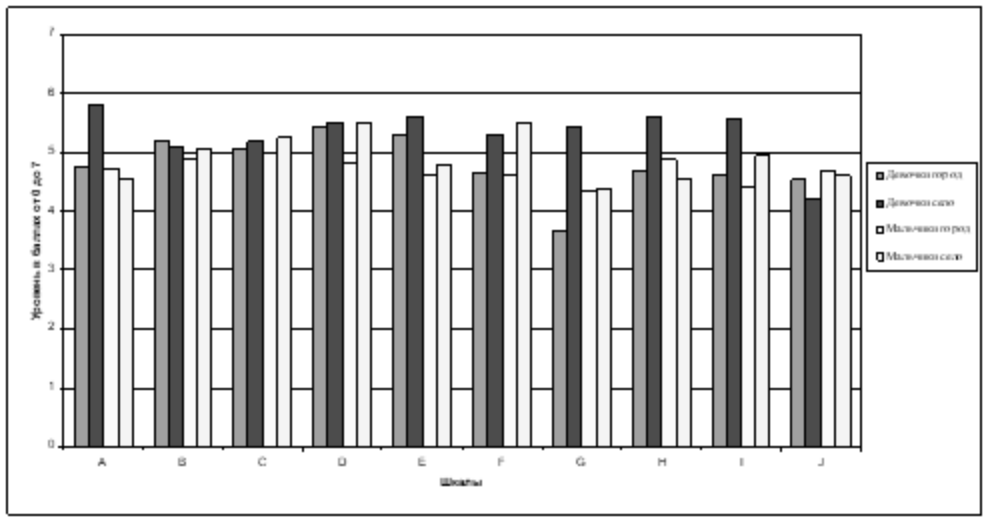

Рисунок 6 – Поведенческий компонент адаптации на этапе поступления в колледж

Оценки негородских девушек, как правило, выше, чем аналогичные оценки других групп студентов. Средний рейтинг приезжих девушек составляет 5,3, по сравнению с другими группами, где значение варьируется в диапазоне 4,7-4,9. В основном, сельские девушки

получают это превышение из-за следующих шкал: A – «стараюсь держаться на расстоянии / пытаюсь приблизиться», G – «не хотел бы породниться / хотел бы стать родственником», H – «не стараюсь иметь общие деловые отношения / мне нравится быть в одной команде» и I – «я не хотел бы иметь соседа / я хотел бы иметь соседа». Это означает, что сельские девушки, как правило, не только более позитивно относятся к другой группе сверстников, но и действуют в соответствии со своими убеждениями. Значения корреляции между группами респондентов значимы только между городскими. Среди наиболее заметных различий в пространстве «город-село» – G – «готовность породниться» и F – «готовность помочь». Девочки, как и в предыдущих блоках, склонны действовать более позитивно, чем мальчики, что особенно заметно на шкалах C – «желание общаться» и E – «никогда не обманывать».

Результаты исследования поведенческого компонента адаптации (после первых шести месяцев обучения в колледже).

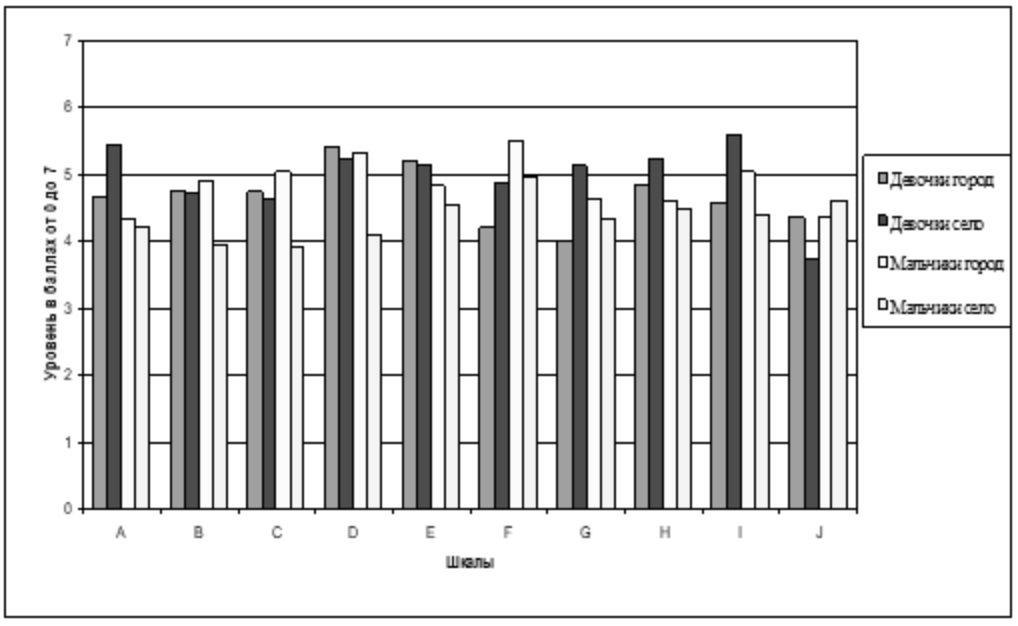

Рисунок 7 – Поведенческий компонент адаптации после первых шести месяцев обучения в колледже

Через шесть месяцев совместного обучения оценки негородских девушек снизились. Они остаются лидерами в своих «первоначальных» 4 шкалах, но их средний уровень 5,0 не существенно опережает представителей городской среды (4,7-4,9). В то время как приезжие молодые люди серьезно изменили свои взгляды, снизив средний показатель до 4,3. Такое изменение у негородских юношей подтверждается достоверностью 99,5% по сравнению с негородскими девочками и городскими мальчиками. Они особенно понизили свои оценки по шкалам B, C и D «хочу помочь», «общаюсь с желанием» и «готов защищаться» соответственно. В конце учебного года наблюдается явное ухудшение предполагаемого поведения сельской молодежи по отношению к городским сверстникам. По результатам второго этапа исследования было выявлено сильное ухудшение ожидаемого поведения по отношению к своим сверстникам из другого места предыдущей социализации среди сельской молодежи: городские девочки изменили оценку поведения сверстников, что наиболее заметно по суждениям B «хочется чем-то насолить» и F – «не приму от них помощь». Негородские девочки показали значительное

ухудшение восприятия своих сверстников – на 3,6 балла. Это произошло в большей степени в масштабах C – «я общаюсь без желания, если это необходимо», J – «я не пошел в разведку» и E – «я готов обмануть» в масштабе роста. На втором этапе исследования опрос молодых людей показал резкое ухудшение воспринимаемого ими поведения – на 5,6 балла. Их рейтинги упали в больших масштабах на шкалах B – «хочу помочь», C – «хочу общаться» и D – «готов защищать». В отличие от сельской молодежи, городская молодежь продемонстрировала рост по показателям поведенческого компонента. Их общий рост составил 1,6 балла. Основными драйверами роста стали масштабы F – «готов принять помощь» и I – «я хотел бы иметь соседа».

Впервые сельская молодежь не опережает городскую. «Девичьи» шкалы H, I, A и G удерживают «лидерство», но в целом в рейтингах приезжих над городскими больше нет перегибов. Хотя девочки также более склонны действовать более позитивно, чем мальчики. Для юношей максимальные оценки оставались в отношении интеллектуального потенциала и готовности принимать помощь. Проанализировав второй этап, мы можем сделать вывод, что первоначальные позитивные поведенческие намерения приезжих молодых мужчин и женщин претерпели ухудшение, и теперь они также значительно отличаются друг от друга с вероятностью не менее 99%.

Еще одним немаловажным направлением исследования особенностей социально-психологической адаптации у студентов среднеспециальных профессиональных образовательных учреждений стала оценка уровня и типа адаптации личности к новой социокультурной ситуации у молодежи, переехавшей из негородской среды в городскую среду с целью получения образования. Целью данного этапа исследования является определение адаптационного типа обучающихся их негородской среду из ряда возможных: адаптивный, конформный интерактивный, депрессивный, ностальгический и отчужденный.

По итогам ответов респондентов было рассчитано среднее арифметическое значение для каждой шкалы, результаты были классифицированы в группы. Коэффициенты корреляции были рассчитаны на основе полученных рядов, определялась их статистическая значимость. Для каждой шкалы принято определять уровень адаптации: а) высокий уровень – сумма баллов превышает 12; б) средний уровень – от 6 до 12 баллов; в) низкий уровень – менее 6 баллов. Исследование проводилось в два этапа: на момент поступления в колледж и по итогам первого года обучения в колледже.

В таблице 4 приведены данные, полученные на первом этапе исследования.

Таблица 4 – Уровень и типы адаптации у девушек и юношей, приехавших учиться в город на этапе поступления в колледж

Наименование шкалы	Девушки		Юноши		Разница средних
	ранг	ср. знач.	ранг	ср. знач.	
Ностальгия	5	4,89	3	7,75	-2,86
Конформность	3	6,54	4	7,62	-1,08
Отчужденность	4	5,34	5	5,65	-0,31
Депрессивность	6	4,43	6	4,84	-0,41
Интерактивность	2	9,43	2	8,56	0,87
Адаптивность	1	10,8	1	9,53	1,27

Анализируя данные Таблицы 4, отметим, что первое и второе место – «интерактивность» и «адаптивность» – как у девушек, так и у юношей совпадают, при этом ни один из выбранных критериев не выходит за рамки среднего уровня по сумме набранных баллов. Это говорит о том,

что молодежь приняла новые условия социальной и образовательной среды, настроена на расширение своих социальных связей, общение со сверстниками. Негородские ребята уверены в своих возможностях, они успешно справляются с новыми социальными ролями, желают личностной реализации, стремятся к достижению материальной независимости, ориентированы на сотрудничество с другими.

Высокие результаты по шкале адаптивности говорят о том, что молодежь испытывает личное удовлетворение, положительно относится к окружающим их людям, охотно принимает их точку зрения, чувствует социальную и физическую защищенность, а также чувствует свою принадлежность к новому обществу. Для респондентов актуально планирование будущего, которое основано на собственных представлениях и возможностях.

Наименьшее значение, как юноши, так и девушки, отдают позициям «депрессивность» и «отчужденность»: респонденты не испытывают опасений, связанных с беспомощностью в новых образовательных и социальных условиях, они не страдают пониженной самооценкой, у них отсутствует чувство вины за какие-либо события прошлого, им не свойственно чувство опустошенности, подавленности, тревоги, сомнения.

Низкие оценки получила шкала «отчуждённость», что свидетельствует об отсутствии: переживаний, связанных с низкой самооценкой; рассогласования реальных возможностей личности и своих притязаний; озабоченности своим новым статусом; неприятия нового социального статуса. Для наблюдаемых молодых людей не характерны беспокойство, паника, чувство покинутости. Серьезная разница по школе «ностальгия» дает нам возможность оценивать состояние юношей как нестабильное, ребята испытывают смятение от пребывания в новом месте, им тоскливо, они опустошены. Другими словами, юноши испытывают большую привязанность к старому социальному окружению и быту, в условиях которых протекала их предыдущая социализация; они находятся в состоянии внутреннего расстройства, чем и обуславливается отставание от девушек по шкале «адаптивность».

Вторая часть исследования адаптационных типов проводилась по итогам первого года обучения в колледже. Данные, полученные на втором этапе исследования, приведены в Таблице 5.

Таблица 5 – Уровень и типы адаптации у девушек и юношей, приехавших учиться в город по итогам первого года обучения в колледже

Наименование шкалы	Девушки		Юноши		Разница средних
	ранг	ср. знач.	ранг	ср. знач.	
Адаптивность	1	9,15	1	11,3	-2,15
Интерактивность	2	8,77	2	10,31	-1,54
Отчужденность	5	6,30	4	6,78	-0,48
Депрессивность	6	4,59	6	5,31	-0,72
Конформность	4	7,37	3	7,35	0,02
Ностальгия	3	7,64	5	6,15	1,49

Во втором этапе исследования уровня и типов адаптации принимали участие те же юноши и девушки, что и на первом этапе исследования. Шкалы «адаптивность», «интерактивность», «депрессивность» существенных изменений не претерпели, остались в пределах среднего уровня. По шкале «отчужденность» оценки выросли, оставаясь при этом на нижних местах рейтинга. Также хотелось бы отметить существенную разницу в среднем значении по некоторым шкалам: она заметна по шкале «адаптивность» – на первом этапе исследования она была со знаком «плюс», на втором – со знаком «минус»; следовательно, адаптивность у юношей

по сравнению с девушками существенно выросла. Отметим так же, что ранее шкала «ностальгия» была более присуща юношам из негородской местности, на втором этапе исследования на нее большее внимание обращают девушки: в них просыпается ностальгический настрой, они начинают скучать по месту предыдущий социализации.

В целом, положительные типы адаптационной системы на втором этапе исследования также, как и на этапе поступления в колледж, находятся на более высоких позициях в сравнении с негативными.

Таблица 6 – Обобщение результатов 1 и 2 этапов исследования уровня и типа адаптации девушек, приехавших учиться в город

Наименование шкалы	1-й этап		2-й этап		Разница средних
	ранг	ср. знач.	ранг	ср. знач.	
Ностальгия	4	4,89	3	7,64	-2,75
Конформность	3	6,54	4	7,37	-0,83
Депрессивность	6	4,43	6	4,59	-0,16
Отчужденность	5	5,34	5	6,30	-0,96
Интерактивность	2	9,43	2	8,77	0,66
Адаптивность	1	10,80	1	9,15	1,65

Таблица 6 демонстрирует значительные изменения в абсолютных масштабах, что позволяет сформулировать следующий вывод: девушки готовы находиться в зависимости от группы и принятых в новом обществе социальных норм; они выражают потребность в привязанности к новым людям и в эмоциональных отношений с ними; они хотят при любых условиях поддерживать людей из городской местности; первоначально проявленный интерес к новому социальному статус у девушек сменился на опустошение, на снижение эмоционального тонуса – они испытали разочарования в новом месте пребывания. В целом, адаптивные возможности девушек из негородской среды по итогам первого года обучения снижаются по сравнению с этапом поступления в колледж.

Таблица 7 – Обобщение результатов 1 и 2 этапов исследования уровня и типа адаптации юношей, приехавших учиться в город

Наименование шкалы	1-й этап		2-й этап		Разница средних
	ранг	ср. знач.	ранг	ср. знач.	
Адаптивность	1	9,53	1	11,30	-0,89
Интерактивность	2	8,56	2	10,31	-1,75
Отчужденность	5	5,65	4	6,78	-1,13
Депрессивность	6	4,84	6	5,31	-0,47
Конформность	4	7,62	3	7,35	-0,2
Ностальгия	3	7,75	5	6,15	1,60

Результаты Таблицы 7 демонстрируют адаптационные изменения, произошедшие у мальчиков по итогам первого года обучения: существенных изменений в ранге расположения шкал не произошло, оценка динамики в абсолютных величинах следующая. Самые существенные изменения произошли по шкалам «депрессивность» и «комфортность». Среди наиболее изменившихся показателей можно отметить такие негативные шкалы как «отчужденность» и «ностальгия», причем у юношей «ностальгия» снизилась и стала менее значительна, являясь самой низкой в конце обучения, тогда как шкала как «отчужденность»,

напротив, демонстрирует рост. На начальном этапе обучения у юношей отмечалась «ностальгия», которую юноши преодолели через год обучения, приняли новые условия своей жизни и успешно к ним адаптировались.

Подводя общие итоги исследования уровня и типа адаптации личности к новой социокультурной ситуации у молодежи, переехавшей из негородской среды в городскую среду с целью получения образования, отметим, что негородские юноши и девушки по-разному адаптируются к новым социальным условиям жизни: изначально девушки проявляют большую гибкость, более ориентированы на изменение к внешним условиям, проявляют большее желание к вхождению в новую социальную роль, при этом они испытывают потребность в общении с городскими жителями. Юноши же проявляют большую настороженность, нежелание идти на контакт, нежелание принимать новые условия жизни, демонстрируют ностальгическое отношение к прошлому. По прошествии года обучения, заметно, что юноши догоняют девушек и даже опережает по некоторым шкалам, при этом девушки начинают испытывать ностальгию и разочарование, сбавляя обороты и энтузиазм в адаптации. Заметно, что между юношами и девушками есть огромная разница в том, как они приспосабливаются к новому месту обучения и к новой социальной роли, переходя из статуса школьника в статус студента: юноши проявляется более плавную адаптационную стратегию, тогда как у девушек она снижается по результатам первого года обучения.

Обсуждение

Развитие адаптационных возможностей студентов, приехавших в город из негородской местности с целью получения образования – зона повышенного внимания педагогического состава колледжа, а также штатного психолога. Низкая адаптивность учеников, сохраняющаяся в течение первого года обучения, естественным образом отрицательно влияет на их мотивацию к учебе и успехи.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Поступающие колледж после школы юноши и девушки из сельской местности имеют более низкую адаптивность по сравнению с молодыми людьми из городской среды. При этом имеется ввиду адаптивность, как к обществу (учебной группе), в котором придется учиться, так и к самой учебной деятельности. Адаптивность ребят из негородской среды по итогам первого года обучения является более успешной по сравнению с этапов поступления в колледж, однако, она все же ниже, чем у ребят, учившихся до колледжа в городских школах. Эти результаты говорят о том, что к студентам у которых предыдущим местом учебы была школа в сельской местности необходимо более внимательное отношение со стороны преподавательского состава и службы психологического сопровождения в рамках учебного учреждения, так как низкая адаптивность таких молодых людей, которая к тому же сохраняется на протяжении всего учебного года, может напрямую оказывать влияние на мотивацию к учебной деятельности, что, закономерно, затрагивает и качество полученного образования по итогам обучения в колледже.

2. Исследование продемонстрировало следующие закономерности представления друг о друге у юношей и девушек особенности, обусловленные половой принадлежностью и предыдущим местом социализации (город / негородская среда). Фактор среды предшествующей социализации имеет преимущественное влияние на познавательную (когнитивную) составляющую в представлении друг о друге молодых людей. Это говорит о том, что для юношей и девушек, обучающихся ранее в сельской местности, как и для их сверстников из

города, близки представления об образе «другого» (не из их социальной группы); хотя стоит отметить, что у молодых людей из школ сельской местности образ другого более позитивный, так же высокие оценки выставлены девушками из сельской местности своим сверстникам из города. Девушки из негородской среды в начале первого курса наиболее позитивно настроены именно к юношам из города. После первого года совместного обучения мнение девушек из негородской среды, так же как и респондентов из городской местности, не изменилось в когнитивной составляющей по отношению к сверстникам. А вот мнения юношей обеих социальных групп поменялось: если у юношей, обучающихся ранее в городе, мнение об одногруппниках из негородской среды улучшилось, то у юношей из сельской местности образ городской молодежи изменился в худшую сторону. При рассмотрении эмоциональной составляющей так же более позитивное восприятие своих сверстников иной социальной группы выразили молодые люди из сельской местности, особенно положительные оценки дали девушки по отношению к городской молодежи. По окончанию первого года обучения в колледже во всех группах испытуемых можно отметить улучшения эмоционального отношения к своим сверстникам из иной социальной группы. Последним компонентом данного исследования стал поведенческий – самый неустойчивый по отношению к когнитивному и эмоциональному. Поведенческий компонент подвержен сильным изменениям в новой социальной ситуации – будь то начало обучения в новом образовательном учреждении и смена статуса с ученика на студента или переезд из села в город. Так же, как и по другим компонентам, на начальном этапе исследования оценки молодых людей из негородской среды выше, чем у их сверстников из города; их оценки при этом ниже оценок девушек. А вот ситуация в конце первого учебного года существенно изменилась: отмечаются существенные ухудшения показателей. Относительно зависимое положение негородской молодежи приводит к ухудшению их предполагаемого поведения по отношению к своим сверстникам из города, при чем ярче всего это проявляется у юношей из сельской местности.

Таким образом, на когнитивную составляющую особое влияние оказывает место предшествующей социализации (город/село), тогда как пол имеет большее влияние на эмоциональную оценку другого человека. По окончанию первого года обучения по всем компонентам оценки у молодых людей из городской и негородской местности в отношении представления другого выравниваются. Но когнитивный компонент максимально устойчив, тогда как поведенческий компонент наиболее подвержен изменениям в новой социокультурной среде (переезд в город, начало обучения в колледже). При этом данные изменения не затрагивают представления о своих сверстниках только девушек из города. Самые большие изменения претерпели девушки, приехавшие на обучение из сельской местности, и городские юноши: у девушек изменилось мнение и отношения к сокурсникам-горожанам, а у юношей – к парням из негородской местности, что повлекло за собой и изменения к готовности действовать.

3. При исследовании адаптационный стратегии у приезжей молодежи в зависимости от половой принадлежности можно отметить, что на разных этапах обучения проходят существенные изменения: на начальном этапе обучения приезжие юноши ориентированы на прошлое и более сложно принимают все новое, у них ярко выражена ностальгия по былому, тогда как девушки проявляют гибкость и ориентированы на изменение к внешним условиям, активно принимают новые нормы поведения. По окончанию первого года обучения ситуация существенным образом меняется: юноши становятся более активными и гибкими, ориентированы на адаптацию и социализацию себя в новом окружении, а девушки, наоборот, проявляют настороженность и поиск себя, так же проявляется ностальгия по былому [1-4, 5].

Заключение

Полученные нами результаты позволяют подтвердить выдвинутую авторами гипотезу: место предыдущей социализации молодежи имеет существенное влияние на их адаптивные способности к новым условиям обучения. Пол личности так же имеет значительное влияние на адаптационные механизмы: девушки, приехавшие на обучение из сельской местности, демонстрируют в начале года более гибкие адаптивные способности, что обусловлено более положительным восприятием «другого», тогда как юноши из-за своей ностальгии и более настороженного представления о городских жителях хуже проходят адаптацию к новым условиям обучения и места проживания. К концу учебного года ситуация с адаптацией у юношей хоть и улучшается, но не настолько существенно, так как представление «другого» становится более агрессивным. Помощь в адаптации к новым образовательным и социальным условиям нужна студентам на этапе всего обучения. При поступлении важную роль играют кураторы групп и психологическая служба образовательного учреждения, необходима помощь в правильном формировать представлении студентов друг о друге. Проведенное авторами исследование показало, что чем спокойнее и гармоничнее пойдет адаптация молодых людей из разных социокультурных сред к новым образовательным и социальным условиям, тем отношения мелу ними будут дружелюбнее, доверительнее, тем выше их готовность ко взаимопониманию и взаимовыручке, и как следствие, будет более высокая и качественная мотивация к учебной деятельности, в чем заинтересован весь коллектив образовательного учреждения.

Библиография

1. Абрик Ж.К. Социальные представления: Введение в теорию. Психология, Москва: Наука, 1980.
2. Авакян И.Б., Виноградова Г.А. Оценка инновационной готовности педагогических коллективов вузов, Психолого-педагогические исследования, 2020, Том 12, №1, с. 16-30.
3. Воскрекасенко О.А., Игошин С.Н. Адаптация обучающихся колледжа как педагогическая проблема, Современные наукоемкие технологии, 2020, № 4-2, с. 272-276.
4. Даниленко Л.П. Особенности социально-психологической адаптации студентов при вхождении в вузовскую среду, Вестник Московского областного государственного университета. Серия: Психологические науки, 2020, №1, с. 101-109.
5. Декина Е.В., Шалагинова К.С. Социально-психологическая адаптация студентов-медиков к учебно-воспитательному процессу колледжа: диагностика и современные направления работы, Мир науки. Педагогика и психология, 2021, №2, Том 9, с. 1-12.
6. Казначева В.А. Социальная адаптация студентов к обучению в образовательной среде вуза, Научные труды Московского гуманитарного университета, 2023, №4, с. 42-47.
7. Козьмина И.С. Оценка психологического состояния первокурсников и их адаптация к процессу обучения в вузе в соответствии с распределением по группам психологического уровня комфортности, Вестник московского государственного областного университета, 2020, №3, с. 63-72.
8. Конягина Л.Н., Грибкова О.В. Управление социально-психологической адаптацией студентов учреждения среднего профессионального образования, Человеческий капитал, 2022, №12 (198), Том 2, с. 167-179.
9. Кузнецова Е.В., Шалимова П.С. Проблемы адаптации первокурсников в организациях среднего профессионального образования и пути их решения, Путь в науку. Современная национальная экономика: молодые ученые – новый взгляд (Сборник трудов по Материалам III Международной научно-практической конференции. Орёл, 2023), 2023, с.44-54.
10. Кучеренко П.А., Коровяковский Д.Г., Антонова Н.В., Хромова Н.М., Майстрович Е.В. Добровольчество и волонтерство как инструмент профилактики девиантного поведения подростков [Электронный ресурс], Психология и право, 2020, Том 10, №2, с. 51-63.
11. Остапенко Н.А. Адаптация студентов-первокурсников в условиях многоуровневого образовательного комплекса как педагогическая проблема, Современные наукоемкие технологии, 2020, № 5, с. 213-217.
12. Речкунова Е.Р., Михеева И.А. Социальная адаптация первокурсников: от аномии до девиации, Социологические науки, 2024, №4-5 (91), с. 21-24.

A Study of the Features of Socio-Psychological Adaptation among Students of Secondary Vocational Educational Institutions

Tamara S. Gutova

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,
Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
350063, 4, Sedina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: zhurzhu@mail.ru

Yuliya V. Pidshmorga

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor, Department of Psychology, Pedagogy and Communication,
Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
350063, 4, Sedina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: ypidshmorga@yandex.ru

Olesya A. Golovach

Assistant, Department of Psychology, Pedagogy and Communication,
Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
350063, 4, Sedina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: vagnero83@yandex.ru

Arina S. Zhurzhu

Assistant, Department of Psychology, Pedagogy and Communication,
Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
350063, 4, Sedina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: arinazhurzhu@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the problem of personal self-determination in late adolescence, which is explained by the conditions of the environment, politics, and economy. Adaptation to new conditions for the still-forming adolescent psyche can take on the character of a psychologically traumatic situation. Professional self-determination becomes a complex issue, as at this age the individual transitions from familiar school learning conditions to new socio-cultural conditions of learning and professional development, to adult life. Adaptation is a very complex, multifunctional process associated with the need for complete adjustment and/or habituation to new conditions of existence: each time an individual finds themselves in new social living conditions (study, work, friendships), they "become" the person who needs the ability to cope with new realities, adapt to them, and feel as comfortable in them as before the new conditions appeared. During the adaptation process, an individual's personal abilities manifest: different people will adapt to the new conditions of their lives, to the same collective, in different ways. If the process of personal adaptation becomes

difficult, then changes begin to occur within the individual that activate the mechanisms of their internal psychological defense: they withdraw into themselves and begin to contemplate what is happening, how to react to it, and subsequently isolation from the world begins to occur.

For citation

Gutova T.S., Pidshmorga Yu.V., Golovach O.A., Zhurzhu A.S. (2025) Issledovaniye osobennostey sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii u studentov srednespetsial'nykh professional'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [A Study of the Features of Socio-Psychological Adaptation among Students of Secondary Vocational Educational Institutions]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 12-32. DOI:10.34670/AR.2026.40.64.002

Keywords

Adaptation, adaptation mechanism, types of adaptation, personality socialization, educational conditions, socio-cultural conditions, value orientations, student youth, psychological-pedagogical support.

References

1. Abrik, Zh.K. (1980). Sotsialnye predstavleniya: Vvedenie v teoriyu. Psikhologiya [Social representations: Introduction to the theory. Psychology]. Nauka.
2. Avakyan, I.B., & Vinogradova, G.A. (2020). Otsenka innovatsionnoy gotovnosti pedagogicheskikh kollektivov vuzov [Assessment of Innovative Readiness of University Teaching Staffs]. Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and Pedagogical Research], 12(1), 16–30.
3. Dekina, E.V., & Shalaginova, K.S. (2021). Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya studentov-medikov k uchebno-vospitatelnomu protsessu kolledzha: diagnostika i sovremennye napravleniya raboty [Social and psychological adaptation of medical students to the educational process of college: diagnostics and current areas of work]. Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya [World of science. Pedagogy and psychology], 9(2), 1–12.
4. Danilenko, L.P. (2020). Osobennosti sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii studentov pri vkhozhdenii v vuzovskuyu sredu [Features of Students' Social and Psychological Adaptation Upon Entering the University Environment]. Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki [Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Psychological Sciences], (1), 101–109.
5. Kaznacheva, V.A. (2023). Sotsialnaya adaptatsiya studentov k obucheniyu v obrazovatelnoy srede VUZa [Social adaptation of students to learning in the educational environment of a university]. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta [Scientific works of Moscow University for the Humanities], (4), 42–47.
6. Konyagina, L.N., & Gribkova, O.V. (2022). Upravlenie sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsiey studentov uchrezhdeniya srednego professionalnogo obrazovaniya [Management of socio-psychological adaptation of students of secondary vocational education institutions]. Chelovecheskiy kapital [Human capital], 12(198), Vol. 2, 167–179.
7. Kozmina, I.S. (2020). Otsenka psikhologicheskogo sostoyaniya pervokursnikov i ikh adaptatsiya k protsessu obucheniya v vuze v sootvetstvii s raspredeleniem po gruppam psikhologicheskogo urovnya komfortnosti [Assessment of the psychological state of first-year students and their adaptation to the learning process at a university in accordance with the distribution into groups of psychological comfort levels]. Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow State Regional University], (3), 63–72.
8. Kucherenko, P.A., Korovyakovsky, D.G., Antonova, N.V., Khromova, N.M., & Maistrovich, E.V. (2020). Dobrovolchestvo i volonterstvo kak instrument profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov [Electronic resource] [Volunteering and volunteering as a tool for preventing deviant behavior in adolescents]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 10(2), 51–63.
9. Kuznetsova, E.V., & Shalimova, P.S. (2023). Problemy adaptatsii pervokursnikov v organizatsiyakh srednego professionalnogo obrazovaniya i puti ikh resheniya [Problems of adaptation of first-year students in secondary vocational education organizations and ways to solve them]. In Put v nauku. Sovremennaya natsionalnaya ekonomika: molodye uchenye – novyy vzglyad [The path to science. Modern national economy: young scientists - a new look] (pp. 44–54). Collection of papers based on the materials of the III International scientific and practical conference.
10. Ostapenko, N.A. (2020). Adaptatsiya studentov-pervokursnikov v usloviyakh mnogourovnevogo obrazovatelnogo kompleksa kak pedagogicheskaya problema [Adaptation of first-year students in a multi-level educational complex as a pedagogical problem]. Sovremennye naukoemkie tekhnologii [Modern science-intensive technologies], (5), 213–217.

11. Rechkunova, E.R., & Mikheeva, I.A. (2024). Sotsialnaya adaptatsiya pervokursnikov: ot anomii do deviatsii [Social adaptation of first-year students: from anomie to deviation]. Sotsiologicheskie nauki [Sociological sciences], 4-5(91), 21–24.
12. Voskrekasenko, O.A., & Igoshin, S.N. (2020). Adaptatsiya obuchayushchikhsya kolledzha kak pedagogicheskaya problema [Adaptation of College Students as a Pedagogical Problem]. Sovremennye naukoemkie tekhnologii [Modern Science-Intensive Technologies], (4-2), 272–276.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.015.3 **DOI:10.34670/AR.2026.65.61.018**

Структура и особенности учебной мотивации подростков

Власов Иван Васильевич

Аспирант,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
105005, Российская Федерация, Москва, Радио ул., 20;
e-mail: vlasov97@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается структура и особенности учебной мотивации подростков, которые являются важным фактором академической успешности и личностного развития. Представлен теоретический обзор ключевых видов мотивов учебной деятельности, их возрастных и индивидуальных различий, а также факторов, влияющих на формирование мотивации, таких как семья, школа и личностные характеристики, а также проанализированы различные современные подходы к изучению учебной мотивации. Описана методика комплексного исследования учебной мотивации с использованием анкетирования, проективных техник и качественных методов анализа. В исследовании участвовали 450 подростков в возрасте 11–15 лет из пяти общеобразовательных школ города, отобранных по критериям репрезентативности. На основе полученных результатов выявлены доминирующие мотивы и их иерархия, возрастная динамика, а также влияние самооценки и социального статуса на мотивационный профиль. В обсуждении результаты сопоставлены с теоретическими моделями, охарактеризованы практические последствия и ограничения исследования. Полученные данные сопоставляются с теоретическими моделями, подтверждая их актуальность и дополняя новыми эмпирическими сведениями. Выявлено, что познавательные мотивы не всегда доминируют из-за влияния социальных факторов и внешних обстоятельств. Социальная мотивация выступает значимым регулятором учебной деятельности, в то время как внешняя мотивация может порождать определённые негативные эффекты (утрата интереса, снижение личной ответственности). Практические рекомендации включают необходимость учета структуры мотивации при разработке учебных программ и организации учебного процесса для повышения вовлеченности и эффективности. Статья подчеркивает многокомпонентность и иерархичность мотивации, а также её изменчивость в подростковом возрасте, предлагая рекомендации для педагогов и психологов по поддержке мотивации учения.

Для цитирования в научных исследованиях

Власов И.В. Структура и особенности учебной мотивации подростков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 33-39. DOI:10.34670/AR.2026.65.61.018

Ключевые слова

Учебная мотивация, подростки, внутренние мотивы, внешние мотивы, социальная мотивация, личностные особенности, самооценка, педагогическая психология, образовательная практика, развитие личности.

Введение

Учебная мотивация в подростковом возрасте выступает ключевым фактором, существенно влияющим на как академическую успешность, так и личностное становление молодого человека. В этот жизненный период формируются важнейшие установки, определяющие последующий образовательный и профессиональный траектории развития. Несмотря на широкий научный интерес к проблематике учебной мотивации, наблюдается определённое несоответствие между потенциальными возможностями мотивационных ресурсов подростков и их фактическим уровнем вовлечённости в учебный процесс. Основная цель данного исследования заключается в выявлении структурных компонентов и специфических особенностей учебной мотивации подростков. Для реализации цели поставлены следующие задачи: идентификация ключевых видов мотивов учебной деятельности подростков; анализ иерархии мотивационных факторов и их взаимосвязей; изучение возрастных и индивидуально-типологических особенностей мотивации; а также рассмотрение факторов, влияющих на формирование и динамику учебной мотивации. Объектом исследования является мотивационная сфера личности подростка, тогда как предметом выступает структура и особенности учебной мотивации. В рамках исследования выдвигаются гипотезы о том, что структура учебной мотивации включает познавательные, социальные, личностные и внешние мотивы, а иерархия этих мотивов варьируется в зависимости от возраста, уровня успеваемости и социального окружения подростка.

Учебная мотивация — это комплексное понятие, включающее сущность, функции и различные компоненты, обеспечивающие побуждение учения. В её структуре выделяют внутренние мотивы, такие как познание, саморазвитие; внешние - социальное одобрение, избегание наказания, престиж; и личностные, например, самоутверждение или самореализация [Ильин, 2019]. В подростковом возрасте наблюдается смещение приоритетов от внешней к внутренней мотивации, возрастание значимости социального признания и автономии, а также влияние референтных групп и самооценки.

Ведущие теоретические модели представляют структуру учебной мотивации как многоуровневую систему взаимосвязанных элементов, формирующуюся под воздействием разнообразных факторов. Ниже рассмотрены ключевые из них.

Подход Л.И. Божович фокусируется на динамике развития личности и мотивации в процессе обучения. Она различает внутренние и внешние мотивы, уделяя особое внимание эмоциональной и ценностной составляющим. Автор акцентирует механизмы саморегуляции и становление устойчивых учебных потребностей, подчёркивая эволюцию познавательной мотивации через интерес и смыслообразование [Божович, 2020]. В центре её концепции — взаимодействие мотивационных факторов с возрастными характеристиками и воспитательными условиями.

Концепция А.К. Марковой трактует мотивацию как результат системного взаимодействия внешних (семья, школа, общество) и внутренних (самооценка, притязания, потребности) детерминант. Особую роль играют нормативные и идеальные установки личности, задающие цели учебной деятельности [Маркова, 2018]. Выделяются мотивационные установки, способные активироваться или тормозиться под влиянием социального контекста и образовательной атмосферы, с акцентом на межличностные связи и оценку значимых взрослых.

Модель П.М. Якобсона строится на декомпозиции мотивационной структуры на познавательные, регулятивные, социальные и личностные компоненты. Ключевым является их

интеграция с волевыми процессами и установками индивида. Якобсон подчёркивает влияние социальных норм и требований на мотивацию, а также регуляторную функцию самооценки, интересов и уровня притязаний в обеспечении учебной активности [Якобсон, 2019].

Все три модели единодушно подчёркивают определяющее влияние семейных детерминант, включая стиль родительского воспитания и их ожидания относительно ребёнка. Эти ожидания создают эмоционально-нормативную среду, которая либо способствует, либо подавляет учебные устремления учащегося. Школьная микросреда — со своим стилем преподавания, системой оценок и психологическим климатом — выступает мощным социальным фактором, способным усиливать или ослаблять мотивационную активность. Личностные характеристики, такие как самооценка, уровень притязаний и спектр интересов, функционируют как внутренние стержни формирования и поддержания мотивации, отражая индивидуальные различия в когнитивном восприятии и ценностных приоритетах.

Основное содержание

Исследование проведено на выборке из 450 подростков в возрасте 11–15 лет (ученики 5–9 классов), обучающихся в пяти общеобразовательных школах города, отобранных с учетом критериев репрезентативности (диверсифицированный социально-экономический статус семей, средний показатель успеваемости). Гендерное соотношение составило 52% девочек и 48% мальчиков, с равномерным распределением по возрастным подгруппам (11–13 лет — 230 человек, 14–15 лет — 220 человек). Формирование выборки осуществлялось методом случайной выборки с последующей стратификацией по уровню успеваемости и полу. Получено информированное согласие от родителей и самих участников, гарантирована анонимность данных, а результаты утверждены протоколами школьных этических комиссий.

Основные задействованные методы и методики:

- Опросник диагностики учебной мотивации Т.Д. Дубовицкой —30 утверждений, направленный на определение направленности мотивации (внутренняя/внешняя) [Дубовицкая, 2002]. Для подростковой выборки адаптирован путём включения шкал социальной мотивации и самоэффективности. Оценка проводится по 4-балльной шкале Ликерта (от 1 — «полностью не согласен» до 4 — «полностью согласен»). Показатель внутренней надёжности составил α Кронбаха = 0,87.

- Модифицированный опросник М.В. Матюхиной «Учебная мотивация» (1983, адаптация 2020 г.), состоящий из 36 позиций, охватывающих познавательные, социальные и внешние мотивы [Матюхина, 2021]. Участники ранжируют мотивы по степени значимости (1–5 баллов). Диагностические критерии: высокий уровень (>70% познавательных мотивов), средний (40–70%), низкий (<40%).

- Проективная методика незаконченных предложений Н.Г. Лускановой «Оценка школьной мотивации» (адаптирована для подростков), включающая 10 стимулов («Учёба для меня — ...», «Я учусь, чтобы ...», «Самое трудное в школе — ...»). Оценка осуществляется по балльной системе: познавательные мотивы (2 балла), социальные (1 балл), внешние (0 баллов) [Лусканова, 2018]. Суммарный показатель определяет тип мотивации (когнитивный, аффективный, инструментальный)..

- Эссе «Зачем я учусь?» (тематика: смысл обучения, трудности, стимулы; объём 200–300 слов) с контент-анализом. Критерии оценивания: познавательный компонент (0–3 балла), социальный (0–2), внешний (0–2); общий индекс мотивации — сумма баллов [Гордеева, Сычев,

2022]. Кодирование выполнено двумя независимыми экспертами (коэффициент согласованности 92%).

- Качественные методы: полуструктурированные интервью (n=60, по 10 на возрастную подгруппу) и фокус-группы (6 групп по 6–8 участников). Основные вопросы: «Что мотивирует тебя учиться?», «Как влияет класс/семья на твою учёбу?» [Реан, Родичев, Субботников, 2001].

- Статистическая обработка данных: описательная статистика (средние значения, стандартные отклонения в SPSS 26), корреляционный анализ Пирсона (r), t-критерий Стьюдента и критерий Манна-Уитни для межгрупповых сравнений, факторный анализ для выявления структуры мотивов.

Эмпирические данные исследования свидетельствуют о поликомпонентной природе учебной мотивации подростков, которая складывается из тесно взаимосвязанных познавательных, социальных и внешних мотивов. Особую доминирующую роль в этой структуре играют познавательные мотивы — интерес к предметам, жажда новых знаний и развитие интеллектуальных способностей, — которые проявляются наиболее выраженно у большинства обследованных, подчёркивая значимость внутренней ориентации в учебной деятельности.

Тем не менее, возрастной анализ выявил существенные сдвиги в иерархии мотивов по мере взросления. У младших подростков (11–13 лет) преобладает зависимость от внешних регуляторов, включая похвалу, отметки и ожидания со стороны родителей и педагогов. Для них типична повышенная чувствительность к механизмам контроля и общественной оценке, что отражает потребность в эмоциональной опоре и внешнем подтверждении значимости своих усилий.

В старшем подростковом периоде (14–15 лет) фиксируется переход к усилению внутренней мотивации: возрастает доля осмысленного интереса к знаниям, стремления к самореализации и рефлексии над социальными отношениями. Учащиеся всё больше ориентируются на личные цели, философское осмысление образования, а также статус в коллективе сверстников, что указывает на эволюцию мотивационной системы в сторону большей автономии и ценностно-смысловой направленности.

Значительные индивидуальные различия в учебной мотивации тесно коррелируют с уровнем самооценки и позицией подростка в социальной структуре класса. Учащиеся с адекватной или высокой самооценкой демонстрируют устойчивую позитивную мотивацию к обучению, где их социальный статус среди сверстников выступает как дополнительный усилитель или, напротив, тормоз учебной активности. В свою очередь, недостаточно сформированная самооценка и периферийное положение в группе способствуют снижению мотивационных устремлений и ослаблению интереса к учёбе.

Качественный анализ выявил многообразие интерпретаций подростками смысла образования. Одни рассматривают учёбу как стратегический путь к профессиональной реализации и личностному росту, другие воспринимают её как рутинную обязанность или даже источник эмоционального напряжения. Среди основных трудностей выделяются сложность учебного материала, дефицит времени и мотивационные барьеры, в то время как ключевыми стимулами называют личные успехи, семейную поддержку и благоприятную атмосферу в образовательной среде.

Таким образом, учебная мотивация подростков предстаёт как многомерное динамичное образование, где возрастные трансформации, личностные черты и социокультурное окружение определяют конфигурацию мотивационного профиля. Полученные инсайты имеют

принципиальное значение для создания персонализированных педагогических подходов, ориентированных на усиление вовлечённости учащихся и оптимизацию образовательных результатов.

Полученные эмпирические данные сопоставлены с существующими теоретическими моделями учебной мотивации, что подтверждает их актуальность и одновременно расширяет научное понимание за счёт новых фактических свидетельств [Корреляционный анализ учебной мотивации подростков, 2024]. Исследование показало, что познавательные мотивы не всегда выступают как ведущие факторы, поскольку на мотивационный профиль подростков существенно влияют социальные обстоятельства и внешние воздействия. Социальная мотивация является ключевым механизмом регулирования учебной активности, способствуя формированию устойчивых учебных привычек и взаимодействию со сверстниками и педагогами. В то же время внешняя мотивация, например, страх наказания или стремление к одобрению, может привести к снижению внутренней мотивации, вызвать потерю интереса к учебе и уменьшить уровень личной ответственности за результат.

Практические рекомендации, вытекающие из исследования, подчеркивают важность интеграции комплексного учета мотивационных факторов при создании учебных планов и организации образовательного процесса. Подтверждая результаты современных исследований, можно утверждать, что особое внимание следует уделять формированию условий, которые стимулируют внутреннюю и социальную мотивацию, а также минимизации чрезмерного давления внешних стимулов, способных негативно повлиять на учебную деятельность [Результаты эмпирического исследования мотивации, 2025]. Для повышения эффективности и вовлеченности целесообразно применять индивидуализированные подходы и создавать поддержку, ориентированную на уникальные мотивационные профили учащихся.

Заключение

Структура учебной мотивации подростков представляет собой сложный многокомпонентный и иерархичный феномен, в рамках которого возрастает роль социальных и личностных мотивов. Существуют значимые индивидуальные и возрастные различия, влияющие на мотивационный профиль. Теоретическая значимость работы состоит во вкладе в понимание возрастной динамики мотивации, практическая — в разработке рекомендаций для педагогов и психологов, направленных на поддержку мотивации учения. Перспективы дальнейших исследований связаны с лонгитюдными измерениями, интервенциями и кросс-культурными сравнениями.

Библиография

1. Божович Л.И. Проблемы формирования у школьников позитивного отношения к учению: Избр. психол. труды. М.: Просвещение, 2020. 352 с.
2. Гордеева Т.О., Сычев О.А. Методика изучения смыслообразующей мотивации // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 3. С. 112–130.
3. Дубовицкая Т.Д. Диагностика уровня учебной мотивации младших школьников // Психологическая наука и образование. 2002. № 3. С. 31–39.
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2019. 512 с.
5. Корреляционный анализ учебной мотивации подростков // Вестник психологии. 2024. № 2. С. 112–125.
6. Лусканова Н.Г. Диагностика учебной мотивации через проективные методики // Вестник практической психологии образования. 2018. № 2. С. 45–52.
7. Маркова А.К. Психология профессионализма и мотивация к мастерству и труду. М.: Международная гуманитарная академия «Книга», 2018. 304 с.

8. Матюхина М.В. Формирование учебной мотивации школьников: учеб. пособие. М.: Просвещение, 2021. 192 с.
9. Реан А.А., Родичев С.И., Субботников Ю.В. Методика диагностики направленности учебной мотивации. СПб.: Речь, 2001.
10. Результаты эмпирического исследования мотивации // Современная психология. 2025. № 1. С. 45–60.
11. Якобсон П.М. Психология человеческой индивидуальности. М.: Просвещение, 2019. 256 с.

The Structure and Features of Learning Motivation in Adolescents

Ivan V. Vlasov

Postgraduate Student,
Slavic-Greek-Latin Academy,
105005, 20, Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vlasov97@yandex.ru

Abstract

The article examines the structure and features of learning motivation in adolescents, which is an important factor for academic success and personal development. A theoretical overview of the key types of motives for learning activities, their age and individual differences, as well as factors influencing the formation of motivation, such as family, school, and personal characteristics, is presented, and various modern approaches to studying learning motivation are analyzed. A methodology for comprehensive research of learning motivation using questionnaires, projective techniques, and qualitative analysis methods is described. The study involved 450 adolescents aged 11–15 from five general education schools in the city, selected based on representativeness criteria. Based on the obtained results, dominant motives and their hierarchy, age dynamics, as well as the influence of self-esteem and social status on the motivational profile were identified. In the discussion, the results are compared with theoretical models, and practical implications and limitations of the study are characterized. The obtained data are compared with theoretical models, confirming their relevance and supplementing them with new empirical information. It is revealed that cognitive motives do not always dominate due to the influence of social factors and external circumstances. Social motivation acts as a significant regulator of learning activity, while external motivation can generate certain negative effects (loss of interest, decrease in personal responsibility). Practical recommendations include the necessity of considering the structure of motivation when developing curricula and organizing the educational process to increase engagement and effectiveness. The article emphasizes the multi-component and hierarchical nature of motivation, as well as its variability during adolescence, offering recommendations for teachers and psychologists on supporting learning motivation.

For citation

Vlasov I.V. (2025) Struktura i osobennosti uchebnoy motivatsii podrostkov [The Structure and Features of Learning Motivation in Adolescents]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 33-39. DOI:10.34670/AR.2026.65.61.018

Keywords

Learning motivation, adolescents, internal motives, external motives, social motivation, personal characteristics, self-esteem, educational psychology, educational practice, personality development.

References

1. Bozhovich, L. I. (2020). Problemy formirovaniya u shkol'nikov pozitivnogo otnosheniya k ucheniyu: Izbr. psikhol. trudy [Problems of forming a positive attitude to learning among schoolchildren: Selected psychological works]. Prosveshchenie.
2. Dubovitskaya, T. D. (2002). Diagnostika urovnya uchebnoi motivatsii mladshikh shkol'nikov [Diagnostics of the level of educational motivation of younger schoolchildren]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie, 3, 31–39.
3. Gordeeva, T. O., & Sychev, O. A. (2022). Metodika izucheniya smysloobrazuyushchei motivatsii [Methodology for studying semantic motivation]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya, 30(3), 112–130.
4. Ilyin, E. P. (2019). Motivatsiya i motivy [Motivation and motives]. Piter.
5. Korrelyatsionnyi analiz uchebnoi motivatsii podrostkov [Correlation analysis of educational motivation of adolescents]. (2024). Vestnik psikhologii, 2, 112–125.
6. Luskanova, N. G. (2018). Diagnostika uchebnoi motivatsii cherez proektivnye metodiki [Diagnostics of educational motivation through projective techniques]. Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya, 2, 45–52.
7. Markova, A. K. (2018). Psikhologiya professionalizma i motivatsiya k masterstvu i trudu [Psychology of professionalism and motivation to skill and work]. Mezhdunarodnaya gumanitarnaya akademiya "Kniga".
8. Matyukhina, M. V. (2021). Formirovanie uchebnoi motivatsii shkol'nikov: ucheb. posobie [Formation of educational motivation of schoolchildren: textbook]. Prosveshchenie.
9. Rean, A. A., Rodichev, S. I., & Subbotnikov, Yu. V. (2001). Metodika diagnostiki napravlennosti uchebnoi motivatsii [Methodology for diagnosing the orientation of educational motivation]. Rech'.
10. Rezul'taty empiricheskogo issledovaniya motivatsii [Results of an empirical study of motivation]. (2025) Sovremennaya psikhologiya, 1, 45–60.
11. Yakobson, P. M. (2019). Psikhologiya chelovecheskoi individual'nosti [Psychology of human individuality]. Prosveshchenie.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.015.3 **DOI:10.34670/AR.2026.74.51.019**

Внутренние и внешние мотивы учения у подростков с разным уровнем интернет-зависимости: сравнительный анализ мотивационных профилей

Власов Иван Васильевич

Аспирант,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
105005, Российская Федерация, Москва, Радио ул., 20;
e-mail: vlasov97@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу внутренних и внешних мотивов учения у подростков с разным уровнем интернет-зависимости. В условиях роста цифровой аддикции среди молодежи актуальным становится изучение её влияния на учебную мотивацию и академическую успешность. Исследование опирается на теоретические модели Л.И. Божович, А.К. Марковой, а также работы К. Янга и А.Е. Войскунского по психологии интернет-зависимости. Цель статьи заключалась в том, чтобы выявить структурные различия мотивационных профилей подростков с разным уровнем интернет-зависимости. Выборку составили подростки 13–16 лет, разделённые по шкалам К. Янга и Чена на группы с низкой и высокой зависимостью. Методика включала опросники учебной мотивации (А.А. Реан, В.А. Якунин), диагностику духовно-нравственных и эгоцентрических мотивов. Статистическая обработка данных проводилась методом корреляционного анализа. Результаты подтверждают выдвинутые гипотезы о том, что у подростков с низкой зависимостью доминируют внутренние, познавательные и духовно-нравственные мотивы, а при высокой зависимости преобладают внешние мотивы избегания. По результатам исследования выявлена устойчивая отрицательная корреляция между интернет-зависимостью и внутренней мотивацией. Учебная мотивация значительно различается у подростков с разным уровнем интернет-зависимости, при этом высокая зависимость сопровождается снижением внутренних и духовно-нравственных мотивов и ростом внешних и эгоцентрических. Исследование вносит вклад в понимание влияния цифровой аддикции на мотивационную сферу и служит основой для разработки программ коррекции и педагогических рекомендаций. В перспективе возможны лонгитюдные исследования и интервенции.

Для цитирования в научных исследованиях

Власов И.В. Внутренние и внешние мотивы учения у подростков с разным уровнем интернет-зависимости: сравнительный анализ мотивационных профилей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 40-46. DOI:10.34670/AR.2026.74.51.019

Ключевые слова

Интернет-зависимость, учебная мотивация, подростки, внутренние мотивы, внешние мотивы, духовно-нравственные мотивы, цифровая аддикция, психология развития, образовательные технологии.

Введение

Рост интернет-зависимости среди подростков превращается в одну из наиболее острых социально-педагогических проблем современности, существенно подрывающую учебную мотивацию и академическую успешность подрастающего поколения. Цифровая аддикция не только отвлекает от учебной деятельности, но и способствует снижению концентрации внимания, эмоциональному выгоранию и формированию альтернативных источников удовлетворения потребностей, что приводит к падению интереса к знаниям и успеваемости. В условиях ускоренной цифровизации образования, когда онлайн-ресурсы интегрируются в учебный процесс, возникает острая потребность в дифференцированных стратегиях поддержки мотивации, учитывающих уровень цифровой зависимости учащихся.

Научная литература богата фундаментальными работами по психологии интернет-зависимости (шкала К. Янга, исследования А.Е. Войскунского о механизмах аддикции) [Янг, www; Войскунский, 2018] и структуре учебной мотивации (модели Л.И. Божович о динамике мотивов, системный подход А.К. Марковой) [Маркова, 2018; Божович, 2020], однако комплексное изучение их взаимодействия остаётся недостаточно разработанным. Отсутствуют систематические данные о различиях мотивационных профилей в зависимости от степени интернет-зависимости, что ограничивает возможности профилактики и коррекции. Проблема настоящего исследования заключается в эмпирическом выявлении и сравнении внутренних и внешних мотивов учения у подростков с низким и высоким уровнем цифровой аддикции, что позволит разработать целенаправленные психолого-педагогические меры поддержки.

Основная цель данного исследования заключается в выявлении и сравнительном анализе структуры внутренних и внешних мотивов учебной деятельности у подростков, различающихся по степени интернет-зависимости. Для её реализации предусмотрены следующие задачи: диагностика уровня цифровой зависимости в выборке, установление иерархии учебных мотивов в каждой группе, сопоставление удельного веса внутренних мотивов (познавательных, направленных на самосовершенствование) и внешних (социального одобрения, избегания наказаний); анализ специфики духовно-нравственных (ценностно-ориентированных) и эгоцентрических (самоутверждающих) мотивов, интерпретация результатов с позиций психолого-педагогической практики. Объектом исследования является мотивационная сфера подростковой личности, а предметом — структурные характеристики учебной мотивации, зависящие от выраженности интернет-зависимости. Гипотезы предполагают доминирование внутренних мотивов у подростков с низкой зависимостью и преобладание внешних, избегательных мотивов у лиц с высокой степенью аддикции.

Интернет-зависимость анализируется через систему диагностических критериев и клинических признаков, с акцентом на её возрастно-специфические проявления в подростковом периоде [Завалишина, 2019]. Учебная мотивация, как правило, структурируется по типам мотивов: внутренние (познавательные, ориентированные на саморазвитие и смыслообразование),

внешние (обусловленные поощрениями/наказаниями, престижем и социальным признанием), духовно-нравственные (ценностно-ориентированные, альтруистические), эгоцентрические (самоутверждение, стремление к доминированию) [Реан, Якунин, 2001]. Теоретические концепции взаимодействия цифровой активности и учебной мотивации включают гипотезу «вытеснения», предполагающую снижение вовлечённости в учебный процесс из-за времени проводимом в интернете, и компенсаторную модель, предполагающую замещение учебной активности виртуальной [Юдеева, 2022]. При этом в подростковом возрасте наблюдается трансформация мотивов, связанная с развитием автономии и стабилизацией ценностных установок.

Основное содержание

В эмпирическом исследовании участвовали 380 подростков в возрасте 13–16 лет (7–10 классы), обучающихся в общеобразовательных школах города. Выборка была разделена на две основные группы по уровню интернет-зависимости: группа с низкой зависимостью (n=192, средний балл по шкалам <30) и группа с высокой зависимостью (n=188, средний балл >60). Критерии деления определялись на основе перцентильного распределения результатов диагностики (25-й и 75-й перцентили). Гендерное соотношение в каждой группе составляло 51% девочек и 49% мальчиков, что обеспечивало репрезентативность.

Диагностика интернет-зависимости проводилась с использованием двух валидизированных инструментов:

- Шкала интернет-зависимости К. Янга [Янг, www]: 20 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале Ликерта (от 0 — «редко» до 4 — «всегда»). Надёжность α Кронбаха = 0,93. Диагностические пороги: 0–30 баллов — нормальный уровень; 50–79 — умеренная зависимость; 80–100 — выраженная.

- Шкала интернет-зависимости Чена [Чен, 2003]: 26 утверждений, фокусирующихся на компульсивном использовании и связанных проблемах. Оценка по 4-балльной шкале, α Кронбаха = 0,91 .

Оценка учебной мотивации осуществлялась адаптированным опросником «Мотивы учебной деятельности» в модификации Т.Д. Дубовицкой [9], включающим 42 пункта, охватывающие познавательные, социальные, избегательные и достижительные мотивы. Ранжирование по 5-балльной шкале значимости. А также методикой диагностики структуры учебной мотивации А.А. Реана и В.А. Якунина [Реан, Якунин, 2001], направленной на выявление иерархии 12 базовых мотивов учения с расчётом индекса внутренней/внешней направленности. Применялись авторские шкалы духовно-нравственных мотивов (10 пунктов: ценностные, альтруистические ориентации) и эгоцентрических мотивов (8 пунктов: самоутверждение, доминирование), разработанные на основе факторного анализа (α Кронбаха = 0,85 и 0,82 соответственно).

Процедура исследования включала следующие этапы:

- Подготовительный этап включал получение информированного согласия от родителей и самих подростков, а также утверждение исследовательского протокола этическими комиссиями образовательных учреждений;

- Диагностический этап охватывал групповое анкетирование (продолжительностью 45 минут), применение индивидуальных проективных методик («Незавершённые предложения») и проведение полуструктурированных интервью (n=80 участников);

- Качественный анализ осуществлялся посредством контент-анализа эссе «Зачем я учусь?» (n=120 работ) и организации фокус-групп (8 групп по 6–8 человек в каждой).

- Этап статистической обработки в SPSS 27 включал описательную статистику (M±SD, медианы), сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента для нормальных распределений, U-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ Пирсона (r), иерархический кластерный анализ мотивов. Уровень статистической значимости принят $p<0,05$.

Анализ распределения участников по степени интернет-зависимости позволил выделить три категории: с низкой, средней и высокой выраженностью. В категории низкой зависимости лидировали внутренние мотивы — познавательные и направленные на саморазвитие. Внешние мотивы занимали подчинённое положение в структуре, при этом духовно-нравственные мотивы демонстрировали высокую выраженность, а эгоцентрические — минимальную.

В категории высокой зависимости доминировали внешние мотивы и мотивы избегания, тогда как познавательные и самосовершенствующие компоненты проявлялись значительно слабее. Между группами установлены статистически значимые различия: по внутренним мотивам ($p < 0,05$), внешним и избегательным мотивам ($p < 0,01$), духовно-нравственным и эгоцентрическим мотивам ($p < 0,05$).

Корреляционный анализ выявил отрицательную взаимосвязь между уровнем интернет-зависимости и силой внутренних мотивов, а также положительную связь с внешними мотивами.

Результаты исследования показывают возрастную специфику мотивационных сдвигов. Иерархия учебных мотивов в подростковом возрасте (13–16 лет) отражает естественную эволюцию от внешней регуляции к внутренней автономии, однако интернет-зависимость существенно искажает этот процесс. У подростков с низкой зависимостью наблюдается типичная для возраста структура: доминирование познавательных мотивов (интерес к знаниям, развитие мышления) и самосовершенствования (стремление к компетентности), что соответствует данным современных исследований о формировании устойчивых учебных потребностей [Гордеева, 2022].

Гипотеза исследования в целом нашла свое подтверждение. У группы с низкой интернет-зависимостью внутренние мотивы составляют 58% мотивационного профиля ($M=4,01±0,59$), тогда как у группы с высокой зависимостью их доля снижается до 28% ($M=2,32±0,75$; $t=15,42$; $p<0,001$). Обратно пропорционально растёт роль внешних мотивов (с 24% до 52%) и мотивов избегания (с 12% до 38%), что свидетельствует о переходе к реактивной, а не проактивной мотивации.

Наиболее тревожным является смещение ценностных приоритетов: выраженность духовно-нравственных мотивов (помощь одноклассникам, ценностное отношение к знаниям) падает с $3,76±0,68$ до $2,34±0,71$ ($t=18,76$; $p<0,001$), одновременно усиливаясь эгоцентрические мотивы (самоутверждение, демонстрация превосходства) с $2,12±0,65$ до $3,42±0,76$ ($t=-16,89$; $p<0,001$). Это указывает на деформацию социализации под влиянием цифровой аддикции [Коваленко, 2023], где виртуальные успехи замещают реальные ценности.

Проведенное исследование позволяет рекомендовать для коррекции мотивационных сдвигов у подростков с интернет-зависимостью разработку комплексных программ, направленных на усиление внутренней мотивации учения. Основу должны составить проектная деятельность и исследовательские задания, адаптированные к личным интересам учащихся, что позволит восстановить познавательные мотивы и повысить вовлечённость в учебный процесс.

Параллельно необходимо организовать психолого-педагогическую поддержку, включающую групповую терапию по методикам К. Янга для снижения уровня цифровой аддикции, тренинги ценностного самоанализа и систему наставничества, где опытные педагоги помогают формировать автономную мотивацию. Важным направлением станет обучение родителей через регулярные семинары по цифровой гигиене, например, через ограничение экранного времени или совместный контроль контента, и поддержке внутренней мотивации, стимулирования интереса к знаниям.

Для контроля эффективности предлагается внедрить систему мониторинга, например, ежеквартальную диагностику мотивационных профилей в группах риска с использованием шкал Янга и опросников учебной мотивации, что позволит своевременно корректировать индивидуальные траектории поддержки.

И, наконец, в качестве ограничений исследования отметим следующие пункты. Региональная специфика выборки: город, преимущественно русскоязычная среда – ограничивает обобщаемость, например, на сельскую местность или мультикультурные сообщества. Самоотчётные методы подвержены эффекту социальной желательности (контрольная шкала r=0,23). Кросс-секционный дизайн не позволяет установить причинно-следственные связи, необходимы лонгитюдные исследования (6–12 мес.).

Заключение

Таким образом, структура учебной мотивации существенно дифференцируется у подростков в зависимости от степени интернет-зависимости. Высокая аддикция сопровождается выраженным снижением внутренних и духовно-нравственных мотивов при одновременном росте внешних и эгоцентрических компонентов. Полученные результаты расширяют теоретическое понимание механизмов воздействия цифровой зависимости на мотивационную сферу подростковой личности и создают эмпирическую основу для разработки специализированных программ коррекционной работы и педагогических рекомендаций. Дальнейшие исследования целесообразно направить на лонгитюдный мониторинг динамики мотивации, а также экспериментальные интервенции, ориентированные на формирование устойчивой внутренней мотивации учения.

Библиография

1. Божович Л.И. Проблемы формирования у школьников позитивного отношения к учению. М.: Просвещение, 2020. 352 с.
2. Войскунский А.Е. Интернет как новый вид аддикции // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 5–18.
3. Войскунский А.Е., Смирнов А.В. Методики диагностики интернет-зависимости. М.: Смысл, 2022. С. 45–56.
4. Гордеева Т.О. Динамика учебной мотивации и интернет-активность // Консультативная психология. 2022. Т. 30. № 3. С. 112–130.
5. Дубовицкая Т.Д. Диагностика учебной мотивации // Психологическая наука и образование. 2002. № 3. С. 31–39.
6. Завалишина О.В. Психологические особенности интернет-зависимых подростков // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 56–67.
7. Коваленко С.В. Исследование интернет-зависимости подростков // Мир науки. 2023. № 2. С. 15–25.
8. Маркова А.К. Психология профессионализма и мотивация к мастерству. М.: Международная гуманитарная академия «Книга», 2018. 304 с.
9. Реан А.А., Якунин В.А. Диагностика учебной мотивации. СПб.: Речь, 2001. 112 с.
10. Чен Ш. Internet Addiction Scale (Чен, 2003) // Войскунский А.Е., Смирнов А.В. Методики диагностики интернет-зависимости. М.: Смысл, 2022. С. 45–56.

11. Юдеева Т.В. Особенности учебной мотивации интернет-активных подростков // Вестник психологии. 2022. № 3. С. 78–89.
12. Янг К. Internet Addiction Test (IAT). URL: https://netaddiction.com/internet_addiction_test.htm

Internal and External Learning Motives in Adolescents with Different Levels of Internet Addiction: A Comparative Analysis of Motivational Profiles

Ivan V. Vlasov

Postgraduate Student,
Slavic-Greek-Latin Academy,
105005, 20, Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vlasov97@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to a comparative analysis of internal and external learning motives in adolescents with different levels of internet addiction. In the context of growing digital addiction among youth, studying its influence on learning motivation and academic success becomes relevant. The research is based on the theoretical models of L.I. Bozhovich and A.K. Markova, as well as the works of K. Young and A.E. Voiskunsky on the psychology of internet addiction. The aim of the article was to identify structural differences in the motivational profiles of adolescents with different levels of internet addiction. The sample consisted of adolescents aged 13–16, divided into groups with low and high addiction according to the scales of K. Young and Chen. The methodology included questionnaires on learning motivation (A.A. Rean, V.A. Yakunin), and diagnostics of spiritual-moral and egocentric motives. Statistical data processing was conducted using correlation analysis. The results confirm the proposed hypotheses that adolescents with low addiction are dominated by internal, cognitive, and spiritual-moral motives, while high addiction is characterized by the predominance of external avoidance motives. Based on the research findings, a stable negative correlation between internet addiction and internal motivation was identified. Learning motivation significantly differs among adolescents with different levels of internet addiction, with high addiction accompanied by a decrease in internal and spiritual-moral motives and an increase in external and egocentric ones. The research contributes to understanding the influence of digital addiction on the motivational sphere and serves as a basis for developing correctional programs and pedagogical recommendations. Future possibilities include longitudinal studies and interventions.

For citation

Vlasov I.V. (2025) Vnutrenniye i vneshniye motivy ucheniya u podrostkov s raznym urovnem internet-zavisimosti: sravnitel'nyy analiz motivatsionnykh profiley [Internal and External Learning Motives in Adolescents with Different Levels of Internet Addiction: A Comparative Analysis of Motivational Profiles]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 40-46. DOI:10.34670/AR.2026.74.51.019

Keywords

Internet addiction, learning motivation, adolescents, internal motives, external motives, spiritual-moral motives, digital addiction, developmental psychology, educational technologies.

References

1. Bozhovich, L. I. (2020). Problemy formirovaniya u shkol'nikov pozitivnogo otnosheniya k ucheniyu [Problems of forming a positive attitude towards learning among schoolchildren]. Prosveshchenie.
2. Chen, S. (2003). Internet Addiction Scale (Chen, 2003). In Voiskunskii, A. E., & Smirnov, A. V. (2022). Metodiki diagnostiki internet-zavisimosti [Methods for diagnosing Internet addiction] (pp. 45–56). Smysl.
3. Dubovitskaya, T. D. (2002). Diagnostika uchebnoi motivatsii [Diagnostics of educational motivation]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie, 3, 31–39.
4. Gordeeva, T. O. (2022). Dinamika uchebnoi motivatsii i internet-aktivnost' [Dynamics of educational motivation and Internet activity]. Konsul'tativnaya psikhologiya, 30(3), 112–130.
5. Kovalenko, S. V. (2023). Issledovanie internet-zavisimosti podrostkov [Research of Internet addiction in adolescents]. Mir nauki, 2, 15–25.
6. Markova, A. K. (2018). Psikhologiya professionalizma i motivatsiya k masterstvu [Psychology of professionalism and motivation for mastery]. Mezhdunarodnaya gumanitarnaya akademiya "Kniga".
7. Rean, A. A., & Yakunin, V. A. (2001). Diagnostika uchebnoi motivatsii [Diagnostics of educational motivation]. Rech'.
8. Voiskunskii, A. E. (2018). Internet kak novyi vid addiktsii [The Internet as a new type of addiction]. Psikhologicheskii zhurnal, 39(4), 5–18.
9. Voiskunskii, A. E., & Smirnov, A. V. (2022). Metodiki diagnostiki internet-zavisimosti [Methods for diagnosing Internet addiction]. Smysl.
10. Yang, K. (n.d.). Internet Addiction Test (IAT). Retrieved from https://netaddiction.com/internet_addiction_test.htm
11. Yudeeva, T. V. (2022). Osobennosti uchebnoi motivatsii internet-aktivnykh podrostkov [Features of educational motivation of Internet-active teenagers]. Vestnik psikhologii, 3, 78–89.
12. Zavalishina, O. V. (2019). Psikhologicheskie osobennosti internet-zavisimykh podrostkov [Psychological features of Internet-addicted adolescents]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie, 24(5), 56–67.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 33 **DOI: 10.34670/AR.2026.63.42.002**

Институциональные условия предоставления психологической помощи в России

Ищенко Варвара Владимировна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29;
e-mail: varvara.ishenko@gmail.com

Вилкова Анастасия Владимировна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29;
e-mail: nastya19792006@mail.ru

Токарева Елена Евгеньевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков Гуманитарного института,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29;
e-mail: lentoka@yandex.ru

Сазонова Александра Викторовна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков Гуманитарного института,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29;
e-mail: a.v.sazonova@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена вопросу институциональных условий оказания психологической помощи в России в свете растущих потребностей граждан в специалистах помогающих профессий. Статья рассматривает основные принципы и проблемы нормативно-правового регулирования психологической помощи на текущий момент. Авторами анализируется существующая законодательная база, система профессиональных стандартов и этических кодексов, а также выявляются ключевые институциональные пробелы, такие как фрагментированность регулирования, вопросы лицензирования и сертификации практикующих специалистов, недостаточность механизмов контроля качества услуг и доступности помощи для различных социальных групп. Особое внимание уделяется вопросам подготовки кадров и непрерывного профессионального образования в сфере психологического консультирования. На основе проведенного анализа в статье предлагаются пути совершенствования институциональных условий в области

предоставления психологической помощи в Российской Федерации, направленные на создание единого правового поля, усиление роли профессиональных сообществ, развитие системы супервизии и повышение общественного доверия к услугам психологов.

Для цитирования в научных исследованиях

Ищенко В.В., Вилкова А.В., Токарева Е.Е., Сазонова А.В. Институциональные условия предоставления психологической помощи в России // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 47-56. DOI: 10.34670/AR.2026.63.42.002

Ключевые слова

Психологическая помощь, институциональные условия, помогающие профессии, нормативно-правовое регулирование, профессиональные стандарты, подготовка кадров, доступность услуг, этика психологической деятельности.

Введение

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью обеспечения качественной и эффективной психологической помощи населению России. Психологические проблемы становятся все более распространенными в современном обществе, и специалисты в области психологии играют важную роль в поддержании психического здоровья граждан.

Институциональные условия оказания психологической помощи в России являются ключевым моментом, который определяет качество и доступность услуг в этой сфере. Законы, нормы и правила позволяют установить стандарты работы психологов, урегулировать их профессиональную деятельность, а также защитить права и интересы как пациентов, так и специалистов.

Стремительные изменения в современном мире, включая развитие цифровых технологий, новые формы общения и поведения, а также социальные и экономические проблемы, требуют постоянного обновления нормативно-правовой базы в области психологической помощи. Изучение данной темы позволяет определить существующие проблемы, выявить потребности и предложить рекомендации по усовершенствованию системы психологической поддержки в России.

Цель статьи - исследовать и проанализировать нормативно-правовое регулирование психологической помощи в Российской Федерации, выявить его основные принципы и механизмы, оценить эффективность текущей системы регулирования и предложить пути ее улучшения.

Задачи статьи:

– Проанализировать существующие нормативно-правовые акты, регулирующие оказание психологической помощи в Российской Федерации.
– Выявить основные принципы и правила психологической помощи, установленные законодательством.
– Выявить проблемы и недостатки существующей системы нормативно-правового регулирования психологической помощи.
– Предложить пути улучшения и совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере оказания психологической помощи в Российской Федерации.

Правовые акты Российской Федерации, регулирующие психологическую помощь

Согласно статье 7 Конституции Российской Федерации, наша страна признается социальным государством с политикой, которая направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Конституции закрепляется необходимость охраны здоровья людей (эту статью мы еще рассмотрим далее), обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства, детства, развития социальных служб. То есть, мы можем сказать, что российское законодательство ориентируется на социальную помощь, и далее, рассматривая ряд правовых актов, мы убедимся в том, что психологическую помощь также относят к предоставлению социальных услуг.

Согласно части 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (охрана здоровья граждан, согласно Федеральному закону от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», - это система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, включающего в себя санитарно-противоэпидемического характера, которые осуществляются органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов, должностными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, предоставления ему медицинской помощи).

В Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 №1-ФКЗ ч. 1 ст. 72 Конституции было введено новое довольно обширное понятие «общественное здоровье». Под ним мы можем понимать в том числе то состояние, которое в полной бы мере отражало физическое психическое, социальное благополучие людей. Особенно важным аспектом здесь является психическое состояние граждан. То есть, государство отмечает всю важность и необходимость обеспечения общественного здоровья путем разработки и дальнейшей реализации медико-социальных мер, которые были бы направлены на укрепление здоровья всего населения и качества оказываемой медицинской помощи на всей территории страны, вне зависимости от региона.

Преимущественно нормативно-правовое регулирование психологической помощи в российском законодательстве осуществляется отраслевыми законами, единого правового акта, который включал бы в себя общие вопросы аттестации, аккредитации, принципы работы и пр. не существует. В Федеральном законе от 28.12.2013 №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» выделены социально-психологические услуги. Согласно статье 23 данного закона, организациями социального обслуживания являются организации, которые осуществляют социальное обслуживание на дому, полустационарное социальное обслуживание и стационарное социальное обслуживание. В пример государственного и негосударственного стационарного обслуживания можно привести дома-интернаты для ветеранов войны и труда/социально-медицинские учреждения и частные пансионаты для пожилых соответственно, государственного полустационарного обслуживания – Комплексные центры социального обслуживания определенного района/города, и в качестве примера некоммерческого нестационарного социального обслуживания – благотворительные организации («Российской Красный Крест», «Перспективы», всевозможные горячие линии психологической поддержки и так далее). Эти все организации так или иначе оказывает и психологическую помощь людям. Законодательство определяет социальные услуги как действие/действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной,

периодической, разовой (в том числе срочной) помощи гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и расширения его возможностей самостоятельно обеспечить себе необходимые жизненные условия. Согласно статье 20 данного закона, в видах социальных услуг выделены социально-психологические услуги. В данном случае психологическая помощь предусматривает оказание помощи в некой «коррекции» психологического состояния граждан, получателей социальных услуг. Чаще всего данная психологическая помощь подразумевает помощь гражданам в адаптации в социальной среде. В пример можно привести один из самых распространенных видов оказания психологической помощи в этой сфере – телефон доверия. Согласно статье 21 данного закона, граждане также имеют право на предоставление срочных социальных услуг в сроки, которые необходимы получателю. Основанием для предоставления срочных социальных услуг может являться как заявление самого гражданина, так и получение информации от медицинских, образовательных и других организаций, информации о гражданах, которые нуждаются в таких срочных социальных услугах. И согласно части 5 этой же 21 статьи срочные социальные услуги включают в себя и содействие в получении экстренной психологической помощи с привлечением к этой работе психологов и священнослужителей.

Во-вторых, большую роль в правовом регулировании оказания психологической помощи играют ведомственные нормативные акты. Например, Постановление Министерства труда Российской Федерации от 19.07.2000 №54 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации деятельности государственного (муниципального) учреждения «Центр экстренной психологической помощи по телефону», который закрепляет основные направления деятельности Центра (это реализация права семьи и в частности детей на защиту и помощь со стороны государства, снижение психологического дискомфорта, уровня агрессии у людей, включая противодействие суицидам, формирование психологической культуры, укрепление психического здоровья и так далее. Центр осуществляет обеспечение доступной и своевременной психологической помощи по телефону для граждан независимо от их социального статуса, места жительства, помощь каждому человеку, обратившемуся за помощью, возможность доверительного диалога, психологическое консультирование по телефону. Также организация направляет людей в соответствующие организации, где их просьбы могут быть удовлетворены в полной мере более квалифицировано. Основным направлением деятельности Центра является оказание заочных психологических услуг, консультаций людям, которые обратились за помощью.

Также в качестве примера ведомственного нормативного акта в сфере психологической помощи можно рассмотреть Приказ Министерства здравоохранения от 24.10.2002 №325 «О психологической и психиатрической помощи в чрезвычайных ситуациях». Данный нормативный акт регулирует порядок экстренной психологической помощи и определяет, что на период чрезвычайных ситуаций психологическая и психиатрическая помощь пострадавшим организуется органами управления здравоохранением и руководителями органов здравоохранения с использованием действующих отделений «Телефона доверия», отделений кризисных состояний, кабинетов социально-психологической помощи и пр.

В-третьих, что касается рассмотрения вопроса обеспечения качества оказываемой психологической помощи, тут, опять же тоже не существует единого правого акта, и мы опять возвращаемся к ведомственным нормативным актам. Среди них можно выделить Приказ Министерства труда от 14.09.2022 №537 «Об утверждении профессионального стандарта «Психолог-консультант»», Приказ Министерства труда от 24.07.2015 №514 «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог» (психолог в сфере образования)», Приказ Министерства труда Российской Федерации от 18.11.2013 №682 «Об утверждении

профессионального стандарта «Психолог в социальной сфере»». В требованиях к данным профессиям всех трех нормативных актов есть следующие требования: наличие высшего образования по профилю профессиональной деятельности (т.е. в данных случаях или психолог, или педагог), отсутствие судимости за преступления. Также рекомендуется получить дополнительное профессиональное образование по программам повышения квалификации, участвовать в супервизорских практиках.

И также стоит упомянуть о ряде ведомственных нормативных актах: Приказ Министерства социального развития Российской Федерации №1086, Приказ Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий №550, Приказ Министерства науки Российской Федерации №2415, Приказ Минкомсвязи Российской Федерации №241 от 29 сентября 2011 года «Об утверждении Концепции создания Интернет-службы психологической помощи населению и комплексного плана мероприятий по ее реализации) и так далее.

Много понятий и требований, который предъявляются при оказании психологической помощи населению, раскрываются в национальных стандартах, например, в ГОСТ 52495-2005 «Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения».

И, наконец, в-четвертых, деятельность психологов регулируется на уровне саморегулируемых организаций. В качестве примера можно рассмотреть Этический кодекс психолога, который был принят съездом Российского общества психологов.

Рассматривая правовые моменты данного вопроса, также стоит остановиться на договоре об оказании психологической помощи. Данный договор рассматривается как договор об оказании услуг, который попадает под действие Гражданского кодекса Российской Федерации, а также закона о защите прав потребителей. Договор об оказании психологической помощи определяется как соглашение, в силу которого одна сторона (психолог) обязуется оказать другой стороне (клиенту) квалифицированную психологическую помощь. Такой договор крайне актуален не только в случаях работы с клиническим психологом, но и неклиническим, так как это является гарантией профессионального удовлетворения клиентской потребности в решении различных психологических проблем. Опять же, подчеркнем еще раз, профессиональной, то есть таким образом, клиент может обезопасить себя от недоброкачественных услуг, которые в конечном счете могут привести к негативному исходу, вплоть до летального (об этом вопросе подробнее – во второй главе).

Стоит отметить, что в свое время был разработан проект Федерального закона №553338-6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации». Разработка данного закона преследовала цели правового обеспечения социальной защищенности и психологического благополучия людей, и в частности доступа граждан к квалифицированной психологической помощи. Но, увы, данный закон так и не был принят. О необходимости более четкого регулирования вопроса психологической помощи поговорим во второй главе данного реферата.

Основные проблемы нормативно-правого регулирования психологической помощи

Выше рассмотренные нормативно-правовые акты и требования, обозначенные в них, не являются систематизированными. То есть, в законодательстве нет прямого запрета на оказание «непрофессиональных» психологических услуг, что ведет к потенциальной угрозе нанесения

вреда психическому здоровью довольно широкому кругу лиц, получателю данной услуги.

Как мы можем сделать вывод из предыдущей главы, психологическая помощь является видом социальных услуг. Но, возможно, стоит разграничить данные понятия и рассматривать психологическую помощь как отдельный, не менее важный аспект (так как в настоящее время в российском законодательстве отсутствует единого определение понятия «психологическая помощь»).

С введения единого определения может начаться разработка единого государственного нормативно-правового акта, посвященного психологической помощи, в котором четко регулировались различные вопросы, в том числе вопросы частной практики психологов.

Для начала ответим на вопрос – для чего требуется более четкое нормативно-правовое регулирование психологической помощи.

Во-первых, профессия психолога в последние десятилетия стала относиться к массовым профессиям. Например, по данным за 2018 год на рынке психологических услуг насчитывалось около 40 000 специалистов, из них большинство работало в государственном секторе (практически половина в сфере образования, 9500 – в сфере здравоохранения, и 2000 – в Министерстве обороны). И стоит помнить, что государственные структуры отражают только часть рынка психологических услуг. Распространена и частная практика, обьемы которой статистика определить не может. По данным различных Интернет-ресурсов в 2020 году (по сравнению с 2019) спрос увеличился на 89%. Конечно, растущий запрос не остается на рынке без ответа, и появляется большое количество психологов. По данным агрегатора «Авито-услуги», менее 50% предлагающих свои услуги как психолога – профессионалы. И, разумеется, профессиональное сообщество не может не беспокоить тот факт, что чаще и чаще распространяются недоброкачественные услуги психологов без профессионального образования, что порой приводит к необратимым последствиям.

Отсутствие единых требований к профессии, часто не до конца понятная для населения деятельность и суть самой профессии, что должно стимулировать разработку механизмов нормативно-правового регулирования психологической помощи.

В сфере психологической помощи отсутствует более четкое разделение профессионального и образовательного стандартов, а это две разные области нормативного регулирования. Образовательный стандарт регулирует процесс подготовки будущих специалистов, в то время как профессиональный стандарт устанавливает требования к трудовой деятельности, включая знания, умения и навыки, необходимые для работы на конкретных должностях.

В сфере психологии на федеральном законодательном уровне в настоящее время утверждены два профессиональных стандарта: «Психолог в социальной сфере» и «Психолог в образовании». Проекты профессиональных стандартов для специальностей «клинический психолог» и «психолог-консультант» находятся в стадии разработки и не обладают юридической силой, что исключает возможность их применения в нормативном регулировании.

Таким образом, ключевой проблемой в регулировании психологической деятельности является отсутствие единых федеральных требований, закрепленных в профессиональных стандартах. Данный правовой вакуум компенсируется ведомственными нормативно-правовыми актами, издаваемыми отдельными органами исполнительной власти (такими как Министерство образования, Министерство просвещения, МЧС России). Кроме того, действует отраслевой нормативный документ Министерства здравоохранения РФ, регламентирующий должностные функции клинического психолога.

С одной стороны, подобное ведомственное регулирование обладает определенной логикой, поскольку учитывает специфику психологической практики в различных секторах. С другой стороны, оно приводит к отсутствию универсальных требований к оказанию психологической помощи и создает ситуации нормативных противоречий между актами разных ведомств.

Примером такого противоречия является регулирование психотерапевтической деятельности. Согласно нормативному акту Министерства здравоохранения, оказание психотерапевтической помощи отнесено к исключительной компетенции врачей-психотерапевтов, что запрещает ее проведение психологами в системе здравоохранения. Однако данный запрет имеет отраслевой (ведомственный) характер и не распространяется на иные сферы деятельности. На уровне федерального законодательства прямого запрета на осуществление психотерапии психологами в настоящий момент не установлено.

Процедура аккредитации, находящаяся в настоящее время на стадии обсуждения и не введенная в правовое поле, представляет собой механизм первичного допуска к профессиональной деятельности. Она предполагает, что помимо получения диплома о высшем психологическом образовании, специалист обязан подтвердить свою квалификацию путем сдачи соответствующего экзамена, тем самым пройдя аккредитацию.

Таким образом, текущий социальный запрос можно сформулировать как потребность в профессиональных и доступных психологических услугах. Под доступностью подразумевается, в том числе, формирование реестров и информационных баз, позволяющих гражданам получать достоверные сведения о типах, локациях и поставщиках психологической помощи. Не менее важным аспектом является необходимость повышения прозрачности и понятности профессии для населения. Это предполагает четкое информирование о том, что представляет собой психологическая помощь, каковы механизмы ее оказания, целевые группы, показания и используемые методы. Подобная ясность способствует демифологизации профессии и предотвращению связанных с ней заблуждений.

Консолидирующей основой для решения указанных задач мог бы стать федеральный закон, комплексно регулирующий психологическую деятельность во всех сферах, включая частную практику, качество которой в настоящее время нередко не соответствует стандартам.

Федеральный закон должен обобщить уже имеющиеся нормативные акты, выстроить структуру базовых принципов психологической помощи, выработать единые требования и требования к специалистам в каждой сфере отдельно (тут возможна ссылка на уже имеющиеся правовые акты, но с учетом отсутствия противоречий). Также в федеральный закон можно было бы включить «виды» специалистов в этой сфере, что, опять же, помогло бы людям ориентироваться, какой именно специалист им нужен. К тому же, в федеральный закон возможно было бы включение психологических терминов (в первую очередь – кто же такой психолог, а также психологическая помощь, психологическая диагностика, психологическое консультирование и т.д.). В Законе об оказании психологической помощи гражданам, можно было бы выдвинуть четкие требования к специалистам, как минимум, о наличии высшего профессионального образования для психологической практики в целом, а для сложных видов психологической помощи (экспертиза, психотерапия и пр.) – уровень специалитета или магистратуры. Отдельно в законе можно было бы выделить описание процедур аккредитации и аттестации (для частной практики в том числе).

Таким образом, с использованием данного федерального закона профессиональное сообщество психологов повысило бы свой уровень, избежало бы учащенное в последнее время

предоставление некачественных психологических услуг и смогло бы повысить эффективность помощи.

Заключение

Таким образом, нормативно-правовое регулирование психологической помощи в Российской Федерации играет значительную роль в обеспечении качественного и эффективного оказания психологической помощи населению. Оно определяет права и обязанности специалистов в данной области, устанавливает порядок лицензирования и аккредитации учреждений, предоставляющих психологическую помощь, а также обеспечивает защиту прав пациентов.

Однако в современных условиях возникают новые вызовы и проблемы, требующие дальнейшего усовершенствования нормативно-правового регулирования в данной сфере. Это, в частности, касается необходимости разработки стандартов оказания психологической помощи в различных областях, уточнения процедур обработки персональных данных пациентов, улучшения механизмов контроля за качеством предоставляемых услуг.

В целом, совершенствование нормативно-правового регулирования психологической помощи в Российской Федерации способствует повышению доступности и качества услуг в этой области, обеспечивает защиту прав и интересов как пациентов, так и специалистов. Важно продолжать работу над совершенствованием нормативных актов и их реализацией на практике для обеспечения всесторонней поддержки в области психологического здоровья населения.

Библиография

1. Голиченков А. К. и др. Современное состояние правового регулирования психологической помощи // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 1 (29). – С. 141-150.
2. Данилова В. А. Нормативно-правовое регулирование психологической помощи в Российской Федерации // CYBERLENINKA. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-psihologicheskoy-pomoschi-v-rossiyskoy-federatsii/viewer (дата обращения: 29.09.2025).
3. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040000 (дата обращения: 19.10.2025).
4. Орлова Л. В. Организация психологической помощи пожилым пациентам в России и в мире // Научное обозрение. Медицинские науки. – 2016. – № 3. – С. 99-104.
5. С. Н. Костромина о нормативном регулировании психологической помощи в России // Психологическая газета. – URL: https://psy.su/feed/9825/ (дата обращения: 11.11.2025).
6. Сидорова А. В., Макушева С. В. Правовое регулирование бесплатной психологической помощи: анализ и перспективы развития // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 22-27.
7. Смирнова О. О. Особенности предоставления психологической помощи в сельской местности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2016. – Т. 5. – № 5В. – С. 222-230.
8. Современное состояние правового регулирования психологической помощи [Электронный ресурс] / Барабанщиков В. В., Белицкая А. В., Вайпан В. А., Голиченков А. К., Давидян Г. М., Зинченко Ю. П., Молотников А. Е., Тимофеева Л. Н., Шойгу Ю. С. // CYBERLENINKA. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-pravovogo-regulirovaniya-psihologicheskoy-pomoschi/viewer (дата обращения: 20.09.2025).
9. Ульянина О. А. и др. Отечественный и зарубежный опыт оказания экстренной психологической помощи населению // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 114-126.
10. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации «Консультант». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 25.10.2025).

Institutional Conditions for Providing Psychological Assistance in Russia

Varvara V. Ishchenko

Senior Lecturer,
Department of Foreign Languages,
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
195251, 29, Politekhnicheskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: varvara.ishenko@gmail.com

Anastasiya V. Vilkova

Senior Lecturer,
Department of Foreign Languages,
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
195251, 29, Politekhnicheskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: nastya19792006@mail.ru

Elena E. Tokareva

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Institute of Humanities,
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
195251, 29, Politekhnicheskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: lentoka@yandex.ru

Aleksandra V. Sazonova

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Institute of Humanities,
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
195251, 29, Politekhnicheskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: a.v.sazonova@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the issue of institutional conditions for providing psychological assistance in Russia in light of the growing needs of citizens for specialists in helping professions. The article examines the main principles and problems of regulatory and legal framework for psychological assistance at the present moment. The authors analyze the existing legislative base, system of professional standards and ethical codes, and identify key institutional gaps, such as fragmented regulation, issues of licensing and certification of practicing specialists, insufficient mechanisms for quality control of services and accessibility of assistance for various social groups. Particular attention is paid to issues of personnel training and continuing professional education in the field of psychological counseling. Based on the conducted analysis, the article proposes ways to improve institutional conditions in the field of providing psychological assistance in the Russian Federation, aimed at creating a unified legal framework, strengthening the role of professional communities, developing a supervision system, and increasing public trust in psychologists' services.

For citation

Ishchenko V.V., Vilkova A.V., Tokareva E.E., Sazonova A.V. (2025) Institutsional'nyye usloviya predostavleniya psikhologicheskoy pomoshchi v Rossii [Institutional Conditions for Providing Psychological Assistance in Russia]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 47-56. DOI: 10.34670/AR.2026.63.42.002

Keywords

Psychological assistance, institutional conditions, helping professions, regulatory framework, professional standards, personnel training, service accessibility, ethics of psychological practice.

References

1. Golichenkov, A.K., et al. (2018). Sovremennoe sostoianie pravovogo regulirovaniia psikhologicheskoi pomoshchi [The current state of legal regulation of psychological assistance]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], (1 (29)), 141–150.
2. Danilova, V.A. (n.d.). Normativno-pravovoe regulirovanie psikhologicheskoi pomoshchi v Rossiiskoi Federatsii [Regulatory and legal regulation of psychological assistance in the Russian Federation]. Retrieved September 29, 2025, from https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-psihologicheskoy-pomoschi-v-rossiyskoy-federatsii/viewer
3. Constitution of the Russian Federation [Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii]. (1993, with amendments approved on July 1, 2020). Official Internet portal of legal information. Retrieved October 19, 2025, from http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120200704000
4. Orlova, L.V. (2016). Organizatsiia psikhologicheskoi pomoshchi pozhilym patsientam v Rossii i v mire [Organization of psychological assistance for elderly patients in Russia and worldwide]. *Nauchnoe obozrenie. Meditsinskie nauki* [Scientific Review. Medical Sciences], (3), 99–104.
5. Kostromina, S.N. (n.d.). O normativnom regulirovanii psikhologicheskoi pomoshchi v Rossii [On the regulatory framework for psychological assistance in Russia]. *Psikhologicheskaia gazeta* [Psychological Newspaper]. Retrieved November 11, 2025, from https://psy.su/feed/9825/
6. Sidorova, A.V., & Makusheva, S.V. (2024). Pravovoe regulirovanie besplatnoi psikhologicheskoi pomoshchi: analiz i perspektivy razvitiia [Legal regulation of free psychological assistance: analysis and development prospects]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University], 10(4), 22–27.
7. Smirnova, O.O. (2016). Osobennosti predostavleniia psikhologicheskoi pomoshchi v sel'skoi mestnosti [Features of providing psychological assistance in rural areas]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-critical reviews and contemporary research], 5(5B), 222–230.
8. Sovremennoe sostoianie pravovogo regulirovaniia psikhologicheskoi pomoshchi [The current state of legal regulation of psychological assistance]. (n.d.). / Barabanshchikov V.V., Belitskaia A.V., Vaipan V.A., Golichenkov A.K., Davidian G.M., Zinchenko Iu.P., Molotnikov A.E., Timofeeva L.N., Shoigu Iu.S. Retrieved September 20, 2025, from https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-pravovogo-regulirovaniya-psihologicheskoy-pomoschi/viewer
9. Ulianina, O.A., et al. (2022). Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt okazaniia ekstrennoi psikhologicheskoi pomoshchi naseleniiu [Domestic and foreign experience in providing emergency psychological assistance to the population]. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiia* [Modern Foreign Psychology], 11(3), 114–126.
10. Federal'nyi zakon ot 28.12.2013 № 442-FZ «Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniia grazhdan v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 442-FZ of December 28, 2013 "On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation"]. (2013). Official Internet portal of legal information "Consultant". Retrieved October 25, 2025, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 004.946 **DOI:10.34670/AR.2026.96.20.003**

Методика диагностики психофизиологической готовности к действиям в чрезвычайных ситуациях: разработка и валидизация на примере персонала объектов

Исаев Фариз Фуркатович

Аспирант,
Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский просп., 65;
e-mail: Isaev@mail.ru

Минаева Ирина Анатольевна

Кандидат технических наук, доцент,
Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский просп., 65;
e-mail: analitikarodis@yandex.ru

Аннотация

Целью работы является разработка и валидизация авторской методики, предназначенной для диагностики психофизиологической готовности работников топливно-энергетического комплекса к оперативным действиям в условиях чрезвычайных ситуаций. Актуальность обусловлена критической важностью учета психологической составляющей и поведенческих аспектов при обучении персонала критически важных объектов. Диагностический комплекс интегрирует ряд валидных опросников (Айзенка, Кеттелла, Шуберта, Спилбергера-Ханина, Люшера), позволяющих дать многокомпонентную оценку таким параметрам, как адаптивность, стрессоустойчивость, контроль импульсов, решимость, тревожность и принятие риска. Апробация проведена на масштабной выборке (n=2058) сотрудников предприятий отрасли. Статистический анализ подтвердил устойчивость результатов методики при повторном тестировании ($r > 0,85$). На основе распределения данных выявлены типичные и атипичные психологические профили. Установлена практическая применимость подхода для заблаговременной оценки, прогноза поведения в чрезвычайных обстоятельствах и конструирования индивидуальных программ психологической подготовки.

Для цитирования в научных исследованиях

Исаев Ф.Ф., Минаева И.А. Методика диагностики психофизиологической готовности к действиям в чрезвычайных ситуациях: разработка и валидизация на примере персонала объектов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 57-68. DOI:10.34670/AR.2026.96.20.003

Ключевые слова

Готовность к ЧС, психофизиологическая диагностика, персонал ТЭК, человеческий фактор, стрессоустойчивость, валидизация методики, психологический профиль, поведение в кризисных условиях.

Введение

В Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» дано такое определение: «Чрезвычайная ситуация (ЧС) – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной зоне, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [Малишевский и др., 2015].

Успешность локализации и ликвидации последствий чрезвычайных происшествий на объектах ТЭК с повышенным уровнем риска в решающей мере зависит от уровня подготовленности сотрудников к выполнению оперативных и адекватных мероприятий. Существующие системы подготовки часто сосредоточены на технических нормах и процедурах, упуская из виду психофизиологический статус работников, выступающий ключевым элементом поведения в обстановке чрезвычайной ситуации, сопровождающейся повышенным стрессом [Институт современных психологических технологий, www...]. Роль человеческого фактора как источника инцидентов и их развития подчеркивает необходимость создания специализированного диагностического инструментария для оценки и формирования психологической устойчивости к ЧС. В связи с этим целью настоящего исследования стала валидизация и практическая апробация комплексного метода диагностики психофизиологического состояния и степени готовности кадрового состава ТЭК к действиям в кризисных условиях. Для ее достижения решены следующие исследовательские задачи:

– Проведен критический анализ и осуществлен отбор валидного психометрического инструментария для всесторонней оценки параметров, определяющих готовность к ЧС.
– Разработана структура и регламент проведения диагностической процедуры.
– Осуществлена апробация метода на репрезентативной выборке и оценен показатель его ре-тестовой надежности.
– Произведен анализ эмпирических данных с выводом о практической применимости методики.

Предложенный авторский диагностический комплекс представляет собой начальную ступень интегральной системы подготовки персонала и служит для исходной оценки состояния сотрудников. Результаты этой оценки являются основанием для принятия решения о содержании и объеме последующих психологических тренингов. Методика объединяет шесть взаимодополняющих тестовых процедур, подобранных для многомерного анализа личности и актуального состояния индивида. В их число входит модифицированный опросник Айзенка, применяемый для диагностики фундаментальных свойств темперамента и нейротизма. Эти характеристики оказывают прямое влияние на поведенческие реакции в обстановке стресса и учитываются в практике профессионального психологического отбора, в том числе для спасательных служб [Айзенк, 1999]. Так как темперамент является центральным образованием психодинамической организации человека, которое формируется и проявляется в деятельности и оказывает на нее влияние, можно предположить, что с ним взаимосвязаны некоторые особенности личности, такие, например, как уровень агрессивности и коммуникативный контроль, что в свою очередь оказывает влияние на выбор стратегии поведения в конфликте [Псардия и др., 2021]. То есть человеку с определенным темпераментом присущи определенные стратегии поведения в конфликте.

Следующим инструментом является 16-факторный опросник Кеттелла. Данная методика предназначенная для глубокой и детализированной оценки личностных черт человека, таких как смелость, самоконтроль, тревожность и др., которые влияют на поведение в ЧС [Кеттелл, 1993].

После проверки по опроснику Кеттелла следует тест склонности к риску. Данный тест был изобретён А. М. Шубертом, выдающимся российским психологом 20 века и оценивает готовность человека к принятию решений в условиях неопределённости, что в свою очередь является ключевым аспектом адекватного поведения в ЧС.

На профессиональное восприятие риска в ЧС оказывают влияние факторы, угрожающие жизни и здоровью человека. Причем действие этих факторов может иметь как ближайшие, так и отдаленные последствия, осознание которых у обычного человека и профессионального спасателя может существенно отличаться [Соколовская, Казаева, 2022].

Далее в диагностический комплекс включена шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, инструмент, дающий возможность раздельно оценить актуальный уровень стрессовой нагрузки и устойчивую индивидуальную склонность к тревожным реакциям [Спилбергер, Ханин, 1975].

Пятый компонент – тест Холмса-Раге, клинико-психологический опросник, разработанный для количественной оценки значимых жизненных событий с точки зрения их стрессогенного потенциала и влияния на психическое состояние.

Завершает методику цветовой тест Люшера. Данный тест применяется для диагностики неосознаваемых текущих психофизиологических состояний, вегетативного баланса и степени нервно-психического истощения, что обеспечивает высокую устойчивость результатов к феномену социальной желательности [Люшер, 1996].

Комплексная обработка данных всех шести методик дает возможность сформировать интегральный профиль сотрудника («психологическую карту»), визуализированный в виде радиальной диаграммы. Она наглядно отображает уровень выраженности шести критически важных для работы в ЧС параметров: адаптивности, самоконтроля, коммуникативного потенциала, решительности, склонности к риску и тревожности. Данный профиль служит объективной основой для разработки персонализированных рекомендаций и коррекционных программ.

Интеграция результатов по всем методикам позволяет построить «психологическую карту работника» в виде лепестковой диаграммы, наглядно демонстрирующую уровень развития шести ключевых параметров: склонности к риску, самоконтроля, взаимодействия с окружающими, решительности, приспосабливаемости и тревожности. На основе этой карты формируются индивидуализированные рекомендации.

Материалы и методы

Психометрическая проверка разработанного диагностического комплекса включала оценку его надежности и валидности. Устойчивость результатов подтверждена процедурой повторного тестирования (через 72 часа) на контрольной подвыборке (n=100). Высокие коэффициенты корреляции ($r > 0.85$) между первым и вторым замерами по ключевым шкалам свидетельствуют о удовлетворительной ре-тестовой надежности и стабильности измеряемых конструктов. Содержательная валидность методики базируется на использовании апробированного инструментария и подтверждена независимой экспертной оценкой. Статистический анализ внутренней согласованности шкал и проверка валидности по критериям в моделируемых или реальных условиях ЧС определены как задачи последующих этапов исследования.

Эмпирическая апробация проведена на выборке персонала предприятий ТЭК (n=2058), репрезентативной по полу, возрасту и занимаемой должностни позициям (от стажеров до топ-менеджеров).

Анализ распределения показателей по шести интегральным параметрам готовности выявил следующее:

– Параметр «Склонность к риску» имеет выраженную поляризацию: у 18.5% выборки (380 чел.) зафиксирован высокий уровень, потенциально ведущий к необдуманным действиям, тогда как у 28% (580 чел.) – критически низкий, что может коррелировать с нерешительностью;
– Критически низкий уровень самоконтроля, ассоциирующийся с риском панических реакций, показали 3% сотрудников (60 чел.). Максимальные значения этого параметра отмечены у 7% респондентов (140 чел.), в основном руководителей;
– Выраженные экстравертивные черты, способствующие коммуникации в стрессе, выявлены у 4% лиц моложе 50 лет (80 чел.). Дефицит этих качеств отмечен лишь у 1% выборки (20 чел.);
– Сниженные адаптивные способности зафиксированы у 29% работников (600 чел.), причем у 3% из них (60 чел.) – в степени, повышающей риск поведенческого ступора в ЧС;
– Крайне высокий уровень тревожности, искажающий оценку опасности, диагностирован у 1% сотрудников (20 чел.). Низкие показатели, свидетельствующие о развитой саморегуляции, характерны для 13.6% (280 чел.);
– Дефицит решительности выявлен у 8% выборки (160 чел.), в то время как высокие значения по этому параметру показали 13.6% (280 чел.).

В рамках исследования идентифицирован уникальный случай (0.05% выборки) – сотрудник 64 лет с исключительными способностями к саморегуляции и перцептивному анализу (условно «Психопротей»). Его когнитивный профиль демонстрирует беспрецедентную адаптивную гибкость и представляет отдельный научный интерес.

Эффективная обработка такого массива информации без использования ИТ-инструментов становится практически невозможной. Кроме того, быстрота и точность анализа с использованием информационных технологий значительно превосходят традиционные методы обработки данных [Борздова, 2021].

Для статистической обработки использовался пакет Microsoft Excel 2019 с установленным дополнением «Пакет анализа». Выбор данного программного обеспечения был обусловлен достаточностью его функционала и широкой распространенностью в научной практике для решения поставленных задач.

На первом этапе для каждого из шести интегральных показателей психофизиологической готовности были рассчитаны основные параметры распределения:

– Среднее арифметическое (M) и стандартное отклонение (σ) для оценки центральной тенденции и вариативности данных в выборке.
– Минимальное (Min) и максимальное (Max) значения для определения диапазона полученных результатов.
– Процентные доли респондентов с экстремальными значениями по каждому параметру. В качестве статистического критерия для отнесения показателя к «высокому» или «низкому» уровню использовалось отклонение от среднего арифметического более чем на 1.5 стандартных отклонения ($M \pm 1.5\sigma$). Данный подход, рекомендованный для выявления значимых отклонений в больших выборках, позволяет перейти от

нормативных тестовых границ к критериям, учитывающим специфику конкретной профессиональной популяции, что повышает практическую значимость диагностики.

Дескриптивная статистика предназначена для наглядного описания первичных данных, чтобы сделать изучаемое явление понятным для широкого круга читателей. Дескриптивное описание способствует выявлению степени достоверности полученных результатов наблюдений и установлению закономерностей изучаемых медицинских явлений [Ильин, 2013].

С целью структурирования выборки и выделения типичных паттернов психофизиологической готовности был применен метод квадрантного анализа (quadrant analysis). Этот метод был выбран ввиду его наглядности, высокой интерпретируемости результатов и минимальных требований к объему данных для устойчивой кластеризации по сравнению с итеративными методами (напр., k-средних) [Махрусе Насма, 2019].

Процедура анализа включала следующие шаги:

– Определение двух базовых осей для классификации – показателей «Склонность к риску» и «Решительность», как наиболее критичных для успешности действий в условиях ЧС согласно теоретической модели.
– Расчет средних значений (M) по выборке для этих двух параметров.
– Разделение всей выборки (n=2059) на четыре группы (квадранта) на основе сравнения индивидуальных показателей каждого респондента со средними по выборке:

1. Квадрант I (верхний правый): Риск > M, Решительность > M – «Решительные рискующие».
2. Квадрант II (нижний правый): Риск > M, Решительность ≤ M – «Рискующие нерешительные».
3. Квадрант III (верхний левый): Риск ≤ M, Решительность > M – «Осторожные решительные».
4. Квадрант IV (нижний левый): Риск ≤ M, Решительность ≤ M – «Осторожные нерешительные».

Для каждого полученного кластера затем рассчитывались средние значения по всем шести психологическим параметрам для построения целостного профиля.

Для проверки надежности разработанного диагностического комплекса использовался метод ре-тестовой надежности. Через 14 дней после первичного тестирования была проведена повторная диагностика на случайной подвыборке сотрудников (n=100). Устойчивость результатов оценивалась с помощью коэффициента корреляции Пирсона (r) между результатами первого и второго тестирования по ключевым интегральным шкалам.

Результаты

Результаты первичного статистического анализа шести ключевых интегральных показателей психофизиологической готовности персонала ТЭК представлены в Таблице 1. Полученные данные позволяют оценить общее состояние выборки и вариативность каждого параметра.

Как видно из Таблицы 1, средние значения по всем параметрам находятся в диапазоне от 3.85 до 6.81 балла при 10-балльной шкале интегральных показателей. Наибольший разброс индивидуальных результатов наблюдается по параметру «Склонность к риску» (σ=1.55), что свидетельствует о высокой поляризации сотрудников по данному качеству: в выборке присутствуют как крайне осторожные, так и склонные к риску работники. Наиболее однородной

выборка является по показателю «Самоконтроль» (σ=1.28). Процент сотрудников, чьи показатели были отнесены к статистически высокому или низкому уровню (критерий M ± 1.5σ), является сбалансированным по всем шкалам и составляет примерно 6-8%, что соответствует ожиданиям для нормального распределения в большой выборке.

Таблица 1 – Дескриптивные статистики психологических параметров

Параметр	M ± σ	Min	Max	Высокий уровень, %	Низкий уровень, %
"Склонность к риску"	3,85 ± 1,55	1	9,17	7%	7,6%
"Самоконтроль"	6,81 ± 1,28	1,61	9,97	7%	7,1%
"Взаимодействие (Экстраверсия)"	6 ± 1,48	1,1	10	7%	6,9%
"Приспосабливаемость (Адаптивность)"	5,49 ± 1,45	1,37	9,87	7%	6,9%
"Тревожность"	4,64 ± 1,61	1,01	9,82	7%	6,2%
"Решительность"	4,71 ± 1,53	1	9,8	7%	6,4%

Примечание: M – среднее арифметическое, σ – стандартное отклонение.

Данные, полученные с использованием данного статистического критерия, обеспечивают релевантную для конкретной профессиональной группы оценку и служат основой для последующего кластерного анализа.

Применение метода квадрантного анализа на основе сравнения показателей «Склонность к риску» и «Решительность» со средними значениями по выборке позволило выделить четыре статистически обоснованных и содержательно интерпретируемых кластера (психологических типа). Распределение сотрудников по кластерам и их усредненные профили представлены в Таблице 2 и на Рисунке 1.

Таблица 2 – Характеристики психологических профилей сотрудников

Кластер/Параметр	Кластер 1 (n=723)	Кластер 2 (n=296)	Кластер 3 (n=281)	Кластер 4 (n=758)
"Риск"	5,32	4,66	2,97	2,45
"Самоконтроль"	6,76	6,74	6,86	6,97
"Взаимодействие"	6,05	5,95	5,92	5,99
"Приспосабливаемость"	5,38	5,45	5,44	5,61
"Тревожность"	4,67	4,65	4,5	4,43
"Решительность"	6,15	3,95	5,16	3,35

Анализ данных Таблицы 2 позволяет сделать следующие наблюдения:

– Кластер 1 («Решительные рискующие») и Кластер 4 («Осторожные нерешительные») являются наиболее многочисленными (в сумме 71.9% выборки) и представляют собой два противоположных полюса психологической готовности с максимальными различиями по базовым для кластеризации параметрам (Риск и Решительность).

– Кластер 2 («Рискующие нерешительные») и Кластер 3 («Осторожные решительные») представляют меньшие, но содержательно важные группы, демонстрирующие, что склонность к риску не всегда сопряжена с решительностью, и наоборот.

– Параметры «Самоконтроль», «Взаимодействие», «Приспосабливаемость» и «Тревожность» демонстрируют сравнительно меньшую дифференциацию между кластерами, но их значения вносят вклад в целостный психологический портрет каждого типа.

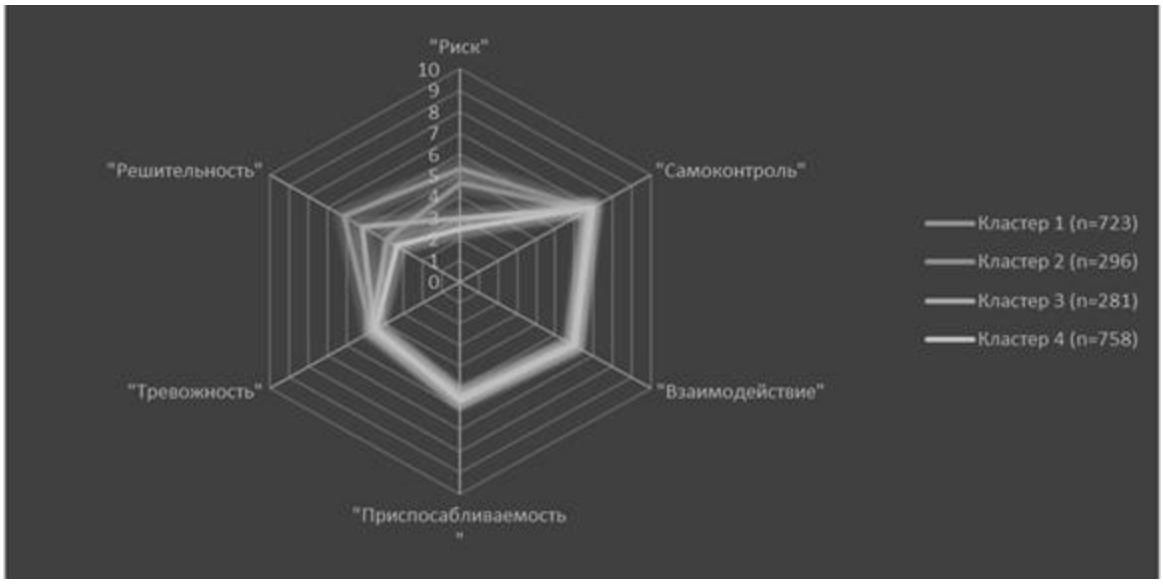

Рисунок 1 – Лепестковая диаграмма средних показателей выделенных психологических профилей

На Рисунке 2 представлено распределение сотрудников по психологическим типам или же кластерам.

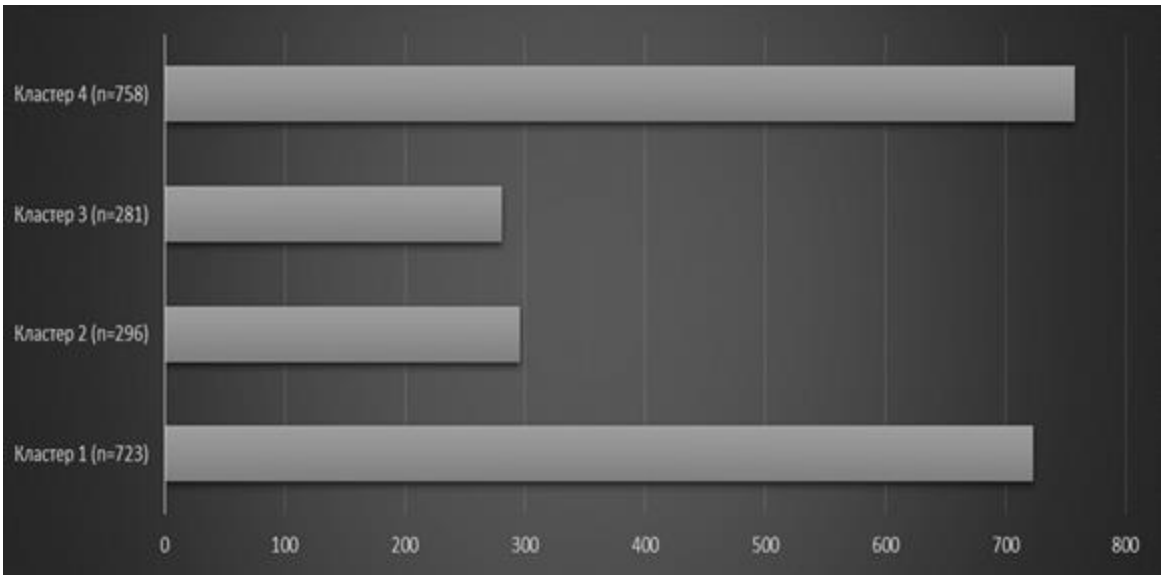

Рисунок 2 – Распределение сотрудников по психологическим типам

Для проверки временной устойчивости результатов диагностики была оценена ре-тестовая надежность методики. Повторное тестирование подвыборки из 100 человек с интервалом в 14 дней показало высокую степень согласованности результатов. Коэффициент корреляции Пирсона (r) между результатами первого и второго тестирования по ключевым интегральным шкалам составил 0.87, что превышает общепринятый порог в 0.70 и свидетельствует о хорошей ре-тестовой надежности разработанного диагностического комплекса. Экспертная оценка трех независимых психологов подтвердила содержательную валидность методики и релевантность подобранного инструментария для оценки заявленных конструктов.

Обсуждение

Проведенный кластерный анализ позволил перейти от анализа изолированных показателей к идентификации целостных поведенческих типов, что имеет ключевое значение для прогнозирования действий в ЧС и разработки адресных мер.

«Решительные рискующие» (Кластер 1, 35.1%). Данный тип, сочетающий высокую готовность к риску с развитой решительностью, представляет собой потенциальный ресурс для лидерства в начальной, неструктурированной фазе чрезвычайной ситуации. Их сильные стороны – инициативность и способность к быстрым действиям в условиях неопределенности. К принятию рискованных решений, по мнению Е.П. Ильина, приводит наличие таких особенностей человека, как импульсивность, которая может выступать как особенность поведения человека и как черта характера, решительность, которая проявляется в продумывании ситуации. Исследователь отмечает, что решительные люди более склонны к рискованным решениям, чем нерешительные. В то же время решительные более часто рискуют необоснованно. С готовностью принимать рискованные решения Е.П. Ильин связывает также определенное состояние готовности к выполнению задуманного, перехода мысли к действию – решимости, которое возникает одновременно с принятием решения, и смелости, как проявления самоконтроля и способности управлять своим поведением, несмотря на возникающий страх [Врублевский, 2017]. Однако существует риск импульсивности и недооценки опасности, что требует фокусировки в тренингах на алгоритмах оценки рисков и командном взаимодействии.

«Осторожные нерешительные» (Кластер 4, 36.8%). Наиболее многочисленный тип, характеризующийся минимальными значениями по обоим ключевым параметрам. Сотрудники этого профиля склонны к пассивно-оборонительным реакциям, задержке в принятии решений и риску развития ступора в стрессе. Для них критически важны детально прописанные, пошаговые алгоритмы действий, отработка навыков саморегуляции и работа в паре с более решительными коллегами. О том, что даже высококвалифицированные и подготовленные работники порой становятся нерешительными и теряются в опасности, говорят следующие примеры. «При возникновении серьезной аварии на крупной ГЭС, как только начали работать на щите управления сигналы, сообщающие о происшествии, оперативный дежурный, отвечающий за станцию, поспешно ушел из помещения щита. Прошло около получаса, авария была ликвидирована силами работников станции. Вслед за тем вернулся и оперативный дежурный. Он объяснил свое отсутствие так: он пробыл это время в туалете, откуда по известной причине не мог выйти. На другой ГЭС дежурный, получив сигналы и о начавшейся большой аварии, о прекращении снабжения энергией важнейших государственных объектов, опустился в кресло и... просидел неподвижно, не отвечая на телефонные звонки, словно не обращая внимания на все происходящее, не отдавая никаких распоряжений. Авария была ликвидирована другими работниками. Оперативный дежурный в таком же молчании покинул помещение» [Мерзлякова, 2014].

«Рискующие нерешительные» (Кластер 2, 14.4%). Этот потенциально проблемный профиль демонстрирует парадоксальное сочетание: склонность к рискованным действиям при низкой способности доводить их до завершения. В условиях ЧС это может привести к хаотичным, непоследовательным и незавершенным действиям, повышающим общий риск. Коррекционная работа должна быть направлена на развитие навыков планирования, самоконтроля и завершения начатых операций.

Человек, который склонен к риску, но нерешителен в чрезвычайной ситуации, сочетает в себе желание действовать смело с параличом анализа или страхом последствий. Данный феномен приводит к замедленной реакции или непоследовательным действиям, в психологии

это можно назвать "склонность к риску при высокой тревожности/страхе" или «риск-пассивное поведение» – потребность в острых ощущениях, но неспособность принять быстрое решение под давлением [Белослудцев, 1996].

«Осторожные решительные» (Кластер 3, 13.6%). Этот тип опровергает стереотип о том, что осторожность тождественна нерешительности. Сотрудники способны на взвешенные, но твердые решения в условиях ограниченного, просчитанного риска. Они наиболее эффективны на этапах анализа обстановки, планирования и реализации сложных, но четко определенных процедур. Они невозмутимы, их стремления и настроения, внешнее выражение душевных состояний не отличается яркостью. Строго придерживаются выбранного распорядка жизни, системы в работе. Свои ресурсы распределяют равномерно, прилежны. Не тратят сил напрасно, доводят дело до конца [Осипов, 2007].

Полученные количественные результаты развивают и конкретизируют общую картину, описанную во введении. Наблюдаемые расхождения в процентных соотношениях (например, по удельному весу групп с высокими показателями риска) не являются противоречием, а отражают применение разных, но взаимодополняющих методологических подходов.

Первоначальные данные (например, 18.5% сотрудников с высоким уровнем склонности к риску) были получены на этапе нормативно-ориентированной интерпретации сырых тестовых баллов. Они отвечали на вопрос: «Сколько сотрудников выходят за рамки статистических норм, заложенных в тестовых методиках (опросники Айзенка, Кеттелла и др.)?»

Данные кластерного анализа (например, 49.5% сотрудников с риском выше среднего по выборке – Кластеры 1 и 2) получены в рамках критериально-ориентированного и сравнительного подхода. Они отвечают на вопрос: «Каково внутреннее соотношение различных поведенческих типов внутри данной конкретной профессиональной выборки?»

Таким образом, если первоначальные цифры важны для скрининга и выявления сотрудников с экстремальными значениями относительно общей популяции, то кластерный анализ необходим для управления человеческим ресурсом внутри организации, формирования сбалансированных команд и разработки дифференцированных программ подготовки.

Выделенные психологические профили согласуются с современными представлениями о неоднородности человеческого фактора в промышленной безопасности. Идея о существовании различных поведенческих типов, по-разному реагирующих на стресс и неопределенность, находит подтверждение в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. В частности, сходные типологии, выделяющие «искателей риска» и «избегающих риска», описаны в контексте анализа причин инцидентов на опасных производствах.

Настоящее исследование вносит вклад в эту область, предлагая не двухполюсную, а четырехкомпонентную модель, которая более тонко дифференцирует промежуточные состояния (нерешительный рискующий и решительный осторожный). Это позволяет избежать упрощений и дает более точный инструмент для прогноза поведения. Выявленное преобладание «осторожных» типов (Кластеры 3 и 4, суммарно 50.5%) в выборке сотрудников ТЭК может отражать как эффект профессионального отбора, так и влияние корпоративной культуры безопасности, что требует дальнейшего изучения.

Заключение

Таким образом, в рамках исследования создан и прошел практическую валидизацию комплексный диагностический инструмент для оценки психофизиологической готовности кадров

ТЭК к работе в условиях ЧС. Полученные данные подтверждают устойчивую ре-тестовую надежность методики, а также ее практическую эффективность и содержательную релевантность для решения задач превентивного скрининга и прогноза поведения в кризисных ситуациях.

Проведенная работа формирует фундамент для построения целостной системы подготовки. Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленной статистической валидизацией интегральных шкал, имплементацией методики в системы профотбора и корпоративного обучения предприятий ТЭК, а также с мониторингом динамики показателей на протяжении полного цикла подготовки.

Результаты апробации демонстрируют высокую дифференцирующую способность предложенного подхода, его чувствительность к выявлению как типичных, так и уникальных психологических профилей. Выявленная существенная неоднородность уровня готовности среди персонала обосновывает критическую важность перехода к персонализированным программам психологической подготовки.

Библиография

1. Айзенк Г.Ю. Структура личности. СПб.: Ювента, 1999. 464 с.
2. Белослудцев В. И. Психологический механизм и основные тенденции профессиональной деформации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1996. №2 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiy-mehanizm-i-osnovnye-tendentsii-professionalnoy-deformatsii
3. Борздова Т.В. Основы статистического анализа и обработка данных с применением Microsoft Excel : учеб. пособие. Мн.: ГИУСТ БГУ, 2021. 75 с.
4. Врублевский А. В. Склонность и готовность к риску. Восприятие риска офицером-спасателем в условиях чрезвычайной ситуации // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2017. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sklonnost-i-gotovnost-k-risku-vospriyatie-riska-ofitserom-spasatelem-v-usloviyah-chrezvychaynoy-situatsii
5. Ильин В. П. Методические особенности применения дескриптивной статистики в медико-биологических исследованиях // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2013. №1(89). С. 165-172.
6. Что такое паттерны поведения в психологии [Электронный ресурс] // Институт современных психологических технологий [Офиц. сайт]. URL: https://clck.ru/3MrqsD
7. Кеттелл Р.Б. Научный анализ личности. М.: Прогресс, 1993. 290 с.
8. Люшер М. Цвет вашего характера. М.: Вече, Персей, 1996. 240 с.
9. Малишевский А. В., Власов Е. В., Каймакова Е. М. Возможные пути решения проблемы снижения негативного влияния человеческого фактора в чрезвычайных ситуациях на транспорте // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2015. № 1. С. 108-114.
10. Махрусе Насма. Современные тенденции методов интеллектуального анализа данных: метод кластеризации // Московский экономический журнал. 2019. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-metodov-intellektualnogo-analiza-dannyh-metod-klasterizatsii
11. Мерзлякова Д. Р. (сост.). Психологическая устойчивость человека в чрезвычайных ситуациях: учебное пособие. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. 205 с.
12. Осипов А. В. Психологическая готовность специалистов пожарно-спасательных подразделений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-gotovnost-spetsialistov-pozharno-spasatelnyh-podrazdeleniy
13. Псардия В. М., Сон М. Е., Тюльпенева М. С. Взаимосвязь между типами темперамента личности и его поведением в критических ситуациях // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS : сборник статей L Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 января 2021 года. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 334-336.
14. Соколовская А. В., Казаева О. В. Оценка склонности к риску у будущих техников-спасателей // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2022. № 4. С. 112-118.
15. Спилбергер Ч.Д., Ханин Ю.Л. Исследование тревожности в спорте // Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 92-105.

Methodology for Diagnosing Psychophysiological Readiness for Actions in Emergency Situations: Development and Validation Using the Example of Personnel at Critical Facilities

Fariz F. Isaev

Postgraduate Student,
Gubkin University of Oil and Gas,
119991, 65, Leninsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Isaev@mail.ru

Irina A. Minaeva

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Gubkin University of Oil and Gas,
119991, 65, Leninsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: analitikarodis@yandex.ru

Abstract

The aim of the work is the development and validation of an original methodology designed for diagnosing the psychophysiological readiness of workers in the fuel and energy complex for operational actions in emergency situations. The relevance is determined by the critical importance of considering the psychological component and behavioral aspects when training personnel at critical facilities. The diagnostic complex integrates a number of valid questionnaires (Eysenck, Cattell, Schubert, Spielberger-Hanin, Lüscher), allowing for a multicomponent assessment of parameters such as adaptability, stress resistance, impulse control, determination, anxiety, and risk acceptance. The approbation was conducted on a large-scale sample (n=2058) of employees from industry enterprises. Statistical analysis confirmed the stability of the methodology's results upon retesting ($r > 0.85$). Based on data distribution, typical and atypical psychological profiles were identified. The practical applicability of the approach for preliminary assessment, prediction of behavior in emergency circumstances, and the design of individual psychological training programs has been established.

For citation

Isaev F.F., Minaeva I.A. (2025) Metodika diagnostiki psikhofiziologicheskoy gotovnosti k deystviyam v chrezvychaynykh situatsiyakh: razrabotka i validizatsiya na primere personala ob"yektov [Methodology for Diagnosing Psychophysiological Readiness for Actions in Emergency Situations: Development and Validation Using the Example of Personnel at Critical Facilities]. Psikhologiya. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 57-68. DOI: 10.34670/AR.2026.96.20.003

Keywords

Emergency readiness, psychophysiological diagnostics, fuel and energy complex personnel, human factor, stress resistance, methodology validation, psychological profile, behavior in crisis conditions.

References

1. Aizenk, G. Iu. (1999). *Struktura lichnosti* [The structure of personality]. Iuventa.
2. Belosludtsev, V. I. (1996). Psikhologicheskii mekhanizm i osnovnye tendentsii professional'noi deformatsii [Psychological mechanism and main trends of professional deformation]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2(4). https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiy-mehanizm-i-osnovnye-tendentsii-professionalnoy-deformatsii
3. Borzdova, T. V. (2021). *Osnovy statisticheskogo analiza i obrabotka dannykh s primeneniem Microsoft Excel: ucheb. posobie* [Fundamentals of statistical analysis and data processing using Microsoft Excel: A study guide]. GIUST BGU.
4. Institut sovremennykh psikhologicheskikh tekhnologii. (n.d.). *Chto takoe patterny povedeniia v psikhologii* [What are behavioral patterns in psychology]. Retrieved May 14, 2025, from https://clck.ru/3MrqsD
5. Ilin, V. P. (2013). Metodicheskie osobennosti primeneniia deskriptivnoi statistiki v mediko-biologicheskikh issledovaniiakh [Methodological features of using descriptive statistics in biomedical research]. *Biulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk*, 1(89), 165–172.
6. Ketell, R. B. (1993). *Nauchnyi analiz lichnosti* [The scientific analysis of personality]. Progress.
7. Liusher, M. (1996). *Tsvet vashego kharaktera* [The color of your character]. Veche, Persei.
8. Malashevskii, A. V., Vlasov, E. V., & Kaimakova, E. M. (2015). Vozmozhnye puti resheniia problemy snizheniia negativnogo vliianiia chelovecheskogo faktora v chrezvychainykh situatsiiakh na transporte [Possible ways to solve the problem of reducing the negative impact of the human factor in transport emergencies]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiiakh*, 1, 108–114.
9. Makhrouse Nasma. (2019). Sovremennye tendentsii metodov intellektual'nogo analiza dannykh: metod klasterizatsii [Modern trends in data mining methods: The clustering method]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, 6. https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-metodov-intellektualnogo-analiza-dannyh-metod-klasterizatsii
10. Merzliakova, D. R. (Ed.). (2014). *Psikhologicheskaia ustoichivost' cheloveka v chrezvychainykh situatsiiakh: uchebnoe posobie* [Psychological resilience of a person in emergency situations: A textbook]. Izdatel'stvo "Udmurtskii universitet".
11. Osipov, A. V. (2007). Psikhologicheskaia gotovnost' spetsialistov pozharno-spasatel'nykh podrazdelenii [Psychological readiness of specialists from fire and rescue units]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 3. https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-gotovnost-spetsialistov-pozharno-spasatelnyh-podrazdeleniy
12. Psardiia, V. M., Son, M. E., & Tiul'peneva, M. S. (2021). Vzaimosviaz' mezhdu tipami temperamenta lichnosti i ego povedeniem v kriticheskikh situatsiiakh [The relationship between personality temperament types and behavior in critical situations]. In *WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: sbornik statei L Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 334–336). Nauka i Prosveshchenie.
13. Sokolovskaia, A. V., & Kazaeva, O. V. (2022). Otsenka sklonnosti k risku u budushchikh tekhnikov-spasatelei [Assessment of risk propensity among future rescue technicians]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiiakh*, 4, 112–118.
14. Spilberger, Ch. D., & Khanin, Iu. L. (1975). Issledovanie trevozhnosti v sporte [A study of anxiety in sports]. *Voprosy psikhologii*, 3, 92–105.
15. Vrublevskii, A. V. (2017). Sklonnost' i gotovnost' k risku. Vospriiatie riska ofitserom-spasatelem v usloviiakh chrezvychainoi situatsii [Propensity and readiness for risk. Risk perception by a rescue officer in an emergency]. *Vestnik Universiteta grazhdanskoi zashchity MChS Belarusi*, 3. https://cyberleninka.ru/article/n/sklonnost-i-gotovnost-k-risku-vospriyatie-riska-ofitserom-spasatelem-v-usloviyah-chrezvychaynoy-situatsii

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.923.2 **DOI:10.34670/AR.2026.62.97.004**

Этапы становления самоопределения в юношеском возрасте как основы профессионального самосознания

Ушакова Лидия Геннадьевна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры музыкального образования,
Иркутский государственный университет,
664000, Российская Федерация, Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9;
e-mail: lidiau13@mail.ru

Аннотация

Проблеме самоопределения в отечественной науке посвящено немало фундаментальных теоретических и экспериментальных исследований. Философы Л.Н. Коган, И.С. Кон, А.Г. Спиркин рассматривали самоопределение в рамках экзистенциализма, раскрывая его как понимание человеком самого себя в процессе поиска смысла жизни. Самоопределение в психологическом аспекте изучалось С.Л. Рубинштейном, Л.И. Божович, М.Р. Гинзбург, Е.А. Климовым и др. Анализируя подходы к содержанию понятия «самоопределение», можно утверждать, что оно характеризуется процессуальностью и результативностью. Самоопределение, по сути, является результатом личностного выбора жизненного пути посредством постановки целей и средств их достижения. Установлено, что процесс самоопределения личности начинается уже в юности и может продолжаться на протяжении всей жизни человека. При этом будущее человек планирует на несколько лет вперед, ставя цели и делая определенный выбор на каждом жизненном этапе. Таким образом, можно констатировать тот факт, что, несмотря на постоянный интерес и разносторонние взгляды на изучение проблем, связанных с самоопределением личности, остается множество нерешенных вопросов и неисследованных задач в области изучения профессионального становления личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ушакова Л.Г. Этапы становления самоопределения в юношеском возрасте как основы профессионального самосознания // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 69-74. DOI:10.34670/AR.2026.62.97.004

Ключевые слова

Самоопределение, самосознание, профессиональное самосознание, личность, юношество, профессиональное становление, возрастная психология.

Введение

Как известно, юношеский возраст является переходным периодом от подросткового этапа к взрослости. При этом в психологическом понятии «взрослость» существует два аспекта. Во-первых, взрослость рассматривается как физиологическое созревание. Под биологической взрослостью можно понимать достижение индивидом половой зрелости, т.е. способности к деторождению. Во-вторых, взрослость понимается как активное самопознание и самоопределение в юношеский период. Под социальной взрослостью, как правило, понимается принятие человеком своей роли взрослого или появление экономической независимости. При этом, Л.С. Выготский отмечает, что в обществе критерием взрослости является готовность юношества к осуществлению разных видов труда, овладение системой знаний, культурой и т.д.

Кроме того, Л.С. Выготский указывает, что формирование самосознания выступает одним из главных процессов в период юношества. Кризис возраста, который характерен для данного этапа взросления, играет важную роль в «становлении личности как субъекта собственного развития» [Выготский, 2005, с. 26]. Л.С. Выготский также считает, что юность – это этап перехода от детства к взрослости.

Юношеский возраст как этап самоопределения

Б.Г. Ананьев, рассматривая период юности, условно делит его на два этапа. Для первого этапа - ранней юности - характерна неопределенность роли человека в обществе. Юноши, как правило, осознают, что уже не являются детьми, но еще и не стали «полноценными» взрослым. Б.Г. Ананьев определяет юность как ядро зрелости, уточняя при этом, что в процессе их социализации проявляется характерная черта - профессиональное становление.

Х. Ремшмидт пишет, что в этот период начинается взросление, в котором происходят не только и не столько биологические и физиологические изменения, сколько психологическое развитие. Именно в последствии рефлексии у юношей и девушек формируется система взглядов и ценностей, значимым для них становится мнение близких людей.

И.Ю. Кулагина отмечает, что для юношеского возраста, как и для подросткового, характерен максимализм, который оказывает достаточное влияние при решении поставленных внутренних вопросов и недостаточная развитость гибкости собственных взглядов.

Ф. Райс и К. Долджин, анализируя труды Р. Хавигхерста, указывают наиболее важные задачи, которые решаются в период юности. Кроме биологических и физиологических задач, к которым относят внешность юношей и девушек в части ее принятия, физические данные, неудовлетворенность своим телом, гормональные изменения и т.д., авторы выделяют также организацию новых более зрелых отношений со сверстниками обоих полов. Как указывает Р. Хавигхерст, в этом возрасте на первый план выступает мастерство общения и стиль поведения в группе сверстников.

Ф. Райс и К. Долджин, характеризуя общение в период юности, говорят о вынужденной смене интересов и дружбы между однополыми сверстниками на гетеросексуальную дружбу.

В.С. Мухина указывает, что в период юности происходит рефлексия, поиск ценностных ориентиров, избирается личностная жизненная позиция. При этом актуализируется проблема отсутствия жизненного опыта как у самой личности, так и ближайшего круга сверстников, которую юноши и девушки решают двумя способами. В.С. Мухина говорит, что молодые люди либо самосовершенствуются, равняясь на определенный идеал, либо избирают путь

«подражания антигерою» и это имеет особые последствия при развитии личности.

И.Ф. Мошак указывает, что в процессе общения со сверстниками у старшеклассников проявляется их жизненная позиция, которую автор условно делит на активную и пассивную. Для активной позиции характерно проявление лидерских качеств, ораторских способностей и умения убеждать. Кроме того, активную жизненную позицию И.Ф. Мошак в свою очередь делит на позитивную и негативную. В первой отмечаются люди с высокой нравственностью, а ко второй автор относит людей, которые являются лидерами хулиганских группировок. Для пассивной жизненной позиции характерны такие качества, как безынициативность, инфантильность, разрушительность и импульсивность. Таким образом И.Ф. Мошак делает вывод о том, что при формировании активной жизненной позиции личность нуждается в психологической поддержке.

Е.Е. Чурилова отмечает, что «юность – одни из кризисных периодов взросления, он формирует взрослую личность» [Чурилова, 2019, с. 16]. Неадекватная оценка своих сил и возможностей, нередко приводит к дезадаптации во внешнем мире. В юношеском возрасте ключевая деятельность заключается в поиске своего «Я» и места в жизни, формировании основ личностного и профессионального самоопределения.

И.С. Кон в своих трудах выделяет ряд особенностей юношеского периода, к которым относит, в первую очередь, закон неравномерности созревания и развития, указывая на разность типов развития, половозрастные и личностные особенности. Как справедливо указывает автор, «порой сложно понять при виде старшеклассника кто стоит перед тобой – подросток, юноша или взрослый» [Кон, 1980, с. 36]. К закону неравномерности созревания и развития И.С. Кон относит неравномерность, которая является и межличностной, и внутриличностной. В период юности особую важность приобретают процессы самосознания, которые И.С. Кон определяет как личностные особенности. При этом, важным выступает вопрос о том, чтобы не допустить поспешность или пассивность в процессе самоопределения.

И.В. Сысоева, изучая особенности юношеского возраста, делает вывод о важности общение. Но в отличии от подростков, которым свойственно большая зависимость от компании и сверстников, юноши предпочитают общество самих себя или интимно-личностное общение с близким человеком. Отношения с выбранным человеком развиваются от простого соратника по общими интересами до самого близкого человека, который интересен сам по себе.

Также И.В. Сысоева выделяет особенность юношества, характеризующую их отношение к окружающему миру. Автор отмечает, что предметное содержание уступает место оценке поступков и поведения других людей. Такое целостное восприятие человека, помогает юношеству выстроить фундамент для идеала, на который впоследствии они будут ориентироваться сами. Все это И.В. Сысоева относит к особенностям развития образа «Я» и самосознания в юношеском возрасте.

А.М. Алибулатова считает, что ведущей деятельностью юности является учебно-профессиональная. Именно в этот период жизни «учебный процесс рассматривается с точки зрения его пользы в дальнейшей профессиональной деятельности» [Алибулатова, 2021, с. 46].

Для юношества, как пишет В.Н. Карандашев, профессиональное самоопределение играет одно из ведущих направлений, в значительной степени определяя их будущее становление и успешность во взрослой жизни. Обучение для молодых людей воспринимается как стимул получить хорошую профессию. Также В.Н. Карандашев отмечает, что процесс профессионального самоопределения начинается в период обучения в школе и нередко заканчивается после выхода на пенсию.

Н.И. Трубникова, отмечает, что «помимо профессиональной и трудовой деятельности», формирование личности происходит в других микросредах и прочих деятельностях.

Е.А. Климов считает, что профессиональное самоопределение должно рассматриваться не в «в эгоистическом плане, а в приобщении к обществу, к цивилизации, к культуре» [Климов, 1996, с. 85]. Согласно Е.А. Климову, важнейшей составляющей самоопределения в юности является формирование профессионального самосознания.

Е.А. Голомшток, говоря о профессиональном самоопределении как деятельности человека, определяет его содержание в зависимости развития индивида как субъекта труда.

Э.Ф Зеер, изучая психологические особенности профессионального становления личности, рассматривает профессиональное самоопределение, как определение себя относительно выработанных в обществе и осознанно принятых человеком критериев профессионализма.

Сформированная внутренняя готовность к самостоятельному планированию своей будущей жизни – одна из главных целей профессионального самоопределения.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что юношество – один сложных этапов развития человека. Именно в этот период, как отмечают Л.С. Выготский, Е.Е. Чурилова и др., приходится кризис возраста, который влияет на взросление личности. Юношам и девушкам приходиться переоценивать свои ориентиры и взгляды, что в свою очередь влияет на их мировоззрения, заставляет активно размышлять о своем будущем. Понимая, что большая часть взрослой жизни связана с профессиональной деятельностью, в приоритет старшеклассников попадает учебно-профессиональная деятельность.

С.Л. Рубинштейн, И.С. Кон, М.Р. Гинзбург и др. обращают внимание, что самоопределение важный процесс в жизни личности и влияет на формирование ценностей и жизненный путь человека. Б.Ф. Ломов, А.Г. Спиркин и др. указывают на то, что социальная активность личности влияет на самоопределение. По их мнению, находясь в социуме и включаясь в его процессы, самоопределение может модернизироваться, что не меняет человека полностью, но накапливает его жизненный опыт. Отчасти именно поэтому в юности появляется проблема выбора профессии, ведь он будет определять не только деятельность человека, но качество его жизни, роль в обществе и др. Следовательно, профессиональное самоопределение рассматривается как непрерывный процесс, который занимает лидирующие позиции в профессиональном самосознании в юношеский возрастной период, но он не может быть сведен и не сводится к простому выбору профессии.

Библиография

1. Алибулатова А.М-а. Психологические особенности учащихся старших классов, Цифровая наука, 2021, № 2, с. 45-48.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т II, Под ред. А.А. Бодалева и др., Москва: Педагогика, 1980.
3. Выготский Л.С. Психология развития ребенка, Москва: Смысл, Эксмо, 2005.
4. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема, Вопросы психологии, 1988, № 2, с. 19-27.
5. Голомшток А.Е. Выбор профессии и воспитание личности школьника: Воспитательная концепция профессиональной ориентации, Москва: Педагогика, 1979.
6. Зеер Э.Ф. Психология профессий, Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
7. Карандашев В.Н. Психология: Введение в профессию, Москва: Смысл, 2000.

8. Климов Е.А. Психология профессионала, Москва: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
9. Кон И.С. Открытие «Я», Москва: Политиздат, 1978.
10. Кон И.С. Психология старшеклассника, Москва: Просвещение, 1980.
11. Кривцова Н.С. О формировании положительного образа профессии у старшеклассников: основные подходы и результаты, БГЖ, 2017, № 3, с. 204-209.
12. Кулагина И.Ю. Психология развития и возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека, Москва: Академический проект, 2020.
13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии, Москва: Наука, 1999.
14. Мошак И.Ф. Психологические особенности старшеклассников с нарушенной активной жизненной позицией, Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2020, № 6, с. 5-10.
15. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество, Москва: Академия, 2004.
16. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста, Санкт-Петербург: Питер, 2012.
17. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности, Москва: Мир, 1994.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии, Санкт-Петербург: Питер, 2002.
19. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание, Москва: Политиздат, 1972.
20. Сысоева И.В. Особенности развития личности в юношеском возрасте в контексте культурно-исторической теории, Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2012, № 15, с. 130-136.
21. Трубникова Н.И. Самоопределение как проблема психологического исследования, СПЖ, 2002, № 16-17, с. 28-31.
22. Чурилова Е.Е. Особенности самоопределения личности в юношеском возрасте, Кронос: психология и педагогика, 2019, № 2 (19), с. 15-17.

Stages of Identity Formation in Adolescence as the Foundation of Professional Self-Consciousness

Lidiya G. Ushakova

PhD in Psychological Sciences,
Associate Professor, Department of Music Education,
Irkutsk State University,
664000, 9, Sukhe-Batora str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: lidiau13@mail.ru

Abstract

The issue of identity formation has been the subject of numerous fundamental theoretical and experimental studies in Russian science. Philosophers such as L.N. Kogan, I.S. Kon, and A.G. Spirkin considered self-determination within the framework of existentialism, revealing it as an individual's understanding of themselves through the search for the meaning of life. Self-determination in its psychological aspect was studied by S.L. Rubinstein, L.I. Bozhovich, M.R. Ginzburg, E.A. Klimov, and others. Analyzing approaches to the concept of "self-determination," it can be affirmed that it is characterized by both process and result. Self-determination is essentially the result of a personal choice of one's life path through goal-setting and the selection of means to achieve them. It has been established that the process of personal identity formation begins in adolescence and can continue throughout a person's life. At the same time, a person plans for the future several years ahead, setting goals and making specific choices at each stage of life. Thus, it can be stated that, despite constant interest and diverse perspectives on studying the problems related to personal identity, many unresolved questions and unexplored tasks remain in the field of investigating personal professional development.

For citation

Ushakova L.G. (2025) Etapy stanovleniya samoopredeleniya v yunosheskom vozraste kak osnovy professional'nogo samosoznaniya [Stages of Identity Formation in Adolescence as the Foundation of Professional Self-Consciousness]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 69-74. DOI:10.34670/AR.2026.62.97.004

Keywords

Identity formation, self-consciousness, professional self-consciousness, personality, adolescence, professional development, developmental psychology.

References

1. Alibulatova, A.M. (2021). Psikhologicheskie osobennosti uchashchikhsya starshikh klassov [Psychological Features of High School Students]. Tsifrovaya nauka [Digital Science], (2), 45–48.
2. Ananyev, B.G. (1980). Izbrannye psikhologicheskie trudy: V 2-kh t. T II [Selected Psychological Works: In 2 Volumes. Vol. II]. (A.A. Bodalev, Ed.). Pedagogika.
3. Churilova, E.E. (2019). Osobennosti samoopredeleniya lichnosti v yunosheskom vozraste [Features of Personal Self-Determination in Adolescence]. Kronos: psikhologiya i pedagogika [Kronos: psychology and pedagogy], 2(19), 15–17.
4. Ginzburg, M.R. (1988). Lichnostnoe samoopredelenie kak psikhologicheskaya problema [Personal Self-Determination as a Psychological Problem]. Voprosy psikhologii [Questions of psychology], (2), 19–27.
5. Golomshtok, A.E. (1979). Vybor professii i vospitanie lichnosti shkolnika: Vospitatelnaya kontseptsiya professionalnoy orientatsii [Choice of Profession and Education of the Student's Personality: Educational Concept of Professional Orientation]. Pedagogika.
6. Karamdashev, V.N. (2000). Psikhologiya: Vvedenie v professiyu [Psychology: Introduction to the Profession]. Smysl.
7. Klimov, E.A. (1996). Psikhologiya professionala [Psychology of a Professional]. Institut prakticheskoy psikhologii; NPO "MO-DEK".
8. Kon, I.S. (1978). Otkrytie «Ya» [The Discovery of the Self]. Politizdat.
9. Kon, I.S. (1980). Psikhologiya starsheklassnika [The Psychology of a High School Student]. Prosveshchenie.
10. Krivtsova, N.S. (2017). O formirovanii polozhitelnogo obraza professii u starsheklassnikov: osnovnye podkhody i rezultaty [On the Formation of a Positive Image of a Profession among High School Students: Main Approaches and Results]. BGJ, (3), 204–209.
11. Kulagina, I.Yu. (2020). Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya: polnyy zhiznennyy tsikl razvitiya cheloveka [Psychology of Development and Age Psychology: The Full Life Cycle of Human Development]. Akademicheskiy proekt.
12. Lomov, B.F. (1999). Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Nauka.
13. Moshak, I.F. (2020). Psikhologicheskie osobennosti starsheklassnikov s narushennoy aktivnoy zhiznennoy pozitsiey [Psychological Features of High School Students with a Disturbed Active Life Position]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research], (6), 5–10.
14. Mukhina, V.S. (2004). Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo [Age Psychology: Phenomenology of Development, Childhood, Adolescence]. Akademiya.
15. Rice, F. (2012). Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta [Psychology of Adolescence and Youth]. Piter.
16. Remshmidt, H. (1994). Podrostkovyy i yunosheskiy vozrast: problemy stanovleniya lichnosti [Adolescence and Youth: Problems of Personality Development]. Mir.
17. Rubinstein, S.L. (2002). Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. Piter.
18. Spirkin, A.G. (1972). Soznanie i samosoznanie [Consciousness and Self-Consciousness]. Politizdat.
19. Sysoeva, I.V. (2012). Osobennosti razvitiya lichnosti v yunosheskom vozraste v kontekste kulturno-istoricheskoy teorii [Features of Personality Development in Adolescence in the Context of Cultural-Historical Theory]. Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» [RGGU Bulletin. Series "Psychology. Pedagogy. Education"], (15), 130–136.
20. Trubnikova, N.I. (2002). Samoopredelenie kak problema psikhologicheskogo issledovaniya [Self-determination as a Problem of Psychological Research]. SPJ, (16-17), 28–31.
21. Vygotsky, L.S. (2005). Psikhologiya razvitiya rebenka [Child Development Psychology]. Smysl, Eksmo.
22. Zeer, E.F. (2003). Psikhologiya professiy [Psychology of Professions]. Akademicheskiy proekt; Delovaya kniga.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 377.131.11 **DOI:10.34670/AR.2026.19.50.005**

Проблема готовности преподавателей вуза к работе по программам дополнительного профессионального образования: теория и практика

Фалунина Елена Васильевна

Доктор психологических наук, доцент, профессор,
Братский государственный университет,
665709, Российская Федерация, Братск, ул. Макаренко, 40;
e-mail: falunina.elena@yandex.ru

Мирошниченко Евгения Витальевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Братский государственный университет,
665709, Российская Федерация, Братск, ул. Макаренко, 40;
e-mail: eva.miroshnichenko.72@mail.ru

Шмонина Наталья Ивановна

Старший преподаватель,
Братский государственный университет,
665709, Российская Федерация, Братск, ул. Макаренко, 40;
e-mail: natalya-shmonina@yandex.ru

Аннотация

В условиях экономических реформ, связанных с государственным переустройством в России, очевидно, что развитие современного общества зависит от уровня образования данного общества, а также состояния науки в целом. За последний период наблюдается острая необходимость как в переквалификации, так и в обновлении знаний и совершенствовании профессиональных компетенций уже состоявшихся специалистов в разных областях профессиональной деятельности. В современной системе образования исключительная роль отведена дополнительному профессиональному образованию, отвечающему за обновление и обогащение интеллектуального потенциала специалистов в различных областях. Данная статья посвящена исследованию проблемы готовности преподавателей вуза к работе по программам дополнительного профессионального образования на примере Межрегионального центра повышения квалификации ФГБОУ ВО «Братский государственный университет».

Для цитирования в научных исследованиях

Фалунина Е.В., Мирошниченко Е.В., Шмонина Н.И. Проблема готовности преподавателей вуза к работе по программам дополнительного профессионального образования: теория и практика // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 75-82. DOI: 10.34670/AR.2026.19.50.005

Ключевые слова

Преподаватель вуза, профессиональная готовность преподавателя, разработка и внедрение программ, дополнительное профессиональное образование, управление образованием, методология исследования.

Введение

Проблема профессиональной готовности преподавателей вузов к разработке и внедрению программ дополнительного профессионального образования является актуальной и многогранной в современном образовательном пространстве [Об образовании в Российской Федерации, 2012], и обусловлена рядом факторов, среди которых выделяют: изменения в образовательной среде; требования рынка труда по подготовке и переподготовке высококвалифицированных специалистов; развитие цифровых технологий и дистанционных образовательных сред; а также необходимость постоянного повышения квалификации кадров на всех уровнях системы образования и др.

Основными аспектами проблемы являются:

- изменение требований к педагогическим кадрам: современные условия требуют от преподавателей не только глубоких предметных знаний, но и умения адаптироваться к новым образовательным технологиям, методикам и формам организации учебного процесса [Азбукина, 2011]. Это включает владение современными средствами коммуникации, умение разрабатывать интерактивные учебные материалы и применять методы активного обучения, в том числе, и метод проектов;
- недостаточная подготовка педагогов: многие преподаватели вузов не имеют достаточного опыта разработки образовательных программ, особенно в области дополнительного профессионального образования. Это связано с отсутствием специализированных курсов подготовки и недостаточным вниманием к этому аспекту в процессе профессиональной переподготовки;
- отсутствие мотивации: педагоги часто сталкиваются с нехваткой стимулов для участия в программах дополнительного профессионального образования [Деркач, Назаров, 2018]. Низкая оплата труда, высокая нагрузка и отсутствие карьерных перспектив снижают интерес к развитию профессиональных компетенций;
- технические и организационные барьеры: разработка и внедрение новых программ требует значительных ресурсов, включая финансовые вложения, доступ к современным технологиям и поддержку администрации вуза [Зуева, 2013]. Недостаточное финансирование и бюрократические препятствия создают дополнительные трудности;
- необходимость междисциплинарного подхода: программы дополнительного профессионального образования часто предполагают интеграцию различных дисциплин и областей знания [Костакова, Белоусова, 2014]. Преподаватели должны уметь сотрудничать с коллегами из разных специальностей, что требует развития коммуникативных и управленческих навыков [Федосенко, 2012].

Организация и методики исследования

Профессиональную готовность преподавателей вуза к работе в системе ДПО мы рассматриваем как психический феномен, содержание которого составляют знания и умения,

личностные качества и способности, ценности и мотивы, помогающие достичь поставленных целей в профессии.

Психологический инструментарий исследования: анкета «Готовность преподавателя к работе в системе ДПО» (Е.В. Мирошниченко, Н.В. Фигура); «Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ)» (И.Г. Сенин); тест «Ведущие мотивы профессиональной деятельности (А.А. Азбель).

В экспериментальном исследовании принимали участие преподаватели вуза, деканы факультетов, заведующие кафедрами, доценты и профессора, кандидаты и доктора наук.

Дискуссия

Для преодоления указанных трудностей предлагается ряд мер в качестве путей решения анализируемой проблемы:

- организация специальных курсов и семинаров для повышения квалификации преподавателей высшей школы;
- создание условий для мотивации участников программ ДПО;
- формирование команды разработчиков, включающей представителей различных факультетов и кафедр;
- использование современных технологий и методов обучения, таких как дистанционное обучение, смешанное образование и геймификация – применение в прикладном программном обеспечении, в том числе и веб-сайтах, техник и подходов, характерных для ряда компьютерных игр с целью привлечения пользователей и потребителей, повышения их вовлечённости в решение различного рода профессиональных задач с использованием различных продуктов и услуг;
- регулярная оценка эффективности программ и внесение необходимых изменений, согласно инновациям научно-технического прогресса.

Таким образом, профессиональная готовность преподавателей вузов к разработке и внедрению программ дополнительного профессионального образования представляет собой комплексную проблему, решение которой требует системного подхода и совместных усилий всех заинтересованных сторон [Роботова, 2016].

Для успешной разработки и внедрения программ дополнительного профессионального образования преподаватели высшей школы должны обладать определёнными компетенциями, позволяющими эффективно проектировать образовательные ресурсы, учитывая потребности слушателей и обеспечивая высокое качество обучения [Рубинштейн, 2018].

К специальным профессиональным компетенциям [Фалунина, 2019] можно отнести:

- методологические навыки: преподаватель должен владеть навыками проектирования учебных программ, понимать структуру и содержание образовательных модулей, уметь формулировать цели и задачи обучения и т.п. Важно также знание методик оценки результатов обучения и способность выбирать оптимальные формы контроля усвоенных знаний;
- навыки анализа потребностей целевой аудитории: одной из ключевых задач разработчика программ ДПО является выявление реальных потребностей слушателей. Преподаватель должен уметь проводить опросы, анализировать рынок труда, определять тенденции развития профессии и составлять профиль будущих обучающихся;
- информационно-коммуникационная компетентность: современные технологии играют важную роль в обучении. Преподаватель обязан владеть инструментами дистанционного

обучения, электронными ресурсами, платформами управления учебным процессом (LMS). Умение создавать мультимедийные презентации, электронные курсы и вебинары значительно повышает эффективность программ ДПО;

- организационные способности: подготовка и реализация программ ДПО включает управление проектами, координацию действий коллектива, взаимодействие с администрацией вуза и партнёрами. Преподаватель должен уметь планировать работу, распределять обязанности, контролировать выполнение этапов проекта и своевременно вносить коррективы;

- психолого-педагогические навыки: знание особенностей взрослых учащихся, умение строить доверительные отношения, поддерживать мотивацию студентов являются важными элементами успеха реализации программы ДПО. Эффективный преподаватель должен иметь представление о возрастных особенностях восприятия материала взрослыми слушателями и применяемых эффективных педагогических технологиях;

- коммуникативные способности: работа над программой предполагает активное общение с разными участниками образовательного процесса: студентами, специалистами-практиками, работодателями, профессорско-преподавательским составом ваза(ов) страны. Высокий уровень коммуникативной культуры способствует эффективному взаимодействию и успешному решению возникающих трудностей в образовательном процессе.

Способы мотивации

Вопрос мотивации преподавателей к участию в программах дополнительного профессионального образования является одним из наиболее важных аспектов успешного внедрения таких программ [Hillman, 1992]. Именно благодаря эффективной мотивации сотрудники смогут активно вовлекаться в процесс разработки и реализации образовательных инициатив, что обеспечит высокие результаты обучения и повысит общую квалификацию персонала:

- материальная мотивация поощрением: один из наиболее действенных способов стимулирования активности. Повышение заработной платы, премии, бонусы за разработку успешных программ, гранты на научные исследования – всё это способно существенно повлиять на заинтересованность сотрудников в участии в программах ДПО;

- возможность карьерного роста: представление возможности продвижения по карьерной лестнице. Участие в программе ДПО может учитываться при оценке кандидатов на повышение должности, назначение руководителем подразделения или при получении учёного звания;

- обучение и повышение квалификации: организация мероприятий по обучению и повышению квалификации преподавателей позволяет расширить кругозор и приобрести новые профессиональные навыки. Участие в конференциях, тренингах, стажировках помогает сотрудникам развиваться профессионально и получать признание коллег;

- признание заслуг: публичное признание достижений преподавателей оказывает положительное влияние на их самооценку и чувство значимости. Награждение дипломами, грамотами, публикация статей в научных изданиях способствуют укреплению статуса сотрудника и повышают желание продолжать заниматься разработкой и реализацией программ ДПО;

- улучшение рабочих условий: создание комфортных условий труда также способствует привлечению преподавателей к работе над программами ДПО. Представление оборудованного рабочего места, доступ к необходимым ресурсам и материалам помогают снизить нагрузку и повысить продуктивность;

- поддержка инициативы: администрация должна проявлять внимание к инициативе преподавателей. Создавая благоприятные условия для реализации идей и предложений. Оказывая моральную и административную поддержку, руководство демонстрирует свою заинтересованность в развитии сотрудников и достижении высоких результатов.

Выявленные в исследовании причины низкой мотивации:

- высокая рабочая нагрузка: чрезмерная занятость основной работой профессорско-преподавательского состава современного вуза; большое количество часов аудиторных занятий, научно-исследовательская деятельность, административная и общественная работа, погружённость в подготовку документов по образовательному процессу – требует больших энерго- и временных затрат, не оставляя свободного времени, в том числе личного;

- отсутствие материальных стимулов: часто программы ДПО воспринимаются преподавателями как дополнительная работа, не компенсируемая должным образом материально. Если трудозатраты не соответствуют уровню вознаграждения, это вызывает снижение желания участвовать в подобных мероприятиях;

- нехватка свободного времени: жизнь современного преподавателя насыщена разнообразными мероприятиями, такими как подготовка и проведение лекций, консультаций, практикумов и семинаров, практических занятий и лабораторных работ, экзаменов и защит ВКР; организация и проведение конференций и дней открытых дверей и т.п. Свободное время становится дефицитом, и дополнительное обучение воспринимается как лишняя нагрузка;

- несоответствие ожиданий результатам: некоторые преподаватели ожидают быстрого эффекта от своего участия в программа ДПО, однако реальный результат проявляется спустя длительное время. Когда ожидания не оправдываются, возникает разочарование и нежелание продолжать участие в данном виде профессиональной деятельности;

- сложность интеграции в учебный процесс: интеграция программ ДПО в существующую систему обучения нередко сталкивается с техническими проблемами, организационными ограничениями и необходимостью перестройки первичных схем работы. Такие трудности отпугивают многих преподавателей;

- ограниченность возможностей для самореализации: многие педагоги чувствуют себя ограниченными рамками традиционных подходов к образованию, что создаёт ощущение рутины и отсутствия перспективы для личностного и профессионального роста. В результате снижается интерес к дополнительным возможностям развития;

- недостаточность информированности: частым препятствием является недостаток информации о преимуществах и возможностях, предоставляемых программами ДПО. Непонимание пользы от участия ведёт к отсутствию интереса и снижению уровня мотивации [Hall, Lindsey, 1970].

Вывод по исследованию

По проблеме готовности преподавателей вуза к работе по программам ДПО необходимо отметить следующее:

– Разработка и внедрение программ дополнительного профессионального образования требует наличия целого ряда профессиональных навыков и личностных качеств у преподавателей, работающих на курсах повышения квалификации. Комплексный подход к подготовке и повышению квалификации сотрудников высшей школы позволит обеспечить высокое качество образовательных услуг и повысить конкурентоспособность учреждений высшего образования на рынке образовательных услуг.

– Эффективная система мотивации играет ключевую роль в привлечении преподавателей к участию в программах ДПО. Грамотно подобранные меры позволят активизировать деятельность сотрудников, улучшить качество образовательных программ, повысить общий уровень профессионализма преподавательских кадров.
– Причины низкой мотивации преподавателей высшей школы к участию в программах ДПО многочисленны и разнообразны. Чтобы преодолеть этот барьер, важно создать условия, способствующие росту интереса и вовлечённости сотрудников. Эти меры должны быть направлены на улучшение материального положения, сокращение рабочей нагрузки, создание комфортной социально-психологической среды для творчества и саморазвития, а также обеспечение чёткого понимания преимуществ участия в программах дополнительного профессионального образования.

Библиография

1. Азбукина Е. Ю. Рефлексия как компонент деятельности преподавателя высшей школы // Мир науки, культуры, образования. 2011. №1. С. 153-155. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/refleksiya-kak-komponent-deyatelnosti-prepodavatelya
2. Деркач А. А., Назаров С. А. Профессиональное самоопределение: сущность, структура, содержание // Акмеология. 2018. №1(65). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-suschnost-struktura-soderzhanie
3. Зуева С. П. Самореализация человека в профессиональной деятельности // Концепт. 2013. №2. URL: http://e-koncept.ru/2013/13027.htm
4. Костакова И. В., Белоусова С. С. Психологическая основа профессиональной самореализации личности // Национальный психологический журнал. 2014. №3. С. 84-89. URL: https://msupsyj.ru/articles/article/5084/
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.12.2019). Москва: Эксмо, 2018. 144 с.
6. Роботова А. С. Повседневное самообразование педагога высшей школы на этапе профессиональной зрелости // Непрерывное образование: XXI век. 2016. №1 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnoe-samoobrazovanie-pedagoga-vysshey-shkoly-na-etape-professionalnoy-zrelosti
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 713 с. URL: https://ibooks.ru/bookshelf/21947/reading
8. Фалунина Е. В. Психологическое сопровождение личностного и профессионального саморазвития педагога: учебно-методическое пособие для магистров направления «Педагогическое образование». Братск: Изд-во БрГУ, 2019. 268 с.
9. Федосенко Е. В. Психология самореализации профессионала: монография. Санкт-Петербург: Речь, 2012. 157 с.
10. Hall, C.S., Lindsey, G. Theories of Personality. New York: John Wiley and Sons, 1970. 400 p.
11. Hillman, J. The Myth of Analysis: Three Essays in Archetypal Psychology. New York, 1992. 320 p.

The Problem of University Teachers' Readiness for Work in Continuing Professional Education Programs: Theory and Practice

Elena V. Falunina

Doctor of Psychological Sciences,
Associate Professor, Professor,
Bratsk State University,
665709, 40, Makarenko str., Bratsk, Russian Federation;
e-mail: falunina.elena@yandex.ru

Evgeniya V. Miroshnichenko

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,
Bratsk State University,
665709, 40, Makarenko str., Bratsk, Russian Federation;
e-mail: eva.miroshnichenko.72@mail.ru

Natal'ya I. Shmonina

Senior Lecturer,
Bratsk State University,
665709, 40, Makarenko str., Bratsk, Russian Federation;
e-mail: natalya-shmonina@yandex.ru

Abstract

In the conditions of economic reforms associated with state restructuring in Russia, it is evident that the development of modern society depends on the level of education of that society, as well as the state of science as a whole. In recent times, there has been an acute need both for retraining and for updating knowledge and improving the professional competencies of already established specialists in various fields of professional activity. In the modern education system, an exceptional role is assigned to continuing professional education, responsible for updating and enriching the intellectual potential of specialists in various fields. This article is devoted to investigating the problem of university teachers' readiness to work in continuing professional education programs, using the example of the Interregional Center for Advanced Training of Bratsk State University.

For citation

Falunina E.V., Miroshnichenko E.V., Shmonina N.I. (2025) Problema gotovnosti prepodavateley vuza k rabote po programmam dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya: teoriya i praktika [The Problem of University Teachers' Readiness for Work in Continuing Professional Education Programs: Theory and Practice]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 75-82. DOI:10.34670/AR.2026.19.50.005

Keywords

University teacher, professional readiness of a teacher, development and implementation of programs, continuing professional education, education management, research methodology.

References

1. Azbukina, E. Yu. (2011). Refleksiia kak komponent deiatelnosti prepodavatelia vysshei shkoly [Reflection as a component of a higher school teacher's activity]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, (1), 153–155. https://cyberleninka.ru/article/n/refleksiya-kak-komponent-deyatelnosti-prepodavatelya
2. Derkach, A. A., & Nazarov, S. A. (2018). Professionalnoe samoopredelenie: sushchnost, struktura, soderzhanie [Professional self-determination: essence, structure, content]. *Akmeologiia*, 1(65). https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-suschnost-struktura-soderzhanie
3. Falunina, E. V. (2019). *Psikhologicheskoe soprovozhdenie lichnostnogo i professionalnogo samorazvitiia pedagoga: uchebno-metodicheskoe posobie dlia magistrov napravleniia "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [Psychological support of personal and professional self-development of a teacher: teaching aid for masters in "Pedagogical education"]. Izdatelstvo BrGU.

4. Fedosenko, E. V. (2012). *Psikhologiia samorealizatsii professionala: monografiia* [Psychology of professional self-realization: monograph]. Rech.
5. Hall, C. S., & Lindsey, G. (1970). *Theories of personality*. John Wiley and Sons.
6. Hillman, J. (1992). *The myth of analysis: Three essays in archetypal psychology*.
7. Kostakova, I. V., & Belousova, S. S. (2014). Psikhologicheskaia osnova professionalnoi samorealizatsii lichnosti [Psychological basis of professional self-realization of an individual]. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal*, (3), 84–89. https://msupsyj.ru/articles/article/5084/
8. Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: Federalnyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 02.12.2019) [On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on December 2, 2019)]. (2018). Eksmo.
9. Robotova, A. S. (2016). Povsednevnoe samoobrazovanie pedagoga vysshei shkoly na etape professionalnoi zrelosti [Everyday self-education of a higher school teacher at the stage of professional maturity]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 1(13). https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnoe-samoobrazovanie-pedagoga-vysshey-shkoly-na-etape-professionalnoy-zrelosti
10. Rubinshtein, S. L. (2018). *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Piter. https://ibooks.ru/bookshelf/21947/reading
11. Zueva, S. P. (2013). Samorealizatsiia cheloveka v professionalnoi deiatelnosti [Self-realization of a person in professional activity]. *Kontsept*, (2). http://e-koncept.ru/2013/13027.htm

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.015.3 **DOI:10.34670/AR.2026.82.49.006**

Критерии и показатели эффективности образовательной среды в личностном становлении курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России

Дзядевич Ирина Владимировна

Старший преподаватель,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1;
e-mail: Dekabristka2000@yandex.ru

Серых Анна Борисовна

Доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
236000, Российская Федерация, Калининград, ул. Чернышевского, 56а;
e-mail: ASerykh@kantiana.ru

Аннотация

Современный образовательный ландшафт находится в состоянии динамичного развития, что обусловливает его перманентную трансформацию и адаптацию к актуальным вызовам. Следовательно, формируется актуальный вызов, связанный с необходимостью адаптации к высокодинамичным трансформациям образовательной реальности как для педагогического состава, так и для контингента обучающихся. В связи с этим целью статьи является выявление основных индикаторов результативности образовательной среды, определяющих личностное формирование курсантов в образовательных организациях высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации. Задачей определено исследование критериев, факторов, влияющих на продуктивность и гармоничность образовательной среды ведомственных вузов. Гипотеза выражена в следующем: критерии и показатели эффективности образовательной среды отражают характер её функционирования, которое детерминирует процесс становления и развития личностных компетенций обучающихся. Сформированные компетенции, в свою очередь, обладают высокой социальной значимостью для данной группы. В ходе исследования был использован комплексный методологический подход, сочетающий теоретические и эмпирические методы, а также социологические методики сбор и обработки информации. Проведённый анализ позволил определить характеристики восприятия образовательной среды, детерминирующие степень психологической безопасности участников образовательного процесса. В результате проведённого анализа были выявлены особенности восприятия среды, которые обусловливают уровень психологической безопасности субъекта образовательной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзядевич И.В., Серых А.Б. Критерии и показатели эффективности образовательной среды в личностном становлении курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 83-89. DOI:10.34670/AR.2026.82.49.006

Ключевые слова

Критерии, показатели, эффективность образовательной среды, образовательный процесс, психолого-педагогический потенциал, личностное становление курсантов, высшее образование.

Введение

Для того, чтобы установить специфические особенности психологической безопасности (ПБ) образовательной среды (ОбС) вуза правоохранительной системы мы осуществили пилотажное исследование среди курсантов. В проведенной исследовательской работе применялись такие методики как наблюдение, беседа. В процессе проведения исследования среди обучающихся, определили и выявили такую проблему как нехватка ресурсного времени для самостоятельной подготовки к практико-ориентированным формам занятий. Безопасная образовательная среда способствует возникновению у её участников преимущественно нейтральных или положительных эмоций (в зависимости от ситуации) и исключает проявления истинно негативных переживаний, таких как гнев, страх [Астапов, 1992].

Основное содержание

Психологические факторы связаны со взаимоотношениями в семье, в учебной общности. Повышенный уровень тревожности выступает маркером негативного внутреннего психоэмоционального состояния обучающегося [2Серых, Капалыгина, 2018]. Комплекс субъективных переживаний, включающий перманентный внутренний дискомфорт, состояние тревоги и напряжённости, а также снижение уровня самооценки и ощущения самоценности, свидетельствует о дезадаптивных процессах и нарушениях во взаимодействии личности с окружающей социально-образовательной средой [Серых, Капалыгина, 2018].

Н.В. Юдин в данном ключе рассмотрения указанной проблемы характеризует факторы психолого-педагогические [Бикметов, 2003]. В исследовательском дискурсе образовательная среда операционализируется как совокупность внешних и внутренних факторов, оказывающих детерминирующее влияние на генезис и развитие когнитивных способностей, иерархии потребностей, структуры интересов и форм сознания личности [Илларионов, 2006]. Личность при этом рассматривается как носитель сознания, обладающий свойствами субъектности и деятельностной активности, а также относительной стабильностью социально-значимых диспозиций [Крюкова, Соловьева, Сосидко, 2002]. Оптимальная образовательная среда характеризуется исключительно высокой степенью устойчивости [Гапонова, Майорова, 2005]. Обеспеченность и результативность образовательной среды (ОбС) могут быть оценены через следующую систему интегральных критериев: активности (влияния), широты (емкости), множественности объектов взаимодействия, доминантности (приоритетности, стандартизированной защищенности (безопасности) [Беляев, 2000].

Классически эффективность определяется как соотношение достигнутого результата

(результативности) и объема затраченных ресурсов. В современном научном дискурсе операционализация понятия «эффективность образовательной среды» представляет собой актуальную и методологически сложную задачу [Березин, 1988]. В контексте современной парадигмы развивающего образования существенно возрастает роль психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса, которое выступает одним из ключевых факторов эффективности образовательной среды[Березин, 1988]. Качество фундамента, на котором строится функционирование ОбС, оказывает прямое влияние на процесс становления и развития личностных компетенций обучающихся. Эти компетенции, в свою очередь, обладают высокой социальной значимостью, определяя успешность профессиональной и социальной адаптации. Хотя совокупность факторов, обуславливающих высокую учебную мотивацию и академические достижения, является полиморфной, центральное место среди них занимает высокий уровень психологической безопасности (ПБ) в образовательной среде. Помимо этого, значимым предиктором успешности выступает уровень интеллектуального развития обучающихся (курсантов). Данный критерий репрезентирует степень развития когнитивных способностей, обеспечивающих деятельность и внимательность курсантов. Указанными факторами регулируется познавательная деятельность курсантов.

Таким образом, теоретическая модель критериев, показателей и факторов эффективности образовательной среды для личностного становления курсантов вузов МВД России включает в себя следующее (таблица).

Таблица 1 – Теоретическая модель критериев, показателей и факторов эффективности образовательной среды для личностного становления курсантов вузов МВД России

Уровень анализа	Ключевой конструкт (источник в статье)	Сущностная характеристика / Показатель	Ожидаемое влияние на личностное становление курсантов
1. Системно-структурный	Интегральные критерии ОбС (по Г.Ю. Беляеву, 2000)	1. Активность (влияние): способность среды стимулировать и принимать активность субъекта. 2. Широта (ёмкость): разнообразие и насыщенность средовых возможностей. 3. Интенсивность: мера насыщенности взаимодействиями и связями. 4. Осознаваемость (доминантность): ясность ценностей, норм, правил среды. 5. Стандартизированная защищённость (безопасность): гарантии прав, стабильность, предсказуемость.	Задают структурные рамки для развития субъектности, профессионального кругозора, социального интеллекта и правового сознания.
2. Процессуально-результативный	Эффективность ОбС (операционализация по Ф.Б. Березину, 1988)	Соотношение достигнутого результата (личностные и профессиональные компетенции) и затраченных психолого-педагогических ресурсов.	Определяет качество итогового профессионально-личностного «продукта» — выпускника. Высокая социальная значимость компетенций.
3. Психолого-педагогический	Психологическая безопасность (ПБ) ОбС (по С.Н. Илларионову, 2006)	Восприятие среды субъектом как: 1) не угрожающей; 2) поддерживающей самооценку и самоценность; 3) обеспечивающей эмоциональный комфорт (преобладание нейтральных/позитивных эмоций над гневом и страхом).	Фундаментальное условие для раскрытия потенциала, учебной мотивации, снижения тревожности и дезадаптивных процессов (Серых, Капалыгина, 2018).

Уровень анализа	Ключевой конструкт (источник в статье)	Сущностная характеристика / Показатель	Ожидаемое влияние на личностное становление курсантов
4. Личностно-развивающий	Личностное становление / компетенции (синтез идей статьи)	1. Профессионально-значимые качества (стрессоустойчивость, ответственность). 2. Когнитивное развитие (интеллект, внимательность). 3. Социально-адаптационный потенциал. 4. Устойчивая позитивная самооценка.	Целевой результат функционирования эффективной ОбС. Компетенции обладают высокой социальной значимостью для службы в МВД.
5. Факторный (риски и ресурсы)	Выявленные проблемные факторы (из пилотажного исследования)	1. Дефицит ресурсного времени для самостоятельной подготовки к практическим занятиям. 2. Повышенный уровень ситуативной тревожности как маркер неблагополучия.	Создают риски дезадаптации, снижают качество практико-ориентированной подготовки, препятствуют гармоничному становлению.
6. Ресурсный (оптимизация)	Психолого-педагогическое сопровождение (ключевой вывод статьи)	Системная деятельность по: 1) мониторингу ПБ; 2) профилактике дезадаптации; 3) развитию ресурсов личности курсанта; 4) оптимизации взаимодействий в среде.	Главный инструмент повышения эффективности ОбС и целенаправленного влияния на личностное становление.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать ключевые критерии и показатели эффективности образовательной среды, определяющие личностное становление курсантов в ведомственных вузах МВД России. Анализ подтвердил исходную гипотезу о том, что характер функционирования образовательной среды, выраженный через систему интегральных критериев (активности, широты, множественности взаимодействия, доминантности и, прежде всего, стандартизированной защищённости/безопасности), выступает детерминантой процесса формирования и развития личностных компетенций обучающихся.

Результаты исследования демонстрируют, что центральным фактором, обеспечивающим продуктивность и гармоничность образовательной среды, является высокий уровень её психологической безопасности. Именно психологическая безопасность создаёт условия для снижения дезадаптивных явлений, тревожности и внутреннего дискомфорта, способствуя преобладанию нейтральных или положительных эмоциональных состояний у участников образовательного процесса. Это, в свою очередь, формирует фундамент для развития учебной мотивации, познавательной активности и академических достижений курсантов.

Важным выводом работы является подтверждение роли психолого-педагогического сопровождения как ключевого механизма оптимизации образовательной среды. Качество этого сопровождения напрямую влияет на восприятие среды её субъектами, что определяет успешность профессионального и личностного становления будущих сотрудников органов внутренних дел.

Таким образом, эффективная образовательная среда в вузах МВД России должна проектироваться как целостная система, обеспечивающая не только передачу профессиональных знаний и навыков, но и гарантирующая психологическую безопасность,

поддерживающую личностный рост и социально значимую адаптацию курсантов. Выявленные критерии и показатели могут служить основой для разработки диагностического инструментария и практических рекомендаций по совершенствованию образовательного процесса в ведомственных образовательных организациях.

Библиография

1. Астапов В.М. Функциональный подход к изучению состояния тревоги // Психологический журнал. – 1992. – № 5. – С. 111-117.
2. Белозерова Л.И. Преподаватель вуза как субъект качества образования // Социальная психология XXI столетия. – Ярославль: МАПН, 2004. – Т. 1. – С. 91-93.
3. Беляев Г.Ю. Педагогическая характеристика образовательной среды в различных типах образовательных учреждений: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000.
4. Березин Ф.Б. Психическая и психологическая адаптация человека. – Л., 1988. – С. 13-21.
5. Бикметов Е.Ю. Теоретико-методологические проблемы оптимизации управления современным образованием. – Уфа, 2003.
6. Гапонова С.А., Майорова И.А. Возможности создания психологически безопасных образовательных систем // Психология образования: региональный опыт: Материалы второй национальной научно-практической конференции, 13-15 декабря 2005 г. – М., 2005. – С. 43-44.
7. Дзядевич И.В. Проблемы адаптации курсантов первого курса к условиям образовательной организации высшего образования МВД России // Перспективы науки. – 2021. – № 11(146). – С. 218-220.
8. Илларионов С.Н. Восприятие образовательной среды субъектом как фактор формирования его психологической безопасности: дис. ... канд. психол. наук. – Иваново, 2006.
9. Крюкова Т.Л. О методике диагностики стилей психологического совладения (копинга) у подростков ACS (Юношеская копинг-шкала) // Психическое здоровье и социально-психологическая поддержка детей и подростков: состояние и перспективы: Материалы межрегиональной конференции / Сост.: Т.Л. Крюкова, Е.А. Соловьева, О.В. Сосидко. – Кострома, 2002. – С. 144-146.
10. Серых А.Б., Капалыгина И.И. Психическое благополучие как фактор достижения каждым обучающимся образовательных результатов // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2018. – № 4(46). – С. 166-173.

Criteria and Indicators of the Effectiveness of the Educational Environment in the Personal Development of Cadets at Higher Education Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Irina V. Dzyadevich

Senior Lecturer,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Dekabristka2000@yandex.ru

Anna B. Serykh

Doctor of Pedagogical Sciences,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
236000, 56a, Chernyshevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: ASerykh@kantiana.ru

Abstract

The modern educational landscape is in a state of dynamic development, which necessitates its permanent transformation and adaptation to current challenges. Consequently, an actual challenge arises related to the need for adaptation to highly dynamic transformations of educational reality for both the teaching staff and the student body. In this regard, the aim of the article is to identify the main indicators of the effectiveness of the educational environment that determine the personal formation of cadets in higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The task is set to investigate the criteria and factors influencing the productivity and harmony of the educational environment in departmental universities. The hypothesis is expressed as follows: the criteria and indicators of the effectiveness of the educational environment reflect the nature of its functioning, which determines the process of formation and development of students' personal competencies. The formed competencies, in turn, possess high social significance for this group. In the course of the research, a comprehensive methodological approach was used, combining theoretical and empirical methods, as well as sociological methods for collecting and processing information. The conducted analysis allowed for determining the characteristics of the perception of the educational environment that determine the degree of psychological safety of the participants in the educational process. As a result of the analysis, features of environmental perception were identified that determine the level of psychological safety of the subject of educational activity.

For citation

Dzyadevich I.V., Serykh A.B. (2025) Kriterii i pokazateli effektivnosti obrazovatel'noy sredy v lichnostnom stanovlenii kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya MVD Rossii [Criteria and Indicators of the Effectiveness of the Educational Environment in the Personal Development of Cadets at Higher Education Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 83-89. DOI: 10.34670/AR.2026.82.49.006

Keywords

Criteria, indicators, effectiveness of educational environment, educational process, psychological-pedagogical potential, personal development of cadets, higher education.

References

1. Astapov, V. M. (1992). Funktsional'nyi podkhod k izucheniiu sostoianiia trevogi [Functional approach to the study of anxiety]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 5, 111–117.
2. Belozerova, L. I. (2004). Prepodavatel' vuza kak sub"ekt kachestva obrazovaniia [The teacher of the university as the subject of the quality of education]. In *Sotsial'naia psikhologiia XXI stoletiia* [Social Psychology of the XXI Century] (Vol. 1, pp. 91–93). MAPN.
3. Belyaev, G. Yu. (2000). *Pedagogicheskaia kharakteristika obrazovatel'noi sredy v razlichnykh tipakh obrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Pedagogical Characteristics of the Educational Environment in Various Types of Educational Institutions] [Candidate of Pedagogical Sciences dissertation]. Moscow.
4. Berezin, F. B. (1988). *Psikhicheskaia i psikhologicheskaia adaptatsiia cheloveka* [Mental and psychological adaptation of a person]. Leningrad.
5. Bikmetov, E. Yu. (2003). *Teoretiko-metodologicheskie problemy optimizatsii upravleniia sovremennym obrazovaniem* [Theoretical and Methodological Problems of Optimizing the Management of Modern Education]. Ufa.
6. Dzyadevich, I. V. (2021). Problemy adaptatsii kursantov pervogo kursa k usloviiam obrazovatel'noi organizatsii vysshego obrazovaniia MVD Rossii [Problems of adaptation of first-year cadets to the conditions of an educational organization of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Perspektivy nauki* [Perspectives of Science], 11(146), 218–220.

7. Gaponova, S. A., & Maiorova, I. A. (2005). Vozmozhnosti sozdaniia psikhologicheski bezopasnykh obrazovatel'nykh sistem [Opportunities for creating psychologically safe educational systems]. In *Psikhologiia obrazovaniia: regional'nyi opyt* [Psychology of Education: Regional Experience] (pp. 43–44). Proceedings of the Second National Scientific and Practical Conference, December 13-15, 2005. Moscow.
8. Illarionov, S. N. (2006). *Vospriiatie obrazovatel'noi sredy sub"ektom kak faktor formirovaniia ego psikhologicheskoi bezopasnosti* [The Subject's Perception of the Educational Environment as a Factor in the Formation of Its Psychological Safety] [Candidate of Psychological Sciences dissertation]. Ivanovo.
9. Kriukova, T. L., Solov'eva, E. A., & Sosidko, O. V. (Comp.). (2002). 0 metodike diagnostiki stilei psikhologicheskogo sovladaniia (kopinga) u podrostkov ACS (Iunosheskaia koping-shkala) [On the methodology of diagnostics of styles of psychological coping (coping) in adolescents ACS (Youth Coping Scale)]. In *Psikhicheskoe zdorov'e i sotsial'no-psikhologicheskaia podderzhka detei i podrostkov: sostoianie i perspektivy* [Mental health and socio-psychological support of children and adolescents: state and prospects] (pp. 144–146). Materials of the interregional conference. Kostroma.
10. Serykh, A. B., & Kapalygina, I. I. (2018). Psikhicheskoe blagopoluchie kak faktor dostizheniia kazhdym obuchaiushchimsia obrazovatel'nykh rezul'tatov [Mental well-being as a factor in achieving educational results by each student]. *Izvestiia Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Proceedings of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences], 4(46), 166–173.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.015.3 **DOI:10.34670/AR.2026.53.52.017**

Психологическая безопасность образовательной среды высшей ведомственной школы как состояние защищенности от эмоционального напряжения

Дзядевич Ирина Владимировна

Старший преподаватель,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1;
e-mail: Dekabristka2000@yandex.ru

Аннотация

Образовательный процесс в высших учебных заведениях ведомственной подчинённости сопровождается существенными когнитивными и аффективными нагрузками, детерминирующими психоэмоциональное состояние обучающихся. Структуризация учебной деятельности по этапам обучения выявляет корреляционные взаимосвязи между каждым этапом и специфическими формами манифестации тревожности. Целью настоящего исследования выступает научный анализ психологической безопасности образовательной среды ведомственного вуза как системного состояния, обеспечивающего профилактику психоэмоциональной дезадаптации. В качестве приоритетной исследовательской задачи определено выявление структурных детерминант эмоционального напряжения, обусловливающих динамические характеристики тревожности у курсантов ведомственных образовательных организаций. Сформулированная исследовательская гипотеза предполагает, что социально-психологические факторы являются предикторами динамики тревожности у данной категории обучающихся, а функциональная взаимосвязь между тревожностью и учебной деятельностью индуцирует формирование коммуникативной компетентности курсантов на начальных этапах их профессиональной социализации. Методологическое обеспечение исследования базируется на интеграции теоретических подходов с применением комплексного методического инструментария, включающего специализированные диагностические процедуры. Результатом явилось выявление специфических показателей тревожности у курсантов ведомственных вузов и описание их динамики на различных этапах обучения.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзядевич И.В. Психологическая безопасность образовательной среды высшей ведомственной школы как состояние защищенности от эмоционального напряжения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 90-94. DOI:10.34670/AR.2026.53.52.017

Ключевые слова

Напряжение, нервно-эмоциональная нагрузка, социально-психологическая активность, умственная нагрузка, профессиональная социализация, тревожность, психологическая безопасность, образовательная среда, психологическое здоровье.

Введение

Эффективная учебно-профессиональная деятельность в ведомственном вузе детерминирована высоким уровнем личностного развития и сознательности курсантов. При этом образовательный процесс объективно предполагает существенные интеллектуальные и эмоциональные нагрузки, что создаёт предпосылки для возникновения трудностей и негативных психоэмоциональных состояний у обучающихся.

Эмпирические исследования подтверждают, что студенческая популяция характеризуется более интенсивным уровнем психоэмоционального напряжения по сравнению с другими социальными группами. Комплекс проблем, формирующихся в образовательной среде (ОБС), в сочетании с социально-бытовыми и иными факторами, способен обусловливать тенденцию к развитию нервно-психических нарушений у обучающихся [Бикметов, 2003].

Перспективным вектором решения указанной проблемы выступает формирование инновационных научно-методических основ обеспечения психологической безопасности (ПБ) образовательной среды в высших учебных заведениях.

Основная часть

Психологическую безопасность образовательной среды ведомственного вуза целесообразно интерпретировать как состояние защищённости субъектов образовательного процесса от потенциальных угроз, унижения, дискриминационного отношения, принуждения и игнорирования, то есть от различных форм психологического насилия в межличностном взаимодействии по обозначенным структурным компонентам. Условием обеспечения ПБ является достижение удовлетворительных характеристик среды, где удовлетворённость выполняет функцию ключевого индикатора и операционального механизма её оценки. А именно, психологическая безопасность образовательной среды ведомственного вуза операционализируется через следующие ключевые критерии оценки:

1. уровень социально-психологической вовлечённости участников образовательных отношений;

2. степень развитости условий для проявления учебной инициативы и формирования собственной профессионально-ориентированной позиции;

3. наличие институциональных и социальных гарантий сохранения личного достоинства и права на уважение, что в педагогическом аспекте обеспечивает сохранение психологического здоровья всех субъектов образовательного процесса — от преподавателей до курсантов и их руководителей [Бельков, 1994].

В педагогическом анализе к факторам возникновения психологического насилия в образовательной среде относятся как характеристики самой среды, так и особенности педагогического взаимодействия между всеми участниками учебно-воспитательного процесса [Барабанщиков, 2003].

С педагогической точки зрения, устойчивый внутренний дискомфорт, повышенная тревожность, эмоциональное напряжение и снижение учебной самооценки у обучающихся свидетельствуют о нарушениях в адаптации к образовательной среде и требуют целенаправленной психолого-педагогической поддержки. Возникновение внутреннего дискомфорта, ощущения тревожности и напряжённости, а также снижение уверенности в себе и чувства самоценности являются индикаторами нарушения адаптивного взаимодействия

индивида со средой [Дзядевич, 2021]. Присутствие устойчивой тревожности отражает внутреннее психоэмоциональное состояние обучающегося [Серых, Капалыгина, 2018].

При анализе данной проблемы целесообразно выделить два значимых аспекта: 1. автоматизированный (нерефлексивный) характер восприятия условий межличностного взаимодействия в образовательной среде; 2. вопросы конструирования условий психологической безопасности образовательной среды высшей ведомственной школы остаются недостаточно разработанными в научно-методическом аспекте.

Недостаточно изучены актуальные психологические характеристики субъектов образовательного и воспитательного процессов, а также специфика паттернов их взаимодействия в системе межличностных отношений. Отсутствие целенаправленного формирования условий психологически безопасной образовательной среды может приводить к возникновению деструктивных ситуаций под воздействием негативных психологических факторов. Следствием подобных процессов является формирование профессионально неполноценного профиля будущего специалиста-офицера, не обладающего необходимыми личностными и профессиональными ресурсами для качественного выполнения служебно-функциональных обязанностей [Бельков, 1994].

В работах И.А. Баевой и В.В. Рубцова анализируются детерминанты эмоционального напряжения. Авторы указывают, что пролонгированное воздействие негативных факторов служит причиной возникновения устойчивого эмоционального напряжения. В последующем актуализируется потребность в его редукции, что может провоцировать поиск дезадаптивных, в том числе искусственных и неконструктивных, способов разрядки.

Ещё одним стратегическим направлением формирования психологически безопасной образовательной среды выступает минимизация уровня психологического насилия [Беляев, 2000].

Ключевой угрозой психологической безопасности образовательной среды вуза является непризнание её референтной значимости, то есть утрата чувства принадлежности, обеспечивающего индивиду восприятие среды как безопасной и лишённой угроз. В случае неприятия референтного статуса среды обучающийся склонен отвергать её институциональные ценности и нормы.

Как отмечает О.Б. Крушельницкая, «функцию референтного объекта, с которым индивид соотносит себя, может выполнять как группа членства или какая-либо другая группа, так и отдельный человек (реальный или вымышленный)» [Крушельницкая, 2003]. Удовлетворённость средой связана, во-первых, с наличием личностно-доверительного общения, а во-вторых, определяется соответствием среды основным психологическим характеристикам и потребностям субъектов образования [Барабанщиков, Носуленко, 2004].

Заключение

Таким образом, наблюдается дефицитарность эмоциональной составляющей образовательной среды, её обеднённость, что формирует неблагоприятный социально-психологический климат. Актуализация обозначенных угроз детерминирует возникновение комплекса дезадаптивных явлений [Асмолов, 2001].

С педагогической точки зрения, устойчивые психологические угрозы, нарушающие эмоциональное благополучие обучающегося, приводят к деформации его отношения к образовательному процессу и затрудняют личностную адаптацию. Возникающее в результате

нарушение эмоционального благополучия выступает ключевым фактором формирования негативного восприятия образовательной среды в целом, что снижает мотивацию к обучению и препятствует успешной социализации [Баева, Семикин, 2005].

Библиография

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
2. Баева И.А., Семикин В.В. Психическая безопасность и культура образовательной среды // Вестник практической психологии образования. 2005. №3(4). С. 17-?.
3. Базылевич Т.Ф. Введение в психологию индивидуальности. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. 248 с.
4. Барабанщиков В.А. Парадигмы исследования восприятия и понятия события // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). Ярославль: МАПН, 2003. Т.1. С. 32-43.
5. Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М., 2004. 480 с.
6. Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность: Информационный сборник. 1994. №4(20).
7. Беляев Г.Ю. Педагогическая характеристика образовательной среды в различных типах образовательных учреждений: дисс. ... канд. пед. наук. М., 2000.
8. Бикметов Е.Ю. Теоретико-методологические проблемы оптимизации управления современным образованием. Уфа, 2003.
9. Дзядевич И.В. Проблемы адаптации курсантов первого курса к условиям образовательной организации высшего образования МВД России // Перспективы науки. 2021. № 11(146). С. 218-220. EDN PZFGEY. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47450332
10. Крушельницкая О.Б. Отношение к группе как референтному объекту в юношеском возрасте // Социальная психология и общество. 2003. №1. С. 45-58.
11. Серых А.Б., Капалыгина И.И. Психическое благополучие как фактор достижения каждым обучающимся образовательных результатов // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2018. № 4(46). С. 166-173. EDN YSTZCX. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36853805

Psychological Safety of the Educational Environment in Higher Departmental Schools as a State of Protection from Emotional Stress

Irina V. Dzyadevich

Senior Lecturer,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Dekabristka2000@yandex.ru

Abstract

The educational process in higher educational institutions of departmental subordination is accompanied by significant cognitive and affective loads that determine the psycho-emotional state of students. Structuring educational activities by stages of learning reveals correlational relationships between each stage and specific forms of anxiety manifestation. The aim of this research is a scientific analysis of the psychological safety of the educational environment in a departmental university as a systemic state that ensures the prevention of psycho-emotional maladjustment. As a priority research task, the identification of structural determinants of emotional tension that determine the dynamic characteristics of anxiety among cadets of departmental educational organizations has been defined. The formulated research hypothesis suggests that socio-

psychological factors are predictors of anxiety dynamics in this category of students, and the functional relationship between anxiety and learning activity induces the formation of communicative competence in cadets at the initial stages of their professional socialization. The methodological framework of the research is based on the integration of theoretical approaches using a comprehensive set of methodological tools, including specialized diagnostic procedures. The result was the identification of specific indicators of anxiety among cadets of departmental universities and a description of their dynamics at various stages of learning.

For citation

Dzyadevich I.V. (2025) Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noy sredy vysshey vedomstvennoy shkoly kak sostoyaniye zashchishchennosti ot emotsional'nogo napryazheniya [Psychological Safety of the Educational Environment in Higher Departmental Schools as a State of Protection from Emotional Stress]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 90-94. DOI:10.34670/AR.2026.53.52.017

Keywords

Stress, neuro-emotional load, socio-psychological activity, mental load, professional socialization, anxiety, psychological safety, educational environment, psychological health.

References

1. Asmolov, A. G. (2001). Psikhologiya lichnosti: printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza [Personality psychology: principles of general psychological analysis]. Smysl.
2. Baeva, I. A., & Semikin, V. V. (2005). Psikhicheskaya bezopasnost' i kul'tura obrazovatel'noi sredy [Mental safety and culture of the educational environment]. Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya, 3(4).
3. Bazylevich, T. F. (1998). Vvedenie v psikhologiyu individual'nosti [Introduction to the psychology of individuality]. IP RAN.
4. Barabanshchikov, V. A. (2003). Paradigmy issledovaniya vospriyatiya i ponyatiya sobytiya [Research paradigms of perception and the concept of an event]. In Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminara (metodologiya psikhologii) (Vol. 1, pp. 32–43). MAPN.
5. Barabanshchikov, V. A., & Nosulenko, V. N. (2004). Sistemnost'. Vospriyatie. Obshchenie [System. Perception. Communication].
6. Belkov, O. A. (1994). Ponyatiino-kategorial'nyi apparat kontseptsii natsional'noi bezopasnosti [Conceptual and categorical apparatus of the national security concept]. Bezopasnost': Informatsionnyi sbornik, 4(20).
7. Belyaev, G. Yu. (2000). Pedagogicheskaya kharakteristika obrazovatel'noi sredy v razlichnykh tipakh obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Pedagogical characteristics of the educational environment in various types of educational institutions] [Candidate of Pedagogical Sciences dissertation].
8. Bikmetov, E. Yu. (2003). Teoretiko-metodologicheskie problemy optimizatsii upravleniya sovremennym obrazovaniem [Theoretical and methodological problems of optimizing the management of modern education].
9. Dzyadevich, I. V. (2021). Problemy adaptatsii kursantov pervogo kursa k usloviyam obrazovatel'noi organizatsii vysshego obrazovaniya MVD Rossii [Problems of adaptation of first-year cadets to the conditions of an educational organization of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Perspektivy nauki, 11(146), 218–220. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47450332
10. Krushelnitskaya, O. B. (2003). Otnoshenie k gruppe kak referentnomu ob"ektu v yunosheskom vozraste [Attitude to the group as a reference object in adolescence]. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo, 1, 45–58.
11. Serykh, A. B., & Kapalygina, I. I. (2018). Psikhicheskoe blagopoluchie kak faktor dostizheniya kazhdym obuchayushchimsya obrazovatel'nykh rezul'tatov [Mental well-being as a factor in achieving educational results by each student]. Izvestiya Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki, 4(46), 166–173. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36853805

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.015.31 **DOI: 10.34670/AR.2026.74.84.001**

Влияние иммерсивной виртуальной реальности на развитие психологической устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов Росгвардии

Иванов Василий Игоревич

Командир батальона обеспечения учебного процесса,
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: vasyagansk@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема развития психологической устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов Росгвардии с использованием иммерсивных технологий виртуальной реальности. Цель исследования заключается в эмпирической проверке эффективности VR-программы как средства развития эмоциональной, волевой и когнитивной регуляции поведения в условиях, приближенных к боевой деятельности. В исследовании применялся экспериментальный дизайн с контрольной и экспериментальной группами, а также комплекс психодиагностических методик, направленных на оценку стрессоустойчивости, саморегуляции и фрустрационной толерантности. Результаты показали статистически значимое снижение уровня эмоциональной дезорганизации, истощения психоэнергетических ресурсов и нарушений волевой регуляции у курсантов, прошедших VR-подготовку. Участники экспериментальной группы продемонстрировали повышение эмоциональной устойчивости, самоконтроля, бдительности и способности к целенаправленным действиям в стрессовых условиях. Выявлена положительная динамика показателей устойчивости к неопределенности, отражающая тенденцию к формированию адаптивных стратегий реагирования. Можно сделать вывод о высокой практической значимости иммерсивной виртуальной реальности как инновационного инструмента психолого-педагогической подготовки курсантов силовых структур.

Для цитирования в научных исследованиях

Иванов В.И. Влияние иммерсивной виртуальной реальности на развитие психологической устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов Росгвардии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 95-105. DOI: 10.34670/AR.2026.74.84.001

Ключевые слова

Виртуальная реальность, иммерсивные технологии, стрессоустойчивость, фрустрационная толерантность, саморегуляция, эмоциональная устойчивость, курсанты Росгвардии, психологическая подготовка, методология исследования.

Введение

В современных условиях повышения социальной напряжённости, увеличения стрессогенных факторов и усложнения профессиональных задач особую значимость приобретает проблема формирования психологической устойчивости личности. Психологическая устойчивость выступает как компетентность индивидов в преодолении стрессогенных обстоятельств, сопровождающуюся перманентным сохранением психосоциальной адаптации [Rosenzweig, 1936]. В современной науке психологическая устойчивость к стресс-фрустрационным ситуациям определяется как интегративный личностный конструкт, выражающийся в способности субъектов адекватно воспринимать фрустрирующие обстоятельства, контролировать психоэмоциональные реакции и сохранять оптимальные показатели профессиональной деятельности [Bailenson и др., 2005]. Для курсантов Росгвардии данное качество является одним из основных предикторов профессиональной готовности, что обусловлено такими специфическими фрустрирующими характеристиками их будущей деятельности, как дефицит времени, неопределённость ситуации, риск для жизни, высокая ответственность за результаты воинской деятельности [Перевозкина, Иванов, 2023]. Недостаточный уровень психологической устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов может приводить к снижению профессиональной надёжности, дезадаптивным реакциям и профессиональному выгоранию, что определяет роль современных технологий психологической подготовки в силовых ведомствах [Перевозкин, Перевозкина, Иванов, 2024].

Развитие психологической устойчивости к фрустрации наиболее эффективно происходит при целенаправленном воздействии, включающем тренировку навыков психоэмоциональной регуляции, когнитивной переработки стрессовых событий и отработку поведения в моделируемых сложных ситуациях. В данном контексте важную роль играют активные и интерактивные методы обучения, приближенные к реальным условиям военно-профессиональной деятельности [Перевозкин, Перевозкина, Иванов, 2024.]. В частности, использование иммерсивной виртуальной реальности (VR) позволяет моделировать сложные, стрессогенные и фрустрирующие ситуации в контролируемых и безопасных условиях, что обеспечивает повышение психологической устойчивости к фрустрации в военно-профессиональном пространстве. Иммерсивная виртуальная реальность представляет собой технологию, обеспечивающую погружение пользователей в искусственно созданную среду посредством специализированных аппаратно-программных средств [Иванов, Перевозкина, 2022.]. Значимыми характеристиками иммерсивной VR являются эффект присутствия, интерактивность и мультимодальность восприятия. Многократное воспроизведение фрустрирующих сценариев в виртуальной среде способствует снижению интенсивности негативных эмоциональных реакций и формированию устойчивых моделей поведения. Возможность варьирования сложности сценариев, темпа событий и уровня неопределённости позволяет адаптировать тренинг под индивидуальные особенности курсантов. Переживание фрустрации в виртуальной среде, сопровождаемое последующей рефлексией, способствует интеграции опыта и повышению готовности к аналогичным ситуациям в будущей военно-профессиональной деятельности [Иванов, Перевозкина Ю.М., Перевозкин, 2023]. Теоретический анализ позволяет рассматривать иммерсивную виртуальную реальность как перспективную технологию развития психологической устойчивости к фрустрации у курсантов Росгвардии, тем не менее проблема влияния иммерсивной VR на развитие психологической устойчивости к фрустрации у курсантов Росгвардии остаётся недостаточно разработанной в

отечественных психологических исследованиях, что определяет актуальность данного исследования.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составила классическая концепция стресса [Селье, 1982] и научные исследования, посвященные стрессовым состояниям [Viciana-Abad и др., 2004], позволившие выявить специфику психологической устойчивости личности.

Экспериментальное исследование включало в себя ряд этапов. На констатирующем этапе были протестированы курсанты экспериментальной и контрольной групп. Экспериментальную выборку составили 96 курсантов, контрольную – 130 курсантов, обучающиеся на 3 курсе в федеральном государственном казенном военном образовательном учреждении высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации», федеральном государственном казенном военном образовательном учреждении высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации».

Формирующий этап предполагал выбор виртуальной программы для формирования устойчивости военнослужащих к стрессфрустрационным состояниям. Для этого использовалась сетевая игра Pavlov VR, представляющая Counter Strike с использованием шлемов виртуальной реальности, которую курсанты проходили на базе Технопарка универсальных педагогических компетенций имени Ю.В. Кондратюка, в лаборатории «Виртуальная и дополненная реальность» ФГБОУ ВО «НГПУ». Вводная часть занятия включала в себя инструктаж с личным составом взвода курсантов, основная часть предполагала выполнение боевой задачи в игровой форме, заключительная часть представлена анализом тактических действий в игре. Формирующий этап проводился в течение 2 лет (каждый курсант посещал занятия 1 раз в месяц).

На контрольном этапе осуществлялось повторное тестирование контрольной и экспериментальной групп по выбранным методикам.

Эмпирические методы исследования представлены следующими опросниками: авторский опросник «Устойчивость к СФС» (В.И. Иванов, Ю.М. Перевозкина), «Мельбурнский опросник принятия решений» (Л. Манн, П. Бурнетт, М. Рэдфорд, С. Форд, в адаптации Т.В. Корниловой), опросник «Определение уровня невротизации и психопатизации» (Е.Ф. Бажин), симптоматический опросник «Самочувствие в экстремальных условиях» (А. Волков, Н.Е. Водопьянова). Оценка эффектов воздействия виртуальной реальности на развитие фрустрационной устойчивости осуществлялась посредством критерия t-Стюдента для зависимых и независимых групп.

Результаты и обсуждение

Результаты сравнительного анализа по критерию t-Стьюдента продемонстрировали, что на контрольном этапе показатели, определяющие тип реагирования, адаптивность, психоэмоциональную устойчивость и степень психического напряжения, достоверно изменились, что подтверждает эффективность применения иммерсивной VR-среды с целью развития психологической устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов. В частности, выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) по четырнадцати параметрам

в экспериментальной группе (таблица 1), в контрольной группе статистически значимых различий не обнаружено ($p \geq 0,05$).

Таблица 1 – Сравнение курсантов экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапах эксперимента (N=90)

Признаки	Тестирование	Среднее	t	p
Эффективный тип	1	11,17	-4,99	0,000
	2	13,20		
Импульсивный тип	1	4,41	2,88	0,006
	2	3,47		
Удерживающий тип	1	3,81	2,03	0,048
	2	3,23		
Когнитивный компонент И	1	2,98	2,24	0,030
	2	2,46		
Эмоциональный компонент Э	1	2,50	-4,24	0,000
	2	3,81		
Адаптивный компонент У	1	1,25	5,14	0,000
	2	0,52		
Бдительность	1	15,65	-3,349	0,002
	2	17,06		
Избегание	1	7,96	3,642	0,001
	2	6,17		
Прокрастинация	1	6,35	3,787	0,000
	2	4,52		
Сверхбдительность	1	9,08	3,83	0,000
	2	6,33		
Психопатизация	1	70,00	2,450	0,018
	2	63,23		
Истощение психоэнергетических ресурсов	1	0,60	2,18	0,034
	2	0,29		
Нарушение воли	1	0,63	3,36	0,002
	2	0,13		
Эмоциональная неустойчивость	1	1,17	5,26	0,000
	2	0,04		

На рисунке 1 отражены различия между курсантами экспериментальной и контрольной групп по типам реагирования. Так, установлено, что у курсантов экспериментальной группы эффективный тип реагирования достоверно повысился ($t = –4,99$; $p = 0,000$) по сравнению с курсантами контрольной группы, что свидетельствует о преобладании произвольных, позитивных поведенческих моделей в стрессогенных обстоятельствах у курсантов экспериментальной группы.

Также обнаружено снижение показателей по импульсивному типу (констатирующий этап M=4,41 балла; контрольный этап M=3,47 балла) ($t = 2,88$ $p = 0,006$) и удерживающему типу (констатирующий этап M=3,81 балла; контрольный этап M=3,23 балла) ($t = 2,03$ $p = 0,048$) в экспериментальной группе, что указывает на нивелирование психоэмоционального напряжения, страхов, неуверенности в стресс-фрустрационных ситуациях. Из этого следует, что выполнение боевых задач на тренажерах способствует развитию адаптивного, рационального поведения и расширения опыта функционирования в обстоятельствах неопределенности у курсантов.

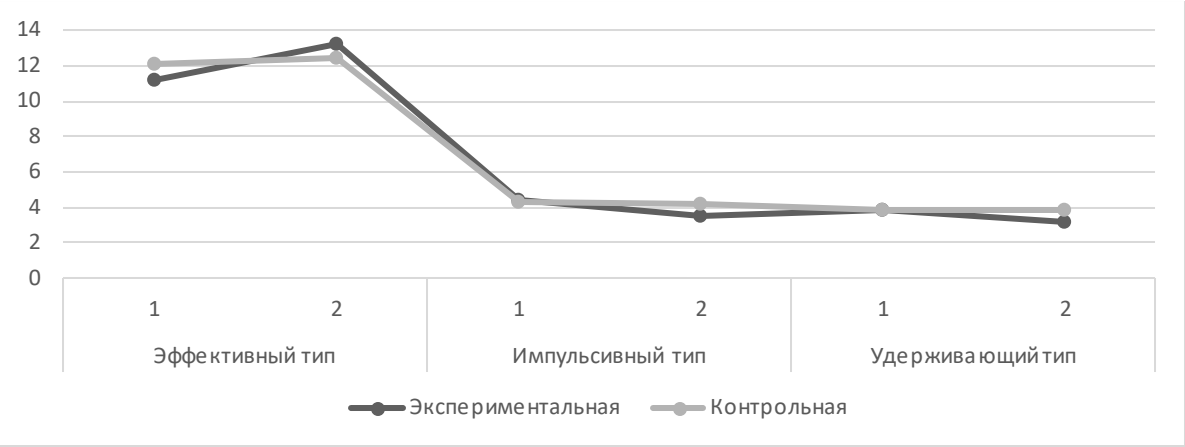

Рисунок 1 – Различия по типам устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Установлены различия по компонентам психологической устойчивости курсантов к стресс-фрустрационным ситуациям, что проявляется в снижении показателей по когнитивному компоненту импульсивного типа ($t = 2,24$; $p = 0,030$) и отражает развитие психоэмоциональной саморегуляции в стрессогенных обстоятельствах (рисунок 2).

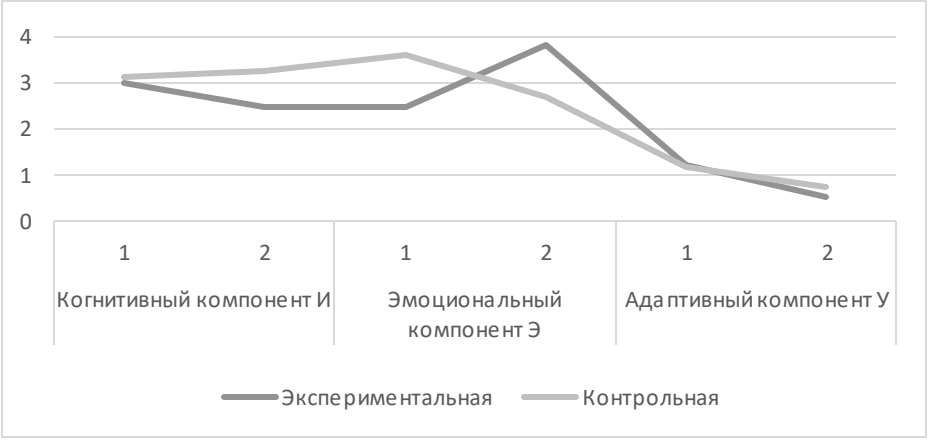

Рисунок 2 – Различия по компонентам устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям в зависимости от типа у курсантов в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Обнаружена положительная динамика по когнитивному компоненту эффективного типа (повышение средних значений: констатирующий этап M= 5,77 балла, контрольный этап M=6,33 балла), что указывает на склонность к выявлению причинно-следственных связей в процессе деятельности и интеллектуальную стабилизацию у курсантов экспериментальной группы. Кроме того, у курсантов данной группы зафиксирована динамика по эмоциональному компоненту эффективного типа ($t = –4,24$; $p = 0,000$), что проявляется в выраженности психоэмоциональной саморегуляции в стресс-фрустрационных ситуациях в военно-профессиональном пространстве. На контрольном этапе эксперимента у курсантов экспериментальной группы выявлены различия по адаптивному компоненту удерживающего

типа (t = 5,14; p = 0,000), что говорит о роли VR-среды в развитии поведенческой лабильности и адаптивности курсантов с учетом трансформирующихся обстоятельств военной среды.

Достоверные изменения отмечаются по когнитивным параметрам у курсантов экспериментальной группы: бдительность статистически значимо выросла с 15,65 баллов до 17,06 баллов (t = –3,35; p = 0,002), в отличие от контрольной группы, что указывает на направленность испытуемых на согласованные действия в стресс-фрустрационных ситуациях в военной среде. Также снизились средние показатели по таким параметрам как избегание, прокрастинация и сверхбдительность (p < 0,01), что отражено на рисунке 3.

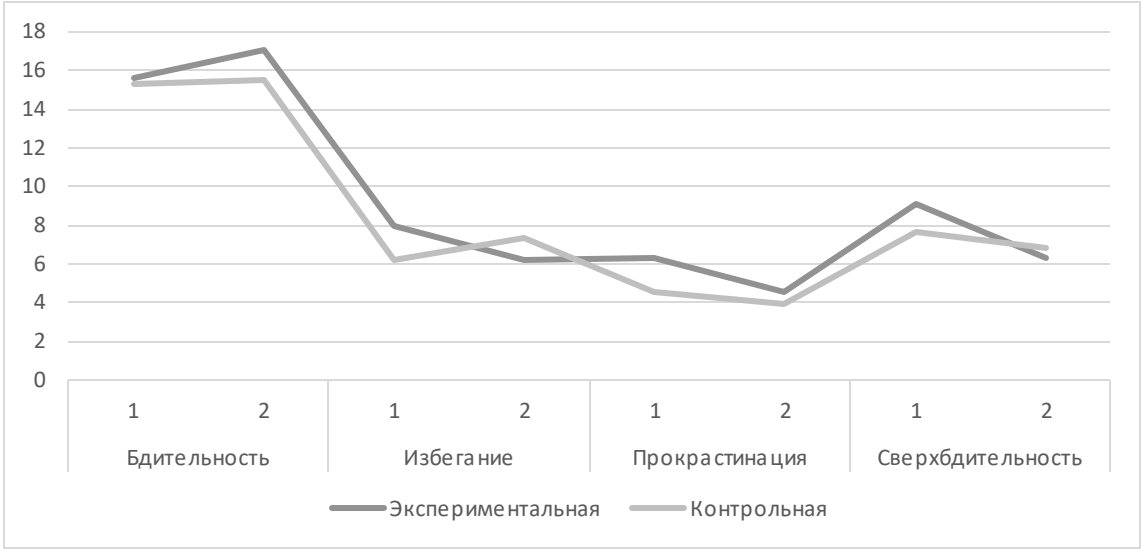

Рисунок 3 – Различия по когнитивным параметрам у курсантов в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Сокращение проявлений избегающего поведения у курсантов экспериментальной группы свидетельствует о готовности респондентов принимать решения в стресс-фрустрационных ситуациях, что является следствием воздействия иммерсивной виртуальной реальности. В научных исследованиях продемонстрировано, что применение VR-среды способствует нивелированию избегания, что детерминировано контролируемым взаимодействием со стрессогенными и фрустрирующими факторами в безопасной среде [Leong, 2025]. Снижение прокрастинации у курсантов экспериментальной группы указывает на перманентную выраженность мотивационных процессов, что согласуется с результатами отечественных работ, в которых зафиксировано уменьшение посттравматических симптомов у военнослужащих под влиянием VR-экспозиции [Воловик и др., 2023]. Исследователи подчеркивают, что экспозиционная терапия и виртуальная реальность препятствуют тревожности личности [Landowska и др., 2018]. В исследовании зарубежных ученых также показано, что погружение военнослужащих в цифровые симуляторы боевых действий способствует управляемому проживанию психофизического напряжения и уменьшению избегания [Verger и др., 2020].

Повышение бдительности у курсантов экспериментальной группы свидетельствует о том, что VR-обучение оказывает позитивное воздействие на навыки принятия решений, анализ вариантов достижения целей в стресс-фрустрационных ситуациях.

Также в экспериментальной группе произошло снижение показателей тревожности и психического напряжения, в частности, обнаружено достоверное снижение уровня

психопатизации (t = 2,45; p = 0,018), что отражает выраженность компетентности курсантов в контексте командного взаимодействия и эмпатических проявлений (рисунок 4).

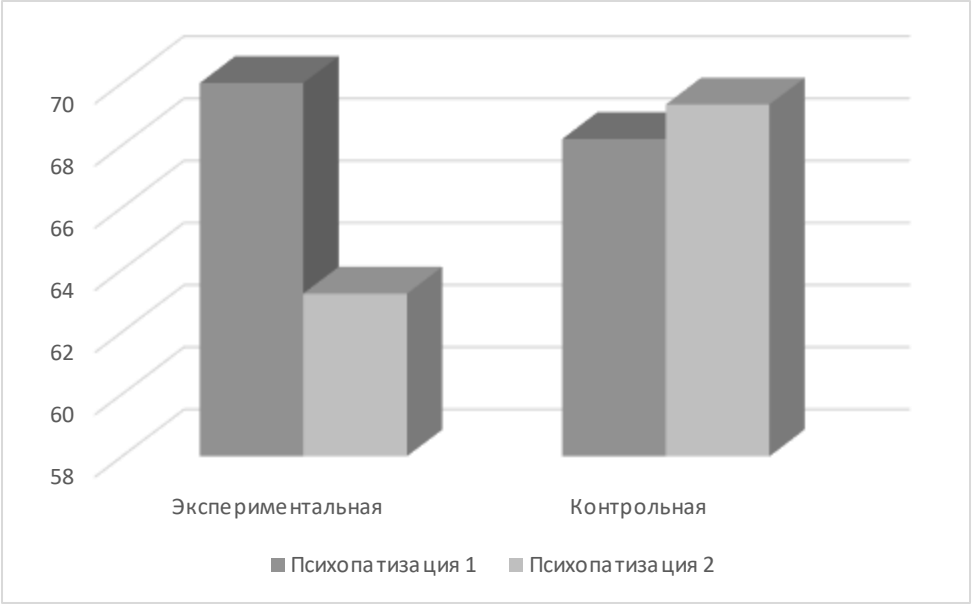

Рисунок 4 – Различия по признаку «психопатизация» у курсантов в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Обнаружено снижение психоэмоциональной нестабильности у курсантов экспериментальной группы (t = 5,26; p = 0,000), что сопровождается отсутствием аффективных реакций в стресс-фрустрационных ситуациях (рисунок 5).

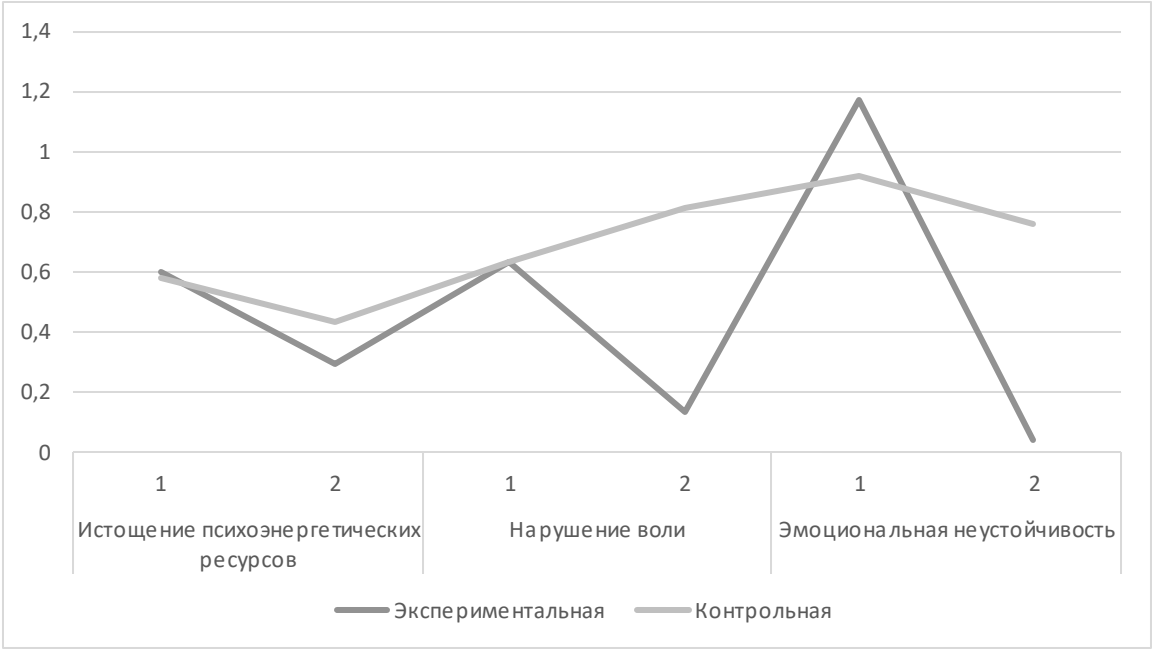

Рисунок 5 – Различия по эмоциональным и психофизиологическим параметрам у курсантов в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Обобщение эмпирических данных позволяет сделать вывод об эффективности иммерсивных VR-технологий как средства развития психологической устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов Росгвардии. Полученные результаты подтверждают, что VR-среда оказывает когнитивное и регуляторное воздействие, снижая уровень дезорганизующего эмоционального возбуждения и импульсивности, одновременно способствуя психоэмоциональной устойчивости курсантов. Повышение эмоционального компонента психологической устойчивости проявляется в улучшении психоэмоциональной регуляции, более уверенном и контролируемом поведении курсантов при выполнении задач. Значимое снижение истощения психических ресурсов и нарушений волевой регуляции у курсантов экспериментальной группы свидетельствует о развитии более эффективной саморегуляции, способности к концентрации усилий и восстановлению после стрессовых нагрузок. Данные результаты обусловлены тем, что VR-подготовка обеспечила управляемую адаптацию курсантов к стресс-фрустрационным ситуациям в военной среде. Также отмечается повышение внимательности и бдительности, что указывает на развитие способности курсантов длительно поддерживать необходимый уровень внимания и оперативно фиксировать изменения окружающей обстановки и потенциальные угрозы. Полученные данные согласуются с результатами зарубежных исследований, подтверждающих, что VR-симуляции повышают оперативность принятия решений, стрессоустойчивость и боевую компетентность за счет многократной контролируемой экспозиции к смоделированным стрессовым ситуациям [Reger, 2008; Hill и др., 2003; Deaton и др., 2005].

Таким образом, VR-программа достоверно усиливает конструктивные формы стрессового реагирования, снижает выраженность импульсивных и дезадаптивных реакций, повышает эмоциональную, волевую и когнитивную регуляцию поведения, а также способствует росту адаптивности и поведенческой гибкости у курсантов. Это позволяет рассматривать иммерсивную виртуальную реальность как эффективное и научно обоснованное средство психолого-педагогической подготовки курсантов Росгвардии, обеспечивающее развитие готовности к действиям в условиях неопределенности и экстремального стресса.

Заключение

Данное исследование позволило экспериментально подтвердить эффективность применения иммерсивных технологий виртуальной реальности в развитии психологической устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям у курсантов Росгвардии. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что использование VR-программ оказывает комплексное положительное воздействие на регуляторные механизмы личности, обеспечивающие надёжность поведения курсантов в условиях повышенной психоэмоциональной нагрузки и неопределённости. В результате прохождения VR-подготовки у курсантов экспериментальной группы зафиксировано снижение уровня дезорганизующего эмоционального возбуждения, истощения психоэнергетических ресурсов, а также статистически значимое укрепление волевой саморегуляции. Это указывает на формирование более эффективных стратегий эмоционального и поведенческого контроля, способности к целенаправленным действиям и восстановлению после стресса. Отмеченное повышение показателей внимания, бдительности и поведенческой гибкости свидетельствует о развитии когнитивной регуляции и способности оперативно реагировать на изменения обстановки. Виртуальная реальность способствует развитию именно тех психологических ресурсов, которые непосредственно задействованы в эффективном функционировании в стрессовых и экстремальных условиях. Иммерсивная виртуальная

реальность выступает действенным и перспективным инструментом психолого-педагогической подготовки курсантов Росгвардии, обеспечивающим формирование устойчивости к стресс-фрустрационным ситуациям, повышение эмоциональной и волевой устойчивости, развитие когнитивной гибкости и адаптивности поведения. Использование VR-технологий позволяет создать реалистичную, контролируемую и безопасную среду для тренировки эффективных форм реагирования, что существенно повышает качество подготовки специалистов силовых структур и их готовность к выполнению профессиональных задач в условиях неопределённости и повышенного риска.

Библиография

1. Воловик М. Г., Белова А. Н., Кузнецов А. Н., Полевая А. В., Воробьёва О. В., Халак М. Э. Использование методов виртуальной реальности для реабилитации ветеранов боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством (обзор) // Современные технологии в медицине. 2023. Том 15, выпуск 1. С. 74-86.
2. Иванов В. И., Перевозкина Ю. М. Подходы к пониманию фрустрации // СМАЛЬТА. 2022. № 4. С. 32-43. DOI 10.15293/2312-1580.2204.04.
3. Иванов В. И., Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б. Виртуальная реальность в подготовке курсантов Росгвардии // Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2023: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 15–16 марта 2023 года. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. С. 78-84.
4. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М., Иванов В. И. Невротизация как предиктор неустойчивости к фрустрации у курсантов Росгвардии // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2024. № 4. С. 56-65. DOI 10.24147/2410-6364.2024.4.56-65.
5. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М., Иванов В. И. Применение виртуальной реальности в военно-профессиональной деятельности // Социокультурные проблемы современного человека: Материалы X Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 17–19 апреля 2024 года. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2024. С. 306-317.
6. Перевозкина Ю. М., Иванов В. И. Системный анализ фрустрационной толерантности военнослужащих: разработка и первичная психометрическая проверка диагностического опросника // Системная психология и социология. 2023. № 4(48). С. 31-46. DOI 10.25688/2223-6872.2023.48.4.03.
7. Селье Г. Стресс без дистресса [Пер. с англ.] / Общ. ред. Е.М. Крепса; Предисл. Ю.М. Саарма. М.: Прогресс, 1982. 124 с.
8. Bailenson J. N., Swinth K., Hoyt C., Persky S., Dimov A., Blascovich J. The Independent and Interactive Effects of Embodied Agent Appearance and Behavior on Self-Report, Cognitive, and Behavioral Markers of Co-Presence in Immersive Virtual Environments // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. 2005. Vol. 14, no 4. P. 379–393. DOI: 10.1162/105474605774785235
9. Deaton J. E., Barba C., Santarelli T., Rosenzweig L., Souders V., McCollum C., et al. Virtual Environment Cultural Training for Operational Readiness (VECTOR) // Virtual Reality. 2005. Vol. 8, no 3. P. 156–167. DOI: 10.1007/s10055-004-0145-x
10. Hill R. W. Jr., Gratch J., Marsella S., Rickel J., Swartout W., Traum D. Virtual Humans in the Mission Rehearsal Exercise System // Künstliche Intelligenz. 2003. Vol. 17, no 4. P. 5–12
11. Landowska A., Roberts D., Eachus P., Barrett A. Within- and Between-Session Prefrontal Cortex Response to Virtual Reality Exposure Therapy for Acrophobia // Frontiers in Human Neuroscience. 2018. Vol. 12. P. 362. DOI: 10.3389/fnhum.2018.00362
12. Leong W. Y. Virtual Reality in Phobia Treatment and Emotional Resilience // Engineering Proceedings. 2025. Vol. 108, no 1. P. 16. DOI: 10.3390/engproc2025108016
13. Reger G. M., Gahm G. A. Virtual Reality Exposure Therapy for Active Duty Soldiers // Journal of Clinical Psychology. 2008. Vol. 64, no 8. P. 940–946. DOI: 10.1002/jclp.20512
14. Rosenzweig S. Some Implicit Common Factors in Diverse Methods of Psychotherapy // American Journal of Orthopsychiatry. 1936. № 6. P. 412-415. DOI: 10.1111/j.1939-0025.1936.tb05248.x.
15. Verger A., Rousseau P.F., Malbos E., Chawki M.B., Nicolas F., Lançon C., Khalfa S., Guedj E. Involvement of the Cerebellum in EMDR Efficiency: A Metabolic Connectivity PET Study in PTSD // European Journal of Psychotraumatology. 2020. Vol. 11, no 1. P. 176–198. DOI: 10.1080/20008198.2020.1767986
16. Viciana-Abad R., Reyes-Lecuona A., García-Berdonés C., Díaz-Estrella A. A Preliminary Study of Presence in Virtual Reality Training Simulation for Medical Emergencies // Studies in Health Technology and Informatics. 2004. Vol. 98. P. 394–396

The Influence of Immersive Virtual Reality on the Development of Psychological Resilience to Stress-Frustration Situations in Rosgvardiya Cadets

Vasilii I. Ivanov

Battalion Commander for Educational Process Support,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: vasyagansk@mail.ru

Abstract

The article addresses the problem of developing psychological resilience to stress-frustration situations in Rosgvardiya (National Guard) cadets using immersive virtual reality technologies. The aim of the research is to empirically test the effectiveness of a VR program as a means of developing emotional, volitional, and cognitive regulation of behavior under conditions approximating combat activity. The study employed an experimental design with control and experimental groups, as well as a complex of psychodiagnostic methods aimed at assessing stress resistance, self-regulation, and frustration tolerance. The results showed a statistically significant reduction in the level of emotional disorganization, depletion of psychoenergetic resources, and impairments in volitional regulation among cadets who underwent VR training. Participants in the experimental group demonstrated increased emotional stability, self-control, vigilance, and the ability for purposeful actions under stressful conditions. Positive dynamics in indicators of resilience to uncertainty were identified, reflecting a trend towards the formation of adaptive response strategies. It can be concluded that immersive virtual reality has high practical significance as an innovative tool for the psychological-pedagogical preparation of cadets in law enforcement structures.

For citation

Ivanov V.I. (2025) Vliyaniye immersivnoy virtual'noy real'nosti na razvitiye psikhologicheskoy ustoychivosti k stress-frustratsionnym situatsiyam u kursantov Rosgvardii [The Influence of Immersive Virtual Reality on the Development of Psychological Resilience to Stress-Frustration Situations in Rosgvardiya Cadets]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 95-105. DOI: 10.34670/AR.2026.74.84.001

Keywords

Virtual reality, immersive technologies, stress resistance, frustration tolerance, self-regulation, emotional stability, Rosgvardiya cadets, psychological preparation, research methodology.

References

1. Bailenson, J. N., Swinth, K., Hoyt, C., Persky, S., Dimov, A., & Blascovich, J. (2005). The independent and interactive effects of embodied agent appearance and behavior on self-report, cognitive, and behavioral markers of co-presence in immersive virtual environments. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments, 14*(4), 379–393. https://doi.org/10.1162/105474605774785235

2. Deaton, J. E., Barba, C., Santarelli, T., Rosenzweig, L., Souders, V., McCollum, C., et al. (2005). Virtual environment cultural training for operational readiness (VECTOR). *Virtual Reality, 8*(3), 156–167. https://doi.org/10.1007/s10055-004-0145-x
3. Hill, R. W., Jr., Gratch, J., Marsella, S., Rickel, J., Swartout, W., & Traum, D. (2003). Virtual humans in the mission rehearsal exercise system. *Künstliche Intelligenz, 17*(4), 5–12.
4. Ivanov, V. I., & Perevozkina, Iu. M. (2022). Podkhody k ponimaniiu frustratsii [Approaches to understanding frustration]. *SMALTA, 4*, 32–43. https://doi.org/10.15293/2312-1580.2204.04
5. Ivanov, V. I., Perevozkina, Iu. M., & Perevozkin, S. B. (2023). Virtualnaia realnost v podgotovke kursantov Rosgvardii [Virtual reality in the training of Rosgvardiya cadets]. In *Sovremennaia realnost v sotsialno-psikhologicheskom kontekste – 2023: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation* (pp. 78–84). Novosibirsk State Pedagogical University.
6. Landowska, A., Roberts, D., Eachus, P., & Barrett, A. (2018). Within- and between-session prefrontal cortex response to virtual reality exposure therapy for acrophobia. *Frontiers in Human Neuroscience, 12*, 362. https://doi.org/10.3389/fnhum.2018.00362
7. Leong, W. Y. (2025) Virtual reality in phobia treatment and emotional resilience. *Engineering Proceedings, 108*(1), 16. https://doi.org/10.3390/engproc2025108016
8. Perevozkin, S. B., Perevozkina, Iu. M., & Ivanov, V. I. (2024). Nevrotizatsiia kak prediktor neustoichivosti k frustratsii u kursantov Rosgvardii [Neuroticism as a predictor of frustration intolerance in Rosgvardiya cadets]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Psikhologiia, 4*, 56–65. https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.4.56-65
9. Perevozkin, S. B., Perevozkina, Iu. M., & Ivanov, V. I. (2024). Primenenie virtualnoi realnosti v voenno-professionalnoi deiatelnosti [The use of virtual reality in military-professional activity]. In *Sotsiokulturnye problemy sovremennogo cheloveka: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference* (pp. 306–317). Novosibirsk State Pedagogical University.
10. Perevozkina, Iu. M., & Ivanov, V. I. (2023). Sistemnyi analiz frustratsionnoi tolerantnosti voennosluzhashchikh: razrabotka i pervichnaia psikhometricheskaia proverka diagnosticheskogo oprosnika [System analysis of frustration tolerance in military personnel: Development and primary psychometric validation of a diagnostic questionnaire]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya, 4*(48), 31–46. https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.48.4.03
11. Reger, G. M., & Gahm, G. A. (2008). Virtual reality exposure therapy for active duty soldiers. *Journal of Clinical Psychology, 64*(8), 940–946. https://doi.org/10.1002/jclp.20512
12. Rosenzweig, S. (1936). Some implicit common factors in diverse methods of psychotherapy. *American Journal of Orthopsychiatry, 6*, 412–415. https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.1936.tb05248.x
13. Selye, H. (1982). *Stress bez distressa* [Stress without distress] (E. M. Kreps, Ed.; Iu. M. Saarma, Foreword). Progress.
14. Verger, A., Rousseau, P. F., Malbos, E., Chawki, M. B., Nicolas, F., Lançon, C., Khalfa, S., & Guedj, E. (2020). Involvement of the cerebellum in EMDR efficiency: A metabolic connectivity PET study in PTSD. *European Journal of Psychotraumatology, 11*(1), 176–198. https://doi.org/10.1080/20008198.2020.1767986
15. Viciana-Abad, R., Reyes-Lecuona, A., García-Berdonés, C., & Díaz-Estrella, A. (2004). A preliminary study of presence in virtual reality training simulation for medical emergencies. *Studies in Health Technology and Informatics, 98*, 394–396.
16. Volovik, M. G., Belova, A. N., Kuznetsov, A. N., Polevaia, A. V., Vorobieva, O. V., & Khalak, M. E. (2023). Ispolzovanie metodov virtualnoi realnosti dlia reabilitatsii veteranov boevykh deistvii s posttravmaticheskim stressovym rasstroistvom (obzor) [The use of virtual reality methods for the rehabilitation of combat veterans with post-traumatic stress disorder: A review]. *Sovremennye tekhnologii v meditsine, 15*(1), 74–86.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI:10.34670/AR.2026.47.32.007**

Особенности ролевой гибкости и ролевой ригидности военнослужащих Росгвардии

Третьяков Виталий Владимирович

Адъюнкт,
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: tvv2025@mail.ru

Федоришин Михаил Иванович

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры практической и специальной психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28;
старший преподаватель кафедры военной педагогики и психологии,
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: maskarad14@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема ролевой гибкости и ролевой ригидности военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии). Обосновывается положение о том, что многозадачность и полифункциональность служебно-боевой деятельности Росгвардии предъявляют повышенные требования к ролевой пластичности личного состава. Проанализированы специфические ролевые паттерны, обусловленные правовым статусом военнослужащего и сотрудника правоохранительных органов. Выявлены ключевые факторы, способствующие развитию ролевой гибкости, а также детерминанты, провоцирующие ролевую ригидность. Особое внимание уделено психологическому содержанию ролевых конфликтов и их влиянию на эффективность служебной деятельности и психическое благополучие военнослужащих. Определены возможные направления психологического сопровождения, нацеленные на формирование ролевой гибкости как ключевой компетенции.

Для цитирования в научных исследованиях

Третьяков В.В., Федоришин М.И. Особенности ролевой гибкости и ролевой ригидности военнослужащих Росгвардии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 106-114. DOI:10.34670/AR.2026.47.32.007

Ключевые слова

Ролевая гибкость, ролевая ригидность, военнослужащие Росгвардии, социальная роль, ролевой конфликт, психологическая подготовка, оперативно-служебная деятельность, методология исследования, государственная политика.

Введение

Современная оперативная обстановка характеризуется высокой динамичностью и неопределенностью, что требует от личного состава силовых структур способности к быстрой адаптации и эффективному переключению между различными видами деятельности. Военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) представляют собой уникальную категорию, в чьи обязанности входит широкий спектр задач: от охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности до участия в контртеррористических операциях и обороне территории страны [О войсках национальной гвардии Российской Федерации, 2016]. Данная полифункциональность порождает сложную систему социальных и служебных ролей, которые военнослужащий должен интегрировать в единую профессиональную идентичность [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

В этом контексте категории ролевой гибкости (способности индивида адекватно и быстро переключаться между социальными ролями, адаптировать ролевое поведение к изменяющимся условиям) и ролевой ригидности (неспособности изменить ролевое поведение, нежелания или невозможности выйти за рамки привычной ролевой модели) [Андреева Г.М., 2020; Пряжников, 2019] становятся критически важными для прогнозирования успешности профессиональной деятельности и психологической устойчивости.

Целью настоящего исследования является теоретический анализ особенностей проявления ролевой гибкости и ригидности у военнослужащих Росгвардии, а также выявление факторов, влияющих на их формирование.

Методология. Исследование основано на системном подходе с применением методов теоретического анализа научной литературы по психологии, социологии и военной психологии, нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность Росгвардии, а также метода моделирования ролевых ситуаций.

Основная часть

Специфика ролевого репертуара военнослужащего Росгвардии.

Ролевая структура военнослужащего Росгвардии отличается высокой сложностью и включает в себя несколько взаимопересекающихся уровней [Барабанщикова, Рыбников, 2018]:

1. Военная роль: предполагает жесткую иерархию, беспрекословное подчинение, действия по уставу и приказу, высокую степень стандартизации поведения [О войсках национальной гвардии Российской Федерации, 2016].

2. Правоохранительная роль: требует правовой грамотности, навыков общения с гражданским населением, умения действовать в рамках закона, применять меры принуждения соразмерно обстановке, часто в ситуациях неопределенности [О войсках национальной гвардии Российской Федерации, 2016].

3. Роль переговорщика/коммуникатора: необходима при работе с участниками массовых мероприятий, задержанными, гражданами, нуждающимися в помощи.

4. Роль специалиста-технического исполнителя: владение специфическими видами вооружения, техники, специальными средствами.

Уникальность заключается в необходимости симультанного (одновременного) или быстрого последовательного исполнения этих ролей. Например, военнослужащий, обеспечивающий общественный порядок, должен быть готов в одной ситуации оказать первую помощь гражданину (коммуникативная, помогающая роль), а в другой – пресечь правонарушение с применением силы (силовая, правоохранительная роль).

2. Ролевая гибкость: детерминанты и проявления.

2.1. Детерминанты (факторы-предпосылки) ролевой гибкости.

Ролевая гибкость у военнослужащих Росгвардии не является врожденным качеством, а представляет собой комплексную профессиональную компетенцию, формируемую под влиянием ряда взаимосвязанных факторов.

Набор различных ролей индивида приводит к возможности возникновения напряженности между отдельными ролями и их ожиданиями, и следовательно к вопросу о том, какая роль в наборе ролей имеет приоритет над другими. P.L. Callero [Callero, 1985] называет это «ролевой идентичностью», или в терминах Ю.М. Перевозкиной и М.И. Федоришина [Перевозкин, Перевозкина, 2019] «доминантная роль», что сопрягается с идеей о том, что некоторые роли более важны для человека («идентичности»), чем другие [Федоришин, Перевозкина, 2022].

Индивидуально-психологические детерминанты:

– Высокий уровень нервно-психической устойчивости (НПУ). Это базовое качество, позволяющее сохранять работоспособность, ясность мышления и адекватность восприятия в условиях острого или хронического стресса, что является обязательным условием для быстрого и точного ролевого переключения в нестандартных ситуациях [Фетискин, 2020]. НПУ обеспечивает психофизиологическую основу для гибкого поведения.

– Когнитивная сложность и пластичность. Данное свойство интеллектуальной сферы предполагает способность к быстрому анализу многокомпонентной обстановки, выделению ключевых признаков ситуации, идентификации актуальной роли и прогнозированию развития событий. Когнитивно сложные личности обладают более дифференцированной системой категорий для оценки реальности, что позволяет им точнее подбирать ролевую модель [Пряжников, 2019].

– Коммуникативная компетентность. Широкий репертуар вербальных и невербальных паттернов поведения является инструментальной основой ролевой гибкости. Это включает владение техниками активного слушания, эмпатией, навыками аргументации и убеждения, а также способность регулировать собственную речь и поведение в зависимости от аудитории (начальник, подчиненный, гражданское лицо, правонарушитель) [Андреева, 2020].

– Самоконтроль и эмоциональная регуляция. Способность управлять своими эмоциональными реакциями, импульсами и поведением даже в провоцирующих ситуациях критически важна для предотвращения «срыва» в привычную, но неадекватную ригидную роль (например, агрессию) [Фетискин, 2020].

Профессиональные и социальные детерминанты:

– Опыт и тренированность. Прохождение службы в различных условиях (гарнизонная служба, патрулирование, участие в специальных операциях), а также регулярное участие в комплексных учениях и тренингах, моделирующих смену ролевых контекстов, формируют устойчивые навыки и когнитивные схемы для быстрого переключения. Опыт позволяет не только накопить «банк» ситуаций, но и выработать уверенность в своих силах [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

– Качество профессиональной подготовки. Наличие в программе обучения специализированных модулей, направленных на развитие ситуативного мышления, правовой грамотности в применении мер принуждения и коммуникативных навыков, закладывает фундамент для будущей ролевой гибкости. Особое значение имеют занятия по разрешению сложных и неоднозначных ситуаций (скрипт-тренинг) [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

– Социально-психологический климат в подразделении. Поддержка со стороны командиров и коллег, атмосфера доверия и взаимопомощи снижают уровень тревожности и страх ошибки. Военнослужащий, уверенный в «тыле», более склонен к проявлению инициативы и принятию нестандартных, но адекватных решений, что является проявлением ролевой гибкости [Андреева, 2020].

2.2. Проявления (поведенческие маркеры) ролевой гибкости

Проявления ролевой гибкости наблюдаются в поведении и эффективности деятельности военнослужащего.

Адекватное и быстрое ролевое переключение:

– Способность к симультанному совмещению ролей. Например, при обеспечении общественного порядка во время массового мероприятия военнослужащий способен одновременно выполнять роль наблюдателя (мониторинг обстановки), коммуникатора (вежливое взаимодействие с гражданами, ответы на вопросы) и охранника (готовность к немедленному пресечению правонарушений), гибко shifting акценты между этими ролями в зависимости от развития ситуации.

– Четкое ситуативное разделение ролей. Военнослужащий демонстрирует способность «надевать» и «снимать» ролевые модели без их переноса в непредназначенные для этого контексты. Классическим примером является отсутствие переноса авторитарной командирской модели (адекватной в строю или при исполнении приказа) в общение с гражданскими лицами, где требуется роль государственного служащего-помощника, или в неформальное общение с коллегами [О статусе военнослужащих, 1998, ст. 26].

Эффективная коммуникация и разрешение конфликтов:

– Использование дифференцированных стратегий влияния. Гибкий в ролевом плане специалист способен выбирать оптимальный стиль коммуникации: от директивного (четкая команда при нейтрализации угрозы) до конструктивно-переговорного (убеждение при работе с несогласными гражданами) или эмпатийно-поддерживающего (помощь пострадавшим) [Барабанщикова, 2018].

– Деэскаляция напряжения. Способность предотвращать эскалацию конфликта за счет своевременного переключения с силовой роли на роль переговорщика, демонстрации уважения к оппоненту и поиска легитимного компромисса, не упуская при этом оперативного контроля над ситуацией [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

Поведенческая адаптивность и эффективность:

– Принятие адекватных решений в условиях неопределенности. Ролевая гибкость позволяет быстро оценить, какая из возможных ролей (воина, правоохранителя, спасателя) является приоритетной в данной конкретной, часто не прописанной в уставах ситуации, и действовать в соответствии с этой оценкой, минимизируя ошибки [Федоришин, Перевозкина, 2022].

– Сохранение профессиональной идентичности при ролевом многообразии. Несмотря на необходимость постоянной смены моделей поведения, военнослужащий с развитой ролевой гибкостью сохраняет целостное «Я» и иные профессиональные ценности (законность, долг, ответственность). Роли воспринимаются им как инструменты для достижения общей цели, а не

как угроза его идентичности [Андреева, 2020].

Таким образом, ролевая гибкость проявляется как системная способность к оперативной поведенческой и коммуникативной адаптации в рамках правового поля и профессиональной этики для достижения максимальной эффективности в полифункциональной служебной деятельности. Ее формирование требует целенаправленной работы как над индивидуально-психологическими качествами военнослужащего, так и над совершенствованием системы подготовки и условий службы.

3. Ролевая ригидность: причины и последствия

Формирование ролевой ригидности у военнослужащих Росгвардии является следствием комплексного взаимодействия индивидуально-психологических, профессиональных и организационных факторов.

3.1. Личностно-психологические детерминанты:

– Преобладание ригидных когнитивных схем. Для некоторых индивидов характерна низкая пластичность психических процессов, выражающаяся в трудности перестройки поведения, шаблонном мышлении и неспособности быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. В контексте службы это приводит к стереотипному применению единственной, наиболее усвоенной ролевой модели (например, исключительно силовой) вне зависимости от нюансов обстановки.

– Высокий уровень личностной и ситуативной тревожности. Страх совершить ошибку, неуверенность в нестандартной ситуации провоцируют психологический отход к наиболее привычной и, с точки зрения военнослужащего, «безопасной» роли. Как правило, этой ролью оказывается модель жесткого подчинения и исполнения приказа, так как она имеет четкие алгоритмы и минимизирует личную ответственность за нестандартное решение [Фролова, Федоришин, 2017].

– Интолерантность к неопределенности. Деятельность в правоохранительной сфере часто сопряжена с быстро меняющейся, амбивалентной обстановкой. Неспособность выдерживать состояние неопределенности заставляет военнослужащего упрощать реальность, игнорируя ее сложность и действуя по заранее заданному, часто упрощенному сценарию [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

2. Профессиональные и организационные детерминанты:

– Профессиональная деформация. Это системное явление, возникающее в результате постоянного воздействия специфических профессиональных стрессоров. У военнослужащих Росгвардии она может выражаться в синдроме «силового доминирования»: переносе моделей поведения, адекватных для силового задержания или конфронтации, на все ситуации взаимодействия, включая общение с коллегами и гражданскими лицами [Перевозкин, Перевозкина, 2019]. Происходит сужение ролевого репертуара до одной-двух доминирующих, наиболее часто практикуемых ролей.

– Чрезмерная регламентация и авторитарный стиль руководства. Хотя уставы и регламенты необходимы, их абсолютное доминирование без развития навыков самостоятельного принятия решений в сложных условиях может подавлять инициативу и способность к гибкому ролевому реагированию. Военнослужащий привыкает действовать только по команде, теряя способность к самостоятельной оценке обстановки и выбору адекватной роли [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

– Дефицит позитивного профессионального опыта и недостаточная подготовка. Если в процессе обучения и службы военнослужащий не сталкивался с необходимостью быстрого

ролевого переключения в смоделированных условиях (на учениях, тренингах), у него не формируются соответствующие навыки и когнитивные схемы. Столкнувшись с подобной ситуацией в реальности, он испытывает когнитивный диссонанс и стресс, что блокирует гибкое поведение [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

– Хронический профессиональный стресс и синдром эмоционального выгорания. Психическая усталость, эмоциональное истощение и деперсонализация, характерные для выгорания, резко снижают психические ресурсы, необходимые для сложной работы по идентификации и переключению ролей. Ведущим становится стремление к экономии сил, что проявляется в упрощенных, ригидных поведенческих реакциях [Федоришин, Андронов, 2021].

3.2. Последствия ролевой ригидности

Последствия ролевой ригидности носят выраженный дезадаптивный характер, негативно влияя как на эффективность деятельности, так и на личность военнослужащего.

Снижение эффективности служебной деятельности:

– Неадекватность ситуациям. Ригидное применение одной ролевой модели приводит к грубым ошибкам. Например, использование исключительно переговорной тактики в ситуации, требующей немедленного силового вмешательства, или, наоборот, применение избыточной силы там, где достаточно предупреждения или диалога [Перевозкин, Перевозкина, 2019]. Это напрямую подрывает выполнение служебно-боевых задач и может привести к тяжким последствиям.

– Дисфункциональное взаимодействие в коллективе. Перенос «командирской» роли на равных по званию коллег или, наоборот, использование пассивно-исполнительской модели там, где требуется проявление инициативы, разрушает здоровый социально-психологический климат в подразделении, порождает конфликты [Андреева, 2020].

Развитие внутриличностных и межролевых конфликтов:

– Межролевой конфликт возникает при осознании противоречивых требований разных ролей (например, воинской дисциплины и необходимости проявления эмпатии к пострадавшему гражданскому лицу). Ригидная личность не может интегрировать эти противоречия, что вызывает острый психологический дискомфорт [Андреева, 2020].

– Внутриличностный ролевой конфликт происходит при несоответствии требований роли личным ценностям, установкам или возможностям индивида. Например, если военнослужащий по личным убеждениям не склонен к агрессии, но его роль в конкретной ситуации требует силового действия, ригидность не позволяет ему найти легитимный компромисс, что ведет к фрустрации и чувству вины [Андреева, 2020].

Деструктивное влияние на личность военнослужащего:

– Хронический психоэмоциональный стресс. Постоянное напряжение от невозможности эффективно разрешать ролевые конфликты и адаптироваться к обстановке является мощным стресс-фактором, ведущим к невротизации, тревожным расстройствам и соматизации [Федоришин и др., 2019].

– Ускоренное развитие профессиональной деформации. Ролевая ригидность является одновременно и причиной, и последствием профессиональной деформации, создавая порочный круг: стресс и деформация усиливают ригидность, которая, в свою очередь, усугубляет деформацию [Фролова, Федоришин, 2017].

– Синдром эмоционального выгорания. Постоянные внутренние конфликты и неэффективность деятельности быстро истощают эмоциональные и энергетические ресурсы личности, приводя к эмоциональному опустошению, цинизму и редукции профессиональных

достижений [Федоришин, Перевозкина, 2022].

– Девиантное и делинквентное поведение. В крайних формах, неспособность найти легитимный способ разрешения ситуации может толкнуть военнослужащего на нарушение уставных правил, злоупотребление властью или иные противоправные действия в попытке разрешить внутренний конфликт силовым, привычным для него путем [Фролова, Федоришин, 2017].

Таким образом, ролевая ригидность выступает ключевым фактором профессиональных и личностных деструкций, требующим целенаправленной профилактики и коррекции в системе психологического обеспечения войск Росгвардии.

Последствия ролевой ригидности крайне негативны [Федоришин, Андронов, 2021]:

– Ролевые конфликты: межролевые (конфликт между требованиями военной и правоохранительной роли) и личностно-ролевые (несоответствие ролевых требований личным убеждениям индивида).

– Снижение эффективности деятельности: неадекватное ситуации поведение (например, излишняя агрессия там, где нужны переговоры, или пассивность там, где требуется решительность).

– Психологическое выгорание, хронический стресс, невротические нарушения как результат постоянного внутреннего напряжения от невозможности разрешить ролевой конфликт [Федоришин, Перевозкина, 2022].

Вывод

Деятельность военнослужащих Росгвардии объективно требует сформированной ролевой гибкости, которая выступает ключевым фактором их профессиональной надежности и психологического благополучия. Ролевая ригидность, в свою очередь, является значительным риском, приводящим к ошибкам, конфликтам и дезадаптации.

В связи с этим, система морально-психологического обеспечения и психологической подготовки войск Росгвардии должна включать в себя:

1. Специализированный диагностический инструментарий для оценки уровня ролевой гибкости на этапе отбора и в процессе службы.

2. Тренинговые программы, направленные на развитие навыков ролевого переключения, коммуникации и разрешения ролевых конфликтов. Эффективным методом является ролевое проигрывание сложных и нестандартных ситуаций (скрипт-тренинг).

3. Внедрение в курс военно-политической подготовки модулей, разъясняющих правовые и психологические основы различных ролевых моделей поведения.

4. Индивидуальную психокоррекционную работу с военнослужащими, демонстрирующими признаки ригидности и профессиональной деформации.

Формирование ролевой гибкости позволит не только повысить эффективность выполнения оперативно-служебных задач, но и сохранить психическое здоровье личного состава, являющееся основой боеготовности подразделений Росгвардии.

Библиография

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Москва: Аспект Пресс, 2020. 363 с.
2. Барабанщикова В.В., Рыбников В.Ю. Психология профессиональной деятельности военнослужащих. Москва: Изд-во Военного университета, 2018. 420 с.

3. Зеер Э.Ф. Психология профессиональных деструкций. Москва: Академический проект, 2018. 240 с.
4. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
5. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
6. Перевозкин С.Б., Перевозкина Ю.М. Взаимодетерминация учебной мотивации подростков кадетского корпуса и ролевой идентичности // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 225-235.
7. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства. Москва: Академия, 2019. 480 с.
8. Федоришин М.И., Андронов А.В. Индивидуальные особенности саморегуляции курсантов военного вуза // Ярославский психологический вестник. 2021. № 5 (53). С. 354–363.
9. Федоришин М.И., Перевозкина Ю.М. Специфика выраженности способностей и когнитивных процессов в зависимости от доминирующей ролевой модели курсантов при решении служебно-боевых задач // Актуальные проблемы профессионально-практической психологии (Дьяченковские чтения – 2022): сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2022. С. 513–520.
10. Федоришин М.И., Спирин А.В., Чайковский П.В. Особенности индивидуальности личности курсантов с высоким уровнем саморегуляции человеческий фактор // Социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 423-435.
11. Фетискин Н.П. Психодиагностика стресса и функциональных состояний. Кострома: КГУ, 2020. 215 с.
12. Фролова Л.В., Федоришин М.И. Проблемы социальной адаптации выпускников военных вузов // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. науч. ст. VIII Межвузовской науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2017. С. 271-276.
13. Callero P.L. Role-identity salience // Social Psychology Quarterly. 1985. № 3(48). P. 203–215.

Peculiarities of Role Flexibility and Role Rigidity Among Personnel of the Russian National Guard (Rosgvardiya)

Vitalii V. Tret'yakov

Adjunct,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: tvv2025@mail.ru

Mikhail I. Fedorishin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Practical and Special Psychology, Faculty of Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
Senior Lecturer, Department of Military Pedagogy and Psychology,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: maskarad14@mail.ru

Abstract

The article addresses the current problem of role flexibility and role rigidity among personnel of the National Guard Troops of the Russian Federation (Rosgvardiya). The position is substantiated that the multitasking and multifunctionality of Rosgvardiya's service-combat activities impose increased demands on the role plasticity of personnel. Specific role patterns determined by the legal

status of a serviceman and law enforcement officer are analyzed. Key factors contributing to the development of role flexibility, as well as determinants provoking role rigidity, are identified. Particular attention is paid to the psychological content of role conflicts and their influence on the effectiveness of service activities and the mental well-being of servicemen. Possible directions for psychological support aimed at forming role flexibility as a key competence are determined.

For citation

Tret'yakov V.V., Fedorishin M.I. (2025) Osobennosti rolevoy gibkosti i rolevoy rigidnosti voennosluzhashchikh Rosgvardii [Peculiarities of Role Flexibility and Role Rigidity Among Personnel of the Russian National Guard (Rosgvardiya)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 106-114. DOI:10.34670/AR.2026.47.32.007

Keywords

Role flexibility, role rigidity, Rosgvardiya personnel, social role, role conflict, psychological training, operational and service activities, research methodology, state policy.

References

1. Andreeva, G. M. (2020). Sotsialnaia psikhologiia [Social psychology]. Aspekt Press.
2. Barabanshchikova, V. V., & Rybnikov, V. Iu. (2018). Psikhologiia professionalnoi deiatelnosti voennosluzhashchikh [Psychology of professional activity of military personnel]. Izdatelstvo Voennogo universiteta.
3. Callero, P. L. (1985). Role-identity salience. Social Psychology Quarterly, 3(48), 203–215.
4. Fedorishin, M. I., & Andronov, A. V. (2021). Individualnye osobennosti samoreguliatsii kursantov voennogo vuza [Individual features of self-regulation of military university cadets]. Iaroslavskii psikhologicheskii vestnik, 5(53), 354–363.
5. Fedorishin, M. I., & Perevozkina, Iu. M. (2022). Spetsifika vyrazhennosti sposobnostei i kognitivnykh protsessov v zavisimosti ot dominantnoi rolevoi modeli kursantov pri reshenii sluzhebno-boevykh zadach [The specificity of the expression of abilities and cognitive processes depending on the dominant role model of cadets in solving service and combat tasks]. In *Aktualnye problemy professionalno-prakticheskoi psikhologii (Diachenkovskie chteniia – 2022)* [Actual problems of professional and practical psychology (Dyachenkov readings - 2022)] (pp. 513–520).
6. Fedorishin, M. I., Spirin, A. V., & Chaikovskii, P. V. (2019). Osobennosti individualnosti lichnosti kursantov s vysokim urovnem samoreguliatsii chelovecheskii faktor [Peculiarities of the personality of cadets with a high level of self-regulation of the human factor]. Sotsialnyi psikholog, 1(37), 423–435.
7. Fetiskin, N. P. (2020). Psikhodiagnostika stressa i funktsionalnykh sostoianii [Psychodiagnostics of stress and functional states]. KGU.
8. Frolova, L. V., & Fedorishin, M. I. (2017). Problemy sotsialnoi adaptatsii vypusknikov voennykh vuzov [Problems of social adaptation of graduates of military universities]. In Napravleniia i perspektivy razvitiia obrazovaniia v voennykh institutakh voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii [Directions and prospects for the development of education in the military institutes of the troops of the National Guard of the Russian Federation] (pp. 271–276).
9. O statuse voennosluzhashchikh: Federalnyi zakon ot 27.05.1998 № 76-FZ (red. ot 01.07.2021) [On the status of military personnel: Federal Law No. 76-FZ of 05/27/1998 (as amended on 07/01/2021)].
10. O voiskakh natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii: Federalnyi zakon ot 03.07.2016 № 226-FZ (red. ot 01.07.2021) [On the Troops of the National Guard of the Russian Federation: Federal Law No. 226-FZ of 07/03/2016 (as amended on 07/01/2021)].
11. Perevozkin, S. B., & Perevozkina, Iu. M. (2019). Vzaimodeterminatsiia uchebnoi motivatsii podrostkov kadetskogo korpusa i rolevoi identichnosti [Mutual determination of educational motivation of teenagers of the cadet corps and role identity]. Perspektivy nauki i obrazovaniia, 4(40), 225–235.
12. Pryazhnikov, N. S. (2019). Psikhologiia truda i chelovecheskogo dostoinstva [Psychology of labor and human dignity]. Akademiia.
13. Zeer E.F. (2018) Psikhologiia professionalnykh destruktsii [Psychology of professional destructions]. Akademicheskii proekt, 240 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI:10.34670/AR.2026.14.22.008**

Структурные компоненты устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям

Иванов Василий Игоревич

Командир батальона обеспечения
учебного процесса,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: vasyagansk@mail.ru

Перевозкин Сергей Борисович

Кандидат психологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: per_sj@mail.ru

Перевозкина Юлия Михайловна

Доктор психологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой практической
и специальной психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28;
профессор кафедры военной педагогики и психологии,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: per@bk.ru

Федоришин Михаил Иванович

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры практической
и специальной психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28;
старший преподаватель кафедры военной педагогики и психологии,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: maskarad14@mail.ru

Аннотация

Военнослужащие подвержены как стрессовым факторам, характерным для повседневной жизнедеятельности, так и стрессовым факторам, возникающим только в боевых условиях. Выполнение служебно-боевых задач военнослужащими в условиях проведения СВО требует выработки у них устойчивости к стрессовым воздействиям. Целью исследования является выявление компонентов устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям. Данная цель достигалась путем изучения факторной структуры устойчивости. Участниками стали 226 курсантов 3 курса в возрасте от 19 до 28 лет. Результаты применения факторного анализа показали, что модель из трех компонентов имеет наилучшую объяснительную способность (68,34 %). В первый фактор «Дезадаптивное избегание и ригидность мышления в неопределенности» (когнитивный компонент), с дисперсией 33,42 % вошли 10 переменных. Второй фактор «Дисфункциональная саморегуляция в условиях стресса» (психофизиологический компонент) с объяснительной силой 24, 69 % дисперсии включает в себя девять переменных. Третий фактор «Эмоционально-конструктивное преодоление фрустрации» (эмоциональный компонент) с дисперсией 10,23 % обобщает девять признаков. Данное исследование способствует пониманию устойчивости к фрустрации у военнослужащих. Представленная модель включает в себя ключевые факторы устойчивости, встречающиеся в большинстве общих моделей устойчивости. Этот вывод демонстрирует потенциальную значимость модели фрустрационной устойчивости для военнослужащих и может представлять собой основу для концептуализации данного конструкта.

Для цитирования в научных исследованиях

Иванов В.И., Перевозкин С.Б., Перевозкина Ю.М., Федоришин М.И. Структурные компоненты устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 115-126. DOI:10.34670/AR.2026.14.22.008

Ключевые слова

Устойчивость, фрустрация, стресс, экстремальные ситуации, военнослужащие, психологическая адаптация, военная психология.

Введение

Возникший военно-политический кризис на Украине повлиял на всю систему международных отношений. Для Российской Федерации специальная военная операция (СВО) стала важнейшей точкой начала новой эпохи государства, которая определяет вектор дальнейшего развития во всех жизненных сферах. Выполнение служебно-боевых задач военнослужащими в условиях проведения СВО требует выработки у них устойчивости к стрессовым воздействиям. Стрессовый характер боевых условий, в которых действуют военнослужащие отражен во многих исследованиях [King, 2006]. Военнослужащие подвержены как стрессовым факторам, характерным как для повседневной жизнедеятельности, так и стрессовым факторам, возникающим только в боевых условиях. Некоторые из этих факторов стресса являются умеренными (например, нехватка сна, высокий уровень неопределенности), в то время как другие являются потенциально травматичными (например, потеря сослуживцев, моральный ущерб, риск получения травмы и смерти и т.д.). Следовательно, военнослужащие могут сталкиваться с разным набором фрустрационных факторов во время службы, связанных с боевыми действиями [Street, 2013]. Офицерский состав представляет собой руководящий и принимающий решения компонент любого вооруженного формирования и подвержен дополнительным источникам стресса. Стрессорам, влияющим на офицерский состав, уделялось определенное внимание. В этом контексте является важным и необходимым выявление устойчивости военнослужащих к стресс-факторам и определение компонентов устойчивости к стрессу.

Теоретическое обоснование устойчивости военнослужащих к стресс-факторам

В свою очередь, устойчивость определяют как личностную характеристику, выражающую способность использовать внутренние и социальные ресурсы для успешной адаптации перед воспринимаемым стрессом, невзгод и травм. Г. Вагнилд и Г. Янг [Wagnild, 1993] также утверждают, что устойчивость представляет собой характеристику личности, которая усиливает адаптацию. С. Лютар и др. [Luthar, 2016] считают, что эго-устойчивость – это характеристика личности, отражающая находчивость, выносливость и гибкость в изменяющейся среде. П. Бартон [Bartone, 2006] определил жизнестойкость как многомерную характеристику личности и способ функционирования, включающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты.

Одним из факторов, влияющих на устойчивость В. Флориан с соавторами [Florian, 2015] обозначают стиль привязанности индивида к своей социальной группе, который определяет взаимодействие личности со своим социальным окружением, получение поддержки в период стресса и пр. Субъекты, у которых такая связь достаточно надежная, как правило, более уверены в себе, более адаптивны, а также лучше оценивают стрессовые ситуации, справляются с ними более позитивно и более гибко приспосабливаются к фрустрирующим факторам. По данным Г. Бонанно и др. [Bonanno, 2007] восприятие военнослужащими социальной поддержки в ближайшем социальном окружении связаны с устойчивостью, поскольку поддержка от близких людей служит «буфером» для воздействия стресса и компенсирует нехватку личных ресурсов.

Дж. Гросс и О. Джон [Gross, 2003] считают, что важной составляющей структуры устойчивости является когнитивный фактор. В свою очередь когнитивная переоценка связана с эмоциональной регуляцией, обеспечивая гибкость, необходимую для адаптации к стрессу с

помощью правильного эмоционального подхода. Эта способность достигается за счет изменения восприятия стрессора, оценки его таким образом, чтобы обеспечить доступ к более адаптивным эмоциям и их выражение. Важность эмоциональной регуляции для достижения устойчивых результатов, по мнению М.И. Федоришина [Федоришин, 2021] вероятно, связана с эмоциональной природой высокострессовых событий. Так, положительные эмоции или переосмысление могут расширить кругозор военнослужащего и обеспечить гибкость внимания. С течением времени использование стратегии переосмысления при столкновении с фрустрирующими обстоятельствами этот позволяют субъекту опираться на положительные эмоции в стрессовых ситуациях, а также увеличивать личные ресурсы в целом. Оптимистичные индивиды, как правило, устойчивы, потому что, представляя себе позитивные результаты, они не перестают прилагать усилия для их достижения [Мекебаев, 2021].

Самоэффективность связана с компетентностью и мастерством, которые бросают вызов и противодействуют чувствам беспомощности или подавленности, которые часто характеризуют реакции на высокострессовые ситуации. В контексте самоэффективности, С. Мадди с соавторами [Maddi, 2012] пишут о таком качестве необходимом для военнослужащих как упорство, которое определяется ими как настойчивость в достижении долгосрочных целей. Военнослужащие, обладающие упорством добиваются своих целей, несмотря на неудачи и трудности, подобно тому, как марафонец не сбивается с пути (долгосрочная выносливость, а не краткосрочная интенсивность). Самооценка также рассматривается как защита от стресса и депрессии, а также как фактор, определяющий устойчивость. Психологическая устойчивость, как было показано ФроловойЛ.В. [Фролова, 2017], защищает военнослужащего от воздействия стресса, обеспечивая позитивную деятельность в неблагоприятных условиях.

Согласно М. И. Федоришина с соавторами [Федоришин, 2022] физическая подготовка, психофизиологические реакции и здоровье улучшают производительность и повышают устойчивость военнослужащих, поскольку они защищают от последствий стресса и способствуют позитивному настроению и эмоциям. Например, как показано в исследовании Ю.М. Перевозкиной с соавторами [Перевозкина, 2023] военнослужащие демонстрирующие более высокие результаты по параметру устойчивость показывали более быстрое восстановление сердечно-сосудистой системы после острого лабораторного стресса. Что касается восприятия стресса, то военнослужащие с высокой устойчивостью к неопределенности оценивали травматический стресс как менее угрожающий. Кроме того, они испытывали больше положительных и меньше отрицательных эмоций во время травматического стресса. В свою очередь, копинг включает когнитивные и поведенческие механизмы, используемые для управления внешними и внутренними ресурсами. Активное или ориентированное на задачу поведение считается в научной литературе наиболее адаптивным и связано с более позитивными результатами, такими как выполнение служебно-боевых задач или нивелирование симптомов посттравматического стресса. В исследовании Ю.М. Перевозкиной и Р.А. Биденко было установлено, что курсантов Росгвардии можно разделить на четыре типа реагирования на стрессовые ситуации: адаптивно-поведенческий, адаптивно-когнитивный, дезадаптивно-поведенческий и дезадаптивно-когнитивный [Перевозкина, 2022]. При этом, наиболее эффективно справлялись со стрессом, курсанты у которых доминировали адаптивно-поведенческий и адаптивно-когнитивный типы.

Таким образом, проведенный теоретический анализ показал, что когнитивная, психофизиологическая и эмоциональные составляющие являются одной из важных компонентов устойчивости к стресс-фрустрационным состояниям у военнослужащих.

Методология

В данном исследовании рассматривается комплекс факторов, составляющих структуру устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям (СФС) как многомерного конструкта, когнитивный компонент, эмоциональный компонент и психофизиологический компонент. Эти, казалось бы, различные аспекты были использованы для выявления общей структуры устойчивости.

– Блок опросников, для изучения устойчивости к СФС: опросник «Устойчивость к неопределенности» С. Баднера в адптации Г.У. Солдатовой; опросник «Резистентность к неопределенности» А.В. Карпова; опросник «Устойчивость к неопределенности Т.В. Корниловой; авторский опросник «Устойчивость к СФС» В.И. Иванов, Ю.М. Перевозкина.

– Блок опросников для исследования СФС: опросник «Определение уровня невротизации и психопатизации» (УНП) И.Б. Ласко Б.И. Тонконогий; «Симптоматический опросник самочувствие в экстремальных условиях» А. Волков Н. Водопьяновой; опросник «Прогноз», для определения нервно-психической устойчивости и риска дезадаптации в стрессе Ю.А. Баранов.

– Блок методик для выявления факторов, влияющих на устойчивость к СФС: «16-ти факторный личностный опросник» Р. Кеттелла, «Мельбурнский опросник принятия решений» в адаптации Т.В. Корниловой, «Тест фрустрационных реакций» С. Розенцвейга.

База исследования: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской федерации», Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской федерации». Всего исследуемая выборка включала 226 курсантов 3 курса в возрасте от 19 до 28 лет.

Выявление структуры устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям у курсантов Росгвардии осуществлялось посредством факторизация компонентов устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям при помощи факторного анализа, методом главных компонентов с вращением варимакс-нормализованных.

Результаты

С целью выявления структуры устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям у курсантов Росгвардии и верификации, выделенных компонентов устойчивости к фрустрации военнослужащих применялся факторный анализ по методу главных компонент с вращением «Варимакс-нормализованных». Количество переменных взятых для анализа первоначально равнялось 37, но в результате построения факторной модели некоторые переменные были исключены из анализа, т.к. не имели наибольшей нагрузки ни по одному фактору. Результирующая модель была построена по 27 переменным, имеющим максимальную нагрузку только по одному фактору и состояла из трех факторов, которые были выделены на основе критерия Р. Кэттела, т.к. точке перегиба соответствовала четвертая компонента.

Результаты применения факторного анализа показали, что модель из трех компонентов имеет наилучшую объяснительную способность (68,34 %) (таблица).

Таблица 1 – Факторные нагрузки по трем компонентам устойчивости у курсантов Росгвардии (N=226)

Переменные в модели	Фактор - 1	Фактор - 2	Фактор - 3
Эффективный тип	-0,48	0,38	-0,15
Когнитивный компонент Э	-0,50	0,27	-0,21
Бдительность	-0,82	0,06	-0,02
Избегание	0,76	0,41	-0,07
Прокрастинация	0,81	0,28	-0,03
Сверхбдительность	-0,84	0,08	0,01
Невротизация	0,51	-0,13	0,05
Психопатизация	0,51	-0,25	-0,06
Сложность проблемы(интолерантность)	0,78	-0,08	0,01
Интегральный показатель интолерантности к неопределенности	0,74	-0,15	-0,03
Импульсивный тип	-0,10	0,65	-0,02
Удерживающий тип	-0,14	0,51	0,05
Адаптивный компонент И	-0,06	0,51	0,26
Адаптивный компонент У	0,00	0,57	0,04
Истощение психоэнергетических ресурсов	-0,36	0,54	0,39
Нарушение воли	-0,41	0,55	0,12
Нарушение сна	0,14	0,52	-0,24
Дезадаптация (склонность к зависимости)	0,18	0,56	0,49
Эмоциональный компонент Э	0,01	-0,07	0,84
Эмоциональный компонент И	0,20	0,01	-0,50
Нервно-психическая устойчивость	-0,00	-0,28	0,57
Эмоциональная неустойчивость	0,11	0,04	-0,94
Суммарный показатель невротизации	0,19	0,34	-0,78
Экстрапунитивные реакции	0,12	0,06	-0,64
Импунитивные реакции	0,02	0,01	0,83
Препятственно-доминантный тип	0,02	0,02	0,90
Необходимо-упорствующий тип	-0,07	-0,17	-0,64
% общей дисперсии по фактору	33,42	24,69	10,23
Собственные значения	6,56	4,11	2,86
% доли общей дисперсии всей модели	68,34		

В первый фактор, с дисперсией 33,42 % вошли 10 переменных из которых четыре имеют отрицательную нагрузку, а шесть – положительную. Переменные образующие отрицательный полюс состоит из таких признаков как эффективный тип (-0,48), когнитивный компонент эффективного типа (-0,50), бдительность (-0,82), сверхбдительность (-0,84). Положительный полюс включает в себя следующие переменные: избегание (0,76), прокрастинация (0,81), невротизация (0,51), психопатизация (0,51), сложность проблемы (интолерантность) (0,78), интегральный показатель интолерантности к неопределенности (0,74). Высокие нагрузки были обнаружены по таким параметрам как избегание, прокрастинация, интолерантность к неопределенности. Следовательно, на отрицательном полюсе данного фактора находятся такие переменные как эффективные стратегии к преодолению ситуаций, связанные с риском для жизни, которые предусматривают высокую когнитивную оценку влияния фрустрационных факторов на благополучие личности военнослужащего и его подчиненных, анализ проблем и

собственных возможностей, при которой последние позволяют успешно преодолеть фрустрационную ситуацию, уточнение целей и задач решения, рассмотрение альтернатив, связанное с поиском информации, ассимиляцией ее «без предрассудков» и оценки перед выбором. Согласно модели, бдительность является единственным копингом, который позволяет принимать рациональные решения. На положительном полюсе избегание (0,76), прокрастинация (0,81), невротизация (0,51), психопатизация (0,51) сложность проблемы(интолерантность) (0,78), интегральный показатель интолерантности к неопределенности (0,74).

Этот фактор может быть обозначен как «Дезадаптивное избегание и ригидность мышления в неопределенности» (когнитивный компонент) и отражает склонность к дезадаптивным когнитивным искажениям в условиях неопределенности: уход от решения проблем, затягивание действий, повышенная тревожность и ригидность мышления.

Второй фактор с объяснительной силой 24, 69 % дисперсии включает в себя девять переменных, имеющих максимальные положительные нагрузки по данному фактору: импульсивный тип (0,65), удерживающий тип (0,51), адаптивный компонент импульсивного типа (0,51), адаптивный компонент удерживающего типа (0,57), истощение психоэнергетических ресурсов (0,54), нарушение воли (0,55), эмоциональная неустойчивость (0,04), нарушение сна (0,52), дезадаптация (0,56). Основные характеристики данного фактора связаны с импульсивностью, истощением и дезадаптацией. Интересно, что наибольшие нагрузки по данному фактору обнаруживают оба дестабилизирующих типа фрустрационной устойчивости – импульсивный и удерживающий. Эти типы характеризуются тенденцией совершать действия без обдумывания, либо сдерживания нежелательных импульсивных реакций при реакция чрезмерного напряжения. Для обоих типов характерна реакция дезадаптации при которой психофизиологические реакции дестабилизируются, либо наблюдается повышенное сердцебиение, учащенный пульс и дыхание, либо реакция замирания. Социальная дезадаптация и дезадаптация к сложившейся фрустрационной ситуации.

Данный фактор можно назвать «Дисфункциональная саморегуляция в условиях стресса» (психофизиологический компонент), что указывает на психофизиологическую дестабилизацию, срыв саморегуляции в условиях длительного стресса, снижение волевого контроля и накопление усталости, что способствует совершению ошибок в критической ситуации.

И, наконец, третий фактор с дисперсией 10,23 % обобщает девять компонентов. Из них четыре переменных имеют положительную нагрузку: нервно-психическая устойчивость (0,57), эмоциональный компонент эффективный тип (0,84), импунитивные реакции (0,83), препятственно-доминантный тип (0,90). И, пять переменных образующих третий фактор имеют отрицательную нагрузку: эмоциональный компонент импульсивный тип (-0,50), эмоциональная неустойчивость (-0,94), суммарный показатель невротизации (-0,78), экстрапунитивные реакции (-0,64), необходимо-упорствующий тип (-0,64). Отличительной особенностью данного фактора является интеграция эмоциональных компонентов в условиях стрессовой ситуации. При этом на положительном полюсе сосредоточены адаптивные эмоциональные реакции на фрустрационные ситуации, такие как спокойствие, легкое волнение или умеренное возбуждение. Выраженное самообладание, военнослужащий довольно быстро может стабилизировать свое эмоциональное состояние, обладают критичностью ума и умеют видеть новизну проблемы. Фрустрирующая ситуация интерпретируется личностью как своего рода возможность раскрыть свои ресурсы, субъект берется сам решить фрустрирующую проблему. Этот фактор связан с высокой эмоциональной стабильностью личности и свидетельствует о развитом чувстве долга, повышенной ответственности, наблюдается отрицательная корреляция

с невротизацией и эмоциональной неустойчивостью. Следовательно, данный фактор можно назвать «Эмоционально-конструктивное преодоление фрустрации» (эмоциональный компонент) и отражает эффективные эмоциональные стратегии совладания с фрустрирующей ситуацией, способность сохранять эмоциональную стабильность, нервно-психическую устойчивость, переключаться с негативных переживаний на конструктивные действия.

Трехмерная модель устойчивости военнослужащих к фрустрационным ситуациям, предложенная в этой работе, согласуется с теоретическими подходами и эмпирическими исследованиями, которые рассматривают и измеряют устойчивость как многомерную конструкцию. Так, например К. Коннор и Р. Дэвидсон [Connor, 2003] утверждают, что структур устойчивости составляют пять факторов: 1. личная компетентность; 2. сопротивление воздействию стресса; 3. гибкость и надежные отношения; 4. контроль; 5. духовное влияние. В нашей модели личная компетентность, принятие изменений и контроль включены в первый фактор «Дезадаптивное избегание и ригидность мышления в неопределенности» и второй фактор «Дисфункциональная саморегуляция в условиях стресса». В нашей модели духовные факторы и надежные отношения не выявлены как имеющие значение для офицеров боевого обеспечения. Р. Бартоне и др. [Bartone, 2006] было представлено три показателя психологической устойчивости: приверженность, контроль и вызов, все из которых входят в оба первых фактора. Оба фактора в нашей модели можно считать важным свойством устойчивости, необходимым для военной среды. Первый фактор также отражает гибкость в условиях изменений. Модель психологической устойчивости, разработанная Г. Уиндлом и соавторами [Windle, 2008] представляет три ресурсные области: самооценку, личностную компетентность и межличностный контроль. Самооценка и личностная компетентность (когнитивный компонент) явно затрагиваются в нашем первом факторе, в то время как межличностный контроль подразумевается, но не полностью отражается в этом факторе.

Вывод

Таким образом, на основе факторного анализа была построена трехфакторная модель, отражающая три компонента устойчивости военнослужащих к фрустрации: когнитивный, психофизиологический и эмоциональный.

Первый компонент включал качества, выявляющие склонность к дезадаптивным когнитивным искажениям в условиях неопределенности: уход от решения проблем, затягивание действий, повышенная тревожность и ригидность мышления. Действительно, военнослужащие склонные долго обдумывать собственные действия в условиях стресса не способны быстро и эффективно выполнить служебно-боевую задачу и достигать целей в неблагоприятных условиях [Федоришин, 2019].

Второй компонент связан с психофизиологической дестабилизацией, срывом саморегуляции в условиях длительного стресса, снижение волевого контроля и накопление усталости, что способствует совершению ошибок военнослужащими в критической ситуации.

Третий фактор, образован переменными отражающими эмоциональную самоэффективность, упорство, выносливость и совладание с фрустрирующей ситуацией. Содержание этого фактора предполагает, что устойчивость включает эффективные эмоциональные стратегии совладания с фрустрирующей ситуацией, способность сохранять эмоциональную стабильность, нервно-психическую устойчивость, переключаться с негативных переживаний на конструктивные действия. Действительно, устойчивые военные офицеры считают себя уверенными в своей способности выполнять задачи. Курсанты с высокой

степенью устойчивости описывают себя как усердных, способных принимать решения и не склонных легко сдаваться.

Даже несмотря на то, что наша модель многомерна, она опирается на меньшее количество факторов, чем другие модели, и, следовательно, может быть более экономичной. В то же время представленные три фактора устойчивости к фрустрации, по-видимому, включают в себя ключевые факторы устойчивости, встречающиеся в большинстве общих моделей устойчивости. Этот вывод демонстрирует потенциальную значимость модели фрустрационной устойчивости для военнослужащих и может представлять собой основу для концептуализации данного конструкта.

Основным ограничением исследования является сосредоточенность фокуса исследования на курсантах (будущих офицерах), что могло повлиять на выявленный факторы устойчивости к фрустрационным факторам, т.к. они еще не сталкивались в своей жизнедеятельности с боевыми обстоятельствами. Однако сравнение переменных, составляющих факторы нашей модели устойчивости с другими моделями показывает, что наша модель может быть, по крайней мере, частично релевантна и гражданским лицам, сталкивающимся с ежедневными стрессорами и боевым офицерам.

Факторная модель устойчивости к фрустрационным ситуациям, представленная в данной работе, важна для военнослужащих, и эти компоненты следует учитывать при оценке и отборе военных кадров, а также при подготовке к служебной деятельности. Результаты данного исследования могут также быть актуальны для различных групп военнослужащих.

Библиография

1. Мекебаев Н. С., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих // Смальта. 2021. № 3. С. 65–76.
2. Перевозкина Ю. М. Структурный анализ социально-психологических факторов совладающего поведения курсантов Росгвардии / Ю. М. Перевозкина, Р. А. Биденко // Человеческий капитал. 2022. № 4 (160). С. 204-213.
3. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б., Федоришин М. И. Ментальные модели социального взаимодействия в служебной деятельности: электронное учебное пособие. Новосибирск, 2023.
4. Спирин А. В., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Критерии эффективности коллективных ментальных моделей // Методология современной психологии. 2023. № 17. С. 290-294.
5. Федоришин М. И., Спирин А. В., Чайковский П. В. Особенности индивидуальности личности курсантов с высоким уровнем саморегуляции // Социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 423-435.
6. Федоришин М. И., Перевозкина Ю. М. Специфика выраженности способностей и когнитивных процессов в зависимости от доминирующей ролевой модели курсантов при решении служебно-боевых задач // Актуальные проблемы профессионально-практической психологии (Дьяченковские чтения – 2022): сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 513–520.
7. Федоришин М. И., Андронов А. В. Индивидуальные особенности саморегуляции курсантов военного вуза // Ярославский психологический вестник. 2021. № 5 (53). С. 354–363.
8. Фролова Л. В., Федоришин М. И. Проблемы социальной адаптации выпускников военных вузов // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. науч. статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 271-276.
9. Bartone P. T. Resilience under military operational stress: Can leaders influence hardiness? // Military Psychology. 2006. № 18(1). P. 131–148.
10. Bonanno G. A., Galea S., Bucciarelli A., Vlahov D. What predicts psychological resilience after disaster? The role of demographics, resources, and life stress // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2007. № 75(5). P. 671–682.
11. Connor K. M., Davidson R. T. Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson Resilience Scale // Depression and Anxiety. 2003. № 18(2). P. 76–82.
12. Florian V., Mikulincer M., Bucholtz I. Effects of adult attachment style on the perception and search for social support // The Journal of Psychology. 1995. № 129(6). P. 665–676.
13. Gross J. J., John O. P. Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. № 85(2). P. 348–362.

14. King L., King D., Vogt D., Knight J., Samper R. Deployment risk and resilience inventory: A collection of measures for studying deployment-related experience of military personnel and veterans // Military Psychology. 2006. № 18(2). P. 89–120.
15. Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B. The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work // Child Development. 2000. № 71(3). P. 543–562.
16. Maddi S. R., Matthews M. D., Kelly D. R., Villarreal B., White M. The role of hardiness and grit in predicting performance and retention of USMA cadets // Military Psychology. 2012. № 24(1). P. 19–28.
17. Street A. E., Gradus J. L., Giasson H. L., Vogt D., Resick P. A. Gender differences among veterans deployed in support of the wars in Afghanistan and Iraq // Journal of General Internal Medicine. 2013. № 28(S2). P. 556–562.
18. Wagnild G., Young H. M. Development and psychometric evaluation of the resilience scale // Journal of Nursing Measurement. 1993. № 1(2). P. 165–178.
19. Windle G., Markland D. A., Woods R. T. Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age // Aging & Mental Health. 2008. № 12(3). P. 285–292.

Structural Components of Servicemen's Resilience to Stress-Frustration States

Vasilii I. Ivanov

Battalion Commander for Educational Process Support,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: vasyagansk@mail.ru

Sergei B. Perevozkin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Senior Research Fellow, Research and Publishing Department,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: per_sj@mail.ru

Yuliya M. Perevozkina

Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Head of the Department of Practical and Special Psychology,
Faculty of Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
Professor, Department of Military Pedagogy and Psychology,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: per@bk.ru

Mikhail I. Fedorishin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Practical and Special Psychology,
Faculty of Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
Senior Lecturer, Department of Military Pedagogy and Psychology,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: maskarad14@mail.ru

Abstract

Servicemen are exposed to both stress factors typical of daily life and stress factors arising exclusively in combat conditions. The execution of service-combat tasks by servicemen during the Special Military Operation requires the development of their resilience to stress impacts. The aim of the study is to identify the components of servicemen's resilience to stress-frustration states. This aim was achieved by examining the factor structure of resilience. Participants were 226 third-year cadets aged 19 to 28. The results of factor analysis showed that a model with three components has the best explanatory power (68.34%). The first factor, "Maladaptive Avoidance and Rigidity of Thinking in Uncertainty" (cognitive component), with 33.42% variance, included 10 variables. The second factor, "Dysfunctional Self-Regulation under Stress Conditions" (psychophysiological component), with explanatory power of 24.69% variance, includes nine variables. The third factor, "Emotional-Constructive Coping with Frustration" (emotional component), with 10.23% variance, summarizes nine indicators. This research contributes to understanding frustration resilience in servicemen. The presented model includes key resilience factors found in most general resilience models. This conclusion demonstrates the potential significance of the frustration resilience model for servicemen and may serve as a basis for conceptualizing this construct.

For citation

Ivanov V.I., Perevozkin S.B., Perevozkina Yu.M., Fedorishin M.I. (2025) Strukturnyye komponenty ustoychivosti voennosluzhashchikh k stress-frustratsionnym sostoyaniyam [Structural Components of Servicemen's Resilience to Stress-Frustration States]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 115-126. DOI:10.34670/AR.2026.14.22.008

Keywords

Resilience, frustration, stress, extreme situations, servicemen, psychological adaptation, military psychology.

References

1. Fedorishin, M. I., & Andronov, A. V. (2021). Individualnye osobennosti samoreguliatsii kursantov voennogo vuza [Individual features of self-regulation of military university cadets]. *Iaroslavskii psikhologicheskii vestnik*, 5(53), 354–363.

2. Fedorishin, M. I., Perevozkina, Iu. M. (2022). Spetsifika vyrazhennosti sposobnostei i kognitivnykh protsessov v zavisimosti ot dominantnoi rolevoi modeli kursantov pri reshenii sluzhebno-boevykh zadach [Specifics of the severity of abilities and cognitive processes depending on the dominant role model of cadets when solving service and combat tasks]. In "Aktualnye problemy professionalno-prakticheskoi psikhologii (Diachenkovskie chteniia – 2022)" (pp. 513-520).
3. Fedorishin, M. I., Spirin, A. V., & Chaikovskii, P. V. (2019). Osobennosti individualnosti lichnosti kursantov s vysokim urovnem samoreguliatsii [Features of the individuality of the personality of cadets with a high level of self-regulation]. *Sotsialnyi psikholog*, 1(37), 423–435.
4. Frolova, L. V., & Fedorishin, M. I. (2017). Problemy sotsialnoi adaptatsii vypusknikov voennykh vuzov [Problems of social adaptation of graduates of military universities]. In *Napravleniia i perspektivy razvitiia obrazovaniia v voennykh institutakh voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii* (pp. 271-276).
5. Mekebaev, N. S., Perevozkina, Iu. M., & Fedorishin, M. I. (2021). Mentalnye modeli sotsialnogo vzaimodeistviia voennosluzhashchikh [Mental models of social interaction of military personnel]. *Smallta*, 3, 65–76.
6. Perevozkina, Iu. M. (2023). *Mentalnye modeli sotsialnogo vzaimodeistviia v sluzhebnoi deiatelnosti* [Mental models of social interaction in official activities; Electronic textbook]. Novosibirsk.
7. Perevozkina, Iu. M., & Biedenko, R. A. (2022). Strukturnyi analiz sotsialno-psikhologicheskikh faktorov sovladaiushchego povedeniia kursantov Rosgvardii [Structural analysis of socio-psychological factors of coping behavior of Rosgvardia cadets]. *Chelovecheskii kapital*, 4(160), 204-213.
8. Spirin, A. V., Perevozkina, Iu. M., & Fedorishin, M. I. (2023). Kriterii effektivnosti kollektivnykh mentalnykh modelei [Criteria for the effectiveness of collective mental models]. *Metodologiia sovremennoi psikhologii*, 17, 290-294.
9. Bartone, P. T. (2006). Resilience under military operational stress: Can leaders influence hardiness? *Military Psychology*, 18(1), 131–148.
10. Bonanno, G. A., Galea, S., Bucciarelli, A., & Vlahov, D. (2007). What predicts psychological resilience after disaster? The role of demographics, resources, and life stress. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 75*(5), 671–682.
11. Connor, K. M., & Davidson, J. R. (2003). Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC). *Depression and Anxiety, 18*(2), 76–82.
12. Florian, V., Mikulincer, M., & Bucholtz, I. (1995). Effects of adult attachment style on the perception and search for social support. *The Journal of Psychology, 129*(6), 665–676
13. Gross, J. J., & John, O. P. (2003). Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology, 85*(2), 348–362.
14. King, L. A., King, D. W., Vogt, D. S., Knight, J., & Samper, R. E. (2006). Deployment Risk and Resilience Inventory: A collection of measures for studying deployment-related experiences of military personnel and veterans. *Military Psychology, 18*(2), 89–120.
15. Luthar, S. S., Cicchetti, D., & Becker, B. (2000). The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work. *Child Development, 71*(3), 543–562.
16. Maddi, S. R., Matthews, M. D., Kelly, D. R., Villarreal, B., & White, M. (2012). The role of hardiness and grit in predicting performance and retention of USMA cadets. *Military Psychology, 24*(1), 19–28
17. Street, A. E., Gradus, J. L., Giasson, H. L., Vogt, D., & Resick, P. A. (2013). Gender differences among veterans deployed in support of the wars in Afghanistan and Iraq. *Journal of General Internal Medicine, 28*(S2), 556–562.
18. Wagnild, G. M., & Young, H. M. (1993). Development and psychometric evaluation of the Resilience Scale. *Journal of Nursing Measurement, 1*(2), 165–178.
19. Windle, G., Markland, D. A., & Woods, R. T. (2008). Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age. *Aging & Mental Health, 12*(3), 285–292.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.99 **DOI:10.34670/AR.2026.80.58.009**

Мотивационные основания потребительского поведения: модель личностных адаптаций в транзактном анализе

Маричева Мария Алексеевна

Клинический психолог, магистр психологии, магистр экономики, преподаватель,
Институт психотерапии и клинической психологии,
125047, Российская Федерация, Москва, ул. 1-я Миусская, 22/24–2;
e-mail: marichevamaria@mail.ru

Аннотация

В данной статье предлагается теоретическая модель, объясняющая паттерны потребительского выбора через призму концепции личностных адаптаций в транзактном анализе. Результатом работы стала модель, в которой для шести личностных адаптаций («творческий мечтатель», «блестящий скептик», «очаровательный манипулятор», «игривый бунтарь», «сверхреагирующий энтузиаст», «ответственный работоголик») определены: 1) ключевая базовая потребность, 2) символическая функция потребления, 3) характерные товарные предпочтения. Модель предлагает мотивационное объяснение покупательских предпочтений, показывая, как потребительский выбор становится проекцией более общих личностных стратегий и инструментом компенсации ведущей потребности. Научная новизна заключается в переходе от установления корреляций к мотивационному объяснению поведения, позволяя отвечать на вопрос, почему потребители с разными психологическими особенностями делают определённый выбор. Практическая значимость заключается в потенциальном применении модели в сфере психологического консультирования, финансового консультирования и маркетинга. В статье представлен детальный план эмпирической верификации модели с использованием метода ситуационных задач и оценки прототипных подборок. Статья вносит вклад в развитие психологии потребителя, интегрируя теоретический аппарат транзактного анализа в исследование экономического поведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Маричева М.А. Мотивационные основания потребительского поведения: модель личностных адаптаций в транзактном анализе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 127-136. DOI:10.34670/AR. 2026.80.58.009

Ключевые слова

Транзактный анализ, личностные адаптации, потребительское поведение, мотивация потребителя, символическое потребление, товарные предпочтения, экономическая психология.

Введение

Изучение детерминант потребительского поведения традиционно занимает важное место в экономической психологии, маркетинге и смежных дисциплинах. Исторически эволюционируя от моделей рационального экономического выбора к признанию сложной природы потребительских решений, современные исследования все больше акцентируют роль психологических факторов [Kotler, 1965; Статт, 2003; Sarker et al., 2013; Ranyard, 2017; Fenton-O'Creevy, Furnham, 2020]. Потребление перестает рассматриваться исключительно как простая утилитарная практика, превращаясь в сложный культурный и символический акт, опосредованный личностными особенностями индивида и служащий расширению и конструированию его идентичности [Belk, 1988].

Значительная часть исследований убедительно демонстрирует устойчивые корреляции между чертами личности и конкретными потребительскими установками, такими как склонность к инновациям, импульсивность, компульсивность или лояльность бренду [Govers, Schoormans, 2005; Becker et al., 2012; Sandy, Gosling, Durant, 2013; Harnish et al., 2018; Peschel et al., 2019; Fenton-O'Creevy, Furnham, 2020; Engle-Warnick, Laszlo , Sayour, 2020]. Однако несмотря на богатый эмпирический материал сохраняется дефицит моделей, объясняющих причины наблюдаемых индивидуальных различий. Большинство исследований отвечают на вопрос «что?» (какие черты связаны с потребительским поведением), но фрагментарно затрагивают вопрос «почему?» — какую психологическую функцию выполняет потребительский выбор, какую базовую потребность он символически компенсирует или выражает. Этот пробел ограничивает объяснительный и прогностический потенциал современных моделей, оставляя без внимания мотивационную основу потребления.

Восполнению данного пробела может способствовать обращение к типологическим моделям, описывающим целостные личностные стратегии. Одной из таких концепций является транзактно-аналитическая модель личностных адаптаций [Kahler, 1982; Ware, 1983; Стюарт, Джойнс, 2021]. Она описывает шесть устойчивых стилей, формирующихся как сценарные решения в раннем онтогенезе и проявляющихся во взрослом возрасте в качестве устойчивых стилей совладания. Адаптации представляют собой комплексные паттерны мышления, чувств и поведения, пронизывающие все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и сферу потребительских решений.

Цель работы. Целью данной статьи является разработка теоретической модели, объясняющей паттерны потребительского выбора через призму личностных адаптации. В рамках данной модели потребительский выбор является проекцией базовой личностной стратегии и символическим способом компенсации ключевого, сценарно обусловленного дефицита.

Научная новизна работы заключается в синтезе идей транзактного анализа с теорией потребительского поведения, что позволяет перейти от констатации поведенческих стратегий к их мотивационно-смысловому объяснению. Предлагаемая модель носит теоретический характер и открывает перспективы для дальнейших эмпирических исследований.

Теоретические основания модели: от личностного дефицита к потребительскому выбору

Модель личностных адаптаций предлагает идею шести универсальных личностных стилей: «творческий мечтатель», «блестящий скептик», «очаровательный манипулятор», «игривый

бунтарь», «ответственный работоголик» и«сверхреагирующий энтузиаст» [Kahler, 1982; Ware, 1983; Стюарт, Джойнс, 2021].

Эти стили развиваются в результате как генетического программирования, так и опыта ранних лет. Они отражают постоянные образцы мышления, чувств и поведения. Адаптации являются лучшим выбором, который делает ребенок, чтобы выжить и соответствовать ожиданиям семьи. Впоследствии эти стратегии используются и во взрослом возрасте, чтобы справляться с ситуациями стресса и оправдывать ожидания окружающих людей [Стюарт, Джойнс, 2021].

Мы предполагаем, что потребительское поведение является проекцией этих адаптивных стратегий на сферу товарно-денежных отношений. Товар, в данном случае, выступает не просто объектом владения, а символическим ресурсом для компенсации основного дефицита. Ведущие дефициты каждого личностного типа могут быть выведены на основе теоретической реконструкции моделей П. Уэра [Ware, 1983], Т. Кэллера [Kahler, 1982], Я. Стюарта и В. Джойнса [Стюарт & Джойнс, 2021]. Основные потребности представлены в таблице 1. Стоит отметить, что эти потребности носят часто характер малодоступный сознательной рефлексии и формируют «сценарные решения», проецирующиеся на поведение, в том числе потребительское.

Таблица 1 – Потребности личностных адаптаций

Адаптация	Ключевая потребность
«Творческий мечтатель»	автономия, защита внутреннего мира
«Блестящий скептик»	власть, безопасность
«Очаровательный манипулятор»	влияние через хитрость и превосходство
«Игривый бунтарь»	автономия через борьбу и сопротивление
«Ответственный работоголик»	быть значимым через совершенство
«Сверхреагирующий энтузиаст»	быть значимым через внимание

Модель потребительских предпочтений личностных адаптаций

Предлагаемая модель устанавливает систематическую связь между структурой личности и потребительским поведением. Ее фундамент составляет логическая связь: базовый дефицит определяет символическую функцию потребления, выражающуюся в характерном паттерне товарных предпочтений.

Базовый дефицит (см. таблицу 1) понимается как ведущая неудовлетворенная потребность, вокруг которой формируется стратегия адаптации личности. Этот дефицит будет определять символическую функцию потребления — ту психологическую задачу, которую человек решает, неосознанно приобретая товары. В рамках данной модели товар рассматривается как символический способ компенсации дефицита и стабилизации самоощущения.

Так, для адаптации ***«творческий мечтатель»***, чьим базовым дефицитом является автономия и желание защитить внутренний мир, потребление приобретает функцию создания и охраны личных границ, а также обеспечения независимости и автономии от окружающей действительности и других людей, в частности. Как следствие, товарные предпочтения будут ориентированы на предметы, минимизирующие вынужденные социальные взаимодействия и обогащающие внутреннюю реальность.

Для адаптации ***«блестящий скептик»***, базовым дефицитом которой является потребность в контроле и безопасности, потребительский акт становится инструментом упреждающего управления рисками и минимизации угрозы от окружающей среды. В связи с этим

предпочтения смещаются в сторону товаров и услуг, обеспечивающих информационное превосходство, физическую безопасность и контроль над жизненным пространством.

У ***«очаровательного манипулятора»*** ключевой дефицит лежит в сфере влияния и признания его превосходства, достигаемого хитростью и обаянием. Потребление для этого типа выполняет функцию демонстрации статуса, социального маневрирования и инструмента подкупа и соблазнения. Выбор может падать на товары, которые служат «социальными сигналами» принадлежности к желаемому обществу, позволяют создавать благоприятный образ, а также получать яркие ощущения и впечатления.

Для ***«игривого бунтаря»***, чьи стратегии сформированы вокруг дефицита автономии, проявляемой через сопротивление, потребление становится актом протеста и отстаивания личной свободы от навязанных правил и норм. Функция потребления — символическое отрицание правил системы, борьба со скукой и немедленной удовлетворение желаний. Предпочтения отдаются товарам, которые «нарушают правила» («запретные плоды») или обеспечивают сиюминутное удовольствие.

«Ответственный работоголик» имеет дефицит в признании своей значимости через безупречность и совершенство. Потребление выполняет функцию структурирования хаоса, минимизации ошибок и приближению к идеалу в значимых сферах жизни. В фокусе выбора оказываются товары, повышающие эффективность, организующие пространство и жизнь, а также инструменты, позволяющие достигать максимальной точных и предсказуемых результатов.

Для «***сверхреагирующего энтузиаста»*** ключевой дефицит — потребность в постоянном внимании и подтверждении собственной значимости для окружающих. Потребление выполняет функцию привлечения этого внимания. Выбор делается в пользу товаров, позволяющих создавать яркий, заметный образ и получать одобрение и признание общества.

Более детально базовые дефициты, функции потребления и характерные товарные предпочтения для каждой адаптации представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Модель потребительских паттернов личностных адаптаций

Адаптация	Функция потребления	Товарные предпочтения
«Творческий мечтатель»	Создание и защита личного пространства, минимизация социальных контактов	***Товары для уединенной деятельности:*** книги, наушники с шумоподавлением, электронные устройства, гаджеты для хобби ***Функциональная одежда:*** простые футболки, джинсы, толстовки ***Эргономика пространства:*** минималистичная мебель, умный дом
«Блестящий скептик»	Упреждающее устранение рисков, управление и контроль за средой	***Товары для безопасности:*** системы видеонаблюдения, сейфы, страховки ***Информационные ресурсы:*** подписки на аналитические издания, базы данных ***Инструменты контроля:*** бинокли, гаджеты для мониторинга здоровья
«Очаровательный манипулятор»	Демонстрация статуса, соблазнение, игра, получение острых ощущений	***Статусные и демонстративные товары:*** бредовая одежда, аксессуары ***Товары для азарта и риска:*** экстремальные виды спорта ***Ресурсы для влияния:*** подарки, товары для подкупа, услуги по созданию имиджа

Адаптация	Функция потребления	Товарные предпочтения
«Игривый бунтарь»	Сопротивление системе, борьба с навязанными нормами и правилами	***Протестная атрибутика:*** атрибутика субкультур, одежда с провокационными надписями ***«Запретные» товары:*** фастфуд, энергетики, алкоголь ***Товары для развлечений и получения сиюминутно удовольствия:*** импульсивные подписки, покупки игрового контента, сладости, десерты
«Ответственный работоголик»	Структурирование реальности, минимизация неопределенности, достижение идеала	***Товары для организации:*** планеры, системы хранения, органайзеры, папки ***Товары для чистоты и порядка:*** роботы-пылесосы, тряпки, чистящие средства ***Товары для достижения идеала:*** высокоточная техника, измерительные приборы, многофункциональные гаджеты
«Сверхреагирующий энтузиаст»	Привлечение внимания, демонстрация статуса и собственной значимости	***Яркие и модные товары:*** декоративная косметика, трендовые вещи, броские аксессуары ***Товары для самопрезентации:*** услуги стилистов, фотографов, косметологические поцедуры ***Товары для социализации:*** билеты на премьеры, вечеринки, предметы для гостеприимства

Предложенная модель обладает рядом ограничений. Во-первых, в ней описаны «чистые» типы в то время, как в реальности личность представляет собой конфигурацию, как минимум, двух адаптаций, и их доминирование может быть ситуативным. Во-вторых, конкретные товарные предпочтения культурно и социально опосредованы. Приведенные в модели категории товаров являются иллюстрацией общей логики, но не представляют собой исчерпывающего списка. В-третьих, модель не учитывает изменение предпочтений при смене адаптаций под влиянием ситуационного контекста.

Несмотря на ограничения, модель обладает научной и практической значимостью. Научная значимость модели определяется ее способностью дать системное объяснение потребительскому поведению через цепочку «базовый дефицит — функция потребления — предпочитаемые товары». Практическая значимость модели заключается в ее потенциале для персонализации товаров: в маркетинге — для сегментации покупателей и предоставлении персонализированных подборок; в финансовом консультировании — для объяснения иррациональных трат клиентов; в психологической практике — для анализа потребительского поведения как части жизненного сценария личности.

Перспективы эмпирической верификации модели

В рамках дальнейшей работы предполагается эмпирическая проверка гипотез о взаимосвязи личностных адаптаций и особенностей потребительского поведения.

Гипотезы будущего исследования:

1. Гипотеза на уровне отдельных выборов: В задаче свободного выбора из рандомизированных каталогов товары, соответствующие доминирующей личностной адаптации респондента, будут выбираться статистически значимо чаще, чем товары из подборок других адаптаций.

2. Гипотеза на уровне целостного образа: В задаче выбора целостной прототипной подборки респонденты будут статистически значимо чаще выбирать подборку, соответствующую их

доминирующей личностной адаптации, по сравнению с подборками, соответствующими другим адаптациям.

Для этого респондентам будет предложена серия ситуационных задач на потребительский выбор. Изначально будет проведена диагностика личностных адаптаций с помощью теста личностных адаптаций JPAQ. Далее для проведения основной части исследования был разработан стимульный материал в виде серии визуальных каталогов товаров, каждый из которых соответствует определённому бюджету: 100, 1000, 10 000 и 100 000 руб.

Процедура разработки стимульного материала:

Для каждой из шести адаптаций была разработана гипотетическая «идеальная» подборка товаров, включающая восемь товарных позиций, релевантных базовой потребности данного типа (см. таблицу 2)

Все товарные позиции из всех типологически подборок в рамках одной суммы (например, 1000 рублей) были объединены в общий пул и перемешаны в случайном порядке. В итоге, для каждой суммы был создан отдельный сводный каталог, содержащий 48 изображений. Таким образом, в каталоге представлены товары всех шести психологических профилей, чтобы исключить прямую подсказку респонденту.

Примеры стимульного материала для двух адаптаций на сумму 1000 рублей представлены на рисунке 1. Помада относится к подборке адаптации «сверхреагирующий энтузиаст», а контейнеры — «ответственный работоголик».

Рисунок 1 – Пример двух отдельных товаров из каталога на сумму 1000 руб

Затем участнику исследования последовательно предъявляются четыре каталога (по возрастанию суммы). Инструкция формулируется следующим образом: «Представьте, что у вас есть … рублей на свободные траты. Пожалуйста, выберите из представленного каталога три товара, которые вы хотели бы приобрести в первую очередь». После совершения выбора участника можно дополнительно спросить о причинах такого выбора.

На втором этапе участникам может быть предложено совершить выбор между шестью подборками товаров. Цель данного этапа — оценить практическую релевантность предложенной модели через восприятие целостных образов, а не отдельных товаров.

Стимульный материал на этом этапе составляют те же самые товары, сгруппированные для каждой суммы (100, 1000, 10 000, 100 000 рублей) так, чтобы они являлись прототипом предпочтений личностных адаптаций. Каждая подборка включает в себя восемь товаров. В

качестве примера подборка для «творческого мечтателя» на сумму 10 000 руб (см. рис. 2) включает кроссовки, электронную книгу, умную колонку, смарт-часы, настольную лампу, курс занятий йогой и онлайн-курс по медитации или техникам повышения осознанности. Пример стимульного материала для шести адаптаций на сумму 10 000 рублей представлен на рисунке 2.

Рисунок 2 – Примеры подборок товаров на сумму 10 000 руб.

Участникам в случайном порядке предъявляются шесть подборок для каждой суммы. Инструкция может быть сформулирована следующим образом: «Перед вами несколько подборок товаров и услуг, составленных для разных людей. Пожалуйста, выберите подборку, которая кажется вам наиболее привлекательной и соответствующей вашим собственным вкусам и предпочтениям».

Для проверки гипотез планируется применение методов математической статистики. Гипотеза H1 будет проверяться путем сравнения наблюдаемой частоты выбора «своих» товаров с теоретически ожидаемой частотой при случайном выборе (с использованием критерия χ^2). Гипотеза H2 будет проверяться путем анализа соответствия между доминирующей адаптацией участника и выбранной им прототипной подборкой (с использованием критерия χ^2 на таблице сопряженности). Качественные данные (ответы на открытые вопросы) планируется

анализировать с помощью методов контент-анализа. Статистическая значимость будет приниматься на уровне $p \leq .05$.

Заключение

В данной статье представлена теоретическая модель, устанавливающая связь между личностными адаптациями в транзактном анализе и устойчивыми паттернами потребительского поведения. Модель предлагает мотивационно-смысловое объяснение потребительского выбора, реконструируя его как символический способ компенсации базовых личностных дефицитов. Для шести личностных адаптаций («творческий мечтатель», «блестящий скептик»,«очаровательный манипулятор», «игривый бунтарь»,«ответственный работоголик» и«сверхреагирующий энтузиаст») были определены ключевые потребности, соотвествующие им функции потребления и характерные товарные предпочтения.

Основной вклад работы состоит в переходе от констатации связей между чертами личности и потребительскими предпочтениями к системному объяснению причин индивидуальных различий. Модель обладает практическим потенциалом для применения в психологическом консультировании, финансовом консультировании и маркетинге.

В статье представлен план эмпирической верификации модели с помощью метода проективного выбора и оценки целостных прототипных подборок. Дальнейшая работа должна быть направлена на эмпирическую проверку гипотез, уточнение модели с учетом культурного контекста и изучение динамики потребительских выборов в процессе личностных изменений. Таким образом, предложенный подход предлагает новую перспективу для изучения поведения потребителя.

Библиография

1. Статт Д. Психология потребителя. СПб. : Питер, 2003.
2. Стюарт Я., Джойнс В. Личностные адаптации. М. : Метанойя, 2021.
3. Becker A., Deckers T., Dohmen T., Falk A., Kosse F. The relationship between economic preferences and psychological personality measures // Annual Review Economics. 2012. Vol. 4, № 1. P. 453–478.
4. Belk R. W. Possessions and the extended self // Journal of Consumer Research. 1988. Vol. 15, № 2. P. 139–168.
5. Engle-Warnick J., Laszlo S., Sayour N. Experimental evidence on personality traits and preferences // Bulletin of Economic Research. 2020. Vol. 72, № 3. P. 288–317.
6. Fenton-O'Creevy M., Furnham A. Money Attitudes, Personality and Chronic Impulse Buying // Applied Psychology. 2020. Vol. 69, № 4. P. 1557–1572. DOI: https://doi.org/10.1111/apps.12215
7. Govers P. C., Schoormans J. P. Product personality and its influence on consumer preference // Journal of consumer marketing. 2005. Vol. 22, № 4. P. 189–197.
8. Harnish R. J., Bridges K. R., Nataraajan R., Gump J. T., Carson A. E. The impact of money attitudes and global life satisfaction on the maladaptive pursuit of consumption // Psychology & Marketing. 2018. Vol. 35, № 3. P. 189–196. DOI: https://doi.org/10.1002/mar.21079
9. Kahler T. Personality pattern inventory. Little Rock : Kahler Communications, 1982.
10. Kotler P. Behavioral models for analyzing buyers // Journal of Marketing. 1965. Vol. 29, № 4. P. 37–45. DOI: https://doi.org/10.1177/002224296502900408
11. Peschel A. O., Grebitus C., Alemu M. H., Hughner R. S. Personality traits and preferences for production method labeling – A latent class approach // Food Quality and preference. 2019. Vol. 74. P. 163–171.
12. Ranyard R. (Ed.). Economic psychology. John Wiley & Sons, 2017.
13. Sandy C. J., Gosling S. D., Durant J. Predicting consumer behavior and media preferences: The comparative validity of personality traits and demographic variables // Psychology & Marketing. 2013. Vol. 30, № 11. P. 937–949.
14. Sarker S., Bose T. K., Palit M., Haque M. E. Influence of personality in buying consumer goods: A comparative study between neo-Freudian theories and trait theory based on Khulna region // International Business and Economics Research. 2013. Vol. 2, № 3. P. 41–58. DOI: https://doi.org/10.11648/j.ijber.20130203.12
15. Ware P. Personality adaptations: (Doors to therapy). San Francisco : Transactional Analysis Journal, 1983.

Motivational Foundations of Consumer Behavior: A Model of Personality Adaptations in Transactional Analysis

Mariya A. Maricheva

Clinical Psychologist, MA in Psychology, MA in Economics,
Lecturer,
Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology,
125047, 22/24–2, 1st Miusskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: marichevamaria@mail.ru

Abstract

This article proposes a theoretical model that explains patterns of consumer choice through the lens of the concept of personality adaptations in transactional analysis. The result of the work is a model in which, for six personality adaptations ("Creative Daydreamer," "Brilliant Skeptic," "Charming Manipulator," "Playful Rebel," "Overreacting Enthusiast," "Responsible Workaholic"), the following are defined: 1) a key basic need, 2) a symbolic function of consumption, 3) characteristic product preferences. The model offers a motivational explanation for consumer preferences, showing how consumer choice becomes a projection of broader personal strategies and a tool for compensating for a leading need. The scientific novelty lies in the transition from establishing correlations to a motivational explanation of behavior, allowing one to answer the question of why consumers with different psychological characteristics make specific choices. The practical significance lies in the potential application of the model in the fields of psychological counseling, financial counseling, and marketing. The article presents a detailed plan for the empirical verification of the model using the method of situational tasks and the evaluation of prototype sets. The article contributes to the development of consumer psychology by integrating the theoretical framework of transactional analysis into the study of economic behavior.

For citation

Maricheva M.A. (2025) Motivatsionnyye osnovaniya potrebitel'skogo povedeniya: model' lichnostnykh adaptatsiy v tranzaktnom analize [Motivational Foundations of Consumer Behavior: A Model of Personality Adaptations in Transactional Analysis]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 127-136. DOI:10.34670/AR.2026.80.58.009

Keywords

Transactional analysis, personality adaptations, consumer behavior, consumer motivation, symbolic consumption, product preferences, economic psychology.

References

1. Becker, A., Deckers, T., Dohmen, T., Falk, A., & Kosse, F. (2012). The relationship between economic preferences and psychological personality measures. *Annual Review Economics*, 4(1), 453-478.
2. Belk, R. W. (1988). Possessions and the extended self. *Journal of Consumer Research*, 15(2), 139–168.
3. Engle-Warnick, J., Laszlo, S., & Sayour, N. (2020). Experimental evidence on personality traits and preferences. *Bulletin of Economic Research*, 72(3), 288-317.

4. Fenton-O'Creevy, M., & Furnham, A. (2020). Money Attitudes, Personality and Chronic Impulse Buying. *Applied Psychology*, *69*(4), 1557–1572. https://doi.org/10.1111/apps.12215
5. Govers, P. C., & Schoormans, J. P. (2005). Product personality and its influence on consumer preference. *Journal of consumer marketing*, 22(4), 189-197.
6. Harnish, R. J., Bridges, K. R., Nataraajan, R., Gump, J. T., & Carson, A. E. (2018). The impact of money attitudes and global life satisfaction on the maladaptive pursuit of consumption. *Psychology & Marketing*, 35(3), 189–196. https://doi.org/10.1002/mar.21079
7. Kahler, T. (1982). *Personality pattern inventory*. Little Rock: Kahler Communications
8. Kotler, P. (1965). Behavioral models for analyzing buyers. *Journal of Marketing*, 29(4), 37–45.
9. Peschel, A. O., Grebitus, C., Alemu, M. H., & Hughner, R. S. (2019). Personality traits and preferences for production method labeling–A latent class approach. *Food Quality and preference*, 74, 163-171.
10. Ranyard, R. (Ed.). (2017). *Economic psychology*. John Wiley & Sons.
11. Sandy, C. J., Gosling, S. D., & Durant, J. (2013). Predicting consumer behavior and media preferences: The comparative validity of personality traits and demographic variables. *Psychology & Marketing*, *30*(11), 937-949.
12. Sarker, S., Bose, T. K., Palit, M., & Haque, M. E. (2013). Influence of personality in buying consumer goods: A comparative study between neo-Freudian theories and trait theory based on Khulna region. *International Business and Economics Research*, 2(3), 41–58.
13. Statt D. (2003) *Psikhologiya potrebitelya* [The Psychology of the Consumer]. St. Petersburg: Piter Publ.
14. Stuart I., Joines V. (2021) *Lichnostnye adaptatsii* [Personality Adaptations]. Moscow: Metanoia Publ.
15. Ware, P. (1983). Personality adaptations:(Doors to therapy). *Transactional Analysis*

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 59.9:316.6 **DOI:10.34670/AR.2026.37.13.010**

Теоретические аспекты изучения представлений экстремальной ситуации

Богатеева Любовь Игоревна

Аспирант,
Государственный университет просвещения,
109542, Российская Федерация, Москва, ул. Ташкентская, 18/4;
e-mail: lyubov.bogateeva@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные теоретические подходы к понятию «экстремальная ситуация», а также структура представлений об экстремальной ситуации в контексте социальной психологии. Анализируются исследования, посвящённые феномену экстремальных ситуаций, классификации по психологическим особенностям и механизмам реагирования. Анализируются различные теории, концепции и подходы, связанные с моделями личностных диспозиций и механизмами саморегуляции, волевой активности и социальными представлениями и их влиянии на психическое здоровье человека. Особое внимание уделяется исследованиям отечественной психологии по направлению «Экстремальная психология». Представления об экстремальных ситуациях и реагирование человека рассмотрены на основе диспозиционной иерархии поведения В.А. Ядова. Освещаются исследования социальных и профессиональных аспектов восприятия риска и опасности, а также анализируются межгрупповые различия в представлениях. Работа акцентирует необходимость системного изучения представлений об экстремальных ситуациях в социальной психологии и может служить теоретической основой для дальнейших исследований этого направления.

Для цитирования в научных исследованиях

Богатеева Л.И. Теоретические аспекты изучения представлений экстремальной ситуации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 137-147. DOI:10.34670/AR.2026.37.13.010

Ключевые слова

Экстремальные ситуации, социальные представления, регуляция поведения, социальные установки, поведение, диспозиционная концепция, психология экстремальных состояний.

Введение

Для анализа представлений об экстремальных ситуациях необходимо определить, что мы понимаем под экстремальной ситуацией. Активно изучать экстремальные ситуации в психологии начали во второй половине XX века и это стало отдельным научным направлением.

В философии и теологии первые научные публикации об экстремальных ситуациях появились после анализа крупных катастроф. Так американский психолог Б. Беттелхейм изучал поведение заключённых в немецких концентрационных лагерях. Это была одна из первых попыток понять, как люди приспосабливаются к сильному стрессу в экстремальных условиях [Шойгу, 2012].

Похожим образом психолог Р. Лифтон подробно описал поведение тех, кто пережил атомную бомбардировку в Хиросиме [Погорелов, Погорелова, 2000], что помогло лучше понять психологические последствия травм, полученных в экстремальных ситуациях. Анализ исследований показывает, что травма связана как с неожиданностью экстремальных событий, так и с тем, насколько человек готов к ним, как быстро может приспособиться. В. Франкл, который был в концлагере и испытал на себе влияние экстремальных ситуаций, считал, что важно иметь цель в жизни, чтобы справиться с ними. Он считал, что нужно находить смысл в том, что делаешь, любить и преодолевать страдания. По его мнению, поиск смысла жизни – это главное для благополучия и устойчивости в трудных ситуациях [Погорелов, Погорелова, 2000].

Основная часть

В зарубежных исследованиях экстремальную ситуацию часто рассматривают как понятие, связанное с такими аспектами как стресс, экстренная психологическая помощь, катастрофы и т.д. В научных статьях зарубежных авторов можно встретить исследования о том, как оказывать экстренную психологическую помощь в чрезвычайных ситуациях. Например, П. Лимоне и Г.А. Тото проанализировали 20 работ по психологии реагирования на экстремальные ситуации и выделили основные критерии, на которые нужно обращать внимание: эмоциональные и поведенческие реакции, организацию помощи при кризисе, а также методы психологической поддержки [Limone, Toto, 2022]. В зарубежной литературе проблема взаимовлияния страха и стресса в экстремальной ситуации представляется недостаточно информативной. Страх и стресс как реагирование в экстремальных ситуациях, описывается напрямую взаимодействия человека в сверхсложной обстановке.

В российской психологии изучение экстремальных ситуаций стало отдельным направлением и остаётся темой для обсуждений разных специалистов. «Экстремальная психология» системно изучает поведение человека в экстремальных условиях. Существует много определений экстремальной ситуации, и каждый автор пытается подробнее раскрыть этот термин.

В рамках экстремальной психологии разработаны способы классификации экстремальных ситуаций. Например, Ю.М. Забродин и В.Г. Зазыкин предложили делить ситуации по степени обычности и сложности: обычные, затруднённые и трудные. Это зависит от того, насколько сложно действовать, насколько напряжён человек, как сильно экстремальные факторы влияют на его состояние [Забродин, Зазыкин, 1985].

В.Д. Небылицын одним из первых попытался дать определение этому понятию через событийность и эмоциональное реагирование человека на эти условия. Он считал, что

экстремальная ситуация – это событие, которое вызывает у человека дискомфорт. Им предложено делить факторы, которые приводят к таким ситуациям, на внутренние и внешние. Внутренние факторы связаны с мыслями, чувствами и мотивами человека, а внешние – с окружающей средой, которая воздействует на человека и создаёт стресс, превышающий его возможности [Небылицын, 1976].

А.Б. Леонова и В.И. Медведева подходят к анализу данного понятия через физиологическую составляющую и считают, что в экстремальных ситуациях происходит дисбаланс, который проявляется в нарушениях физиологических и поведенческих реакций. Это говорит о том, что человек испытывает стресс и его организм не справляется с психологической и физической нагрузкой [Леонова, Медведев, 1993]. А.В. Гостюшин также подчеркивает, что экстремальная ситуация – это событие, которое выходит за рамки обычного опыта человека и вызывает стресс, снижение эмоциональности [Пахомова, 2020].

А.Г. Маклаков описывает экстремальную ситуацию через временной аспект встречаемости таких явлений в обыденной жизни человека и определяет как события, которые происходят независимо от желаний человека и являются необычными и редкими. Такие ситуации выходят за рамки обычного опыта и вызывают изменения в состоянии и поведении человека [Маклаков, 2020]. М.И. Розенова, В.И. Екимова, А.В. Кокурин, А.С. Огнев, О.С. Ефимова дают определение экстремальных ситуаций как ситуаций, к которым человек может быть готов заранее, но они требуют от него максимальной отдачи, использования всех ресурсов, выдержки и соответствия определённым требованиям (примеры таких ситуаций: экзамен, собеседование при приёме на работу, игра «Что? Где? Когда?») [Розенова и др., 2020, с. 99].

М.А. Кремень и А.П. Герамчик предлагают определение экстремальной ситуации любого происхождения как стратегии на сложный раздражитель, который возникает внезапно и требует реакции на двух уровнях: приспособительно-защитных реакций и сложных интеллектуальных реакций, которые формируют стратегию поведения, позволяют выбрать решения, направить все психические процессы и состояния на преодоление конкретного события. Экстремальная ситуация всегда несёт в себе угрозу и в первую очередь воздействует на психику. Сила и продолжительность этого воздействия отражаются на состоянии сознания. Поэтому экстремальная ситуация может быть одной, а её отражение в сознании разным. Это связано с тем, что человек может реагировать не на сам факт, а на то, что он себе представляет [Кремень, Герасимчик, 2011, с. 41]. По сравнению с другими определениями, на наш взгляд, понимание М.А. Кремень и А.П. Герамчика наиболее полно раскрывает понимание экстремальной ситуации, характеризуя их как условия, вызывающие существенные и часто непредсказуемые изменения в субъективных восприятиях и ценностных ориентациях личности. В этом контексте особое значение приобретает роль представлений, формирующихся в рамках системы внутреннего мира индивида.

Представления о мире и о себе играют важную роль в социальной психологии, и их делят на представления о внешнем мире (предметы, учреждения) и внутренние представления (о себе, своих чувствах, страхах) [Мещеряков, Зинченко, 2008; Погорелов, Погорелова, 2000]. Чтобы лучше понять представления, нужно изучить, как они проявляются и воздействуют на поведение человека.

Работа Х. Вольфа «Эмпирическая психология», опубликованная в 1732 г., считается одной из первых попыток описать психологию «Нового времени». Х. Вольф считал, что представления – это основная сила психики. Он придавал представлениям особое значение, выделяя разные типы представлений, отличающиеся по ясности, и говорил, что восприятие и

представления – это главные элементы познания. Представления подчиняются принципам ассоциации: каждое представление помогает сформировать общее представление о мире. Внимание помогает сделать представления более ясными, что важно для работы сознания [Галлямов, Горемыкина, 2017].

В российской психологии И.М. Сеченов называл представлением результат работы мозга. По его мнению, представление – это не просто восприятие или память, а более сложный элемент психики [Сеченов, 1953]. Представление помогает формировать сознание, представлять объекты и события, а также связывать восприятие и мышление.

Личность формирует понятие «сознание» в процессе развития, но сознание – это не просто отражение реальности. В психологии сознание можно понять только через анализ отношений и психической деятельности. А.Н. Леонтьев считал, что психика и деятельность едины. Это позволяет понять, как устроена психика и как человек взаимодействует с миром [Леонтьев, 2005].

А.А. Деркач изучал представления в акмеологии. Он считал, что представление – это результат развития сознания. Представление – это итог постепенного формирования когнитивных структур [Корсаков, 1981].

В.М. Аллахвердов разработал концепцию сознания, которую назвал термином "Психологика". Он считал, что сознание – это логический механизм, который помогает принимать решения и проверять представления о мире. Опираясь на идеи когнитивной психологии, в частности, на концепции Дж. Келли. В.М Аллахвердов предлагает развивать методы психологических исследований и изучать идеальный мозг как модель сознания. Он подчёркивает, что сознание многослойно и включает в себя много неосознаваемых процессов. Эти процессы помогают сформировать представление о психике [Аллахвердов, 2000].

В.А. Мазилов предложил создать коммуникативную методологию, которая поможет разным психологическим школам лучше понимать друг друга. Он также считается одним из основателей «Поэтической психологии», которая использует образы и метафоры для понимания проблем психологии. В его книге «Методология психологической науки: история и современность» подробно рассматривается, как менялись представления человека и как развивались основные концепции, связанные с человеком [Мазилов, 2007; Мазилов, 2015].

В.А. Мазилов вводит понятие моделирующее представление. Под этим он подразумевает преобразование изучаемых элементов в объективные факты, что включает решение задач, соотношение понятий, построение гипотез и выводов. В его работах также рассматривается, как исследователь формирует представления об изучаемом.

С. Московичи начал изучать социальные представления в 1960 году и показал, что нет единого определения этого понятия. Московичи считал, что не нужно давать точное определение, так как социальное представление – это совокупность идей, которые основаны на межличностном взаимодействии в группах. Он выделил три основных компонента социальных представлений:

– Информация — совокупность знаний и представлений.
– Установка — социальное формирование убеждений и восприятия.
– Поле представлений — роль убеждений и их восприятие человеком [Московичи, 1995; Moscovici, 1967].

С.Л. Рубинштейн считал, что представление – это результат познавательной деятельности, основанной на опыте человека. Он различал образ и представление: образ – это яркая и конкретная картинка в голове, а представление – это более размытое и абстрактное понятие. Рубинштейн ввёл понятие образ-представление, которое объединяет эти категории. Это

понимание представлений закрепилось в российской психологии и способствовало развитию теории восприятия и познавательных процессов [Рубинштейн, 2022].

Б.Г. Ананьев изучал познавательные образы и разработал модель представлений. Он изучал связь представлений с восприятием и показал их роль в формировании опыта. Позже он предположил, что познавательные образы связаны с восприятием и участвуют в создании смысловых структур. В результате была создана теория познавательных образов, которая получила признание в когнитивной и социальной психологии [Ананьев, 2007; Ананьев, 1960].

Важной моделью в социальной психологии является диспозиционная концепция В.А. Ядова. Она описывает, как устроены знания и мотивы человека. Её разработал В.А. Ядов, основываясь на работах Д.Н. Узнадзе и зарубежных исследователей. В.А. Ядов выделил четыре уровня диспозиций:

Уровень 1. Элементарные установки. Это автоматические знания, основанные на потребностях и опыте в семье. Они связаны с удовлетворением физиологических потребностей и часто не осознаются. В психологии это называют «set» — готовность к действию.

Уровень 2. Социальные установки формируются на основе общения в группах и поддерживаются активностью в этой среде. На этом этапе человек формирует представления о социальных объектах и ситуациях. В.А. Ядов выделяет аттитюды к объектам и аттитюды к ситуациям. Социальные установки включают в себя чувства, знания и готовность к действию.

Уровень 3. Направленность человека — это основные ценности и предпочтения. Они формируются в процессе деятельности, которая помогает реализовать себя. Эти установки состоят из знаний, поведения и чувств.

Уровень 4 — высший уровень регулирования поведения. На этом уровне диспозиции контролируют поведение в важных ситуациях. Человек оценивает цели и средства их достижения, соотнося свои мотивы с социальными ценностями. Здесь важна саморегуляция, направленная на развитие и самовыражение. Главным элементом является система ценностей, создающая основу для мотивации. Регулятивные компоненты включают: а) эмоциональную оценку целей и средств; б) анализ ситуации и планирование действий; в) реализацию целей в поступках [Ядов, 2013, с. 35].

Эта теория анализирует, как знания и поведение регулируют социальное поведение. Это позволяет предсказать, как человек будет реагировать на экстремальные ситуации, исходя из его установок и представлений.

Особо обращается внимание исследователей на важный элемент четвёртого уровня диспозиционной иерархии является саморегуляция. В.И. Моросанова рассматривает саморегуляцию как многоуровневую систему, которая помогает достигать целей и координировать деятельность. Она способствует полноценному использованию возможностей человека и является важной для развития. По ее мнению, саморегуляция — это психологическое средство, которое позволяет человеку менять свой характер и развиваться [Моросанова, Кондратюк, 2020, с. 507].

Волевая регуляция – это важный элемент устойчивости и адаптации в экстремальных ситуациях. Многие ученые изучали волевые акты, направленные на преодоление трудностей.

В.А. Иванников считает, что воля – это сознательное управление поведением. Во-первых, волевая регуляция нужна, когда есть противоречивые потребности и цели. Во-вторых, цель волевого акта – достичь конкретного результата. В-третьих, для этого нужны ресурсы, такие как понимание действий и внутренние мотивы [Иванников, 2016].

А.Г. Асмолов считает, что волевая регуляция – это компонент личности, который управляет поведением на основе внутренних установок.

В исследовании В.Н. Шляпникова и М.А. Шестовой выяснилось, что у студентов с высоким уровнем волевой регуляции более выражены ценности, связанные со смыслом жизни, а также внутренняя мотивация к учёбе [Шестова, Шляпников, 2024]. В.Н. Шляпников считает, что воля – это метафункция, которая проявляется через работу других функций. Она регулирует познавательные и эмоциональные процессы, помогая реализовать намерения даже в сложных ситуациях [Шляпников, 2022, с. 82].

Т.И. Шульга разработала модель формирования волевой регуляции, которая включает три компонента (звена): мотивационно-побудительное, исполнительское и оценочно-результативное [Шульга, 2020].

Анализируя теорию В.А. Ядова, а также концепции саморегуляции, можно предположить, что волевая регуляция функционирует на уровне ценностных ориентаций (четвёртый уровень). Она обеспечивает согласованность и целенаправленность действий в сложных ситуациях.

Т.П. Харькова изучала связь между представлениями о себе и адаптацией в трудных ситуациях. В исследовании участвовали сотрудники МВД, педагоги, курсанты, студенты, медики. Было установлено, что образ Я основывается на ролевых преимуществах, которые определяются чувствами, знаниями и поведением. Т.П. Харькова выделила несколько типов личности: аморфные, диффузные и устойчивые [Харькова, 2011].

А.В. Пономарёв изучал, как связаны профессиональная мотивация сотрудников МЧС с их представлениями о риске. Он проанализировал, как мотивация влияет на ценности и ориентиры сотрудников. В исследовании использовались ассоциативные методики, опросник ценностей Ш. Шварца, Шкала толерантности к неопределённости МакЛейна, а также авторская анкета, направленная на исследование концепций риска.

А.В. Пономарёв выявил компоненты представлений о риске. Он применил ранжирование ответов и частотный анализ. На основе полученных данных была сформирована типология представлений о риске, выявлены особенности ценностей и мотивов сотрудников МЧС, а также их стратегии восприятия и оценки риска [Пономарев, Хлебникова, 2017].

Особый интерес представляют исследования, посвящённые представлениям об экстремальных ситуациях и их последствий для психики человека. Например, И.О. Куваева систематизировала представления о стрессорах, характерных для разных культур. Это помогает понять, как когнитивные представления влияют на реакцию на стресс [Куваева, 2020].

Теория социальных представлений обладает значительным эвристическим потенциалом, релевантным для объяснения событий и явлений современной общественной жизни, что позволяет ей оставаться ключевой традицией в социальной психологии [Московичи, 1995]. Анализ представлений об экстремальнной ситуации позволяет сделать вывод, что с позиции социальной психологии, мы можем отнести представления об экстреальной ситуации к социальным представлениям, обладающих характерстиками и функциями социальных представлений (интерпретация реальности, регуляция поведения, социальная идентификация личности как члена группы).

Экстремальная ситуация в социальной психологии может быть определена как ситуация, возникающая при воздействии на человека или социальные группы сверхсложной, необычной обстановки среды, превышающей или на грани возможностей человека.

Заключение

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в научных работах изучаются разные аспекты представлений об экстремальных ситуациях. Существуют исследования,

анализирующие смежные понятия, но целостной модели представлений об экстремальной ситуации с точки зрения социальной психологии пока не сложилось. Поэтому, опираясь на существующие психологические теории, необходимо продолжить изучение этой темы. Эта статья служит основой для дальнейших исследований представлений об экстремальных ситуациях. Ранее были опубликованы отдельные работы, посвящённые конкретным аспектам представлений [Богатеева, 2025; Богатеева, 2024; Богатеева, 2024; Богатеева, 2023; Богатеева, 2024; Шульга, Богатеева, 2025].

Библиография

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (экспериментальная психология, т.1), Санкт-Петербург: Издательство ДНК, 2000.
2. Ананьев Б.Г. Избранные труды по психологии, Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
3. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания, Москва: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960.
4. Богатеева Л.И. Отношение к экстремальной ситуации у военнослужащих и работников социальной сферы, Социальная психология: вопросы теории и практики : Материалы X Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 14–15 мая 2025 года, Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2025, с. 92-94.
5. Богатеева Л.И. Понимание экстремальной ситуации у курсантов Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского, Социальная психология: вопросы теории и практики : Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 15–16 мая 2024 года, Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2024, с. 98-101.
6. Богатеева Л.И. Представления о экстремальной ситуации у военнослужащих на основе диспозиционной концепция В.А. Ядова, Человеческий капитал, 2024, № 3(183), с. 88-96.
7. Богатеева Л.И. Представления об экстремальной ситуации у военнослужащих космических войск, Актуальные проблемы теории и практики психологических, педагогических и лингводидактических исследований : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 12–13 апреля 2023 года, Москва: Государственный университет просвещения, 2023, с. 235-239.
8. Богатеева Л.И. Представления об экстремальной ситуации у студентов на основе диспозиционной концепция В.А. Ядова, Мир науки. Педагогика и психология, 2024, Т. 12, № 4. https://elibrary.ru/item.asp?id=74031357
9. Галлямов Р.Р., Горемыкина Л.И. Понятие "социальная группа" в современной науке: основные теоретические подходы (зарубежные трактовки), Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика, 2017, № 3(21), с. 133-139.
10. Забродин Ю.М., Зазыкин В.Г. Основные направления исследований деятельности человека-оператора в особых и экстремальных условиях, Психологические проблемы деятельности в особых условиях, под редакцией Б.Ф. Ломова, Москва: Наука, 1985, с. 5-17.
11. Иванников В.А. Уроки исследований воли, Национальный психологический журнал, 2016, № 3(23), с. 59-63. https://doi.org/10.11621/npj.2016.0308
12. Корсаков С.С. К психологии микроцефалов, Хрестоматия по патопсихологии, Москва: Издательство Московского университета, 1981.
13. Кремень М.А., Герасимчик А.П. Проблема экстремальности и безопасность личности, Вестник Московского университета. Серия 14: Психология, 2011, № 4, с. 39-42.
14. Куваева И.О. Соотношение организации концепта Стресс и совладающего поведения у студентов разных этнокультурных групп : дисс. … канд. психол. наук, Москва: Институт психологии Российской академии наук, 2020.
15. Леонова А.Б., Медведев В.И. Функциональные состояния человека, Физиология трудовой деятельности, Санкт-Петербург: Наука, 1993, с. 10–54.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность, Москва: Смысл, Академия, 2005.
17. Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность, Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2007.
18. Мазилов В.А. Стены и мосты: методология психологической науки, Ижевск: ERGO, 2015.
19. Маклаков А.Г. Человек в экстремальных условиях деятельности, Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2020, № 4, с. 165–180.
20. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь, Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2008.

21. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020», Вопросы психологии, 2020, № 4, с. 155–167.
22. Московичи С. Социальные представление: исторический взгляд, Психологический журнал, 1995, Т. 16, № 1, с. 3–14.
23. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий, Москва: Наука, 1976.
24. Пахомова Ю.А. Проблема переживаний личностью экстремальных ситуаций в отечественных и зарубежных исследованиях, Молодой ученый, 2020, № 50 (340), с. 432-435.
25. Погорелов А.Г., Погорелова Е.И. Несоответствие субъективного образа реальному миру как проявление экстремального пространства личности, Известия ЮФУ. Технические науки, 2000, №4, с. 192–194.
26. Пономарев А.В., Хлебникова С.А. Представление о риске в системе профессиональной мотивации сотрудника МЧС, Человеческий капитал, 2017, № 3, с. 91-92.
27. Розенова М.И., Екимова В.И., Кокурин А.В., Огнев А.С., Ефимова О.С. Стресс и страх в экстремальной ситуации, Современная зарубежная психология, 2020, Т. 9, № 1, с. 94-102. https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090110
28. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии, Санкт-Петербург: Питер, 2022.
29. Сеченов И.М. Избранные произведения, Москва: Учпедгиз, 1953.
30. Харькова Т.П. Образ Я и стратегия поведения личности в трудных жизненных ситуациях, дисс. … канд. психол. наук, Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011.
31. Шестова М.А., Шляпников В.Н. Связи особенностей волевой регуляции и академической мотивации у студентов вузов, Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года, Донецк: Донецкий национальный университет, 2024, с. 383-385.
32. Шляпников В.Н. Воля: потерянное звено современной зарубежной психологии, Экспериментальная психология, 2022, Том 15, № 1, с. 72–87. https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150105
33. Шойгу Ю.С. Организация деятельности психологической службы МЧС России, Национальный психологический журнал, 2012, №1. https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-deyatelnosti-psihologicheskoy-sluzhby-mchs-rossii
34. Шульга Т.И. Некоторые итоги развития проблемы воли и волевой регуляции в исследованиях научной школы, Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки, 2020, № 1, с. 8-21. https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-8-21
35. Шульга Т.И., Богатеева Л.И. Представления об экстремальной ситуации у специалистов социальной сферы на основе диспозиционной концепции В.А. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-2-230-240Ядова, Вестник университета, 2025, № 2, с. 230-240. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция, Москва: ЦСПиМ, 2013.
36. Limone, P., Toto, G. A. Protocols and strategies to use emergency psychology in the face of an emergency: A systematic review, Acta psychologica, 2022, Т. 229, С. 103-697.
37. Moscovici, S. Communication processes and the properties of language, Advances in Experimental Social Psychology, Vol. 3, New York: Academic Press, 1967, P. 225.

Theoretical Aspects of Studying Perceptions of Extreme Situations

Lyubov' I. Bogateeva

Postgraduate Student,
State University of Education,
109542, 18/4, Tashkentskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lyubov.bogateeva@yandex.ru

Abstract

This article examines the main theoretical approaches to the concept of an "extreme situation," as well as the structure of perceptions of extreme situations in the context of social psychology. Research dedicated to the phenomenon of extreme situations, their classification according to psychological characteristics and response mechanisms, is analyzed. Various theories, concepts, and

approaches related to models of personal dispositions and mechanisms of self-regulation, volitional activity, and social representations, and their influence on human mental health, are analyzed. Special attention is paid to research in Russian psychology in the field of "Extreme Psychology." Perceptions of extreme situations and human responses are considered based on V.A. Yadov's dispositional hierarchy of behavior. Research on social and professional aspects of risk and danger perception is highlighted, and intergroup differences in perceptions are analyzed. The work emphasizes the necessity of systematically studying perceptions of extreme situations in social psychology and can serve as a theoretical basis for further research in this direction.

For citation

Bogateeva L.I. (2025) Teoreticheskiye aspekty izucheniya predstavleniy ekstremal'noy situatsii [Theoretical Aspects of Studying Perceptions of Extreme Situations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 137-147. DOI:10.34670/AR.2026.37.13.010

Keywords

Extreme situations, social representations, behavior regulation, social attitudes, behavior, dispositional concept, psychology of extreme states.

References

1. Allakhverdo, V.M. (2000). Soznanie kak paradoks (eksperimentalnaya psikhologiya, t.1) [Consciousness as a paradox (experimental psychology, Vol. 1)]. Izdatelstvo DNK.
2. Ananyev, B.G. (1960). Psikhologiya chuvstvennogo poznaniya [Psychology of sensory cognition]. Izdatelstvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR.
3. Ananyev, B.G. (2007). Izbrannye trudy po psikhologii [Selected works on psychology]. Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
4. Bogateeva, L.I. (2023). Predstavleniya ob ekstremalnoy situatsii u voennosluzhashchikh kosmicheskikh voysk [Representations of an extreme situation among military personnel of the space forces]. In Aktualnye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, pedagogicheskikh i lingvodidakticheskikh issledovaniy [Current problems of theory and practice of psychological, pedagogical and linguodidactic research] (pp. 235–239). Gosudarstvennyy universitet prosveshcheniya.
5. Bogateeva, L.I. (2024). Predstavleniya o ekstremalnoy situatsii u voennosluzhashchikh na osnove dispozitsionnoy kontseptsiya V.A. Yadova [Representations of an extreme situation among military personnel based on the dispositional concept of V.A. Yadov]. Chelovecheskiy kapital [Human capital], 3(183), 88–96.
6. Bogateeva, L.I. (2024). Predstavleniya ob ekstremalnoy situatsii u studentov na osnove dispozitsionnoy kontseptsiya V.A. Yadov [Representations of an extreme situation among students based on the dispositional concept of V.A. Yadov]. Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya [World of science. Pedagogy and psychology], 12(4). Retrieved from https://elibrary.ru/item.asp?id=74031357
7. Bogateeva, L.I. (2024). Ponimanie ekstremalnoy situatsii u kursantov Voenno-kosmicheskoy akademii im. A.F. Mozhayskogo [Understanding of extreme situations among cadets of the A.F. Mozhaysky Military Space Academy]. In Sotsialnaya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki [Social psychology: questions of theory and practice] (pp. 98–101). Moskovskiy gosudarstvennyy psikhologo-pedagogicheskiy universitet.
8. Bogateeva, L.I. (2025) Otnoshenie k ekstremalnoy situatsii u voennosluzhashchikh i rabotnikov sotsialnoy sfery [Attitude towards extreme situations among military personnel and social workers]. In Sotsialnaya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki [Social psychology: questions of theory and practice] (pp. 92–94). Moskovskiy gosudarstvennyy psikhologo-pedagogicheskiy universitet.
9. Galliamov, R.R., & Goremykina, L.I. (2017). Ponyatie "sotsialnaya gruppa" v sovremennoy nauke: osnovnye teoreticheskie podkhody (zarubezhnye traktovki) [The concept of "social group" in modern science: main theoretical approaches (foreign interpretations)]. Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika [Bulletin of USPTU. Science, education, economics. Series: Economics], 3(21), 133–139.
10. Ivanikov, V.A. (2016). Uroki issledovaniy voli [Lessons from will research]. Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal [National psychological journal], 3(23), 59–63. https://doi.org/10.11621/npj.2016.0308

11. Korsakov, S.S. (1981). K psikhologii mikrotsefalov [On the psychology of microcephals]. In Khrestomatiya po patopsikhologii [Reader on pathopsychology] (p. 156). Izdatelstvo Moskovskogo universiteta.
12. Kremen, M.A., & Gerasimchik, A.P. (2011). Problema ekstremalnosti i bezopasnost lichnosti [The problem of extremeness and personal safety]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology], (4), 39–42.
13. Kuvaieva, I.O. (2020). Sootnoshenie organizatsii kontsepta Stress i sovladayushchego povedeniya u studentov raznykh etnokulturnykh grupp [The relationship between the organization of the Stress concept and coping behavior among students of different ethnocultural groups] [Doctoral dissertation, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences].
14. Leonova, A.B., & Medvedev, V.I. (1993). Funktsionalnye sostoyaniya cheloveka [Functional states of a person]. In Fiziologiya trudovoy deyatelnosti [Physiology of labor activity] (pp. 10–54). Nauka.
15. Leontev, A.N. (2005). Deyatelnost. Soznanie. Lichnost [Activity. Consciousness. Personality]. Smysl, Akademiya.
16. Limone, P., & Toto, G.A. (2022). Protocols and strategies to use emergency psychology in the face of an emergency: A systematic review. Acta psychologica, 229, 103697.
17. Mazilov, V.A. (2007). Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost [Methodology of psychological science: history and modernity]. Yaroslavskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. K.D. Ushinskogo.
18. Mazilov, V.A. (2015). Steny i mosty: metodologiya psikhologicheskoy nauki [Walls and bridges: methodology of psychological science]. ERGO.
19. Maklakov, A.G. (2020). Chelovek v ekstremalnykh usloviyakh deyatelnosti [Man in extreme conditions of activity]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], (4), 165–180.
20. Meshcheryakov, B.G., & Zinchenko, V.P. (Eds.). (2008). Bolshoy psikhologicheskiy slovar [Great psychological dictionary]. Praym-Evroznak.
21. Morosanova, V.I., & Kondratyuk, N.G. (2020). Oprosnik V.I. Morosanovoy «Stil samoregulyatsii povedeniya – SSPM 2020» [V.I. Morosanova's questionnaire "Style of behavioral self-regulation – SSPM 2020"]. Voprosy psikhologii [Questions of psychology], (4), 155–167.
22. Moscovici, S. (1967). Communication processes and the properties of language. In L. Berkowitz (Ed.), Advances in Experimental Social Psychology (Vol. 3, p. 225). Academic Press.
23. Moskobichi, S. (1995). Sotsialnye predstavlenie: istoricheskiy vzglyad [Social representations: a historical view]. Psikhologicheskiy zhurnal [Psychological journal], 16(1), 3–14.
24. Nebylytsyn, V.D. (1976). Psikhofiziologicheskie issledovaniya individualnykh razlichiy [Psychophysiological studies of individual differences]. Nauka.
25. Pakhomova, Yu.A. (2020). Problema perezhivaniy lichnostyu ekstremalnykh situatsiy v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniyakh [The problem of personal experiences of extreme situations in domestic and foreign research]. Molodoy uchenyy [Young scientist], 50(340), 432–435.
26. Pogorelov, A.G., & Pogorelova, E.I. (2000). Nesootvetstvie sub'ektivnogo obraza realnomu miru kak proyavlenie ekstremalnogo prostranstva lichnosti [The discrepancy between the subjective image and the real world as a manifestation of the extreme space of personality]. Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki [Izvestiya SFedU. Engineering Sciences], (4), 192–194.
27. Ponomarev, A.V., & Khlebnikova, S.A. (2017). Predstavlenie o riske v sisteme professionalnoy motivatsii sotrudnika MChS [The idea of risk in the system of professional motivation of an EMERCOM employee]. Chelovecheskiy kapital [Human capital], (3), 91–92.
28. Rosenova, M.I., Ekimova, V.I., Kokurin, A.V., Ognev, A.S., & Efimova, O.S. (2020). Stress i strakh v ekstremalnoy situatsii [Stress and fear in an extreme situation]. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology], 9(1), 94–102. https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090110
29. Rubinshteyn, S.L. (2022). Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of general psychology]. Piter.
30. Sechenov, I.M. (1953). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Uchpedgiz.
31. Shestova, M.A., & Shlyapnikov, V.N. (2024). Svyazi osobennostey volevoy regulyatsii i akademicheskoy motivatsii u studentov vuzov [Connections between features of volitional regulation and academic motivation among university students]. In Donetskie chteniya 2024: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti [Donetsk readings 2024: education, science, innovation, culture and challenges of our time] (pp. 383–385). Donetskiy natsionalnyy universitet.
32. Shlyapnikov, V.N. (2022). Volya: poteryannoe zveno sovremennoy zarubezhnoy psikhologii [Will: the missing link of modern foreign psychology]. Eksperimentalnaya psikhologiya [Experimental psychology], 15(1), 72–87. https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150105
33. Shojgu, Yu.S. (2012). Organizatsiya deyatelnosti psikhologicheskoy sluzhby MChS Rossii [Organization of activities of the psychological service of the EMERCOM of Russia]. Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal [National psychological journal], (1). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-deyatelnosti-psihologicheskoy-sluzhby-mchs-rossii

34. Shulga, T.I. (2020). Nekotorye itogi razvitiya problemy voli i volevoy regulyatsii v issledovaniyakh nauchnoy shkoly [Some results of the development of the problem of will and volitional regulation in the research of the scientific school]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], (1), 8–21. https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-8-21
35. Shulga, T.I., & Bogateeva, L.I. (2025) Predstavleniya ob ekstremalnoy situatsii u spetsialistov sotsialnoy sfery na osnove dispozitsionnoy kontseptsii V.A. Yadova [Representations of an extreme situation among social sphere specialists based on the dispositional concept of V.A. Yadov]. Vestnik universiteta [University Bulletin], (2), 230–240. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-2-230-240
36. Yadov, V.A. (2013). Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsialnogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya kontseptsiya [Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual: dispositional concept] (2nd ed.). TsSPiM.
37. Zabrodin, Yu.M., & Zazykin, V.G. (1985). Osnovnye napravleniya issledovaniy deyatelnosti cheloveka-operatora v osobykh i ekstremalnykh usloviyakh [Main directions of research on human-operator activity in special and extreme conditions]. In Psikhologicheskie problemy deyatelnosti v osobykh usloviyakh [Psychological problems of activity in special conditions] (B.F. Lomov, Ed., pp. 5–17). Nauka.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI:10.34670/AR.2026.60.58.011**

Психологические инструменты реинтеграции правонарушителей, освободившихся из мест лишения свободы

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы реинтеграции лиц, освободившихся из мест лишения свободы, через призму современных психологических подходов. Центральное внимание уделяется анализу роли и эволюции психологических инструментов, применяемых для преодоления глубинных последствий заключения: травматического опыта, деформации идентичности, интернализованной стигмы и утраты социальных связей. Обосновывается, что эффективность таких инструментов, включая травмо-информированный подход, когнитивно-поведенческие и нарративные методы напрямую зависит от их интеграции в целостную экосистему социально-правовой поддержки и устранения системных барьеров (правовых ограничений, экономической маргинализации, дискриминации). Критически оцениваются существующие институциональные и структурные вызовы: фрагментация услуг, доминирование парадигмы изоляции, недостаточное распространение реабилитационных программ и дефицит квалифицированных кадров. Делается вывод о необходимости стратегической переориентации системы на принципы восстановительного правосудия и создания непрерывной междисциплинарной модели сопровождения, ориентированной на восстановление человеческого достоинства в пенитенциарных системах различной юрисдикции.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Смирнов О.А. Психологические инструменты реинтеграции правонарушителей, освободившихся из мест лишения свободы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 148-156. DOI: 10.34670/AR.2026.60.58.011

Ключевые слова

Реинтеграция, освобождение из мест лишения свободы, психологическое сопровождение, постпенитенциарная адаптация, травмо-информированный подход, восстановительное правосудие, социальная эксклюзия, стигма, когнитивно-поведенческие интервенции, системные барьеры, реабилитация, рецидивизм.

Введение

Ключевым концептуальным достижением в области осмысления реинтеграции лиц, покидающих места лишения свободы, стало формирование аналитического подхода, который принципиально отвергает ограниченность карательных парадигм. Этот подход утверждает комплексное видение, учитывающее переплетение системных барьеров, глубинных социально-психологических последствий инкарцерации и этических основ восстановительного правосудия [Austin, 2001]. Его актуальность многократно возрастает в современном контексте, отмеченном дискуссиями о масштабах лишения свободы, структурном неравенстве, и новых вызовах, порожденных глобальными кризисами, что остро ставит вопрос о необходимости научно обоснованных психологических стратегий [Gunnison, Helfgott, 2013]. Дальнейшее развитие темы требует не только учета базовых положений о центральной роли психологического фактора, но и глубокой рефлексии относительно природы, эволюции и контекстуального применения самих психологических инструментов, их интеграции в социальную ткань и преодоления ограничений, налагаемых институциональными логиками.

Основная часть

Центральным постулатом данного подхода является понимание успешной реинтеграции не как личной задачи освободившегося человека, а как общественного императива, требующего консолидированных действий государственных институтов и гражданского общества. В рамках этой парадигмы психологические инструменты приобретают статус ключевых механизмов, обеспечивающих внутреннюю готовность личности к трансформации, однако их применение нуждается в адаптации к многослойной и часто травматичной реальности постпенитенциарного существования [James, 2014; Jonson, Cullen, 2015]. Критике подвергается традиционная система, сфокусированная на надзоре и управлении рисками, которая склонна игнорировать устойчивые когнитивные и эмоциональные паттерны, тем самым способствуя рецидиву. Особое внимание уделяется анализу последствий судимости – комплекса устойчивых правовых и социальных ограничений, продолжающих воздействовать на человека после формального освобождения и формирующих систему скрытого, пролонгированного наказания. Наряду с этими внешними барьерами, выделяются барьеры внутренние, психологические: интернализованная стигма, выученная беспомощность, эрозия просоциальной идентичности, которые подрывают мотивацию к позитивным изменениям. Миссия психологических интервенций заключается именно в работе с этими внутренними препятствиями, в формировании психологической устойчивости и жизненно необходимых навыков. Однако их результативность неразрывно связана с пониманием диалектики внутреннего и внешнего – того, как внутренние состояния конституируются в условиях внешних структурных давлений и системной несправедливости [Lattimore et al., 2010].

Проблема последствий сохраняет свою остроту, несмотря на некоторые частичные реформы в сфере политики трудоустройства или восстановления отдельных гражданских прав. Эти изменения зачастую носят поверхностный характер, не затрагивая структурного неравенства, что, в свою очередь, делает задачу психологического сопровождения одновременно более критически важной и более сложной. Психологические инструменты оказываются незаменимыми для преодоления последствий системной травмы, порожденной не только опытом заключения как таковым, но и социально-экономической маргинализацией. Глобальные кризисы, подобные пандемиям, с жестокой наглядностью обнажают и усугубляют уязвимость этой категории лиц, приводя к коллапсу возможностей на рынке труда и резкому сужению доступа к системам социальной поддержки. В подобных условиях психологическая помощь, нацеленная на регуляцию тревоги, поддержание мотивационного ресурса и развитие адаптационного потенциала, становится фактором выживания, предотвращающим глубокие личностные кризисы и возврат в пенитенциарную систему. Это требует постоянного пересмотра и обогащения самого инструментария с учетом новых, усложняющихся форм социальной изоляции и хронической экономической незащищенности [Schlager, 2018].

Принципиальным является осмысление тюремного заключения как события, влекущего за собой глубокую психологическую травму, разрыв социальных связей и формирование дезадаптивной «тюремной идентичности». В этой оптике процесс реадаптации предстает не как набор административных процедур, а как глубокий психологический переход, требующий фундаментальной перестройки идентичности и кропотливого восстановления способности к доверию [Wilkinson, 2001]. Данное понимание сформировалось в современных практиках, все активнее интегрирующих принципы травмо-информированного подхода, который утвердился в качестве одного из основных психологических инструментов. Соответствующие интервенции направлены на переработку травматического опыта, снижение симптоматики посттравматического стрессового расстройства и восстановление базового чувства безопасности и личного контроля. Сущность травмо-информированного подхода заключается не в симптоматическом лечении, а в создании терапевтической среды и отношений, основанных на принципах безопасности, доверия, выбора и сотрудничества, что составляет радикальную оппозицию культуре подчинения и внешнего контроля, интериоризированной в пенитенциарных учреждениях. Несмотря на растущее признание, доступ к качественным услугам, реализующим этот подход для освобождающихся лиц, остается критически ограниченным в силу системной фрагментации помощи и острого дефицита специалистов, подготовленных для работы со спецификой пенитенциарной травмы.

Параллельным и не менее значимым направлением психологической работы выступают программы когнитивно-поведенческой ориентации, специально разработанные для коррекции дисфункциональных мыслительных паттернов, так называемых когнитивных искажений, оправдывающих антисоциальное поведение. Доказанная эффективность таких программ в снижении рецидивизма, однако, существенно ограничивается, если они применяются в отрыве от работы со структурными социальными проблемами. Современная критика отмечает, что чрезмерная фокусировка на индивидуальных когнитивных дефицитах не учитывает влияние системных факторов: бедности, дискриминации, отсутствия легитимных возможностей. Поэтому наиболее прогрессивные практики стремятся к интеграции, помогая человеку не только идентифицировать и оспаривать свои дезадаптивные убеждения, но и вырабатывать практические стратегии совладания с объективными внешними барьерами, тем самым развивая критическое мышление по отношению к социальному контексту. Отдельным вызовом является

процесс «деинституционализации» – сложное и болезненное отвыкание от жестких регламентированных тюремных режимов, которое в условиях свободы порождает интенсивную тревогу и глубокую дезориентацию. Это актуализирует необходимость дополнения классических когнитивно-поведенческих методов интервенциями, нацеленными на развитие навыков осознанности, эмоциональной саморегуляции и повышения толерантности к дистрессу, что зачастую игнорируется стандартными программами, сконцентрированными преимущественно на управлении рисками.

Проблема фрагментации услуг в сфере реинтеграции в полной мере проявляется и в области психологической поддержки. Идея создания интегрированных междисциплинарных служб, где психологическая помощь была бы непрерывной и тесно скоординированной с усилиями по социальной, трудовой и бытовой адаптации, останется значимым условием реинтеграции. Психологический инструментарий раскрывает свой полный потенциал исключительно будучи встроенным в целостную «экосистему поддержки», где психолог, социальный работник, юрист и наставник действуют в единой логике, обеспечивая комплексное сопровождение. Технологические инновации, такие как телетерапия и мобильные приложения для психообразования, открывают новые перспективы для преодоления географических и стигматизирующих барьеров, предлагая анонимность и гибкость. Однако они же несут в себе риски, связанные с конфиденциальностью данных, и могут углублять «цифровой разрыв», делая помощь недоступной для наиболее уязвимых групп с низкой цифровой грамотностью. Таким образом, цифровизация психологических инструментов требует взвешенного баланса между расширением доступности и обеспечением этической и технологической безопасности.

В условиях современных дискуссий о социальной справедливости особую остроту приобретает вопрос культурной компетентности и релевантности применяемых психологических методов. Подходы, разработанные без учета культурного, этнического и социально-экономического контекста, могут оказаться неэффективными для представителей сообществ, переживших историческую травму и институциональную дискриминацию. Современная практика демонстрирует растущий интерес к нарративным подходам, позволяющим переосмыслить личную историю как историю сопротивления и выживания, а также к методам, опирающимся на сильные стороны и ресурсы самого сообщества. Это требует от специалистов постоянной рефлексии в рамках парадигмы культурного смирения, работы по преодолению собственной предвзятости и гибкой адаптации методик к мировоззренческим особенностям клиента. В такой перспективе психологический инструмент перестает быть нейтральным «инструментом исправления», превращаясь в средство диалога, совместного конструирования смыслов и восстановления личности в ее культурной и социальной целостности.

Финансово-экономическое измерение реинтеграции обладает прямым и мощным психологическим воздействием. Хроническая финансовая нестабильность, долговая нагрузка, невозможность легального трудоустройства порождают состояние токсического, пролонгированного стресса, который подрывает исполнительные функции мозга, снижает когнитивные способности и сводит планирование к краткосрочным стратегиям выживания. В ответ на это комплексные модели поддержки все чаще интегрируют финансовое консультирование с психологической помощью, нацеленной на развитие финансовой грамотности, преодоление деструктивных убеждений, связанных с бедностью, и формирование чувства личной агентности в экономической сфере. Психологическая работа в данном контексте становится необходимым условием для выработки реалистичных жизненных планов, укрепления самоэффективности и предотвращения рецидива преступлений, который нередко

является отчаянной поведенческой реакцией на тяжелое материальное положение. Таким образом, психологический инструментарий закономерно расширяется, включая специализированные техники для работы с экономически индуцированной тревогой и формирования новой, ответственной финансовой идентичности.

Аанализируемый концептуальный подход обосновывает центральное и многомерное место психологического восстановления в архитектуре реинтеграции. Его фундаментальный вывод заключается в том, что психологические инструменты обретают действенность не в изоляции, а будучи органично встроенными в экосистему поддержки, целенаправленно работающую на устранение системных барьеров [Wilkinson, 2001]. Современная динамика их применения отмечена определенным прогрессом, выраженным во внедрении травмо-информированного подхода, использовании цифровых решений и росте культурной чувствительности, что знаменует поворот от узко-коррекционной к холистической и реабилитационной парадигме. Тем не менее, сохраняются фундаментальные системные вызовы: периферийность психологических служб в системе правосудия, несистемный характер помощи, разрыв между тюремными и постпенитенциарными программами, дефицит квалифицированных кадров, цифровое неравенство и глубинная укорененность карательной логики, оценивающей человека прежде всего сквозь призму угрозы и риска [Lattimore et al., 2010].

Следовательно, путь к подлинной реинтеграции предполагает не частичные корректировки, а фундаментальную переориентацию всей системы на философские и практические принципы реабилитации и восстановительного правосудия. Это требует долгосрочных инвестиций не только в методические протоколы, но и в качество терапевтических отношений как основы изменений, в подготовку специалистов, способных работать со сложным сплавом травмы, стигмы и социальной депривации, в создание бесшовной цепи помощи, ведущей человека из учреждения в сообщество, и, что крайне важно, в преодоление стигмы внутри самой правоохранительной и судебной систем, а также в общественном сознании. В таком видении психологические инструменты трансформируются из набора техник для «коррекции девианта» в интегральный язык диалога, средство восстановления внутренней целостности личности и ее разорванных связей с социумом. Лишь такая целостная, научно обоснованная, контекстуально встроенная и ориентированная на достоинство психологическая поддержка способна стать прочным фундаментом для успешной реинтеграции, способствуя не только статистическому снижению рецидивизма, но и подлинному восстановлению человеческого потенциала, социальных связей и полноценной гражданской субъектности.

Заключение

Процесс реинтеграции лиц, освободившихся из мест лишения свободы, представляет собой комплексную социально-психологическую проблему, решение которой лежит за пределами традиционной карательной парадигмы. Анализ свидетельствует, что успешное возвращение в общество не является исключительно индивидуальной задачей, но выступает как общественный императив, требующий консолидированных усилий институтов государства и гражданского общества. В этом контексте психологические инструменты приобретают ключевое значение, однако их эффективность напрямую обусловлена способностью преодолевать системные противоречия и встраиваться в целостную экосистему поддержки.

Современные подходы к психологическому сопровождению, включая травмо-информированный подход, модифицированные когнитивно-поведенческие программы, методы

развития осознанности и эмоциональной регуляции, а также нарративные и культурно-сенситивные практики, ориентированы на преодоление глубинных последствий заключения. К ним относятся интернализованная стигма, дезадаптивная идентичность, последствия системной травмы и деформации социальных связей. Однако действенность этих инструментов существенно ограничивается, если они применяются в отрыве от работы по устранению структурных барьеров, таких как правовые ограничения, экономическая маргинализация, дискриминация на рынке труда и фрагментация социальных услуг.

Прогресс в данной сфере связан с признанием необходимости интеграции психологической помощи в непрерывную междисциплинарную модель сопровождения, переходом от логики управления рисками к логике восстановления потенциала, а также с попытками учесть культурный контекст и использовать цифровые технологии. Тем не менее, сохраняются фундаментальные вызовы: доминирование изоляционного дискурса в системе правосудия, дефицит квалифицированных кадров и глубокая стигматизация целевой группы в общественном сознании.

Следовательно, перспективы развития психологического инструментария в сфере реинтеграции связаны не с его техническим совершенствованием в узких рамках, а с глубокой трансформацией всей системы. Это предполагает стратегические инвестиции в создание бесшовной цепи помощи, основанной на принципах восстановительного правосудия, подготовку специалистов, способных работать со сложным сочетанием травмы и социальной эксклюзии, и системную работу по дестигматизации как на институциональном, так и на общественном уровне.

Библиография

1. Даниленко И.А. О некоторых вопросах ограничения права на выезд за территорию российской федерации лиц, имеющих допуск к сведениям, составляющим государственную тайну // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 78 – 84.
2. Елагина А.С., Новиков А.В. Стратегии профилактики суицидального поведения в пенитенциарной системе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 92-98. DOI: 10.34670/AR.2025.95.93.011
3. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
4. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Системные противоречия оказания психологической помощи в пенитенциарной системе: трансформация подходов в международном контексте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 107-115. DOI: 10.34670/AR.2025.21.62.014
5. Елагина А.С., Смирнова О.О. International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 239-245.
6. Елагина А.С., Смирнова О.О. The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 258-264.
7. Зайцева С.А. Культурологический подход к осмыслению ценностной составляющей в литературном произведении С. Довлатова "Компромисс" // Общество: философия, история, культура. 2017. № 2. С. 106 – 110.
8. Зайцева С.А. Традиции Ильи Ильфа и Евгения Петрова и "Компромисс" Сергея Довлатова // Studia Rossica Posnaniensia. 2020. Т. 45. № 1. С. 57 – 72.
9. Смирнов О.А., Елагина А.С. Психологический феномен доверия в современных исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 6А. С. 163-169. DOI: 10.34670/AR.2021.60.73.018
10. Смирнов, О. А. Подходы к измерению адаптации после освобождения из тюрьмы / О. А. Смирнов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 1-1. – С. 62-69.
11. Смирнов, О. А. Применение методики конструирования просоциальной идентичности в пенитенциарной системы Сингапура: возможности и ограничения / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 7-1. – С. 84-90.

12. Смирнов, О. А. Развитие теоретических представлений о влиянии на личность условий пенитенциарного учреждения: мета-анализ современных исследований / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 8-1. – С. 123-130.
13. Смирнова О.О., Елагина А.С. Socio-psychological consequences of food price volatility: a synthesis of international practice // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 251-257.
14. Austin J. Prisoner reentry: Current trends, practices, and issues //Crime & Delinquency. – 2001. – Т. 47. – №. 3. – С. 314-334.
15. Gunnison E., Helfgott J. B. Offender reentry: Beyond crime & punishment. – Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2013.
16. James N. Offender reentry: Correctional statistics, reintegration into the community, and recidivism. – Washington, DC: Congressional Research Service, 2014. – Т. 37.
17. Jonson C. L., Cullen F. T. Prisoner reentry programs //Crime and justice. – 2015. – Т. 44. – №. 1. – С. 517-575.
18. Lattimore P. K., Steffey D. M., Visher C. A. Prisoner reentry in the first decade of the twenty-first century //Victims and Offenders. – 2010. – Т. 5. – №. 3. – С. 253-267.
19. Schlager M. D. Through the looking glass: Taking stock of offender reentry //Journal of Contemporary Criminal Justice. 2018. – Т. 34. – №. 1. – С. 69-80.
20. Wilkinson R. A. Offender reentry: A storm overdue //Corrections Management Quarterly. – 2001. – Т. 5. – №. 3. – С. 46-51.

Psychological Tools for the Reintegration of Offenders Released from Places of Deprivation of Liberty

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Russian State University named after A.N. Kosygin,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Abstract

The article examines current issues in the reintegration of persons released from places of deprivation of liberty through the lens of modern psychological approaches. Central attention is paid to analyzing the role and evolution of psychological tools used to overcome the profound consequences of incarceration: traumatic experience, identity deformation, internalized stigma, and the loss of social connections. It is substantiated that the effectiveness of such tools, including trauma-informed approaches, cognitive-behavioral, and narrative methods, directly depends on their integration into a holistic ecosystem of socio-legal support and the elimination of systemic barriers

(legal restrictions, economic marginalization, discrimination). Existing institutional and structural challenges are critically assessed: fragmentation of services, dominance of the isolation paradigm, insufficient dissemination of rehabilitation programs, and a shortage of qualified personnel. The conclusion is drawn about the necessity of a strategic reorientation of the system towards the principles of restorative justice and the creation of a continuous interdisciplinary support model focused on restoring human dignity across penitentiary systems of various jurisdictions.

For citation

Novikov A.V., Smirnov O.A. (2025) Psikhologicheskiye instrumenty reintegratsii pravonarushiteley, osvobodivshikhsya iz mest lisheniya svobody [Psychological Tools for the Reintegration of Offenders Released from Places of Deprivation of Liberty]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 148-156. DOI:10.34670/AR.2026.60.58.011

Keywords

Reintegration, release from places of deprivation of liberty, psychological support, post-penitentiary adaptation, trauma-informed approach, restorative justice, social exclusion, stigma, cognitive-behavioral interventions, systemic barriers, rehabilitation, recidivism.

References

1. Austin, J. (2001). Prisoner reentry: Current trends, practices, and issues. *Crime & Delinquency*, 47(3), 314–334.
2. Danilenko, I.A. (2018). O nekotorykh voprosakh ogranicheniia prava na vyezd za territoriiu rossiiskoi federatsii lits, imeiushchikh dopusk k svedeniiam, sostavliaiushchim gosudarstvennuiu tainu [On some issues of restricting the right to leave the territory of the Russian Federation for persons with access to information constituting state secrets]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGIA)* [Kutafin University Law Review (MSAL)], (2 (42)), 78–84.
3. Elagina, A.S., & Novikov, A.V. (2025) Strategii profilaktiki suitsidal'nogo povedeniia v penitentsiarnoi sisteme [Strategies for the prevention of suicidal behavior in the penitentiary system]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 92–98. https://doi.org/10.34670/AR.2025.95.93.011
4. Elagina, A.S., & Ozdamirova, L.M. (2022). Kontseptual'nye podkhody k formirovaniiu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 11(3A), 274–279. https://doi.org/10.34670/AR.2022.85.75.035
5. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025) Sistemnye protivorechiia okazaniia psikhologicheskoi pomoshchi v penitentsiarnoi sisteme: transformatsiia podkhodov v mezhdunarodnom kontekste [Systemic contradictions in providing psychological assistance in the penitentiary system: transformation of approaches in the international context]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 107–115. https://doi.org/10.34670/AR.2025.21.62.014
6. Elagina, A.S., & Smirnova, O.O. (2018). International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 239–245.
7. Elagina, A.S., & Smirnova, O.O. (2018). The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 258–264.
8. Gunnison, E., & Helfgott, J.B. (2013). *Offender reentry: Beyond crime & punishment*. Lynne Rienner Publishers.
9. James, N. (2014). *Offender reentry: Correctional statistics, reintegration into the community, and recidivism* (Report No. R43746). Congressional Research Service.
10. Jonson, C.L., & Cullen, F.T. (2015). Prisoner reentry programs. *Crime and Justice*, 44(1), 517–575.
11. Lattimore, P.K., Steffey, D.M., & Visher, C.A. (2010). Prisoner reentry in the first decade of the twenty-first century. *Victims and Offenders*, 5(3), 253–267.
12. Schlager, M.D. (2018). Through the looking glass: Taking stock of offender reentry. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 34(1), 69–80.

13. Smirnov, O.A., & Elagina, A.S. (2021). Psikhologicheskii fenomen doveriia v sovremennykh issledovaniiakh [The psychological phenomenon of trust in modern research]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 10(6A), 163–169. https://doi.org/10.34670/AR.2021.60.73.018
14. Smirnov, O.A., Novikov, A.V., & Slabkaia, D.N. (2025) Podkhody k izmereniiu adaptatsii posle osvobozhdeniia iz tiur'my [Approaches to measuring adaptation after release from prison]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(1-1), 62–69.
15. Smirnov, O.A., & Slabkaia, D.N. (2025) Primenenie metodiki konstruirovaniia prosotsial'noi identichnosti v penitentsiarnoi sisteme Singapura: vozmozhnosti i ogranicheniia [Application of the method for constructing prosocial identity in the penitentiary system of Singapore: opportunities and limitations]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(7-1), 84–90.
16. Smirnov, O.A., & Slabkaia, D.N. (2025) Razvitie teoreticheskikh predstavlenii o vliianii na lichnost' uslovii penitentsiarnogo uchrezhdeniia: meta-analiz sovremennykh issledovanii [Development of theoretical concepts about the influence of penitentiary institution conditions on personality: meta-analysis of modern research]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(8-1), 123–130.
17. Smirnova, O.O., & Elagina, A.S. (2018). Socio-psychological consequences of food price volatility: a synthesis of international practice. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 251–257.
18. Wilkinson, R.A. (2001). Offender reentry: A storm overdue. *Corrections Management Quarterly*, 5(3), 46–51.
19. Zaitseva, S.A. (2017). Kul'turologicheskii podkhod k osmysleniiu tsennostnoi sostavliaiushchei v literaturnom proizvedenii S. Dovlatova "Kompromiss" [A culturological approach to comprehending the value component in S. Dovlatov's literary work "Compromise"]. *Obshchestvo: filosofiia, istoriia, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], (2), 106–110.
20. Zaitseva, S.A. (2020). Traditsii Il'i Il'fa i Evgeniia Petrova i "Kompromiss" Sergeia Dovlatova [Traditions of Ilya Ilf and Evgeny Petrov and "Compromise" by Sergei Dovlatov]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 45(1), 57–72.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI:10.34670/AR.2026.66.63.012**

Систематизация психологических предикторов рецидива преступности у женщин

Елагина Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономических дисциплин,
Еврейский университет,
127273, Российская Федерация, Москва, ул. Отрадная, 6;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу ключевых психологических предикторов устойчивого преступного поведения женщин, что является актуальной проблемой современной криминологии. Исторически рассматриваемая как периферийная, женская преступность сегодня признается самостоятельной областью междисциплинарных исследований, требующей учета специфики социализации и жизненного опыта. Автор систематизирует внутренние факторы, опосредующие связь между структурным неравенством и криминальными траекториями. В центре внимания находятся последствия хронической виктимизации и травмы, коморбидные расстройства личности, дезадаптивные когнитивные схемы, зависимости от психоактивных веществ и дефициты социально-психологических компетенций. Подчеркивается, что эти предикторы формируют самоподдерживающуюся систему, которая усугубляется традиционной пенитенциарной системой. Делается вывод о необходимости смены карательной парадигмы на реабилитационную, основанную на доказательных, гендерно-специфичных и травма-информированных психологических практиках, обеспечивающих непрерывную поддержку для разрыва цикла рецидивизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Систематизация психологических предикторов рецидива преступности у женщин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 157-165. DOI:10.34670/AR.2026.66.63.012

Ключевые слова

Женская преступность, психологические предикторы, рецидивизм, травма-информированный подход, реабилитация.

Введение

Исторически криминологическая мысль была сконцентрирована преимущественно на мужском опыте правонарушений, что отодвигало женскую преступность на периферию научного интереса, трактуя её либо как исключительное явление, либо как следствие пассивного следования мужскому влиянию, либо как проявление индивидуальной психопатологии [Gunnison, McCartan, 2005]. Однако эволюция научного знания, существенно ускоренная под влиянием накопления лонгитюдных эмпирических данных, позволила признать женскую преступность самостоятельной и комплексной областью междисциплинарного исследования. В рамках этой области критически важным становится изучение устойчивых криминальных траекторий, характеризующихся длительным, часто пожизненным вовлечением в девиантную активность. Анализ факторов, способствующих формированию и поддержанию подобной персистентности, требует специальных теоретических рамок, учитывающих специфику женской социализации, жизненного опыта и паттернов взаимодействия с социальными институтами. Особую значимость в этом контексте приобретает систематический анализ психологических предикторов рецидивизма, которые, находясь в диалектическом взаимодействии со структурными условиями, формируют устойчивые модели противоправного поведения. Подчёркивая важность социально-экономических детерминант, современная криминология отказывается от редукционистского взгляда, признавая, что без понимания внутренних психологических механизмов – когнитивных, эмоциональных, личностных – невозможно объяснить, почему в схожих условиях маргинализации одни женщины выбирают просоциальные, а другие криминальные стратегии выживания [Gunnison, 2024].

Основная часть

Теоретико-методологическое переосмысление данного феномена неизбежно сталкивается с необходимостью критической ревизии классических криминологических концепций, разработанных, по сути, для объяснения мужского поведения. Попытки механического переноса теорий, фокусирующихся на аномии, ослаблении социальных связей или стигматизации, без учёта гендерного контекста оказываются ограниченными, так как игнорируют специфику женских жизненных путей [El Sayed et al., 2017]. Современный анализ, укоренённый в традициях интерсекциональной критики, смещает акцент с индивидуально-психологических дефицитов в сторону структурных условий и пересекающихся систем угнетения, но при этом не отрицает важности внутренних, психологических механизмов, опосредующих реакцию на внешние обстоятельства. Ключевым становится холизм понимания, где жизненный путь женщины, склонной к устойчивому преступному поведению, рассматривается как формирующийся под влиянием уникального и взаимосвязанного комплекса обстоятельств. В этом комплексе психологические факторы выступают в двойственной роли: как следствие травмирующего социального опыта и как самостоятельные детерминанты, усиливающие и закрепляющие дальнейшее криминальное поведение [Danner et al., 1995]. Теория жизненного пути и концепция кумулятивного неблагополучия предлагают наиболее плодотворную интегративную рамку, демонстрируя, как ранние психологические травмы, нанесённые, например, в семейной системе, запускают каскад взаимосвязанных проблем – школьной неуспешности, социальной изоляции, депрессии, – которые

последовательно сужают спектр жизненных альтернатив, постепенно закрепляя девиантные паттерны как единственно доступные.

Наиболее значимым и фундаментальным психологическим предиктором выступает комплекс последствий ранней, хронической и поливиктимной виктимизации и пренебрежение базовыми нуждами. Международные исследования, от классических работ Кэти Уидом до современных мета-анализов, последовательно демонстрируют тесную корреляцию между опытом жестокого обращения в детстве и последующей криминализацией женщин. Этот опыт приводит не просто к единичным психологическим проблемам, а к комплексным изменениям личности и функционирования. Частым следствием является развитие посттравматического стрессового расстройства, которое у женщин, часто принимает форму комплексного ПТСР, включающего стойкие нарушения саморегуляции, негативную самооценку и трудности в выстраивании отношений [Salvatore, Markowitz, 2014]. Параллельно развиваются тяжёлые депрессивные и тревожные расстройства. Некомпенсированная психологическая травма проявляется в глубоких нарушениях аффективной регуляции, что выражается в склонности к эмоциональной дисрегуляции: взрывным, неконтролируемым вспышкам гнева или, наоборот, состояниям эмоционального онемения и диссоциации. Формируются дисфункциональные, но субъективно эффективные в краткосрочной перспективе копинг-стратегии, такие как избегание, самоповреждение, компульсивное поведение [Goldweber et al., 2009]. Нарушается сама способность формировать безопасные привязанности, что порождает хаотичный паттерн отношений, характеризующийся чередованием страха отвержения и интенсивной зависимости. Эти нарушения напрямую коррелируют с криминальным поведением, которое в данном контексте может выполнять различные психологические функции: быть формой отреагирования непереносимой травматической памяти или аффекта, способом самолечения эмоциональной боли через поиск острых ощущений или химической зависимости, либо прямым результатом импульсивности, обусловленной дисрегуляцией лимбической системы. Такое поведение является не рациональным выбором, а симптомом глубинной психологической дисфункции, сформированной насилием [Danner et al., 1995].

Клиническая картина часто усугубляется наличием расстройств личности, которые выступают как самостоятельный и мощный предиктор рецидивизма. У значительной части женщин с персистентным криминальным поведением диагностируются пограничное, антисоциальное, истерическое или зависимое расстройства личности, причём часто наблюдается коморбидность нескольких расстройств [Cauffman et al., 2015]. Для пограничного расстройства личности, непропорционально часто встречающегося в женских тюремных популяциях, характерны хроническая нестабильность самооценки, хаотичность межличностных отношений, интенсивный страх реального или мнимого отвержения, импульсивность и хроническое чувство внутренней опустошённости. Эти черты непосредственно ведут к деструктивным и манипулятивным формам поведения, включая криминальные, как к способу заполнения внутренней пустоты, получения подтверждения собственного существования или удержания значимого другого. Постепенно происходит формирование криминальной или маргинальной идентичности, когда противоправная деятельность и статус «нарушительницы» становятся центральным, организующим элементом самоощущения, источником чувства принадлежности к определённой группе и способом достижения признания внутри альтернативной иерархии. Параллельно наблюдается дефицит просоциальной идентичности и слабая сформированность внутренних моральных инстанций (Сверх-Я), что может быть следствием нарушенной первичной социализации в

дисфункциональной или криминальной семье. Это снижает внутренний психологический барьер для совершения правонарушений, делая моральные соображения менее значимыми по сравнению с непосредственными потребностями или групповой лояльностью [Gunnison, McCartan, 2010].

Важнейшим когнитивным компонентом, поддерживающим рецидивизм, являются устойчивые дезадаптивные когнитивные схемы, сформированные в условиях хронического жестокого обращения, депривации и институционального пренебрежения. Эти глубинные убеждения о себе, других и мире действуют как фильтры восприятия, искажающие обработку социальной информации. К ним относится, прежде всего, установка на враждебность – устойчивое ожидание угрозы, обмана или агрессии от окружающих, что провоцирует превентивную агрессию как защитную реакцию. Катастрофизация ведёт к восприятию любых трудностей как непреодолимых, парализуя способность к просоциальному поиску решений. Дихотомическое («чёрно-белое») мышление делит мир на «хороших» и «плохих», не оставляя места для нюансов, что способствует быстрому переходу к конфронтации. Внешний локус контроля, то есть ощущение, что жизнь управляется внешними силами (судьбой, системой, другими людьми), а не собственными усилиями, подрывает веру в возможность легитимных изменений, порождая пассивность или, наоборот, бунт против воспринимаемого враждебного мира. Эти когнитивные искажения систематически блокируют возможности для просоциального разрешения конфликтов и конструктивного планирования будущего, закрепляя узкий спектр поведенческих реакций, в котором криминальные действия представляются если не оптимальными, то по крайней мере понятными и предсказуемыми [Sivertsson, 2016].

Особую роль в качестве психологического предиктора, а также мощного катализатора и медиатора всех остальных, играет проблема коморбидности с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ. Злоупотребление ПАВ редко является первичным фактором; чаще оно выполняет функцию неадаптивного самолечения при непереносимых симптомах ПТСР, депрессии, хронической психогенной боли или для смягчения последствий жестокого обращения. Однако зависимость радикально трансформирует психологический и поведенческий ландшафт [Salvatore, Markowitz, 2014]. Она сужает когнитивные возможности, ослабляя контроль над импульсами, снижая способность к оценке рисков и прогнозированию последствий. Повышается агрессивность и эмоциональная лабильность. Фармакологическая зависимость напрямую вовлекает женщину в криминальную среду, будь то как источник средств для приобретения веществ, как контекст их употребления. Синдром отмены и физиологическая потребность становятся непосредственными и мощнейшими драйверами имущественных преступлений, вытесняя любые другие моральные или рациональные соображения. Таким образом, зависимость создаёт самоподдерживающийся цикл: психологическая боль ведёт к употреблению, употребление – к криминальным действиям для его поддержания, а последствия этих действий – к углублению социальной изоляции и усилению боли, что требует дальнейшего употребления.

Наконец, значимым предиктором выступают дефициты базовых социально-психологических компетенций, которые часто являются следствием депривации и нарушенной социализации. Речь идёт о низком уровне развития навыков решения проблем, когда человек не умеет разбивать сложную задачу на этапы, генерировать альтернативные решения и оценивать их последствия [Carlsson, 2013]. Неразвитый эмоциональный интеллект мешает распознавать и адекватно выражать собственные эмоции, а также корректно интерпретировать эмоции других, что ведёт к постоянным межличностным конфликтам. Дефицит коммуникативных навыков и конфликтной компетентности приводит к тому, что любой спор быстро перерастает в

агрессивную конфронтацию. Неспособность легитимными способами удовлетворять фундаментальные психологические потребности в безопасности, принадлежности, уважении и самореализации толкает к использованию криминальных «коротких путей», которые кажутся более прямыми и эффективными, особенно в отсутствие позитивных моделей поведения. Особое значение имеет дефицит навыков совладания со стрессом без применения насилия, побега в зависимости или других деструктивных действий. В условиях хронического стресса, характерного для жизни в маргинальности, отсутствие здоровых копинг-стратегий становится критическим фактором, толкающим к рецидиву.

Важно понимать, что эти психологические предикторы не существуют в социальном вакууме; их формирование, актуализация и поддерживание происходят в теснейшем переплетении с социально-структурными факторами, создавая порочный круг. Принцип интерсекциональности наглядно демонстрирует, что груз психологических проблем непропорционально тяжёл для женщин, принадлежащих к маргинализированным группам – расовым и этническим меньшинствам (что ярко видно на примере диспропорциональной представленности афроамериканок и женщин из числа коренных народов в тюрьмах США, Канады, Австралии), мигранткам, лицам с инвалидностью, которые сталкиваются с кумулятивной дискриминацией. Структурное неравенство систематически ограничивает их доступ к качественной, своевременной и культурно-сенситивной психиатрической и психологической помощи, что приводит к хронизации расстройств. Дезадаптивные когнитивные схемы недоверия и враждебности получают постоянное подтверждение, криминальная идентичность закрепляется через ритуалы стигматизации, а чувство безысходности углубляется [Gunnison, McCartan, 2010].

Более того, сама пенитенциарная система, в её традиционном карательном воплощении, концептуально и организационно сконструированная вокруг мужской нормы, оказывает на женщин специфическое, глубоко патогенное воздействие. Она не только не решает, но и усугубляет корневые психологические причины поведения. Деперсонализированный режим, угроза насилия, изоляция от детей и близких, отсутствие адекватной психиатрической помощи приводят к ретравматизации. Симптомы ПТСР, депрессии и зависимости усиливаются, а не лечатся. Тюрьма становится школой криминальной социализации, где дезадаптивные схемы и навыки развиваются, а сети антисоциальных связей укрепляются. Таким образом, институт, формально призванный обеспечивать исправление, на деле становится фактором, продуцирующим и закрепляющим психологические предпосылки для будущего рецидива.

Выявленная сложная система психологических предикторов с неумолимостью указывает на системную несостоятельность традиционных подходов в уголовно-исполнительной системе, которые игнорируют глубинные причины поведения. Международный опыт передовых юрисдикций, таких как Канада, Великобритания или некоторые штаты США, демонстрирует необходимость фундаментальной трансформации практик в сторону реабилитационной парадигмы. Первым шагом должно стать внедрение всеобщего обязательного скрининга и комплексной диагностики при поступлении в учреждение, направленных на выявление не только ПТСР и депрессии, но и суицидального риска, расстройств личности, интеллектуальных нарушений и химических зависимостей [Gunnison, McCartan, 2005]. На основе этой диагностики необходима разработка и реализация индивидуальных, гендерно-специфичных и травма-информированных реабилитационных программ. Такие программы должны опираться не на морализаторство, а на доказательные методы психотерапии: диалектико-поведенческую терапию для коррекции пограничного расстройства, терапию длительного воздействия или EMDR для работы с травмой, когнитивно-поведенческую терапию, направленную на

коррекцию криминогенных когнитивных искажений, а также мотивационное интервьюирование и программы лечения зависимостей. Ключевыми компонентами должны стать модули по развитию навыков эмоциональной регуляции, родительских компетенций (с учётом травмы сепарации), социальных навыков и базовой финансовой грамотности.

Однако даже самая эффективная внутриучрежденческая работа будет сведена неэффективной без обеспечения преемственности помощи после освобождения. Критически важным является организация непрерывного психологического и психиатрического сопровождения, помощь в решении практических барьеров – трудоустройстве, получении безопасного жилья, восстановлении социальных связей. Это необходимо для предотвращения рецидива, спровоцированного острым стрессом реинтеграции и возвратом в среду, где действуют старые деструктивные паттерны. Необходимо создание поддерживающей просоциальной сети – через программы наставничества, группы взаимопомощи, вовлечение в общественные организации, – которая могла бы стать альтернативой криминальным связям, предоставляя как практическую поддержку, так и новую, позитивную идентичность [El Sayed et al., 2017].

Заключение

Проблема устойчивого преступного поведения женщин представляет собой сложный узел, где психологические аспекты выступают в роли центрального опосредующего звена между структурным неравенством и индивидуальным действием. Систематизация психологических предикторов – травматических последствий, расстройств личности, когнитивных искажений, зависимостей и дефицитов компетенций – позволяет перейти от стигматизирующих и морализаторских объяснений к научно обоснованному, комплексному пониманию внутренней логики персистентности. Эти факторы формируют тот внутренний мир, через призму которого преломляется внешнее давление бедности, дискриминации и насилия, замыкая порочный круг. Следовательно, эффективная и этичная криминологическая политика в отношении женщин должна обязательно включать, помимо мер макроуровня по смягчению социального неравенства, мощный, научно обоснованный психолого-реабилитационный компонент. Приоритет должен быть отдан не карательной изоляции, а травма-информированной реабилитации и восстановительным подходам, направленным на проработку глубинных ран, формирование устойчивой просоциальной идентичности и развитие навыков, необходимых для жизни вне криминала. Только такая интеграция усилий на индивидуально-психологическом, социальном и правовом уровнях способна разорвать порочный круг кумулятивного неблагополучия, создав условия для подлинной реинтеграции и превратив наказание из тупиковой ветви жизненного пути в точку для осмысленного и поддерживаемого обществом нового начала.

Библиография

1. Елагина А.С., Новиков А.В. Стратегии профилактики суицидального поведения в пенитенциарной системе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 92-98. DOI: 10.34670/AR.2025.95.93.011
2. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
3. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Системные противоречия оказания психологической помощи в пенитенциарной системе: трансформация подходов в международном контексте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 107-115. DOI: 10.34670/AR.2025.21.62.014

4. Елагина А.С., Смирнова О.О. International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 239-245.
5. Елагина А.С., Смирнова О.О. The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 258-264.
6. Смирнов О.А., Елагина А.С. Психологический феномен доверия в современных исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 6А. С. 163-169. DOI: 10.34670/AR.2021.60.73.018
7. Смирнова О.О., Елагина А.С. Socio-psychological consequences of food price volatility: a synthesis of international practice // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 251-257.
8. Смирнов, О. А. Подходы к измерению адаптации после освобождения из тюрьмы / О. А. Смирнов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 1-1. – С. 62-69.
9. Смирнов, О. А. Применение методики конструирования просоциальной идентичности в пенитенциарной системы Сингапура: возможности и ограничения / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 7-1. – С. 84-90.
10. Смирнов, О. А. Развитие теоретических представлений о влиянии на личность условий пенитенциарного учреждения: мета-анализ современных исследований / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 8-1. – С. 123-130.
11. Gunnison E., McCartan L. M. The role of different developmental experiences: A theoretical examination of female persistence //Women & Criminal Justice. – 2005. – Т. 16. – №. 3. – С. 43-65.
12. Gunnison E., McCartan L. M. Persistent versus late onset among female offenders: A test of state dependent and population heterogeneity interpretations //Criminology, Criminal Justice, Law & Society. – 2010. – Т. 11. – №. 3. – С. 45.
13. Cauffman E., Monahan K. C., Thomas A. G. Pathways to persistence: Female offending from 14 to 25 //Journal of Developmental and Life-Course Criminology. – 2015. – Т. 1. – №. 3. – С. 236-268.
14. El Sayed S. A., Piquero A. R., Teneyck M. Differentiating between Moffitt's developmental taxonomy and silverthorn and frick's delayed-onset models of female offending //Criminal Justice and Behavior. – 2017. – Т. 44. – №. 4. – С. 631-650.
15. Gunnison E. Desistance from criminal offending: Exploring gender similarities and differences //Russ. J. Econ. & L. – 2024. – С. 971.
16. Goldweber A., Broidy L. M., Cauffman E. Interdisciplinary perspectives on persistent female offending: a review of theory and research //The development of persistent criminality. – 2009. – Т. 205. – С. 230.
17. Sivertsson F. Catching up in crime? Long-term processes of recidivism across gender //Journal of Developmental and Life-Course Criminology. – 2016. – Т. 2. – №. 3. – С. 371-395.
18. Danner T. A. et al. The female chronic offender: Exploring life contingency and offense history dimensions for incarcerated female offenders //Women & Criminal Justice. – 1995. – Т. 6. – №. 2. – С. 45-66.
19. Salvatore C., Markowitz M. W. Do life course transitions and social bonds influence male and female offending differently? Gender contrasts and criminality //Deviant Behavior. – 2014. – Т. 35. – №. 8. – С. 628-653.
20. Carlsson C. Masculinities, persistence, and desistance //Criminology. – 2013. – Т. 51. – №. 3. – С. 661-693.

Systematization of Psychological Predictors of Recidivism in Female Offenders

Anna S. Elagina

PhD in Economics,
Associate Professor,
Department of Economic Disciplines,
Jewish University,
127273, 6, Otradnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to analyzing key psychological predictors of persistent criminal behavior in women, which is a relevant problem in modern criminology. Historically considered peripheral, female criminality is now recognized as an independent area of interdisciplinary research requiring consideration of the specifics of socialization and life experience. The author systematizes internal factors that mediate the connection between structural inequality and criminal trajectories. The focus is on the consequences of chronic victimization and trauma, comorbid personality disorders, maladaptive cognitive schemas, substance dependencies, and deficits in socio-psychological competencies. It is emphasized that these predictors form a self-sustaining system that is exacerbated by the traditional penitentiary system. The conclusion is drawn about the necessity of shifting from a punitive to a rehabilitative paradigm, based on evidence-based, gender-specific, and trauma-informed psychological practices that provide continuous support for breaking the cycle of recidivism.

For citation

Elagina A.S., Slabkaya D.N. (2025) Sistematizatsiya psikhologicheskikh prediktorov retsidiva prestupnosti u zhenshchin [Systematization of Psychological Predictors of Recidivism in Female Offenders]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 157-165. DOI: 10.34670/AR. 2026.66.63.012

Keywords

Female criminality, psychological predictors, recidivism, trauma-informed approach, rehabilitation.

References

1. Carlsson, C. (2013). Masculinities, persistence, and desistance. *Criminology*, 51(3), 661–693.
2. Cauffman, E., Monahan, K.C., & Thomas, A.G. (2015). Pathways to persistence: Female offending from 14 to 25. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 1(3), 236–268.
3. Danner, T.A., et al. (1995). The female chronic offender: Exploring life contingency and offense history dimensions for incarcerated female offenders. *Women & Criminal Justice*, 6(2), 45–66.
4. El Sayed, S.A., Piquero, A.R., & Teneyck, M. (2017). Differentiating between Moffitt's developmental taxonomy and silverthorn and frick's delayed-onset models of female offending. *Criminal Justice and Behavior*, 44(4), 631–650.
5. Elagina, A.S., & Novikov, A.V. (2025) Strategii profilaktiki suitsidal'nogo povedeniia v penitentsiarnoi sisteme [Strategies for the prevention of suicidal behavior in the penitentiary system]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 92–98. https://doi.org/10.34670/AR.2025.95.93.011
6. Elagina, A.S., & Ozdamirova, L.M. (2022). Kontseptual'nye podkhody k formirovaniiu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 11(3A), 274–279. https://doi.org/10.34670/AR.2022.85.75.035

7. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025) Sistemnye protivorechiia okazaniia psikhologicheskoi pomoshchi v penitentsiarnoi sisteme: transformatsiia podkhodov v mezhdunarodnom kontekste [Systemic contradictions in providing psychological assistance in the penitentiary system: transformation of approaches in the international context]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 107–115. https://doi.org/10.34670/AR.2025.21.62.014
8. Elagina, A.S., & Smirnova, O.O. (2018). International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 239–245.
9. Elagina, A.S., & Smirnova, O.O. (2018). The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 258–264.
10. Goldweber, A., Broidy, L.M., & Cauffman, E. (2009). Interdisciplinary perspectives on persistent female offending: a review of theory and research. In J. Savage (Ed.), *The development of persistent criminality* (pp. 230–256). Oxford University Press.
11. Gunnison, E. (2024). Desistance from criminal offending: Exploring gender similarities and differences. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 971–991.
12. Gunnison, E., & McCartan, L.M. (2005). The role of different developmental experiences: A theoretical examination of female persistence. *Women & Criminal Justice*, 16(3), 43–65.
13. Gunnison, E., & McCartan, L.M. (2010). Persistent versus late onset among female offenders: A test of state dependent and population heterogeneity interpretations. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 11(3), 45–61.
14. Salvatore, C., & Markowitz, M.W. (2014). Do life course transitions and social bonds influence male and female offending differently? Gender contrasts and criminality. *Deviant Behavior*, 35(8), 628–653.
15. Sivertsson, F. (2016). Catching up in crime? Long-term processes of recidivism across gender. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 2(3), 371–395.
16. Smirnov, O.A., & Elagina, A.S. (2021). Psikhologicheskii fenomen doveriia v sovremennykh issledovaniiakh [The psychological phenomenon of trust in modern research]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 10(6A), 163–169. https://doi.org/10.34670/AR.2021.60.73.018
17. Smirnov, O.A., Novikov, A.V., & Slabkaia, D.N. (2025) Podkhody k izmereniiu adaptatsii posle osvobozhdeniia iz tiur'my [Approaches to measuring adaptation after release from prison]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(1-1), 62–69.
18. Smirnov, O.A., & Slabkaia, D.N. (2025) Primenenie metodiki konstruirovaniia prosotsial'noi identichnosti v penitentsiarnoi sisteme Singapura: vozmozhnosti i ogranicheniia [Application of the method for constructing prosocial identity in the penitentiary system of Singapore: opportunities and limitations]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(7-1), 84–90.
19. Smirnov, O.A., & Slabkaia, D.N. (2025) Razvitie teoreticheskikh predstavlenii o vliianii na lichnost' uslovii penitentsiarnogo uchrezhdeniia: meta-analiz sovremennykh issledovanii [Development of theoretical concepts about the influence of penitentiary institution conditions on personality: meta-analysis of modern research]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(8-1), 123–130.
20. Smirnova, O.O., & Elagina, A.S. (2018). Socio-psychological consequences of food price volatility: a synthesis of international practice. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 251–257.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9 **DOI:10.34670/AR.2026.93.58.013**

Влияние образа жизни на рецидивизм преступности у женщин

Елагина Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономических дисциплин,
Еврейский университет,
127273, Российская Федерация, Москва, ул. Отрадная, 6;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена комплексному анализу феномена рецидивизма преступности среди женщин, совершивших правонарушения, с акцентом на взаимосвязь между психологическими факторами, социальными детерминантами и формированием деструктивного образа жизни как ключевой детерминанты повторной преступности. Отталкиваясь от выводов в предыдущих исследованиях, в которых была доказана центральная роль коморбидных психических расстройств (пограничное расстройство личности, ПТСР, депрессия, аддикции) и травматического опыта в генезисе женского рецидивизма преступности, работа осуществляет дальнейшую концептуальную интеграцию. В центре внимания находится понятие «образ жизни», рассматриваемое как системообразующая рамка, в которой психопатология, обусловленная травмой, материализуется через устойчивые паттерны поведения: употребление ПАВ как самолечение, вовлеченность в токсичные отношения, экономическую маргинализацию и борьбу за сохранение родительских прав. В статье анализируются нейробиологические основы устойчивости таких дезадаптивных паттернов, критика пенитенциарных практик, ведущих к ретравматизации, а также структурные социально-экономические барьеры, воспроизводящие криминогенную среду. В качестве вывода обосновывается необходимость перехода к целостной, травмоинформированной и междисциплинарной модели интервенции. Такая модель должна быть нацелена на трансформацию образа жизни женщин через синтез специализированной психотерапии, создания стабильной социальной платформы (жилье, работа, лечение) и построения новой просоциальной идентичности в рамках программ менторства, поддерживающих сообществ и восстановительного правосудия.

Ключевые слова

Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Влияние образа жизни на рецидивизм преступности у женщин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 166-174. DOI:10.34670/AR.2026.93.58.013

Ключевые слова

Рецидивизм преступности, женская преступность, травматический опыт, коморбидные психические расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), пограничное расстройство личности, зависимость от психоактивных веществ (ПАВ), образ жизни, социальная маргинализация, травмоинформированный подход, пенитенциарная система, ресоциализация, восстановительное правосудие.

Введение

Феномен повторного совершения преступлений, традиционно занимает центральное место в криминологических и пенитенциарных исследованиях, выступая ключевым индикатором эффективности системы правосудия и социальной реабилитации. Исторически сложившийся антропоцентризм криминологической науки, ориентированной преимущественно на изучение мужской преступности, долгое время обуславливал применение универсальных моделей объяснения и профилактики повторных правонарушений. Однако накопленные эмпирические данные свидетельствуют о качественном своеобразии путей, приводящих женщин к конфликту с законом, и специфике факторов, детерминирующих их возврат к преступной деятельности.

В современных исследованиях показано, что в основе женского рецидивизма лежит не столько антисоциальная личность как таковая, сколько комплексная коморбидность психических расстройств – пограничного расстройства личности, посттравматического стрессового расстройства, депрессии и аддикций, основа которого является масштабная и хроническая травматизация. Этот вывод сместил фокус с криминального акта как сознательного выбора на понимание противоправного поведения как дезадаптивной, а зачастую и выживательной, стратегии совладания с последствиями тяжелого психологического и социального неблагополучия.

Актуализация данной проблематики в современных условиях требует дальнейшего концептуального углубления и выхода за рамки клинико-психологического дискурса в сферу анализа повседневных практик [Biedermann et al., 2023]. Центральным интегративным понятием для такого анализа выступает образ жизни – устойчивая совокупность моделей поведения, социальных взаимодействий, экономических стратегий и психологических паттернов, формирующихся в диалектическом взаимодействии внутренних предпосылок (последствий травмы, психических расстройств) и внешних структурных ограничений. Образ жизни женщин, вовлеченных в орбиту уголовного правосудия, зачастую представляет собой целостную, хотя и глубоко дисфункциональную, систему, где криминальные эпизоды являются не аномалией, а логичным элементом борьбы за существование в условиях маргинализации [de Vogel et al., 2019].

Целью данного анализа является рассмотрение влияния образа жизни на рецидивизм среди женщин с современными достижениями психотравматологии, нейронаук, социологии девиации и концепции десистенции. В фокусе внимания оказывается не изолированный акт рецидива, а та воспроизводящаяся жизненная среда, которая его индуцирует и поддерживает.

Основная часть

Анализ феномена рецидивизма преступности среди женщин, совершивших правонарушения, представляет собой комплексную исследовательскую задачу, требующую

интеграции знаний из области клинической психологии, криминологии, социологии и нейронауки.

Под образом жизни в данной работе понимается устойчивая совокупность моделей повседневного поведения, социальных взаимодействий, экономических стратегий выживания и психологических паттернов совладания, которые формируются в ответ на внешние обстоятельства и внутренние состояния. Для женщин, вовлеченных в систему уголовного правосудия, этот образ жизни зачастую характеризуется глубокой дезинтеграцией, маргинализацией и цикличностью кризисов. Исследования указали на центральную роль психиатрической коморбидности – сочетания пограничного расстройства личности, посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессивных состояний и расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ (ПАВ). Этот психологический комплекс не существует в вакууме; он непосредственно формирует и, в свою очередь, воспроизводится через специфический, деструктивный образ жизни. Употребление ПАВ, например, редко является гедонистическим выбором; чаще это стратегия самолечения, способ справиться с невыносимыми флэшбеками, анестезировать эмоциональную боль или просто пережить день в условиях хронической безнадежности. Таким образом, криминальное поведение - кража для финансирования зависимости, участие в незаконном обороте наркотиков или агрессия как гиперкомпенсаторная реакция на ощущение угрозы становится неотъемлемым элементом такого выживательного, дезадаптивного образа жизни [Edwards et al., 2023]. Современные нейробиологические данные вносят в эту картину важное уточнение: хроническая травма и стресс, особенно пережитые в детстве, вызывают стойкие изменения в архитектуре мозга. Дисфункция префронтальной коры ослабляет контроль импульсов и способность к планированию, гиперактивность миндалевидного тела создает постоянный фон тревоги и гипербдительности, а нарушения в работе оси гипоталамус-гипофиз-надпочечники (HPA) приводят к дисрегуляции реакции на стресс [Stadtland et al., 2005]. Эти изменения не просто являются медицинским диагнозом; они биохимически и структурно закрепляют тот самый образ жизни, для которого характерны импульсивность, неспособность оценивать долгосрочные последствия и поиск немедленного, пусть и разрушительного, облегчения от дистресса, что в совокупности повышает уязвимость к рецидиву.

Крайне важным аспектом, формирующим образ жизни женщин-правонарушительниц, является сфера межличностных отношений и семейного контекста. В отличие от стереотипного образа одинокого преступника-маргинала, многие женщины, совершающие правонарушения, глубоко вовлечены в отношения, которые, однако, часто носят криминальный характер. В результате у многих вырабатывается патологическая привязанность, неспособность устанавливать здоровые границы. Образ жизни, построенный вокруг таких токсичных связей, становится фактором рецидива. Женщина может возвращаться к противоправным действиям под прямым принуждением, для «благополучия» партнера. Особую значимость приобретает материнство. С одной стороны, ответственность за детей может стать ключевым мотиватором для процесса «десистенции» – добровольного прекращения преступной деятельности. Желание создать стабильную среду для ребенка или страх его потерять в результате действий органов опеки обладают преобразующей силой. С другой стороны, материнство в условиях бедности, отсутствия поддержки, активной зависимости или давления со стороны партнера создает непосильное бремя. Образ жизни, связанный с постоянной борьбой за выживание себя и ребенка, с необходимостью совмещать несовместимое, может, напротив, подталкивать к

отчаянию и повторным правонарушениям как к единственному способу решения неотложных проблем [Eisenbarth et al., 2012]. Современные подходы подчеркивают, что поддержка материнства – через программы укрепления родительских компетенций, терапию «родитель-дитя», обеспечение детских садов и безопасного жилья – это не второстепенная социальная услуга, а центральный компонент профилактики рецидива, прямо влияющий на повседневный образ жизни женщины.

Социально-экономический контекст является еще одним фундаментальным элементом, детерминирующим образ жизни и, соответственно, риск рецидивизма. Женщины в системе правосудия концентрируются в самых уязвимых слоях населения: они чаще имеют низкий уровень образования, ограниченный профессиональный опыт, историю безработицы и бездомности. Структурное неравенство, включая гендерный разрыв в оплате труда и дискриминацию на рынке труда для лиц с судимостью, создает почти непреодолимые барьеры для формирования стабильного, просоциального образа жизни. После освобождения женщина сталкивается не только с психологическими трудностями, но и с необходимостью немедленного решения практических вопросов. Отсутствие легального дохода, безопасного жилья и доступа к медицинской помощи закономерно возвращает ее в прежние социальные сети и криминальные экономики, воспроизводя образ жизни, который изначально привел к конфликту с законом. Более того, ужесточение законодательства, особенно в сфере борьбы с наркотиками, и экономические кризисы, как показали события последних лет, непропорционально сильно воздействуют на женщин, увеличивая их представленность в системе правосудия и усугубляя связанные с этим социальные лишения [de Vogel et al., 2019].

Пенитенциарная система, призванная исправлять, зачастую лишь консервирует и усугубляет деструктивный образ жизни. Исторически созданные для мужчин, тюрьмы часто не учитывают специфические потребности женщин, что ведет к повторной травматизации. Разрыв семейных связей, особенно с детьми, наносит тяжелейшую психологическую травму и разрушает важнейший мотивационный ресурс для изменений. Таким образом, тюремный опыт сам становится частью деструктивного жизненного цикла, закрепляя идентичность изгоя, усиливая психиатрические симптомы и разрывая просоциальные связи, вместо того чтобы способствовать формированию навыков для жизни на свободе. Принцип гендерной специфичности (gender-responsivity), получивший развитие после публикации работ, подобных исследованию Эйзенбарта, предполагает кардинальную переориентацию пенитенциарной практики. Это включает в себя создание безопасных, уважительных сред, внедрение травмоинформированного подхода в работу персонала, предоставление терапии, фокусированной на последствиях насилия, и программ по лечению зависимостей, а также поддержание и укрепление контактов с детьми и семьями [Biedermann et al., 2023].

Исходя из вышеизложенного, эффективное снижение рецидивизма среди женщин требует не отдельных, точечных вмешательств, а комплексного переформатирования их образа жизни. Эта задача носит исключительно междисциплинарный характер и должна охватывать continuum от момента задержания до долгосрочной постпенитенциарной поддержки. Психологическая помощь, являясь краеугольным камнем, должна выходить за рамки купирования острых симптомов [Смирнов, Новиков, Слабкая, 2025]. Травмоинформированная когнитивно-поведенческая терапия, диалектико-поведенческая терапия, направленная на регуляцию эмоций и развитие навыков межличностной эффективности, терапия с использованием метода десенсибилизации и переработки движением глаз (EMDR) – все эти подходы призваны помочь

женщине переработать болезненный опыт и выработать более адаптивные психологические паттерны. Параллельно необходимо интенсивное, долгосрочное лечение расстройств, связанных с употреблением ПАВ, с использованием как фармакологической поддержки, так и психотерапии, признающей хронический, рецидивирующий характер этих заболеваний.

Однако, без трансформации социально-бытовых условий любые психологические успехи останутся неустойчивыми. Интеграция психологической помощи с интенсивным case-менеджментом является императивом. Ключевыми элементами здесь выступают: обеспечение безопасного и стабильного жилья по модели «жилье прежде всего» (Housing First) [de Vogel, Lancel, 2016], профессиональная подготовка и трудоустройство с учетом возможных ограничений и необходимости гибкого графика для матерей; всесторонняя юридическая помощь, особенно в сложных вопросах восстановления родительских прав, решения проблем с долгами и судимостью. Особое внимание должно уделяться построению новой, просоциальной социальной сети – через программы менторства, где наставником выступает женщина, успешно прошедшая путь ресоциализации, через вовлечение в поддерживающие сообщества и волонтерские проекты. Это создает альтернативу прежним, криминальным связям и обеспечивает эмоциональную и практическую поддержку в моменты кризиса.

Важнейшую роль в поддержании достигнутых изменений играет эффективное постпенитенциарное сопровождение. Пробация, основанная на принципах сотрудничества и поддержки, а не только на контроле и надзоре, должна помогать женщине интегрироваться в общество, решая возникающие юридические, бытовые и личные проблемы. Реализация принципов восстановительного правосудия, которое фокусируется на заглаживании вреда, нанесенного жертве, и на реинтеграции правонарушителя, также может способствовать изменению самоидентификации женщины, позволяя ей увидеть себя не как «преступницу», а как человека, способного нести ответственность и вносить позитивный вклад [Edwards et al., 2023; Eisenbarth et al., 2012].

Влияние образа жизни на рецидивизм у женщин является определяющим и многомерным. В современных исследованиях доказывается связь между психической травмой, психопатологией и повторными правонарушениями. Современный анализ позволяет расширить эту парадигму, рассматривая деструктивный образ жизни как интегрирующую рамку, в которой сплетаются последствия травмы, экономическая депривация, токсичные отношения и системные недостатки пенитенциарных и социальных институтов. Борьба с рецидивизмом преступности, поэтому, не может сводиться лишь к коррекции поведения или наказанию; она требует масштабных социальных и психологических инвестиций и создание условий для формирования нового, стабильного, просоциального и здорового образа жизни. Такой подход отвечает не только интересам общественной безопасности через снижение повторной преступности, но и фундаментальным принципам гуманизма и социальной справедливости, признавая право каждой женщины, даже оступившейся, на шанс для исцеления, восстановления и полноценной жизни в обществе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблема рецидивизма среди женщин, совершивших правонарушения, не может быть адекватно осмыслена в рамках традиционных, универсалистских криминологических парадигм. Повторная преступность женщин

представляет собой сложный феномен, детерминированный уникальным переплетением глубинных психологических травм, структурного социального неблагополучия и специфических жизненных траекторий. Ключевым интегративным концептом для понимания этой взаимосвязи выступает образ жизни, понимаемый как устойчивая система повседневных практик, социальных связей, экономических стратегий выживания и психологических паттернов совладания, формирующаяся в ответ на совокупность внешних ограничений и внутренних уязвимостей.

Анализ подтвердил центральный тезис о том, что для женщин путь к рецидиву редко является следствием выраженной антисоциальной ориентации; гораздо чаще он опосредован комплексом коморбидных психических расстройств, укорененных в опыте хронической виктимизации. Однако, как было показано, эта психопатология не существует изолированно – она материализуется и воспроизводится через конкретный, деструктивный образ жизни. Употребление психоактивных веществ как форма самолечения, вовлеченность в токсичные и эксплуататорские отношения, экономическая маргинализация и бездомность, борьба за сохранение родительских прав в условиях стигмы – все эти элементы образуют взаимозависимую систему. В этой системе отдельное противоправное действие предстает не как случайное отклонение, а как закономерный, иногда единственно возможный в данных обстоятельствах, элемент стратегии выживания. Нейробиологические данные о последствиях хронического стресса и травмы для архитектуры мозга предоставляют важное объяснение тому, почему такой образ жизни приобретает характер циклической, трудноразрываемой петли, закрепляя импульсивность, эмоциональную дисрегуляцию и неспособность к долгосрочному планированию.

Пенитенциарные учреждения, сконструированные по мужской модели и основанные на гиперконтроле, могут приводить к ретравматизации, разрыву жизненно важных семейных связей, особенно с детьми, и дальнейшей социальной дезинтеграции. Таким образом, тюремное заключение рискует стать не интервенцией, а элементом того же деструктивного жизненного цикла, закрепляя идентичность изгоя и лишая женщин ресурсов, необходимых для построения альтернативного будущего.

Следовательно, эффективное противодействие рецидивизму среди женщин требует принципиального концептуального и практического пересмотра. Оно должно быть направлено не на изолированную коррекцию поведения или наказание, а на целостную трансформацию образа жизни. Это предполагает переход к комплексной, сквозной и междисциплинарной модели помощи, охватывающей весь континуум от досудебного производства до долгосрочного постпенитенциарного сопровождения. Основой такой модели должна стать травмоинформированная психологическая помощь, нацеленная на проработку последствий насилия и формирование адаптивных навыков регуляции эмоций и межличностных отношений. Однако, в полном соответствии с анализом взаимосвязи всех аспектов жизни, психотерапия будет неэффективна без параллельного создания стабильной социальной платформы. Критически важными являются обеспечение безопасного жилья, доступ к лечению зависимостей, профессиональная реабилитация и юридическая поддержка, особенно в вопросах, связанных с материнством.

Краеугольным камнем устойчивых изменений выступает формирование новой, просоциальной идентичности и социальной сети. Программы менторства, поддерживающие сообщества и практики восстановительного правосудия позволяют женщине не просто

«перестать совершать преступления», а обрести смысл, ценность и принадлежность в конструктивном социальном поле. В итоге, преодоление рецидивизма среди женщин – это не узкопрофессиональная задача правоохранительных или пенитенциарных органов, а комплексная социально-психологическая миссия, требующая консолидации усилий психологов, социальных работников, юристов, законодателей и гражданского общества.

Библиография

1. Елагина А.С., Новиков А.В. Стратегии профилактики суицидального поведения в пенитенциарной системе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 92-98. DOI: 10.34670/AR.2025.95.93.011
2. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
3. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Системные противоречия оказания психологической помощи в пенитенциарной системе: трансформация подходов в международном контексте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 107-115. DOI: 10.34670/AR.2025.21.62.014
4. Елагина А.С., Смирнова О.О. International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 239-245.
5. Елагина А.С., Смирнова О.О. The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 258-264.
6. Смирнов О.А., Елагина А.С. Психологический феномен доверия в современных исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 6А. С. 163-169. DOI: 10.34670/AR.2021.60.73.018
7. Смирнова О.О., Елагина А.С. Socio-psychological consequences of food price volatility: a synthesis of international practice // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 251-257.
8. Смирнов, О. А. Подходы к измерению адаптации после освобождения из тюрьмы / О. А. Смирнов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 1-1. – С. 62-69.
9. Смирнов, О. А. Применение методики конструирования просоциальной идентичности в пенитенциарной системы Сингапура: возможности и ограничения / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 7-1. – С. 84-90.
10. Смирнов, О. А. Развитие теоретических представлений о влиянии на личность условий пенитенциарного учреждения: мета-анализ современных исследований / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – Т. 14, № 8-1. – С. 123-130.
11. Biedermann L. et al. Are mental disorders associated with recidivism in men convicted of sexual offenses? // Acta Psychiatrica Scandinavica. – 2023. – Т. 148. – №. 1. – С. 6-18.
12. de Vogel V., Bruggeman M., Lancel M. Gender-sensitive violence risk assessment: Predictive validity of six tools in female forensic psychiatric patients //Criminal Justice and Behavior. – 2019. – Т. 46. – №. 4. – С. 528-549.
13. de Vogel V., Lancel M. Gender differences in the assessment and manifestation of psychopathy: Results from a multicenter study in forensic psychiatric patients //International Journal of Forensic Mental Health. – 2016. – Т. 15. – №. 1. – С. 97-110.
14. Edwards B. G. et al. Psychopathy and substance use predict recidivism in women: A 7-year prospective study // Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment. – 2023. – Т. 14. – №. 4. – С. 419.
15. Eisenbarth H. et al. Recidivism in female offenders: PCL-R lifestyle factor and VRAG show predictive validity in a German sample //Behavioral Sciences & the Law. – 2012. – Т. 30. – №. 5. – С. 575-584.
16. Klein Tuente S., Vogel V., Stam J. Exploring the criminal behavior of women with psychopathy: Results from a multicenter study into psychopathy and violent offending in female forensic psychiatric patients //International Journal of Forensic Mental Health. – 2014. – Т. 13. – №. 4. – С. 311-322.
17. Stadtland C. et al. Risk assessment and prediction of violent and sexual recidivism in sex offenders: Long-term predictive validity of four risk assessment instruments //Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. – 2005. – Т. 16. №. 1. – С. 92-108.

The Influence of Lifestyle on Recidivism in Female Offenders

Anna S. Elagina

PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Disciplines,
Jewish University,
127273, 6, Otradnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

This article is devoted to a comprehensive analysis of the phenomenon of recidivism among female offenders, with an emphasis on the interconnection between psychological factors, social determinants, and the formation of a destructive lifestyle as a key determinant of repeated criminal behavior. Building upon the conclusions of previous research, which established the central role of comorbid mental disorders (borderline personality disorder, PTSD, depression, addictions) and traumatic experience in the genesis of female recidivism, the work undertakes further conceptual integration. The focus is on the concept of "lifestyle," considered as a systemic framework in which trauma-induced psychopathology materializes through persistent behavioral patterns: substance use as self-medication, involvement in toxic relationships, economic marginalization, and the struggle to retain parental rights. The article analyzes the neurobiological foundations of the persistence of such maladaptive patterns, critiques penitentiary practices leading to re-traumatization, as well as structural socio-economic barriers that reproduce a criminogenic environment. As a conclusion, the necessity of transitioning to a holistic, trauma-informed, and interdisciplinary intervention model is substantiated. Such a model should aim at transforming the lifestyle of women through the synthesis of specialized psychotherapy, creating a stable social platform (housing, employment, treatment), and building a new prosocial identity within mentorship programs, supportive communities, and restorative justice.

For citation

Elagina A.S., Slabkaya D.N. (2025) Vliyaniye obraza zhizni na retsidivizm prestupnosti u zhenshchin [The Influence of Lifestyle on Recidivism in Female Offenders]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 166-174. DOI:10.34670/AR.2026.93.58.013

Keywords

Recidivism, female criminality, traumatic experience, comorbid mental disorders, post-traumatic stress disorder (PTSD), borderline personality disorder, substance use disorder (SUD), lifestyle, social marginalization, trauma-informed approach, penitentiary system, resocialization, restorative justice.

References

1. Biedermann, L., et al. (2023). Are mental disorders associated with recidivism in men convicted of sexual offenses? *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 148(1), 6–18.
2. de Vogel, V., Bruggeman, M., & Lancel, M. (2019). Gender-sensitive violence risk assessment: Predictive validity of six tools in female forensic psychiatric patients. *Criminal Justice and Behavior*, 46(4), 528–549.
3. de Vogel, V., & Lancel, M. (2016). Gender differences in the assessment and manifestation of psychopathy: Results from a multicenter study in forensic psychiatric patients. *International Journal of Forensic Mental Health*, 15(1), 97–110.
4. Edwards, B.G., et al. (2023). Psychopathy and substance use predict recidivism in women: A 7-year prospective study. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*, 14(4), 419–432.
5. Eisenbarth, H., et al. (2012). Recidivism in female offenders: PCL-R lifestyle factor and VRAG show predictive validity in a German sample. *Behavioral Sciences & the Law*, 30(5), 575–584.
6. Elagina, A.S., & Novikov, A.V. (2025) Strategii profilaktiki suitsidal'nogo povedeniia v penitentsiarnoi sisteme [Strategies for the prevention of suicidal behavior in the penitentiary system]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 92–98. https://doi.org/10.34670/AR.2025.95.93.011
7. Elagina, A.S., & Ozdamirova, L.M. (2022). Kontseptual'nye podkhody k formirovaniiu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 11(3A), 274–279. https://doi.org/10.34670/AR.2022.85.75.035
8. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025) Sistemnye protivorechiia okazaniia psikhologicheskoi pomoshchi v penitentsiarnoi sisteme: transformatsiia podkhodov v mezhdunarodnom kontekste [Systemic contradictions in providing psychological assistance in the penitentiary system: transformation of approaches in the international context]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 107–115. https://doi.org/10.34670/AR.2025.21.62.014
9. Elagina, A.S., & Smirnova, O.O. (2018). International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 239–245.
10. Elagina, A.S., & Smirnova, O.O. (2018). The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 258–264.
11. Klein Tuente, S., Vogel, V., & Stam, J. (2014). Exploring the criminal behavior of women with psychopathy: Results from a multicenter study into psychopathy and violent offending in female forensic psychiatric patients. *International Journal of Forensic Mental Health*, 13(4), 311–322.
12. Smirnov, O.A., & Elagina, A.S. (2021). Psikhologicheskii fenomen doveriia v sovremennykh issledovaniiakh [The psychological phenomenon of trust in modern research]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 10(6A), 163–169. https://doi.org/10.34670/AR.2021.60.73.018
13. Smirnov, O.A., Novikov, A.V., & Slabkaia, D.N. (2025) Podkhody k izmereniiu adaptatsii posle osvobozhdeniia iz tiur'my [Approaches to measuring adaptation after release from prison]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(1-1), 62–69.
14. Smirnov, O.A., & Slabkaia, D.N. (2025) Primenenie metodiki konstruirovaniia prosotsial'noi identichnosti v penitentsiarnoi sisteme Singapura: vozmozhnosti i ogranicheniia [Application of the method for constructing prosocial identity in the penitentiary system of Singapore: opportunities and limitations]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(7-1), 84–90.
15. Smirnov, O.A., & Slabkaia, D.N. (2025) Razvitie teoreticheskikh predstavlenii o vliianii na lichnost' uslovii penitentsiarnogo uchrezhdeniia: meta-analiz sovremennykh issledovanii [Development of theoretical concepts about the influence of penitentiary institution conditions on personality: meta-analysis of modern research]. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(8-1), 123–130.
16. Smirnova, O.O., & Elagina, A.S. (2018). Socio-psychological consequences of food price volatility: a synthesis of international practice. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 7(5B), 251–257.
17. Stadtland, C., et al. (2005). Risk assessment and prediction of violent and sexual recidivism in sex offenders: Long-term predictive validity of four risk assessment instruments. *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 16(1), 92–108.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.923.5 **DOI:10.34670/AR.2026.45.93.020**

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и удовлетворенности браком у женщин с разным стажем супружества

Макарова Анна Рустемовна

Магистрант,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, Кутузовский просп., 34/14;
e-mail: anna.r.makarova@gmail.com

Бучацкая Марина Викторовна

Кандидат психологических наук, доцент,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, Кутузовский просп., 34/14;
e-mail: buchatskaya-vm@inpsycho.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию взаимосвязи эмоционального интеллекта с удовлетворенностью браком у женщин с разным стажем супружества. Изучаются такие компоненты эмоционального интеллекта, как понимание эмоций и управление эмоциями во взаимосвязи с показателями удовлетворенности браком на разных этапах супружеской жизни. За основу взята периодизация брака В.А. Сысенко. Удовлетворенность браком рассматривается как субъективная оценка супругами качества их межличностных взаимоотношений, в которых ключевую роль играют взаимопонимание, поддержка и способность к сопереживанию. Эмоциональный интеллект характеризуется как способность понимать, распознавать, управлять своими эмоциями и эмоциями партнера, а также понимать их причины и последствия. Эмоциональный интеллект представляется важным компонентом межличностного взаимодействия. Для достижения целей исследования был применен метод непараметрической корреляции rs-Спирмена по всей выборке респондентов. Данные корреляционного анализа показывают умеренную положительную корреляцию между удовлетворенностью браком и эмоциональным интеллектом по всей выборке респондентов. Данные корреляционного анализа между удовлетворенностью браком и уровнем эмоционального интеллекта по подгруппам, разделенным по стажу супружества, показали нелинейный характер взаимосвязи. Аналогичные результаты получены при анализе корреляций по компонентам эмоционального интеллекта (управление эмоциями и понимание эмоций) и общей удовлетворенностью браком. Результаты исследования подтверждают выдвинутые гипотезы о том, что существует взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и общей удовлетворенности браком, о нелинейности характера взаимосвязи ЭмИн и ОУБ на протяжении супружеской жизни и о том, что взаимосвязь между удовлетворенностью браком и компонентами эмоционального интеллекта будет различна в зависимости от стажа супружества.

Для цитирования в научных исследованиях

Макарова А.Р., Бучацкая М.В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и удовлетворенности браком у женщин с разным стажем супружества // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 175-185. DOI:10.34670/AR.2026.45.93.020

Ключевые слова

Эмоциональный интеллект, удовлетворенность браком, стаж супружества, супружеские отношения, управление эмоциями, понимание эмоций, семейная психология.

Введение

Супружество, по словам А. Я. Варги, это союз, где оба супруга понимают, что вместе они создают такую жизнь, которую не могли бы себе создать поодиночке. И это не столько про материальную составляющую, а про эмоционально-психологическую поддержку. Понимание другого, эмоциональная поддержка, сочувствие, утешение — это то, что человек может получить от своего супруга в браке [Варга, 2017].

Семья является ключевым социальным институтом, надежной опорой и защитой, однако в современном обществе наблюдается кризис супружеского взаимодействия. В 2024 году в России более 73% семейных союзов заканчиваются расторжением [Федеральная служба государственной статистики, www], это практически каждый второй брак, соотношение разводов к заключаемым брачным союзам достигло своего максимального значения [ТАСС, www], что подчёркивает актуальность изучения факторов, способствующих укреплению брачных отношений. Несмотря на приведенную статистику, россиян по-прежнему привлекает создание семьи, нежели одиночество (84% против 8%). Возникает вопрос, почему разрушаются семьи и с какими причинами это связано. Примечательно, что третьей по популярности группой факторов россияне называли нарушение семейной коммуникации (недопонимание, конфликты, неумение уступать друг другу и нетерпимость [Всероссийский Центр Исследования Общественного мнения, www].

Эти показатели свидетельствуют об актуальность изучения конструктов, способствующих удовлетворенности браком, а значит, уменьшению числа разводов. Одним из таких факторов является эмоциональный интеллект — способность распознавать, понимать и управлять как своими, так и чужими эмоциями. Исследования показывают, что высокий уровень ЭИ способствует улучшению качества межличностных отношений, включая супружеские. Эмпатия, эффективная коммуникация и эмоциональная регуляция помогают укреплять доверие и взаимопонимание между партнёрами, что напрямую оказывает влияние на удовлетворённость браком.

Существует множество теоретических подходов к изучению феномена удовлетворенности браком. Параллельно с этим широкое внимание уделяется изучению эмоционального интеллекта как важного ресурса личностного и межличностного функционирования. Однако до настоящего времени отсутствуют систематические исследования, рассматривающие взаимосвязь эмоционального интеллекта и удовлетворенности браком с учётом стажа супружества, что представляет собой значимый пробел и перспективное направление для дальнейших исследований.

Основное содержание

В современной научной литературе удовлетворенность браком определяется как один из главных факторов, определяющих стабильность супружеских отношений. В то же время научные работы таких авторов как Ю.Е.Алешина, С.И.Голод, Т.В.Андреева, А.Г.Лидерс в основном сосредоточены на исследовании удовлетворенности браком во взаимосвязи со стажем супружества [Алешина, Гозман, Дубовская, 1987], бытовой адаптацией [Голод, 2008], доходом семьи [Андреева, 2011], наличия детей [Лидерс, 2008], ролевых ожиданий в браке [Волкова, Трапезникова, 1985] и совместных ценностей [Гозман, Алешина, Дубовская, 2002].

Вместе с тем В. В. Столин и Е. С. Романова [Столин, Романова, Бутенко, 1984] внесли значительный вклад в изучение удовлетворенности браком супругов с точки зрения их эмоциональной близость и взаимопонимания, а также уровня доверия. Оценка качества супружеских отношений с точки зрения гармонии и эмоциональной близости с партнером изучалась С.В. Духновским [Духновский, 2009]. А. Я. Варга [Варга, 2017] и Д. Готтман [Gottman, 1999] в своих исследованиях о стабильности и удовлетворенности браком акцентирует внимание на эффективной коммуникации и эмоциональной поддержке в отношениях. К. Роджерс определял ключевые условия эффективного межличностного общения: конгруэнтность, взаимное принятие, самопринятие и эмпатическое понимание [Роджерс, 2025].

Термин эмоциональный интеллект был введен П. Саловеем и Дж. Майером, которые охарактеризовали его, как способность различать свои и чужие чувства, различать эмоции и согласно им действовать и мыслить [Mayer, Bryan, Phillips, Salovey, 2019]. Торндайк, с научных трудов которого началась история изучения эмоционального интеллекта, говорил о способности понимать людей и управлять ими [Thorndike, 1920]. Э. И. Гоулман [Goleman, 2005] добавил к характеристикам эмоционального интеллекта энтузиазм, социальные навыки и настойчивость. Модель Р Бар-Она [Bar-On, 2007] трактует эмоциональный интеллект как способности, помогающие человеку справляться с жизненными трудностями, и включают в себя способность к адаптации, гибкость, счастье, эмпатию. К. В. Петридес и Э. Фернхем [Petrides, Furnham, 2000] определяют эмоциональный интеллект как устойчивость поведения в различных ситуациях. Р. Хаттис [Hattis, 1969] утверждает, что хотя негативные переживания неизбежны в супружеских отношениях, их разрушительное воздействие зависит от способности конструктивно с ними обходиться.

Для достижения целей исследования использовались следующие методики: Методика "Эмоциональный интеллект" (ЭмИн, Д.В. Люсин, 2006), [Люсин, 2006], Методика "Опросник удовлетворённости браком" (ОУБ, В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко, 1984), [Столин, Романова, Бутенко, 1984]. Для проверки на нормальность распределения был использован критерий Колмогорова-Смирнова. Для выявления статистически достоверных связей эмоционального интеллекта и удовлетворенности браком использовался непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для выявления статистически достоверных различий между группами использовался непараметрический статистический критерий Краскела-Уоллиса. Расчет статистических критериев проводился с использованием статистического пакета SPSS Statistics, версия 22.

В исследовании приняли участие 134 женщины, состоящие в официальном браке. Участницы были разделены на четыре группы в зависимости от стажа супружества: до 4 лет, от 5 до 10 лет, от 10 до 19 лет и более 20 лет. Согласно описательным статистикам, респонденты нашей выборки работают по найму, находятся в браке 13,7 лет, имеют 1 ребенка, в основном с высшим образованием. Распределение по стажу брака достаточно однородное (см. Рис.1). В

нашей работе мы использовали деление по стажу супружеской жизни В.А. Сысенко [13]: совсем молодые браки — от 0 до 4 лет совместной жизни составляют 22% нашей выборки (29 человек), молодые браки — от 5 до 9 лет, составляют 28% выборки (37 человек), средние браки — от 10 до 19 лет, составляют 25% выборки (34 человека), пожилые браки — более 20 лет совместной жизни составляют 25 % выборки (34 человека).

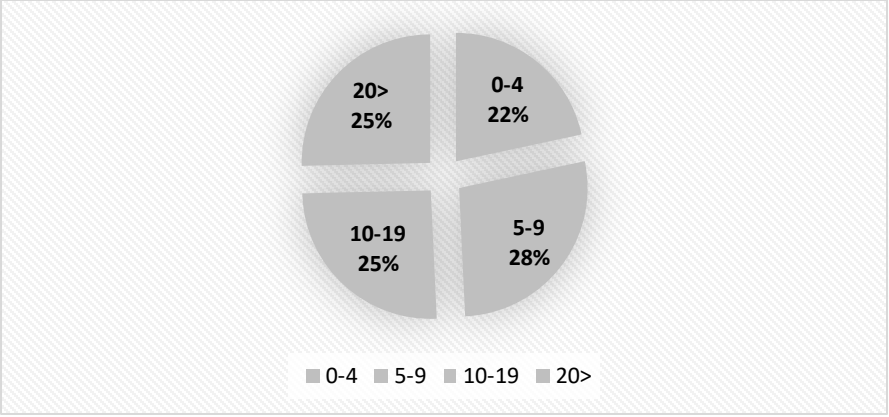

Рисунок 1 – Распределение респондентов по стажу брака

По результатам методики Эмоционального Интеллекта (ЭмИн) мы видим, что общий уровень в нашей выборке достаточно высокий (ср.знач. - 85,4) у большинства респондентов, возможно, это связано с тем, что частично исследование проводилось на выборке студентов-магистров Московского Института Психоанализа по направлению «Семейное консультирование». Согласно методике, уровень общего эмоционального интеллекта в пределах 79–92 имеет среднее значение. Это означает, что респонденты обладают средней способностью называть и распознавать свои эмоции, понимать сои эмоциональные состояния и их причины. Они в средней степени могут контролировать эмоциональные реакции, и достигать эмоционального равновесия, а также управлять такими реакциями в зависимости от ситуации, изменять их. Сюда же можно отнести относительное умение считывать/распознавать эмоции партнера при помощи наблюдения за мимикой, поведением и жестами. Результаты по методике ЭмИн в зависимости от стажа супружества представлены на Рисунке 2.

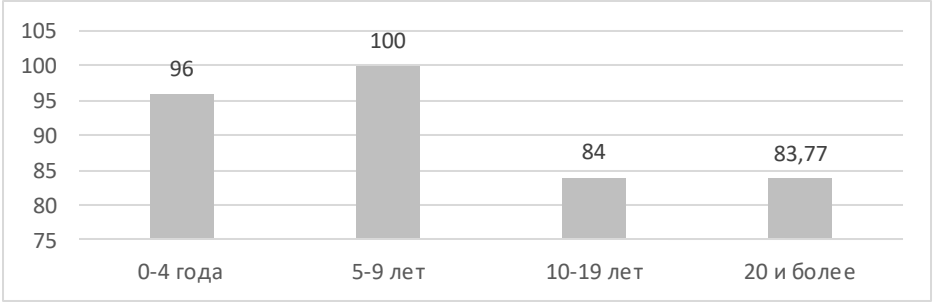

Рисунок 2 – Уровень эмоционального интеллекта в зависимости от стажа супружества

Согласно средним значениям (31,39) по всей выборке по уровню удовлетворенности браком (ОУБ), мы можем сделать вывод, что большинство респондентов воспринимают свои супружеские отношения как благополучные или скорее благополучные. Можно сказать, что они демонстрируют достаточно высокий уровень удовлетворённости браком, что включает в себя

положительную оценку партнера, уверенность в правильном выборе, ощущение большего счастья по сравнению с другими супружескими парами, чувство эмоциональной поддержки и понимания со стороны партнёра, а также удержание фокуса внимания на светлых моментах супружеской жизни. Результаты по методике ОУБ в зависимости от стажа супружества представлены на Рисунке 3.

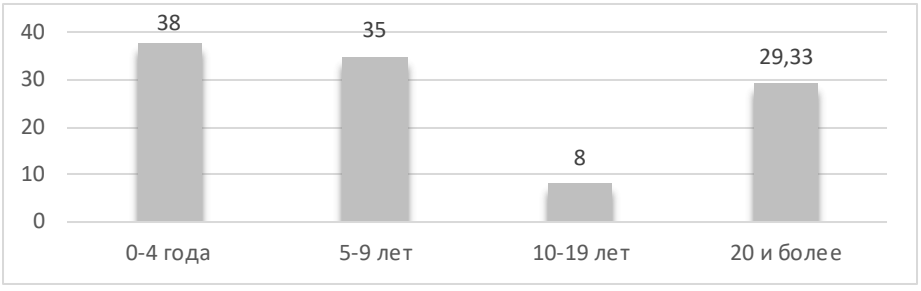

Рисунок 3 – Уровень общей удовлетворенности браком в зависимости от стажа супружества

Согласно непараметрическим корреляциям по всей выборке по методу rs-Спирмена было определено, что существует умеренная положительная корреляция между ОЭИ и ОУБ (r=0,445). Это говорит нам о том, что существует прямая взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта и уровнем удовлетворенности браком. Чем выше у респондентов развит эмоциональный интеллект, тем выше общий уровень удовлетворенности браком. Взаимосвязь не является очень сильной, но статистически значимой и достаточно устойчивой, чтобы считать эмоциональный интеллект важным фактором в сфере супружеских отношений. Также важно заметить, что показатели объясняют друг друга лишь частично: то есть эмоциональный интеллект играет заметную, но не единственную роль среди факторов, влияющих на удовлетворённость браком. Значение непараметрической корреляции по методу rs -Спирмена по всей выборке (n=134 чел) составляет 0,445, значима на уровне 0,01.

В целях более детального изучения значимости корреляционных связей, мы разделили нашу выборку по стажу супружества, применив также показатель непараметрической корреляции по методу rs-Спирмена.

Таблица 1 – Непараметрические корреляции по методу rs -Спирмена согласно стажу супружества

	0-4 года	**5-9 лет**	**10-19 лет**	**Более 20 лет**
	ОЭИ	ОЭИ	ОЭИ	ОЭИ
ОУБ	0,466*	0,504**	0,438**	0,394*

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Как видно из таблицы (см. Таб.1), представленные данные демонстрируют статистически значимые положительные корреляционные связи средней силы между ОУБ и ЭмИн во всех исследуемых группах, сформированных согласно периодизации супружеской жизни В.А. Сысенко. Данные по корреляционным связям по подгруппам, разделенным по стажу супружества по ЭмИн и ОУБ демонстрируют нелинейный характер взаимосвязи с усилением в период 5-9 лет (r=0,504) и постепенным убыванием к периоду браков от 20 лет и более (r=0,394). Скорее всего, увеличение корреляции ЭмИн и ОУБ связано с усложнением семейной системы

и появлением новых эмоциональных задач, связанных с родительством, тогда как снижение взаимосвязи к периоду браков от 20 лет и более может быть обусловлено стабилизацией эмоциональных паттернов взаимодействия и изменением природы супружеских отношений от эмоционально-интенсивных к стабильно-поддерживающим. Теперь обратимся к корреляционным связям ОУБ и компонентам ЭмИн у респондентов, разделенных по стажу брака. При расчетах был также показатель непараметрической корреляции по методу rs-Спирмена

Таблица 2 – Непараметрические корреляции по методу rs -Спирмена согласно стажу супружества

	ПЭ	УЭ
ОУБ	0-4 года	
	0,570**	0,349
	5-9 лет	
	0,371*	0,564**
	10-19 лет	
	0,352*	0,511**
	Более 20 лет	
	0,505**	0,267

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

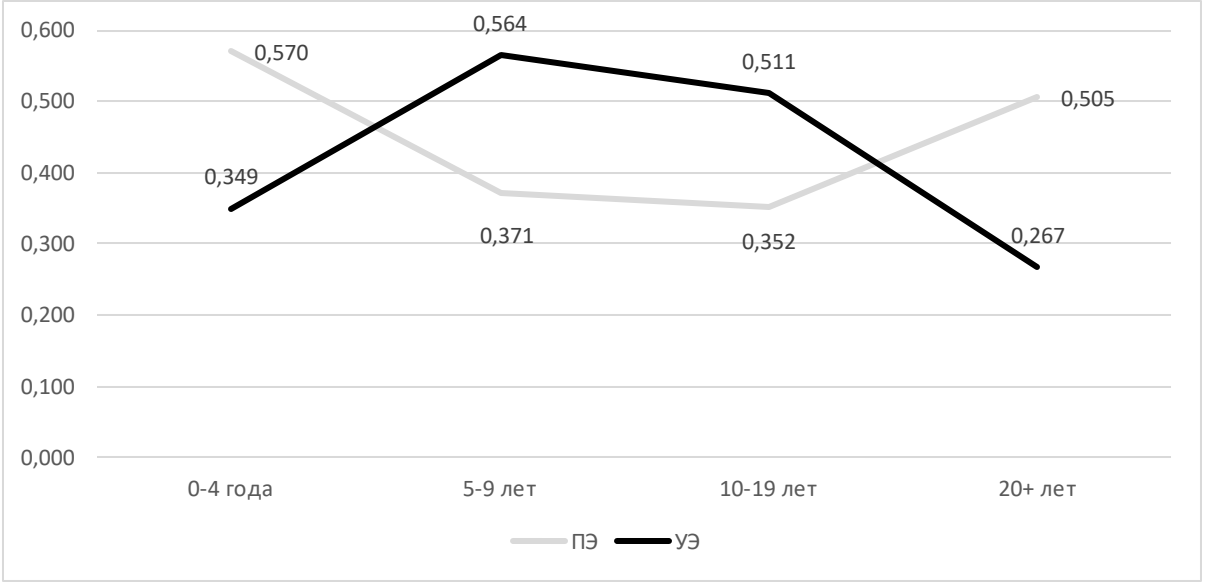

Рисунок 4 – Корреляции компонентов эмоционального интеллекта по стажу супружества

Данные по корреляционным связям компонентов ЭмИн (ПЭ и УЭ) с ОУБ, демонстрируют следующее: способность к пониманию эмоций (ПЭ) показывают U-образную кривую взаимосвязи: максимальная корреляция с ОУБ наблюдается на начальном этапе супружеской жизни (r=0,570) в период 0-4 года)), что отражает критическую роль эмоционального восприятия и эмпатии в процессе первоначальной адаптации супругов. На средних этапах брака (5-9 и 10-19 лет) взаимосвязь ПЭ с удовлетворенностью существенно снижается (r=0,371 и r=0,352 соответственно), что указывает на вытеснение эмоционального понимания на фоне

возрастающих практических потребностей (воспитание детей, бытовые обязанности). Однако на позднем этапе (20+ лет) наблюдается восстановление значимости ПЭ (r=0,505), что согласуется с представлением В.А.Сысенко о переходе семьи в новую фазу, характеризующуюся восстановлением супружеской близости после "синдрома пустого гнезда" и кризиса середины жизни. Способность к управлению эмоциями (УЭ) проявляет противоположную траекторию: минимальная корреляция с ОУБ отмечается на начальном этапе (r=0,349 в период 0-4 года), когда эмоциональное единство и романтическое переживание преобладают над необходимостью регулятивных навыков. Максимальная значимость УЭ наблюдается в период 5-9 лет (r=0,564), что совпадает с наиболее сложным этапом жизненного цикла семьи, когда на супругов обрушиваются множественные стрессоры (рождение детей, распределение домашних обязанностей, ограничение личного времени). На промежуточном этапе (10-19 лет) взаимосвязь сохраняет высокий уровень (r=0,511), однако на позднем этапе (20+ лет) резко снижается (r=0,267), что может отражать привыкание супругов к совместному проживанию и выработку стабильных паттернов взаимодействия, при которых осознанное управление эмоциями становится менее актуальным. Наглядные данные представлены на Рисунке 4.

Заключение

В ходе проведённого исследования нами была осуществлена комплексная диагностика уровня удовлетворённости браком и эмоционального интеллекта у женщин с различным стажем супружества. Несмотря на то, что существуют исследования, рассматривающие отдельно каждую из данных переменных в контексте супружеских отношений, систематических работ, направленных на изучение их взаимосвязи, особенно с учётом длительности супружества, практически не выполнялось. Данная научная работа восполняет этот пробел, исследуя взаимосвязь эмоционального интеллекта и общей удовлетворённости браком.

Результаты нашего анализа подтвердили наличие статистически значимой положительной корреляции между уровнем эмоционального интеллекта и субъективной удовлетворённостью браком — чем выше развиты навыки распознавания, понимания и регуляции эмоций, тем более позитивной является оценка качества супружеских отношений. Однако, несмотря на этот тесный взаимосвязанный характер показателей, сравнительный анализ женщин с разным стажем супружества не выявил статистически достоверных различий, что указывает на относительную стабильность этих характеристик вне зависимости от длительности супружеских отношений.

Детальный анализ корреляционных связей по стажу супружества показал нелинейный характер взаимосвязи ОУБ и ЭмИн с фазой возрастания (0-4 → 5-9 лет): Увеличение значимости эмоционального интеллекта связано с усложнением семейной системы и появлением новых эмоциональных задач, связанных с родительством и фазой убывания (5-9 → 20+ лет), постепенное снижение роли эмоционального интеллекта обусловлено стабилизацией эмоциональных паттернов взаимодействия и изменением природы супружеских отношений от эмоционально-интенсивных к стабильно-поддерживающим.

Были получены интересные результаты при исследовании качественных изменений в структуре ЭмИн на протяжении стажа супружества: в группе совсем молодых браков мы видим доминирование понимания эмоций с точки зрения межличностного эмоционального интеллекта, что указывает на приоритетность навыков эмоционального взаимодействия с

партнером над внутриличностными эмоциональными компетенциями. Тогда как в следующей периоде молодых браков мы видим переход к управлению своими и чужими эмоциями, что свидетельствует о том, что на данном этапе эмоциональная компетентность проявляется преимущественно через регулятивные способности. В средних же браках мы видим акцент на внутриличностном управлении эмоциями, и снижение роли межличностного эмоционального интеллекта. Это может указывать на определенную эмоциональную дистанцированность супругов, характерную для данного кризисного периода. Браки от 20 лет и более демонстрируют нам возврат к доминированию понимания эмоций. Полученная структура отражает качественные изменения в природе супружеских отношений на позднем этапе развития семьи. Скорее всего период характеризуется компенсацией любви супружеской дружбой и привычкой. В этих условиях способности к пониманию эмоций восстанавливают свою значимость, но уже в новом качестве – как основа для эмпатической поддержки и взаимопонимания в условиях возрастных изменений и жизненных трудностей.

Данные результаты имеют высокую теоретическую и практическую значимость, открывая перспективы для разработки эффективных программ семейного консультирования и психокоррекции, направленных на повышение эмоциональной компетентности и укрепление качества брачных отношений. В качестве перспективного направления нам видится лонгитюдные исследования динамики эмоционального интеллекта супругов на различных этапах жизненного цикла семьи и их влияния на качество брачных отношений особенно в периоды кризисов семейного развития. Немаловажным является определение критических периодов, требующих усиленного внимания к развитию эмоциональных компетенций, а также выявление факторов, способствующих сохранению или снижению эмоционального интеллекта с течением времени. В связи с тем, что данное исследование проводилось только на женской выборке, представляется интересным изучение гендерных различий в структуре эмоционального интеллекта:

- Как различаются механизмы влияния эмоционального интеллекта на удовлетворённость браком у супругов разного пола?

- Какие компоненты эмоционального интеллекта являются наиболее значимыми для мужчин и женщин в семейном взаимодействии?

Представляет интерес и перспектива кросс-культурного сравнительного анализа роли эмоционального интеллекта в семейных отношениях представителей различных культурных групп, а именно изучение культурно-специфических особенностей проявления эмоционального интеллекта в межэтнических браках и семьях с различной культурной принадлежностью.

Немаловажным является и разработка программ добрачной подготовки с акцентом на развитие эмоционального интеллекта будущих супругов с целью снижения риска семейных конфликтов и разводов и формирования здоровых моделей эмоционального взаимодействия.

Библиография

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии. М.: МГУ, 1987. 164 с.
2. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк: ПГУ, 2011. 388 с.
3. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когито-Центр, 2017. 182 с.
4. Варга А.Я. Системная психотерапия супружеских пар. М.: Когито-Центр, 2017. 342 с.
5. Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. 1985. №5. С. 110–116.

6. Всероссийский Центр Исследования Общественного мнения. Разводы в России: мониторинг. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring
7. Гозман Л.Я., Алешина Ю.Е., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: спецпрактикум по социальной психологии. М.: Психолог, 2002. 300 с.
8. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 2008. 199 с.
9. Духновский С.В. Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2009. 141 с. https://rosstat.gov.ru/folder/12781
10. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 431 с.
11. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
12. Роджерс К. Клиентцентрированная терапия. М.: ИОИ, 2025. 192 с.
13. Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П. Опросник удовлетворенности браком // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1984. №2. С. 54–61.
14. Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М.: Финансы и статистика, 1981. 199 с.
15. ТАСС. Восемь из десяти браков в РФ в 2024 году распадались. URL: https://tass.ru/obschestvo/22702277?ysclid=m4tq0oevcp598537313
16. Федеральная служба государственной статистики. Браки и разводы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781
17. Bar-On, R. The Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i): Technical Manual. MHS publishing, 2007. 244 p.
18. Goleman, D. Emotional Intelligence. Bantam Books, 2005. 352 p.
19. Gottman, J. The seven principles for making marriage work (1st ed.). New York: Crown Publishers, 1999.
20. Hattis, R. Love feelings in courtship couples: an analysis // Readings in humanistic psychology. New York: Free Press, 1969. P. 347–385.
21. Mayer, J.D., Bryan, V., Phillips, K.G., & Salovey, P. Measuring emotional and personal intelligence // Annual Review of Psychology. 2019. P. 233–245. https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103017
22. Petrides, K.V., & Furnham, A. On the dimensional structure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences. 2000. Vol. 29. P. 313–332. https://doi.org/10.1016/S0191-8869(99)00195-6
23. Thorndike, E.L. Intelligence and its use // Harper's Magazine. 1920. Vol. 140. P. 227–235.

The Interconnection between Emotional Intelligence and Marital Satisfaction among Women with Different Lengths of Marriage

Anna R. Makarova

Master's Student,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, 34/14, Kutuzovsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna.r.makarova@gmail.com

Marina V. Buchatskaya

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, 34/14, Kutuzovsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: buchatskaya-vm@inpsycho.ru

Abstract

The article is devoted to researching the interconnection between emotional intelligence and marital satisfaction among women with different lengths of marriage. Such components of emotional intelligence as understanding emotions and managing emotions are studied in relation to indicators of marital satisfaction at different stages of married life. V.A. Sysenko's periodization of marriage is taken as a basis. Marital satisfaction is considered as the spouses' subjective assessment

of the quality of their interpersonal relationships, in which mutual understanding, support, and the ability to empathize play a key role. Emotional intelligence is characterized as the ability to understand, recognize, manage one's own emotions and those of a partner, as well as to understand their causes and consequences. Emotional intelligence appears to be an important component of interpersonal interaction. To achieve the research objectives, the non-parametric Spearman's rank correlation coefficient (rs) method was applied to the entire sample of respondents. The correlation analysis data show a moderate positive correlation between marital satisfaction and emotional intelligence across the entire sample of respondents. The correlation analysis data between marital satisfaction and the level of emotional intelligence within subgroups divided by length of marriage revealed a non-linear nature of the interconnection. Similar results were obtained when analyzing correlations between the components of emotional intelligence (managing emotions and understanding emotions) and overall marital satisfaction. The research results confirm the hypotheses that there is an interconnection between emotional intelligence and overall marital satisfaction, that the nature of the interconnection between EQ and MS is non-linear throughout married life, and that the interconnection between marital satisfaction and the components of emotional intelligence varies depending on the length of marriage.

For citation

Makarova A.R., Buchatskaya M.V. (2025) Vzaimosvyaz' emotsional'nogo intellekta i udovletvorennosti brakom u zhenshchin s raznym stazhem supruzhestva [The Interconnection between Emotional Intelligence and Marital Satisfaction among Women with Different Lengths of Marriage]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 175-185. DOI:10.34670/AR.2026.45.93.020

Keywords

Emotional intelligence, marital satisfaction, length of marriage, marital relations, emotion management, understanding emotions, family psychology.

References

1. Aleshina, Yu. E., Gozman, L. Ya., & Dubovskaya, E. M. (1987). *Sotsial'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnoshenii: Spetspraktikum po sotsial'noi psikhologii* [Social and psychological methods of studying marital relationships: Special workshop on social psychology]. MGU.
2. Andreeva, I. N. (2011). *Emotsional'nyi intellekt kak fenomen sovremennoi psikhologii* [Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology]. PSU.
3. Bar-On, R. (2007). *The Bar-On emotional quotient inventory (EQ-i): Technical manual*. MHS Publishing.
4. Dukhnovskii, S. V. (2009). *Diagnostika mezhlichnostnykh otnoshenii. Psikhologicheskii praktikum* [Diagnostics of interpersonal relationships. Psychological workshop]. Rech'.
5. Federal State Statistics Service. (n.d.). *Marriages and divorces*. Retrieved from https://rosstat.gov.ru/folder/12781
6. Gozman, L. Ya., Aleshina, Yu. E., & Dubovskaya, E. M. (2002). *Sotsial'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnoshenii: spetspraktikum po sotsial'noi psikhologii* [Social and psychological methods of studying marital relationships: Special workshop on social psychology]. Psikholog.
7. Goleman, D. (2005). *Emotional intelligence*. Bantam Books.
8. Golod, S. I. (2008). *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: Historical and sociological analysis]. Petropolis.
9. Gottman, J. (1999). *The seven principles for making marriage work* (1st ed.). Crown Publishers.
10. Hattis, R. (1969). Love feelings in courtship couples: An analysis. In *Readings in humanistic psychology* (pp. 347–385). Free Press.
11. Liders, A. G. (2008). *Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i* [Psychological examination of the family]. Izdatel'skii tsentr "Akademiia".

12. Lyusin, D. V. (2006). Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [A new method for measuring emotional intelligence: The EmIn questionnaire]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 4, 3–22.
13. Mayer, J. D., Bryan, V., Phillips, K. G., & Salovey, P. (2019). Measuring emotional and personal intelligence. *Annual Review of Psychology, 70*, 233–245. https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103017
14. Petrides, K. V., & Furnham, A. (2000). On the dimensional structure of emotional intelligence. *Personality and Individual Differences, 29*(2), 313–332. https://doi.org/10.1016/S0191-8869(99)00195-6
15. Rogers, K. (2025) *Klienttsentrirovannaia terapiia* [Client-centered therapy]. IOI.
16. Stolin, V. V., Romanova, T. L., & Butenko, G. P. (1984). Oprosnik udovletvorennosti brakom [Questionnaire of marital satisfaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14. Psikhologiia, 2*, 54–61.
17. Sysenko, V. A. (1981). *Ustoichivost' braka: problemy, faktory, usloviia* [Marriage stability: Problems, factors, conditions]. Finansy i statistika.
18. TASS. (n.d.). *Eight out of ten marriages in the Russian Federation ended in divorce in 2024*. Retrieved from https://tass.ru/obschestvo/22702277?ysclid=m4tq0oevcp598537313
19. Thorndike, E. L. (1920). Intelligence and its use. *Harper's Magazine, 140*, 227–235.
20. Varga, A. Ya. (2017a). *Vvedenie v sistemnuyu semeinuyu psikhoterapiyu* [Introduction to systemic family psychotherapy]. Kogito-Tsentr.
21. Varga, A. Ya. (2017b). *Sistemnaya psikhoterapiya supruzheskikh par* [Systemic psychotherapy of married couples]. Kogito-Tsentr.
22. Volkova, A. N., & Trapeznikova, T. M. (1985). Metodicheskie priemy diagnostiki supruzheskikh otnoshenii [Methodological techniques for diagnosing marital relationships]. *Voprosy psikhologii, 5*, 110–116.
23. Vserossiiskii Tsentr Issledovaniia Obshchestvennogo Mneniia. (n.d.). *Razvody v Rossii: monitoring* [Divorces in Russia: monitoring]. Retrieved from https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9.07 **DOI: 10.34670/AR.2025.45.40.001**

Инновационный конфликт у специалистов муниципальных учреждений как объект психологических исследований

Миронова Оксана Ивановна

Доктор психологических наук, профессор,
профессор департамента психологии и развития человеческого капитала,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 49/2
e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Яковлев Дмитрий Анатольевич

Аспирант,
факультет психологии,
Государственный университет просвещения,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 10а/2;
e-mail: dyakovlev2005@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические аспекты возникновения инновационных конфликтов у специалистов муниципальных учреждений. Современный этап развития общества формирует обновленные условия для социального и профессионального взаимодействия как отдельной личности, так и различных групп общества. Непрерывное развитие и совершенствование системы государственного и муниципального управления предполагают внедрение инновационных механизмов в профессиональную деятельность специалистов муниципальных учреждений. Организации сталкиваются со всё более быстро меняющейся операционной средой, поскольку мир постоянно развивается и становится всё более сложным. Цифровизация, социальные изменения и растущая глобализация являются факторами, обуславливающими инновационное развитие учреждений. Несмотря на очевидную необходимость таких изменений, зачастую их появление вызывает сопротивление со стороны сотрудников. Внедрение инноваций практически неизбежно провоцирует поляризацию коллектива, порождая конфликт между их сторонниками и противниками. Основу этого противостояния составляет противоположное видение последствий: первые ожидают, что изменения приведут к личному и организационному прогрессу, тогда как вторые прогнозируют ухудшение ситуации. Данный конфликт напрямую влияет на операционную эффективность организации, что делает его значимым. Особенно остро эти процессы проявляются в динамичных секторах, характеризующихся высокой неопределенностью и необходимостью создавать новые услуги, — к которым, без сомнения, относятся государственные и муниципальные учреждения. При этом сопротивление усиливается пропорционально увеличению масштаба внедрения инноваций. В настоящем

исследовании проанализированы работы авторов, изучающие нововведения в организации, приводящие к возникновению конфликтов инновационного развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Миронова О.И., Яковлев Д.А. Инновационный конфликт у специалистов муниципальных учреждений как объект психологических исследований // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 186-201. DOI: 10.34670/AR.2025.45.40.001

Ключевые слова

Социальная психология, муниципальные учреждения, государственная служба, инновации, сопротивление нововведениям, конфликты инновационного развития.

Введение

Современный этап развития общества формирует обновленные условия для социального и профессионального взаимодействия как отдельной личности, так и различных групп общества.

Актуальные технологические вызовы, а сегодня и создание информационного общества, генерируют инновационные процессы во всех сферах жизни. Несмотря на внешне кажущуюся ригидность системы государственного и муниципального управления, запросы современного общества также стимулируют в них значительные инновационные изменения. Внедрение инноваций в организационных системах часто вызывает сопротивлениее со стороны персонала, что детерминирует формирование специфических противоречий, определяемых исследователями как «конфликты инновационного развития» или «инновационные конфликты». Изучение природы, структурных детерминант и механизмов урегулирования данных конфликтов составляет актуальную проблемную область исследований. Подтверждением этого служит множество интерпретаций понятия «инновация», в различной литературе.

Цель исследования – на основе анализа зарубежной и отечественной психологической литературы осуществить литературный обзор для последующего проведения эмпирического исследования, ориентированного на диагностику и управление инновационными конфликтами.

Задачи исследования.

1) проанализировать работы отечественных и зарубежных авторов, где изучаются различные аспекты инновационных конфликтов;

2) выявить основные проблемы внедрения инноваций в деятельность учреждений;

3) сформулировать выводы и определить перспективы дальнейшего исследования, ориентированного на диагностику и управление инновационными конфликтами.

Исследование

В новейшем философском словаре, инновация (позднелат. inovatio, англ. innovation - нововведение) это явления культуры, которых не было на предшествующих стадиях ее развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание (социализировались); закрепившиеся (зафиксированные) в знаковой форме и (или) в деятельности посредством изменения способов, механизмов, результатов, содержаний самой этой деятельности [Грицанов, 2001].

Йозеф Шумпетер определял инновацию как внедрение новых комбинаций ресурсов, включая создание новых продуктов, методов производства, освоение новых рынков, использование новых источников сырья или организационные изменения [Schumpeter, 1934].

По мнению Эверетта Роджерса, инновация - это идея, практика или объект, который воспринимается как новый индивидом или группой. Её суть — в процессе диффузии, то есть распространения в социальной системе [E. M. Rogers, 1962].

В руководстве по сбору, представлению и использованию данных об инновациях (Руководство Осло 2018), определение инновации выглядит следующим образом: инновация - это новый или усовершенствованный продукт, или процесс (или их комбинация), который существенно отличается от предыдущих продуктов или процессов подразделения и который был предоставлен потенциальным пользователям (продукт) или введен в эксплуатацию подразделением (процесс).

Д.М. Степаненко трактует инновацию как создаваемые новые или усовершенствованные технологии, виды продукции или услуги, а также решения производственного, административного, финансового, юридического, коммерческого или иного характера, имеющие результатом их внедрения и последующего практического применения положительный эффект для задействовавших их хозяйствующих субъектов [Степаненко, 2004].

Согласно В. Хартманну и Х. Хауштайну, суть инновации (с учетом ее характера и предназначения) заключается в практическом осуществлении и использовании нововведения (идеи, предложения, НИР). Исследователи настаивают на единстве и комплексности всего инновационного процесса, требующего руководства, соответствующего его фундаментальной сути [Hartmann, Houstein, 1979].

В.Н. Лапин подчеркивает, что инновация обязательно носит целевой характер, приносит позитивный социально-экономический результат и полезна обществу. Суть инновации, согласно его определению, — это целостный процесс разработки, внедрения и использования нового практического решения, направленный на лучшее удовлетворение известных человеческих потребностей [Лапин, 1981].

Социология трактует инновацию как целостный процесс: создание, распространение и применение нового средства для удовлетворения эволюционирующих общественных потребностей, а также связанные с этим изменения в социальной и материальной среде. Различают технические (продукты, технологии) и социальные (экономические, организационные, культурные) инновации, хотя на практике они обычно взаимосвязаны. Сущность инновации — инновационная деятельность по созданию нового (радикально или усовершенствующего) и преодолению рутины [Павленок, 2011].

М. Амстронг называет нововведения «жизненной кровью организации», подчеркивая, что догматичная приверженность старым методам разрушительна. Компании, упорствующие в этом, обречены. Внутренние изменения на предприятиях — объективная необходимость для их развития и устойчивого функционирования [Амстронг, 1998].

В определении Питера Друкера, инновация — это изменение, которое создает новое измерение производительности. Она не обязательно должна быть технической; социальные инновации могут иметь даже большее значение [Drucker, 1985].

Анализируя исследования инноваций, можно отметить ряд критериев, позволяющих классифицировать виды инноваций.

По уровню новизны:

1. Наиболее масштабными в классификации инноваций являются *эпохальные нововведения.*

Этот термин был предложен нобелевским лауреатом Саймоном Кузнецом в 1971 году для описания революционных изменений, случающихся раз в несколько столетий. Подобные инновации приводят к фундаментальным преобразованиям во всех сферах жизни и знаменуют собой смену технологических и экономических укладов [Kuznets, 1979]. Сегодня к таким изменениям мы можем отнести изобретение интернета и последовавшее за ним открытие технологий обработки и управления «большими данными» (big data).

2. *Базисные инновации* представляют собой радикально новые или существенно усовершенствованные продукты, процессы и услуги, характеризующиеся либо принципиально новыми, либо качественно улучшенными свойствами (например, высочайшая производительность или сниженная стоимость). Их радикальный характер приводит к кардинальным изменениям, которые трансформируют сложившиеся рыночные и отраслевые структуры либо формируют совершенно новые рынки и отрасли. Такие инновации представляют открытия искусственного интеллекта и виртуальной реальности.

3. *Улучшающие инновации* нацелены на развитие и модификацию существующих базисных инноваций. Несмотря на их преобладание в количественном отношении, они характеризуются относительно невысокой степенью новизны и непродолжительным жизненным циклом — периодом, когда решение воспринимается как новшество, прежде чем оно станет общепринятым стандартом или будет вытеснено следующим обновлением. По своей сути, это постепенные, эволюционные изменения, которые логично вытекают из текущего уровня развития технологий и знаний.

4. Завершающую категорию инноваций составляют *псевдоинновации* - несущественные изменения, представляющие собой модификацию улучшающих инноваций. Это технические или косметические изменения продукта (услуги), которые не затрагивают его базовую конструкцию и не оказывают существенного влияния на ключевые параметры.

Следующим критерием является *масштаб распространения инноваций*.

Применительно к работе муниципальных учреждений, по нашему мнению, стоит выделить два уровня инноваций по масштабу распространения рассмотренных Н.П. Иващенко [Иващенко, 2025]:

Инновации, являющиеся новыми в масштабах страны, в большинстве случаев относятся к категории улучшающих или даже псевдоинноваций, поскольку они были ранее разработаны и апробированы в других странах.

Инновации, новые для конкретного предприятия, -как правило они являются псевдоинновациями, поскольку рыночный аналог товара, услуги или метода организации производства уже существует и применяется другими компаниями.

Еще одним критерием выделяют область применения инноваций.

Технико-технологические инновации - представляют собой внедрение принципиально новых или модернизированных технологических решений как в продукт деятельности учреждения, так и в производственные или операционные процессы.

Организационно-управленческие инновации - это внедрение новых подходов в рабочие алгоритмы, систему управления учреждением, организацию рабочих мест или внешние коммуникации. Они направлены на повышение операционной эффективности, рост производительности, улучшение условий труда, снижение физической и психологической нагрузки на сотрудников и повышение уровня удовлетворенности граждан.

Следующим рассмотрим виды инноваций ***по их преемственности к прошлым технологиям***.

Классификация инноваций по степени их влияния на область внедрения, по мнению Н.П. Иващенко включает пять основных типов:

Открывающие: формируют абсолютно новые рынки, предлагая ранее не существовавшие продукты или принципиально новые подходы к решению проблем.

Расширяющие: увеличивают спектр доступных вариантов для удовлетворения уже известной потребности, предоставляя потребителям больший выбор.

Замещающие: приходят на смену устаревшим решениям, удовлетворяя существующую потребность более эффективным, качественным или производительным способом.

Упраздняющие: полностью устраняют необходимость в определенном продукте, услуге или процессе, делая саму потребность в них неактуальной.

Регрессивные: представляют собой сознательное возвращение к ранее отвергнутым технологиям или практикам, но модернизированным и адаптированным к современным условиям и возможностям.

Согласно классификации Б. Санто, в основе которой лежит характер общественных целей, инновации подразделяются на:

Экономические, преследующие коммерческие интересы (прибыль).

Экономические, не связанные с извлечением прибыли.

Специальные, предназначенные для конкретных сфер (например, в сфере обороны, здравоохранения или образования) [Санто, 1990].

Проведенный анализ научных позиций позволяет утверждать, что все инновации в основе своей антропоцентричны. Человек - центральная движущая сила реализации инноваций, детерминирующая их формы, методы и средства. Вследствие этого, человеческий фактор становится критически важным элементом для успешного проведения инновационной политики в любом учреждении.

Как показывает опыт, введение новшеств в организациях нередко сопровождается противодействием со стороны сотрудников, что приводит к возникновению так называемых конфликтов инновационного развития или инновационных конфликтов.

Такие противоречия возникают, когда их участники, придерживаясь противоположных ценностных ориентаций и имея несовместимые взгляды на сущность, направление и конечные цели развития, вступают в противоборство в процессе создания и реализации нововведений.

Внедрение изменений редко обходится без сопротивления, поскольку в любой команде неизбежно возникает поляризация: часть сотрудников становится двигателем прогресса, а другая — сознательным или бессознательным барьером на его пути. Поэтому бесконфликтное и кооперативное внедрение новшеств скорее является желаемым идеалом, нежели стандартной практикой.

Подтверждением этого служит типология, предложенная А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко [Журавлев, Купрейченко, 2007], в которой они выделили пять типов личности в зависимости от их отношения к инновациям:

1. Инициаторы (или Новаторы)

Отношение: Активно способствуют изменениям, являются их генераторами и движущей силой.

Поведение: Постоянно ищут новое, генерируют идеи, берут на себя риски и ответственность за их внедрение. Это те самые «люди, способствующие инновациям».

2. Оптимизаторы (или Поддерживающие)

Отношение: Поддерживают инициативы новаторов, но не столько генерируют идеи,

сколько помогают их грамотно реализовать.

Поведение: Они «обкатывают» новшества, вносят конструктивные предложения по их улучшению и адаптации. Без их поддержки инициативам новаторов сложно выжить.

3. Нейтралы

Отношение: Занимают выжидательную или пассивную позицию.

Поведение: Это самая массовая группа. Они не сопротивляются активно, но и не помогают. Их лозунг: «Посмотрим, что из этого выйдет». Их главная задача — адаптироваться к изменениям, когда они уже станут неизбежными. Именно эта группа часто определяет, станет ли изменение правилом или исключением.

4. Скептики (или Критики)

Отношение: Относятся к новому с недоверием и осторожностью, но их сопротивление — рациональное.

Поведение: Они задают неудобные вопросы, ищут подводные камни, требуют обоснований. При грамотном управлении их критицизм может быть полезен для выявления реальных недостатков проекта. Однако они легко могут перейти в лагерь противников.

5. Консерваторы (или Противники)

Отношение: Открыто препятствуют изменениям, являются главным источником сопротивления.

Поведение: Ценят стабильность, привычные процедуры, испытывают дискомфорт от новизны. Они активно или пассивно саботируют инновации, опираясь на аргументы «а у нас так не принято» или «и так неплохо». Это те, кто «препятствует инновациям» в чистом виде.

Конфликт в процессе инновационного развития — это естественный механизм. Он работает как форма саморегуляции, позволяющая организации отказаться от устаревших и неэффективных моделей и перейти к новым, более продуктивным формам работы для достижения стратегических целей. Такой конфликт является не просто неизбежным явлением, но и обладает значительным конструктивным потенциалом. Он служит необходимым условием для трансформации систем и обретения ими новых свойств, а также выступает ключевым механизмом саморегуляции, кардинально влияющим на жизненно важные параметры их функционирования.

Согласно зарубежным исследователям, осознание ключевой роли инноваций в развитии организации сформировалось в конце прошлого века. В своих работах они употребляют термин «сопротивление изменениям».

Srivastava и Agrawal утверждают, что инновационным изменениям часто сопротивляются государственные служащие, и это негативно сказывается на успешности внедрения нововведений [Srivastava, Agrawal, 2020].

По мнению В. Бриджис, суть сопротивления заключается не в самих изменениях, а в трудностях переходного периода, необходимого для адаптации к ним [Bridges, 1991]. Этим исследователь подчеркивает первостепенную роль социально-психологических факторов в противодействии инновациям.

В России термин «инновационный конфликт» впервые был рассмотрен в книге А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова «Конфликтология». Полагая инновационные конфликты разновидностью «конфликтов в различных сферах взаимодействия», авторы, однако, не предлагают их четкого определения. Они лишь подчеркивают, что противоречия между старым и новым носят естественный и перманентный характер. Вероятность возникновения таких конфликтов возрастает при радикальном, масштабном и быстром внедрении изменений. Кроме

того, нововведение изначально противоречиво, поскольку его результативность не может быть гарантирована заранее — в некоторых случаях отсроченные негативные последствия могут превзойти непосредственный положительный эффект. Таким образом, инновация сама становится предметом спора, в котором аргументы обеих сторон — и новаторов, и консерваторов — могут иметь под собой основания.

При этом, как отмечают авторы, риск возникновения инновационных конфликтов повышается под влиянием ряда условий. Чем масштабнее и радикальнее изменения и чем больше людей в них вовлечено, тем выше вероятность и острота противодействия. Кроме того, ускорение внедрения новшеств усиливает их конфликтный потенциал. Важную роль играет и качество обеспечения процесса: продуманное организационное, информационное и психологическое сопровождение значительно снижает уровень конфликтности [Анцупов, Шипилов, 1999].

Подобной точки зрения в отношении факторов, увеличивающих вероятность возникновения инновационного конфликта придерживается и Н.И. Распопова. К таким факторам автор относит, во-первых, масштаб изменений: чем больше инновация и число вовлеченных сотрудников, тем выше риск возникновения противоречий. Во-вторых, радикальность нововведения: чем оно существеннее, тем сильнее сопротивление и острее конфликт. В-третьих, скорость внедрения: ускоренные темпы преобразований выступают дополнительным катализатором напряженности. Помимо этого, Распопова отмечает, что значимое влияние на конфликтогенность процесса оказывают и сопутствующие условия — информационные, социально-психологические и иные [Распопова, 2025].

Необходимо отметить, что конфликты, сопровождающие процессы инновационного развития, представляют собой многогранное явление, которое не поддаётся однозначной классификации в рамках существующих систематизаций. Их специфика и сложность затрудняют отнесение к одной из традиционных категорий конфликтов.

В.В. Бычин в своем исследовании определяет инновационный конфликт как организационный конфликт, вызванный столкновением между устоявшимися структурами, процессами, нормами и ценностями компании, и изменениями, вносимыми инновациями. Такие конфликты неизбежны, поскольку нововведения всегда встречают сопротивление технической, политической и культурной систем организации. Как отмечается, потребность в изменениях порождает противоборство: позитивные силы перемен против мощного индивидуального и организационного сопротивления. Чтобы изменения состоялись, это сопротивление необходимо преодолеть во всех трех указанных системах. Автор определяет конфликт как фундаментальное (системное) свойство инновационной деятельности. Внедрение нового возможно только через процесс преодоления сопротивления устоявшихся организационных форм и разрешения конфликтов, возникающих в этом процессе [Бычин, 1999].

Как указывает В.Б. Тарабаева, конфликт, связанный с инновационным развитием, объединяет в себе черты социально-трудового и организационного конфликтов, а также столкновения ценностных ориентиров. Этот феномен, по её мнению, неизбежно сопровождается сопротивлением нововведениям, что становится одной из ключевых составляющих такого конфликта [Тарабаева, 2010].

Конфликтная ситуация в инновационном развитии характеризуется тем, что его участники, действуя исходя из антагонистичных ценностей и имея взаимоисключающие видения целей, содержания и формы инноваций, вступают в противоборство при осуществлении разработки и внедрения новшеств.

На основе анализа характеристик можно акцентировать следующие аспекты конфликта инновационного развития:

Аксиологический аспект: противоположные ценностные ориентации участников (восприятие инноваций как блага или вреда).

Когнитивный аспект: антагонистичные представления о содержании инноваций и способах их реализации.

Практический (поведенческий) аспект: противоположная направленность действий участников (инициация и внедрение противопоставляются сопротивлению и противодействию).

В.Б. Тарабаева выделяет ряд специфических причин возникновения инновационных конфликтов, объединяя их в группы.

Объективные причины инновационных конфликтов заключаются, во-первых, в имманентной дихотомии новаторских и консервативных установок, присущих человеческой природе и социальным системам. Противостояние адептов и оппонентов нововведений представляет собой перманентный феномен, существующий независимо от контекстуальных условий, поскольку, как справедливо отмечено, «дух новаторства и дух консерватизма изначально присущ человеку, социальной группе, человечеству в целом». Во-вторых, объективные причины связаны с системным эффектом масштабных реформ (на уровне общества, отрасли, организации), закономерно продуцирующих множественные межличностные конфликты как непосредственное следствие трансформационных процессов.

Еще одна группа - организационно-управленческие причины. К таким источникам инновационных конфликтов относится дисфункциональность социальных и управленческих механизмов оценки, внедрения и диффузии новшеств. Дж. Тидд и К. Бессант к организационно-управленческим причинам инновационных конфликтов также относят дисфункциональность социальных и управленческих механизмов оценки, внедрения и диффузии новшеств [Тидд, Бессант, 2018].

Эмпирические данные позволяют констатировать, что управление инновационным процессом представляет собой проблемную зону, выступая наиболее слабым элементом в системе инновационного развития организации.

Оптимизация организационных процедур (своевременная идентификация новшеств, объективная экспертиза, регламентированная имплементация) минимизирует конфликтогенность нововведений. Дополнительным фактором снижения конфликтности выступает инновационная восприимчивость руководства и его вовлеченность в инновационные процессы.

Выделяются также внутриинновационные причины: конфликтность, порождаемая нововведением, напрямую зависит от его характеристик и варьируется по масштабу и интенсивности.

Другая группа - личностные причины инновационных конфликтов, обусловлена индивидуально-психологическими особенностями участников процесса. Как установлено в исследовании Ю.И. Мягкова, типичной причиной такого рода служит выраженное негативное отношение значительной части работников (около 50%) к изменениям вообще и к конкретным нововведениям в их деятельности [Мягков, 1994].

Одним из ключевых факторов формирования такого отношения, согласно теории Ж. Ламбена, выступает накопленная за более чем десятилетие усталость персонала от масштабных, радикальных и быстрых перемен. восприятие новизны имеет психологический порог: его преодоление необходимо для возникновения интереса. Интерес обычно растет с увеличением

степени новизны, но лишь до определенного максимума. Дальнейший рост новизны снижает позитивное восприятие, так как субъекту сложнее прогнозировать последствия, что усиливает сомнения. Если же уровень новизны значительно превышает этот максимум, интерес может смениться безразличием, а при экстремальной оригинальности возникает психологическое отторжение [Жан-Жак Ламбен, 1994].

Не менее важным фактором формирования у данной группы устойчивой отрицательной установки на внедрение любых новшеств, по мнению В.Б. Тарабаевой, является значительный негативный опыт, полученный специалистами и руководителями в результате реформ последних десятилетий [Тарабаева, 2010].

Ситуативные причины инновационных конфликтов связаны с уникальным набором обстоятельств, сопровождающих конкретное нововведение. Такая совокупность социально-экономических, материально-технических и иных условий способна выступать катализатором конфликтных ситуаций.

Уникальность конфликтов инновационного развития — их объект (инновации), характерные черты и причины возникновения —выделяет их в отдельную категорию.

Конфликт инновационного развития — это естественное и объективное явление, выполняющее функцию механизма внутренней самонастройки организации. Он возникает в процессе поиска, разработки и замены устаревших, неэффективных моделей деятельности на обновлённые, что направлено на реализацию стратегических задач развития. Такой конфликт следует воспринимать не просто как неизбежное следствие трансформаций, но и как важный ресурс для позитивных изменений, обладающий значительным конструктивным потенциалом. Этот процесс выступает обязательным условием эволюции систем, их способности адаптироваться и обретать новые свойства, а также поддерживает баланс в их функционировании, влияя на ключевые аспекты жизнедеятельности организационных структур.

По классификации Р.Л. Кричевского, сопротивление нововведениям имеет три основные группы причин: экономические, личностные и социально-психологические.

Экономические причины: страх безработицы, сокращения рабочего времени и заработка, снижения статуса и оклада, а также интенсификации труда без адекватной оплаты. Общая основа — боязнь финансовых потерь, формирующая сильную антиинновационную установку.

Личностные причины: восприятие критики как личной обиды; опасения, что текущие навыки обесценятся, задев профессиональную гордость; уверенность, что новшества усилят монотонность и снизят значимость работника; нежелание переучиваться; боязнь повышенного риска и интенсивности труда; страх неопределенности из-за непонимания сути изменений.

Социально-психологические причины: нежелание адаптироваться к изменяющемуся психологическому климату; стремление сохранить сложившиеся социальные связи; опасения снижения удовлетворенности работой в новой социальной среде; неприятие внешнего вмешательства в личную сферу и негативное отношение к инициаторам изменений; недовольство ограниченностью личного участия и незначительностью роли в процессе внедрения; убежденность, что нововведения служат интересам организации, а не работников [Кричевский, 1996].

Как отмечает Н.И. Распопова, корень сопротивления нововведениям часто лежит в недостатках коммуникации и управления. Персонал не принимает изменения, потому что не видит в них необходимости, а руководство не объясняет ее. Решения спускаются сверху вниз без обсуждения, лишая сотрудников возможности высказаться. Это порождает страх перед

увеличением нагрузки и падением доходов, а также усугубляет конфликт восприятия между разными уровнями организации [Распопова, 2025].

Также исследователи выделяют группы факторов, вызывающих конфликты:

- Факторы организации (А.Я. Анцупов, Р. Мертон, Т. Парсонс, А.И. Шипилов);
- Проблемы общения (В. Зигерт, Е.Н. Иванова, Л. Ланг);
- Психологические механизмы (Н.В. Гришина, Ю.Д. Красовский);
- Борьба за ресурсы, статус, власть (А.В. Липницкий, Л. Понди);
- Противоречия в убеждениях/вере (Г.А. Здравомыслов);
- Блокирование фундаментальных потребностей (А. Маслоу, П. Сорокин);
- Экономические противоречия (К. Маркс).

В контексте инновационных конфликтов влияние каждого из перечисленных факторов на их динамику, остроту и длительность носит вариативный характер.

Для определения приоритетности факторов, Н.М. Кобзева [Кобзева, 2010] в своей работе предлагает использование двухуровневой модели, выделяя факторы с прямым эффектом (первопричины конфликтов) и факторы с косвенным эффектом (вторичные влияния).

К прямым причинам инновационных конфликтов автор относит коммуникативный, ресурсный, функциональный и мотивационный факторы.

Коммуникативный фактор конфликтов возникает из-за потери/искажения данных, недостаточной информированности персонала об инновациях, отсутствия обратной связи «снизу - вверх», а также из-за деструктивной информации, поступающей в процессе общения.

Ресурсный фактор конфликтов — это дефицит средств и возможностей для успешного внедрения новшеств. Его частным проявлением выступают властные ограничения - отсутствие у руководителя необходимых полномочий для реализации инноваций.

Функциональный фактор конфликтов является следствием проблемы в связях: между организацией и внешней средой, внутри подразделений/сотрудников, а также дисбаланс формальных и неформальных структур учреждения.

Мотивационный фактор конфликтов связан с низкой мотивацией сотрудников, задействованных во внедрении новшеств в том числе из-за неадекватной системы стимулирования.

Иные факторы, автор относит к косвенным. Хотя они не инициируют конфликты инноваций, но модулируют их проявления (интенсивность, длительность и т.д.).

Косвенные факторы делятся на внешние (среда организации) и внутренние (климат в коллективе, неудовлетворенность трудом/безопасностью, стиль управления, депривация, фантомные конфликты и др.).

Согласно точке зрения А.Г. Здравомыслова, в любой организации можно выделить как минимум три типа конфликтов. Первый возникает по вертикали — между теми, кто управляет, и теми, кем управляют. Второй тип — это адаптационные конфликты, когда новые сотрудники сталкиваются с уже устоявшимися нормами и правилами поведения. Третий тип разворачивается на верхнем уровне управления и связан с выбором стратегии и методов оценки результатов работы [Здравомыслов, 1996].

Как утверждает Н.М. Кобзева, классификацию конфликтов целесообразно построить по следующим критериям:

По статусу участников конфликты делятся на вертикальные (между руководителем и подчиненным), горизонтальные (между коллегами одного уровня) и смешанные (захватывающие разные уровни и направления).

Здесь целесообразно отметить, что для сотрудников муниципальных учреждений появляется еще одна сторона конфликта – потребители государственных и муниципальных услуг, непосредственное общение с которыми является особенностью их деятельности;

По составу сторон выделяются внутриличностные, межличностные, групповые (между малыми группами внутри коллектива), организационные и межгрупповые конфликты между крупными социальными группами (социальные, политические, межкультурные);

В зависимости от зон разногласий инновационные конфликты классифицируются на внутриличностные, межличностные, между личностью и группой и межгрупповые.

По внутреннему содержанию инновационные конфликты подразделяются на рациональные (сфокусированные на решении конкретной проблемы) и эмоциональные (переносящие причины противоречия на личность). Эмоциональные конфликты отличаются низкой управляемостью, так как в них оппоненты теряют фокус на первоначальном объекте спора и переходят на эмоциональный уровень.

На основе анализа зарубежной литературы, А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов выделяют четыре ключевые категории барьеров на пути инноваций: технико-экономические, юридические, организационно-управленческие и социально-психологические.

К последней группе относятся такие факторы, как угроза изменения служебного статуса; риск сокращения должности; необходимость изменений сложившихся стереотипов и привычных методов работы; страх перед неопределенностью; разрушение укоренившихся традиций; опасение санкций в случае неудачи [Анцупов, Шипилов, 1999].

Также авторы разделяют инновационные конфликты на внутриличностные, межличностные и межгрупповые, особенно выделяя категорию межличностных конфликтов.

Суть межличностного инновационного конфликта сводится к противоборству между сторонниками и оппонентами новшества. Причины, лежащие в его основе, объединены авторами в пять групп.

Объективные причины подобных конфликтов коренятся в изначальном противоречии интересов между новаторами и консерваторами. Это противостояние существовало всегда и будет возникать независимо от внешних обстоятельств, поскольку «дух инноваций» и приверженность традициям являются фундаментальными свойствами человеческой природы на уровне личности, социальных групп и общества в целом.

Кроме того, масштабные преобразования в любой сфере - будь то общество, отрасль или отдельная организация - провоцируют множество межличностных конфликтов, которые становятся закономерным следствием таких преобразований.

Организационно-управленческие причины конфликтов кроются в несовершенстве механизмов, обеспечивающих бесконфликтную оценку, внедрение и распространение инноваций на политическом, социальном и управленческом уровнях.

Наличие эффективных процедур для своевременного выявления и объективной оценки новшеств, а также продуманных алгоритмов их реализации позволило бы внедрять многие инициативы без противодействия.

Также, снижению конфликтности способствовали бы открытость руководителей к новому и их непосредственное участие в инновационных процессах.

Причины, связанные с самой инновацией: конфликтный потенциал нововведения зависит от его собственных характеристик. Разные типы новшеств вызывают различную реакцию — как по интенсивности, так и по масштабам противодействия.

Личностные причины: источник противоречий может корениться в индивидуально-

психологических особенностях участников инновационного процесса. Их личные установки, опыт и устойчивость к изменениям напрямую влияют на динамику конфликта.

Ключевой личностный фактор возникновения инновационных конфликтов - это сформировавшаяся у значительной части персонала устойчивая отрицательная установка по отношению к переменам как таковым, и в частности, к изменениям в их профессиональной сфере.

Ситуационные причины инновационных конфликтов обусловлены уникальным сочетанием обстоятельств, в которых реализуется каждое конкретное нововведение. Социально-экономический контекст, материально-техническая база и конкретные социальные условия формируют среду, способную провоцировать конфликтное противодействие инновациям.

Существенной характеристикой инновационных конфликтов выступает их значительное воздействие на эффективность организации. Наиболее выраженное влияние данные процессы оказывают на компании, функционирующие в условиях высокой неопределенности, динамично развивающиеся и занятые реализацией новых продуктов или услуг.

Таким образом, данное теоретическое исследование формирует представление об источнике, и сущности инновационных конфликтов, задавая системную основу для дальнейшего эмпирического изучения и разработки инструментов управления ими в практике государственного и муниципального управления.

Заключение

Несмотря на множественность формулировок, инновация в контексте государственного и муниципального управления может быть определена как целеориентированное новшество (продукт, процесс, услуга, метод), признанное в данной организационной системе и направленное на повышение эффективности удовлетворения общественных потребностей. Ее внедрение носит неизбежно конфликтогенный характер в силу нарушения сложившегося организационного равновесия.

Многомерность феномена инновации позволяет анализировать его по трем основным критериям: уровню новизны (радикальные – улучшающие – псевдоинновации), объекту изменений (технологические – организационно-управленческие – социальные) и масштабу распространения (глобальные – локальные). Для государственного сектора наиболее актуальны организационно-управленческие улучшающие инновации, внедряемые на локальном уровне (города или региона).

Инновационный конфликт является системным свойством процессов изменения в организациях, имеющим сложную, многомерную природу. Он возникает не как случайная дисфункция, а как закономерное и объективное следствие столкновения между устоявшимися организационными структурами, нормами и ценностями (консервативное начало) и внедряемыми новшествами (новаторское начало). Его специфика заключается в синтезе признаков различных типов конфликтов — организационных, социально-трудовых и ценностных, — что не позволяет однозначно отнести его к какой-либо одной традиционной категории и требует изучения через взаимосвязь трех аспектов: аксиологического (столкновение ценностей), когнитивного (различие в восприятии и понимании) и практического (противоположная направленность действий).

Конфликт инновационного развития обладает двойственным потенциалом: являясь источником рисков и напряженности, он одновременно выполняет критически важную

конструктивную функцию механизма организационной саморегуляции и адаптации. С одной стороны, конфликт порождается широким спектром взаимосвязанных причин (институциональные: противоречие между логикой соответствия и логикой результативности; организационные: ригидность структуры, превалирование риска наказания за ошибку над мотивацией использования нововведений, низкий уровень адаптации к организационным изменениям; групповые: угроза сложившейся групповой идентичности и профессиональным статусам; индивидуально-психологические: когнитивные искажения, низкая самоэффективность, эмоциональное выгорание.), что делает его сложным и труднопреодолимым барьером. С другой стороны, именно через этот конфликт организация осуществляет внутреннюю «перенастройку», отказываясь от неэффективных рутин и переходя к новым моделям деятельности. Задача управления заключается не в подавлении конфликтов, а в их признании и направлении в конструктивное русло для раскрытия их позитивного потенциала в качестве движущей силы развития.

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать перспективные направления для последующего эмпирического исследования:

- изучение взаимосвязи сопротивления сотрудников муниципальных учреждений инновационным изменениям с социально-психологическими особенностями их деятельности, приводящей к возникновению инновационных конфликтов.

- создание на основе полученных данных практико-ориентированной модели управления инновационными конфликтами, направленной на активизацию их конструктивного потенциала.

Библиография

1. Амстронг М. (1998). Основы менеджмента. Как стать лучшим руководителем. Ростов-на- Дону: Феникс.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. (1999). Конфликтология. М.: ЮНИТИ.
3. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – М.: ЮНИТИ, 1999. – С. 364.
4. Бычин В.Б. Персонал в управлении радикальными нововведениями в организации: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва,1999.
5. Жан-Жак Ламбен. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива / пер.с фр. – СПб.: Наука, 1996. – 589 с.
6. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. (2007). Отношение к инновациям и экономическим рискам: влияние ситуативных и личностных факторов. *Психологический журнал*, 28(3), 35–48.
7. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Уч. пособие для вузов. — 3-є изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 208.
8. Кобзева Н.М. Управление внутрифирменными отношениями в условиях инновационных конфликтов: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Белгород, 2003.
9. Кричевский РЛ. Если Вы - руководитель ... Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. - М., 1996. С. 122-123.
10. Лапин В.Н. (1981). Социальные аспекты управления нововведениями. Сб.: Проблемы управленческих нововведений и хозрасчетного экспериментирования. Всесоюзная научно-техническая конференция. Таллин.
11. Мягков Ю.И. Межличностные инновационные конфликты во взаимоотношениях офицеров и психологические условия их конструктивного разрешения: дис. … канд. психол. наук. – 1994. – 227 с.
12. Новейший философский словарь / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов (2001). — 2-е изд., переработанное и дополненное. — Минск. Интерпрессервис, Книжный Дом.
13. Павленок П. Д. (2011) Краткий словарь по социологии / П.Д. Павленок. — 2-е изд.. — М. Инфра-М. (Библиотека малых словарей "ИНФРА-М"). ISBN 978-5-16-004999-1.
14. Распопова Н. И. Организационная конфликтология: учебник для вузов / Н. И. Распопова. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 228 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19683-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 1 — URL: https://urait.ru/bcode/580836/p.1
15. Санто Б. (1990). Инновации как средство экономического развития. Пер. с венг. - М: Прогресс.
16. Степаненко Д. М. (2004). Классификация инноваций и ее стандартизация. Инновации: журнал об инновационной деятельности: наука, производство, рынок СПб. № 7 (74), 77-79
17. Тарабаева В.Б. Инновационный конфликт в организации: методы управления: учебное пособие. Белгород. 2010.

18. Тидд Джо, Бессант Джон. Управление инновациями: интеграция технологических, рыночных и организационных изменений. 6-е изд. — John Wiley & Sons, Inc., 2018. — 608 с. — ISBN: 978-1-119441-09-9.
19. Экономика инноваций (2025) Учебник / Под ред. Иващенко Н.П. — М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. ISBN 978-5-907690-72-1
20. Bridges W. (1991). Managing transitions: making the must of change. – P.W. Reading, MA: Wesley Publishing Company.
21. Drucker, P. F. (1985). Innovation and Entrepreneurship. Harper & Row.
22. Hartmann B.D., Houstein H.D. (1979). Leitung industrieller Forshung und Entwicklund. Berlin.
23. Kuznets S. Growth (1979). Population and Income Distribution: Selected Essays. Norton, New York
24. Rogers, E. M. (1962). Diffusion of Innovations. Free Press.
25. Schumpeter, J. A. (1934). The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle. Harvard University Press.
26. Shalini Srivastava, Swati Agrawal; Resistance to change and turnover intention: a moderated mediation model of burnout and perceived organizational support. Journal of Organizational Change Management 7 December 2020; 33 (7): 1431–1447. https://doi.org/10.1108/JOCM-02-2020-0063

Innovation Conflict Among Specialists in Municipal Institutions as an Object of Psychological Research

Oksana I. Mironova

Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Professor, Department of Psychology and Human Capital Development,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49/2, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Dmitrii A. Yakovlev

Postgraduate Student,
Faculty of Psychology,
State University of Education,
105005, 10a/2, Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dyakovlev2005@yandex.ru

Abstract

The article examines the theoretical aspects of the emergence of innovation conflicts among specialists in municipal institutions. The current stage of societal development forms renewed conditions for social and professional interaction, both for individuals and various societal groups. The continuous development and improvement of the system of state and municipal governance presuppose the introduction of innovative mechanisms into the professional activities of municipal institution specialists. Organizations are facing an increasingly rapidly changing operational environment as the world constantly evolves and becomes more complex. Digitalization, social changes, and growing globalization are factors driving the innovative development of institutions. Despite the obvious necessity of such changes, their emergence often provokes resistance from employees. The introduction of innovations almost inevitably triggers polarization within the

collective, giving rise to conflict between their supporters and opponents. The basis of this confrontation lies in opposing visions of the consequences: the former expect changes to lead to personal and organizational progress, while the latter predict a deterioration of the situation. This conflict directly impacts the organization's operational efficiency, making it significant. These processes are particularly acute in dynamic sectors characterized by high uncertainty and the necessity to create new services—to which state and municipal institutions undoubtedly belong. At the same time, resistance increases proportionally to the scale of innovation implementation. This research analyzes the works of authors studying organizational innovations that lead to the emergence of innovation development conflicts.

For citation

Mironova O.I., Yakovlev D.A. (2025) Innovatsionnyy konflikt u spetsialistov munitsipal'nykh uchrezhdeniy kak ob"yekt psikhologicheskikh issledovaniy [Innovation Conflict Among Specialists in Municipal Institutions as an Object of Psychological Research]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 186-201. DOI: 10.34670/AR.2025.45.40.001

Keywords

Social psychology, municipal institutions, civil service, innovations, resistance to innovation, innovation development conflicts.

References

1. Amstrong M. (1998). Osnovy menedzhmenta. Kak stat luchshim rukovoditelem. Rostov-na-Donu: Feniks.
2. Ancupov A.YA., Shipilov A.I. Konfliktologiya. – M.: YUNITI, 1999. – S. 364.
3. Antsupov A.Ya.. Shipilov A.I. (1999). Konfliktologiya. M.: YuNITI.
4. Bridges W. (1991). Managing transitions: making the must of change. – P.W. Reading, MA: Wesley Publishing Company.
5. Bychin V.B. Personal v upravlenii radikal'nymi novovvedeniyami v organizacii: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora ehkonomicheskikh nauk. Moskva,1999.
6. Drucker, P. F. (1985). Innovation and Entrepreneurship. Harper & Row.
7. Ekonomika innovatsiy (2025) Uchebnik / Pod red. Ivashchenko N.P. — M.: Ekonomicheskiy fakultet MGU imeni M.V. Lomonosova. ISBN 978-5-907690-72-1
8. Hartmann B.D., Houstein H.D. (1979). Leitung industrieller Forshung und Entwicklund. Berlin.
9. Kobzeva N.M. Upravlenie vnutrifirmenny`mi otnosheniyami v usloviyax innovacionny`x konfliktov: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskix nauk. Belgorod, 2003.
10. Krichevskij RL. Esli Vy - rukovoditel' ... Ehlementy psikhologii menedzhmenta v povsednevnoj rabote. - M., 1996. S. 122-123.
11. Kuznets S. Growth (1979). Population and Income Distribution: Selected Essays. Norton, New York
12. Lapin B.H. (1981). Sotsialnyye aspekty upravleniya novovvedeniyami. Sb.: Problemy upravlencheskikh novovvedeniy i khozraschetnogo eksperimentirovaniya. Vsesoyuznaya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya. Tallin.
13. Myagkov YU.I. Mezhlichnostnye innovacionnye konflikty vo vzaimootnosheniyakh oficerov i psikhologicheskie usloviya ikh konstruktivnogo razresheniya: dis. … kand. psikhol. nauk. – 1994. – 227 s.
14. Noveyshiy filosofskiy slovar / Sost. i gl. nauch. red. A.A. Gritsanov (2001). — 2-e izd.. pererabotannoye i dopolnennoye. — Minsk. Interpresservis. Knizhnyy Dom.
15. Pavlenok P. D. (2011) Kratkiy slovar po sotsiologii / P.D. Pavlenok. — 2-e izd.. — M. Infra-M. (Biblioteka malykh slovarey "INFRA-M"). ISBN 978-5-16-004999-1.
16. Raspopova N. I. Organizacionnaya konfliktologiya: uchebnik dlya vuzov / N. I. Raspopova. — Moskva : Izdatel`stvo Yurajt, 2025. — 228 s. — (Vy`sshee obrazovanie). — ISBN 978-5-534-19683-2. — Tekst : e`lektronny`j // Obrazovatel`naya platforma Yurajt [sajt]. s. 1 — URL: https://urait.ru/bcode/580836/p.1
17. Rogers, E. M. (1962). Diffusion of Innovations. Free Press.
18. Santo B. (1990). Innovatsii kak sredstvo ekonomicheskogo razvitiya. Per. s veng. - M: Progress.

19. Schumpeter, J. A. (1934). The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle. Harvard University Press.
20. Shalini Srivastava, Swati Agrawal; Resistance to change and turnover intention: a moderated mediation model of burnout and perceived organizational support. *Journal of Organizational Change Management* 7 December 2020; 33 (7): 1431–1447. https://doi.org/10.1108/JOCM-02-2020-0063
21. Stepanenko D. M. (2004). Klassifikatsiya innovatsiy i eye standartizatsiya. Innovatsii: zhurnal ob innovatsionnoy deyatelnosti: nauka. proizvodstvo. rynok SPb. № 7 (74). 77-79
22. Tarabaeva V.B. Innovacionnyj konflikt v organizacii: metody upravleniya: uchebnoe posobie. Belgorod. 2010.
23. Tidd Dzho, Bessant Dzhon. Upravlenie innovaciyami: integraciya tekhnologicheskikh, rynochnykh i organizacionnykh izmenenij. 6-e izd. — John Wiley & Sons, Inc., 2018. — 608 s. — ISBN: 978-1-119441-09-9.
24. Zdravomyslov A.G. Sociologiya konflikta: Uch. posobie dlya VUZov. — 3-є izd., pererab. i dop. — M.: Aspekt Press, 1996. — S. 208.
25. Zhan-Zhak Lamben. Strategicheskij marketing. Evropejskaya perspektiva / per.s fr. – SPb.: Nauka, 1996. – 589 s.
26. Zhuravlev A. L., Kuprejchenko A. B. (2007). Otnoshenie k innovaciyam i e`konomicheskim riskam: vliyanie situativny`x i lichnostny`x faktorov. Psixologicheskij zhurnal, 28(3), 35–48.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.923.5:373.21 **DOI:10.34670/AR.2026.19.31.014**

Сравнительное изучение развития когнитивных регуляторных функций у старших дошкольников в различных педагогических средах: теоретический и методический аспекты

Дон Екатерина Сергеевна

Магистрант,
Гуманитарно-педагогический институт,
Тольяттинский государственный университет,
445020, Российская Федерация, Тольятти, ул. Белорусская, 14;
e-mail: donekaterina@gmail.com

Аннотация

В статье представлено теоретико-методическое обоснование магистерского исследования, посвященного сравнительному анализу уровня сформированности когнитивных регуляторных функций (исполнительных/ управляющих функций) у детей старшего дошкольного возраста в двух педагогических системах: традиционного дошкольного образования и педагогики М. Монтессори. Актуальность работы обусловлена ключевой ролью произвольной регуляции в успешности школьного обучения и необходимостью научной оценки влияния образовательной среды на ее развитие. Теоретической основой выступают положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и нейропсихологии А.Р. Лурии о социальной обусловленности развития высших психических функций. В качестве основного диагностического инструмента планируется использование авторской экспресс-методики покомпонентного дифференцированного анализа уровня сформированности функций произвольной регуляции деятельности О.А. Семеновой. Формулируется гипотеза о наличии статистически значимых различий в пользу детей из Монтессори-среды. Обсуждается практическая значимость планируемого исследования для оптимизации педагогического процесса, поддержки родительского выбора и разработки программ развития в контексте объявленного в Российской Федерации 2026 года Годом дошкольного образования.

Для цитирования в научных исследованиях

Дон Е.С. Сравнительное изучение развития когнитивных регуляторных функций у старших дошкольников в различных педагогических средах: теоретический и методический аспекты // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 202-208. DOI:10.34670/AR.2026.19.31.014

Ключевые слова

Когнитивные регуляторные функции, дошкольный возраст, методика О.А. Семеновой, педагогика Монтессори, традиционное образование, сравнительное исследование, методология.

Введение

Формирование когнитивных регуляторных функций (КРФ) – сложного комплекса процессов программирования, контроля и регуляции поведения – признается центральной задачей развития в дошкольном возрасте и ключевым предиктором академической успеваемости. Согласно культурно-исторической теории Л.С. Выготского, социальный контекст, и в частности, организованная образовательная среда, является ведущим фактором становления высших психических функций [Выготский, 1999]. В современной России сосуществуют различные модели дошкольного образования, создающие качественно разные социальные ситуации развития.

Традиционная система, основанная на программно-целевом подходе с доминирующей ролью педагога, и система М. Монтессори, ориентированная на автономию ребенка и свободную работу в специально подготовленной среде, представляют собой два полюса в организации педагогического взаимодействия [Монтессори, 2000]. Несмотря на активное внедрение альтернативных методик, эмпирических исследований, объективно сравнивающих их вклад в нейрокогнитивное развитие, в частности, в развитие базовых компонентов произвольной регуляции, недостаточно.

Целью данной работы является теоретическое и методическое обоснование сравнительного исследования уровня развития КРФ у детей 5 лет в условиях традиционного детского сада и группы, работающей по методу М. Монтессори, с применением специализированного нейропсихологического инструментария.

Гипотеза исследования: предполагается, что у детей, посещающих группу Монтессори, показатели по методике покомпонентного анализа функций произвольной регуляции будут статистически значимо выше, чем у их сверстников из традиционной группы. Основанием для гипотезы служит сама логика Монтессори-среды, которая через принципы свободного выбора, самостоятельной работы с автодидактическими материалами и длительные циклы концентрации создает естественные условия для тренировки навыков планирования, самоконтроля и волевой регуляции.

Теоретические основания и актуальность исследования

Концептуальной основой планируемого исследования служит нейропсихологический подход А.Р. Лурии, в рамках которого произвольная регуляция деятельности рассматривается как функция третьего блока мозга – блока программирования, регуляции и контроля [Монтессори, 2000]. Дошкольный возраст является сензитивным периодом для развития этого блока, что делает изучение факторов, оптимизирующих данный процесс, особенно значимым.

Практическая актуальность работы многогранна. Во-первых, она отвечает на запрос со стороны педагогов и администрации ДОУ о доказательной базе эффективности различных педагогических подходов. Во-вторых, результаты могут стать основой для разработки адресных программ нейропсихологического сопровождения и развития произвольности у детей. В-третьих, исследование предоставляет объективные критерии для информированного выбора образовательной траектории родителями. Особую значимость эта работа приобретает в свете объявленного в Российской Федерации 2026 года Годом дошкольного образования, что актуализирует необходимость научного анализа и совершенствования всех аспектов системы дошкольного воспитания и обучения.

Методология планируемого исследования

Выборка и организация. В исследовании примут участие 40 детей в возрасте 5 лет, разделенные на две группы:

1) Экспериментальная группа (Монтессори): 20 детей, посещающие лицензированные группы с классической подготовленной средой и сертифицированными педагогами.
2) Контрольная группа (Традиционная): 20 детей из муниципальных детских садов общеразвивающей направленности.
3) Критерии отбора: нормативное развитие, отсутствие неврологических диагнозов. Группы будут уравнены по полу и возрасту.

Диагностический инструмент. Основным методом оценки выбран авторский метод О.А. Семеновой – экспресс-методика покомпонентного дифференцированного анализа уровня сформированности управляющих (регуляторных) функций у детей старшего дошкольного возраста [Семенова, 2005; Семенова, 2023]. Согласно автору, управляющие функции понимаются как комплекс психических процессов, обеспечивающих целенаправленную, произвольно регулируемую и контролируемую деятельность, мозговой основой которых является фронто-таламическая регуляторная система [Семенова, 2005; Мачинская, 2006].

Ключевые преимущества и структура методики:

1) Экспресс-характер и практическая ориентированность: Методика проста в использовании, ориентирована на специалистов дошкольных учреждений (педагогов-психологов) и занимает не более 15 минут, что минимизирует нагрузку на ребенка и позволяет применять ее в условиях ДОУ [Семенова, 2023].
2) Комплексность и компонентный анализ: Методика позволяет оценить семь ключевых компонентов управляющих функций [Семенова, 2023]:

– Возможности усвоения инструкций и алгоритмов деятельности.
– Возможности создания стратегии собственной деятельности.
– Возможности преодоления непосредственных (импульсивных) реакций.
– Возможности своевременного прекращения начавшегося действия.
– Возможности переключения с одного способа действий на другой.
– Устойчивость усвоенной программы под воздействием побочных влияний.
– Возможности контроля за протеканием собственной деятельности.

3) Надежный диагностический комплекс: Оценка компонентов осуществляется с помощью пяти стандартизированных нейропсихологических тестов, адаптированных для дошкольного возраста [Семенова, 2005; Семенова, 2023; Безруких и др., 2007]:

– «Реакция выбора» (конфликтный вариант).
– «Исследование динамического праксиса».
– «Копирование сложной фигуры Тейлора».
– «Графическая проба».
– «Пересказ рассказа».

4) Наличие нормативных данных и интерпретационного аппарата: Методика предполагает количественную оценку с учетом возрастных норм и качественный анализ особенностей выполнения, что позволяет построить индивидуальный профиль выраженности компонентов УФ [Семенова, 2005; Семенова, 2023]. Она валидирована на выборке типично развивающихся детей и детей группы риска учебной дезадаптации [Семенова, 2023; Семенова, Мачинская, 2012].

В рамках планируемого исследования данная методика позволит не только констатировать общий уровень развития КРФ, но и провести тонкий сравнительный анализ сильных и слабых сторон в структуре регуляторных функций у дошкольников из разных педагогических сред.

Процедура и анализ данных

Диагностика будет проводиться индивидуально в стандартных условиях. Для обработки результатов планируется применение методов описательной статистики и непараметрических критериев (U-критерий Манна-Уитни) для сравнения двух независимых выборок по общему баллу и показателям отдельных компонентов. Уровень значимости будет установлен на $p \leq 0.05$. Помимо статистического анализа, будет проведен качественный (нейропсихологический) анализ специфических ошибок и стратегий выполнения заданий в каждой группе для содержательной интерпретации результатов.

Ожидаемые результаты и их практическая значимость

Ожидается, что эмпирическая часть исследования подтвердит выдвинутую гипотезу. Можно прогнозировать, что дошкольники из среды Монтессори продемонстрируют более высокий общий уровень сформированности произвольной регуляции, а также лучшие результаты по отдельным компонентам, особенно связанным с самостоятельным программированием деятельности, самоконтролем и устойчивостью программы к интерференции.

Практическая значимость работы заключается в следующем:

– Для системы дошкольного образования: Результаты могут быть использованы для проектирования развивающей среды и образовательных программ, обогащающих традиционную практику элементами, стимулирующими самостоятельность и саморегуляцию. Экспресс-методика О.А. Семеновой, доказавшая свою эффективность как инструмент выявления рисков дезадаптации [Семенова, 2023; Семенова, Мачинская, 2012], может быть рекомендована к внедрению в систему мониторинга развития КРФ в ДОУ для своевременной организации коррекционно-развивающей работы.

– Для родителей: Исследование предоставит научно обоснованные данные для осознанного выбора типа дошкольного учреждения, исходя из индивидуальных особенностей и приоритетов в развитии ребенка. Родители получат понимание того, какие конкретные аспекты произвольной регуляции (например, планирование, контроль импульсов) могут целенаправленно поддерживаться в каждой из сред.

– В контексте Года дошкольного образования (2026): Работа вносит вклад в реализацию его ключевых задач, направленных на повышение качества, вариативности и доказательной обоснованности дошкольного образования. Исследование соответствует духу поиска эффективных, научно апробированных педагогических технологий и диагностических инструментов, обеспечивающих не только присмотр и уход, но и полноценное развитие личностного и когнитивного потенциала ребенка, его готовности к школе.

Заключение

Представленное теоретико-методическое обоснование магистерского исследования направлено на устранение дефицита в сравнительных оценках влияния педагогических сред на

нейрокогнитивное развитие. Использование адекватного возрасту, теоретически обоснованного и практико-ориентированного диагностического инструмента – экспресс-методики О.А. Семеновой – позволит получить релевантные данные о специфике развития компонентов произвольной регуляции у дошкольников.

Проведение данного исследования представляется своевременным и социально востребованным. Его результаты будут способствовать переходу от субъективных оценок к доказательному анализу эффективности педагогических моделей, что является необходимым условием для развития современного, ориентированного на ребенка дошкольного образования в России. Данная работа призвана стать звеном, связывающим фундаментальные положения отечественной психологии с актуальными запросами педагогической практики в значимый для отрасли период.

Библиография

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Диагностика развития зрительно-вербальных функций. М.: Академия, 2003. 64 с.
2. Безруких М.М., Логинова Е.С., Мачинская Р.И., Семенова О.А., Филиппова Т.А. Комплексная методика диагностики познавательного развития детей предшкольного возраста и первоклассников: методическое пособие. М., 2007. 122 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
4. Глозман Ж.М. Нейропсихология детского возраста. М.: Академия, 2009. 272 с.
5. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2006. 384 с.
6. Мачинская Р.И. Функциональное созревание мозга и формирование нейрофизиологических механизмов избирательного произвольного внимания у детей младшего школьного возраста // Физиология человека. 2006. Т.32, №1. С. 26-36.
7. Монтессори М. Помоги мне сделать это самому. М.: Карапуз, 2000. 272 с.
8. Семенова О.А. Комплексная методика оценки развития регуляторных функций у детей дошкольного и младшего школьного возраста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. №3. С. 58-66.
9. Семенова О.А. Экспресс-методика оценки управляющих функций у детей старшего дошкольного возраста // Актуальные проблемы психологической науки: теория и практика. 2023. №1. С. 102-104.
10. Семенова О.А., Мачинская Р.И. Нейропсихологический и нейрофизиологический анализ возрастных преобразований познавательных функций и рисков учебной дезадаптации в предшкольном возрасте // Альманах «Новые исследования». 2012. №1. С. 45-74.
11. Diamond A. Executive functions // Annual Review of Psychology. 2013. Vol. 64. P. 135–168.
12. Lillard A.S. Preschool children's development in classic Montessori, supplemented Montessori, and conventional programs // Journal of School Psychology. 2012. Vol. 50(3). P. 379–401.

Comparative Study of the Development of Cognitive Regulatory Functions in Senior Preschool Children in Different Pedagogical Environments: Theoretical and Methodological Aspects

Ekaterina S. Don

Master's Student,
Humanitarian and Pedagogical Institute,
Togliatti State University,
445020, 14, Belorusskaya str., Tolyatti, Russian Federation;
e-mail: donekaterina@gmail.com

Abstract

The article presents the theoretical and methodological justification for a master's research study devoted to a comparative analysis of the level of formation of cognitive regulatory functions (executive/functions) in senior preschool children within two pedagogical systems: traditional preschool education and Montessori pedagogy. The relevance of the work is due to the key role of voluntary regulation in successful schooling and the need for scientific evaluation of the influence of the educational environment on its development. The theoretical foundation consists of the principles of L.S. Vygotsky's cultural-historical psychology and A.R. Luria's neuropsychology regarding the social conditioning of the development of higher mental functions. As the main diagnostic tool, the use of O.A. Semenova's author's express-methodology for the componential, differentiated analysis of the level of formation of functions for the voluntary regulation of activity is planned. A hypothesis is formulated about the presence of statistically significant differences in favor of children from the Montessori environment. The practical significance of the planned research is discussed for optimizing the pedagogical process, supporting parental choice, and developing programs in the context of the declared Year of Preschool Education in the Russian Federation in 2026.

For citation

Don E.S. (2025) Sravnitel'noye izucheniye razvitiya kognitivnykh regulyatornykh funktsiy u starshikh doshkol'nikov v razlichnykh pedagogicheskikh sredakh: teoreticheskiy i metodicheskiy aspekty [Comparative Study of the Development of Cognitive Regulatory Functions in Senior Preschool Children in Different Pedagogical Environments: Theoretical and Methodological Aspects]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 202-208. DOI:10.34670/AR.2026.19.31.014

Keywords

Cognitive regulatory functions, preschool age, O.A. Semenova's methodology, Montessori pedagogy, traditional education, comparative study, methodology.

References

1. Akhutina, T. V., & Pylaeva, N. M. (2003). *Diagnostika razvitiya zritelno-verbalnykh funktsii* [Diagnostics of the development of visual-verbal functions]. Akademiya.
2. Bezrukikh, M. M., Loginova, E. S., Machinskaia, R. I., Semenova, O. A., & Filippova, T. A. (2007). *Kompleksnaia metodika diagnostiki poznavatel'nogo razvitiia detei predshkol'nogo vozrasta i pervoklassnikov: metodicheskoe posobie* [Comprehensive diagnostic method for cognitive development in pre-school and first-grade children: A methodological guide].
3. Diamond, A. (2013). Executive functions. *Annual Review of Psychology, 64*, 135–168.
4. Glozman, Zh. M. (2009). *Neiropsikhologiia detskogo vozrasta* [Childhood neuropsychology]. Akademiya.
5. Lillard, A. S. (2012). Preschool children's development in classic Montessori, supplemented Montessori, and conventional programs. *Journal of School Psychology, 50*(3), 379–401.
6. Luriia, A. R. (2006). *Osnovy neiropsikhologii* [Fundamentals of neuropsychology]. Akademiya.
7. Machinskaia, R. I. (2006). Funktsional'noe sozrevanie mozga i formirovanie neirofiziologicheskikh mekhanizmov izbiratel'nogo proizvol'nogo vnimaniia u detei mladshego shkol'nogo vozrasta [Functional maturation of the brain and formation of neurophysiological mechanisms of selective voluntary attention in primary school children]. *Fiziologiia cheloveka, 32*(1), 26–36.
8. Montessori, M. (2000). *Pomogi mne sdelat' eto samomu* [Help me do it myself]. Karapuz.
9. Semenova, O. A. (2005). Kompleksnaia metodika otsenki razvitiia reguliatornykh funktsii u detei doshkol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta [Comprehensive method for assessing the development of executive functions in

preschool and primary school children]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14. Psikhologiia, 3*, 58–66.
10. Semenova, O. A. (2023). Ekspress-metodika otsenki upravliaiushchikh funktsii u detei starshego doshkol'nogo vozrasta [Express method for assessing executive functions in senior preschool children]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskoi nauki: teoriia i praktika, 1*, 102–104.
11. Semenova, O. A., & Machinskaia, R. I. (2012). Neiropsikhologicheskii i neirofiziologicheskii analiz vozrastnykh preobrazovanii poznavatel'nykh funktsii i riskov uchebnoi dezadaptatsii v predshkol'nom vozraste [Neuropsychological and neurophysiological analysis of age-related transformations of cognitive functions and risks of school maladjustment in pre-school age]. *Al'manakh "Novye issledovaniia", 1*, 45–74.
12. Vygotskii, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'* [Thought and speech]. Labirint.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.955:165.62 **DOI: 10.34670/AR.2026.83.41.015**

D-O-S-N: гипотеза универсального когнитивного механизма ориентации

Голушко Роман Игоревич

Независимый исследователь,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: roman27reg@gmail.com

Аннотация

Ориентация — фундаментальная функция живых систем: организм должен понимать, кто он, где он, как действовать и зачем. Современная когнитивная наука подробно описала пространственную навигацию (гиппокампальные «карты»), но не объяснила, как аналогичные механизмы поддерживают ориентацию человека в социальных и экзистенциальных задачах. Мы предлагаем гипотезу D–O–S–N — универсального механизма жизненной ориентации, включающего четыре функции: Diagnosis (D: «кто я и в каком состоянии»), Orientation (O: «где я относительно других и мира»), Strategy (S: «как действовать») и Normativity (N: «на каких основаниях действовать и что считать оправданным»). Предполагаемая нейронная архитектура — распределённый контур hippocampal–prefrontal–basal–orbitofrontal loop, объединяющий память, контекст, планирование и ценностную интеграцию. Модель формулирует фальсифицируемые предсказания: изоморфию паттернов связности при пространственной и «жизненной» навигации; специфические профили дезориентации при сбоях D/O/S/N; воспроизводимые сигнатуры на поведенческом, субъективном и нейронном уровнях. Мы описываем операционализацию каждой функции и два мини-протокола (поведенческий и fMRI), обеспечивающих проверяемость модели. Гипотеза D–O–S–N предлагает операциональный мост между нейронаукой, философской антропологией и психологией адаптации, переводя категорию ориентации из области смысла в область измеримого когнитивного механизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Голушко Р. И. D-O-S-N:гипотеза универсального когнитивного механизма ориентации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 209-223. DOI: 10.34670/AR.2026.83.41.015

Ключевые слова

Ориентация, когнитивные карты, гиппокамп, префронтальная кора, принятие решений, идентичность, стратегия, ценности, DOSN, кризис, когнитивная наука, методология исследования.

Введение

Любая живая система должна уметь определять, где она находится, что с ней происходит и как ей действовать. У животных это выражается в способности к пространственной навигации — поддержанию внутренней карты среды, поиску ресурсов и возвращению в безопасное место. У человека навигация становится многомерной — в пространстве, ролях, нормах и смыслах. С 1940-х годов [Tolman, 1948] до открытий клеток места и решётки [O'Keefe, Nadel, 1978] мозг рассматривается как система навигации, однако остаётся неясно, как она поддерживает направление и целостность “я” в жизненных решениях.

Позднее было показано, что навигационные сети участвуют не только в пространственных, но и в социальных, концептуальных и временных задачах [Constantinescu et al., 2016; Tavares et al., 2015; Bellmund et al., 2018]. При этом остаётся пробел — неясно, как мозг удерживает направление в жизни, а не только в пространстве [Behrens et al., 2018].

Эта лакуна особенно заметна в ситуациях кризисов и дезориентации — при смене профессии, утрате ролей, моральных конфликтах или экзистенциальных сомнениях. Известны зоны, отвечающие за пространство, социальные отношения и оценку ценности [Friston, 2010; Bartra et al., 2013], но не ясно, как они объединяются в единую систему, поддерживающую чувство направления.

Новизна и цель исследования. В настоящей работе предлагается новая интегративная гипотеза — D–O–S–N, описывающая ориентацию как универсальный когнитивный механизм, действующий во всех сферах — пространственной, социальной и экзистенциальной [Behrens et al., 2018; Bellmund et al., 2018]. Мы предполагаем, что мозг постоянно решает четыре фундаментальные задачи ориентации:

Таблица 1 – Сопоставление функций D-O-S-N с когнитивными ролями и нейронными узлами

Функция	Вопрос	Когнитивная роль
D — Diagnosis	Кто я и в каком состоянии нахожусь?	Самоопределение и контекстная идентификация
O — Orientation	Где я относительно других и мира?	Пространственная и социальная локализация
S — Strategy	Как действовать?	Планирование и выбор траектории
N — Normativity	Зачем действовать и какие цели оправданы?	Ценностная интеграция и целеполагание

Совокупность этих четырёх функций образует структуру ориентации, обеспечивающую связность поведения и направленность существования (Euston et al., 2012). В ситуациях кризиса она обычно разворачивается в цикле D→O→S→N — от самоопределения к действию и оценке, однако порядок активации может меняться в зависимости от задачи [Spellman et al., 2015].

Цель статьи — ввести и обосновать гипотезу D–O–S–N как универсальный когнитивный механизм ориентации, показать её нейронную реализуемость и возможные пути эмпирической проверки.

Теоретическая основа

Идея когнитивных карт, восходит к работам Э. Толмана [Tolman, 1948]: крысы ориентируются не по цепочкам стимул–реакция, а по внутреннему представлению пути и

целей — «когнитивной карте». Нейронный субстрат этой идеи был найден позже: Дж. О'Киф и Л. Надель [O'Keefe, Nadel, 1978] связали навигацию с гиппокампом, где обнаружились «клетки места». Спустя десятилетия М.-Б. и Э. Мозер описали «клетки решётки» в энторинальной коре — нейроны, кодирующие координаты в виде регулярной сетки, что придало карте метрическую основу [Moser et al., 2014]. Вкупе с «клетками направления головы» и «пограничными клетками» это сформировало классическую модель гиппокампо-энторинальной системы как внутреннего навигатора [O'Keefe & Nadel, 1978; Moser et al., 2014].

В 2010-е годы картина стала шире: та же архитектура используется не только для передвижения по комнате или городу. Серия работ показала «грид-подобное» кодирование в задачах, где перемещаются не тела, а понятия: например, при изучении абстрактных параметров объектов [Constantinescu et al., 2016] в медиальной энторинальной и префронтальной коре возникал «грид-подобный» сигнал, как при движении в физическом пространстве. Обзоры Bellmund и соавт. [Bellmund et al., 2018]собрали накопленные данные: гиппокамп и связанные с ним сети участвуют в «социальной навигации» (позиционировании себя относительно статусов и ролей), во «временной навигации» (сегментации событий) и в «концептуальной навигации» (перемещении между признаками и категориями) [Tavares et al., 2015; Bellmund et al., 2018; Behrens et al., 2018; Frith & Frith, 2007; Saxe et al., 2006]. Мозг способен представлять знания в виде графовых и топологических структур, объединяющих пространственные и концептуальные домены [Peer et al., 2021].

Механизмы «предигрывания» и «переигрывания» в гиппокампе и предсказательные карты (successor representation) связывают память о маршрутах с планированием [Euston et al., 2012; Stachenfeld et al., 2017].

Однако при всем этом остаётся пробел. Мы знаем набор доменов (пространственный, социальный, концептуальный) и вовлечённые зоны (гиппокамп, префронтальная кора, базальные ганглии, орбитофронтальная кора), но у нас нет модели, которая описывала бы структуру ориентации как совокупность необходимых вычислительных шагов, обеспечивающих переход от восприятия сцены к направленному действию. Существующие рамки — предиктивное кодирование [Friston, 2010], теории ценности [Bartra et al., 2013], модели исполнительных функций [Badre & Nee, 2018] — объясняют частные процессы, но не дают полного набора операций, через которые формируется курс действия.

Существующие рамки — мотивационные, экзистенциальные, архетипические и нейрокогнитивные — описывают содержание или общие принципы, но не минимальный набор операций, обеспечивающих ориентацию [Maslow, 1943; Frankl, 1946; Jung, 1959; Friston, 2010].

D–O–S–N заполняет эту лакуну, предлагая четыре функции, которые согласуют идентификацию, позиционирование, действие и оценку.

Гипотеза дополняет существующие теории на функционально-операциональном уровне, описывая распределённый контур «гиппокамп – префронтальная кора – базальные ганглии – орбитофронтальная кора». В отличие от рамок, задающих домены или принципы оптимизации, D–O–S–N определяет минимальную последовательность вычислений, без которой ориентация распадается, что делает её проверяемой по поведенческим, самоотчётным и нейронным индексам.

Сопоставление с альтернативными моделями

Чтобы обозначить место гипотезы D–O–S–N, её можно сопоставить с четырьмя типами моделей — мотивационными (Маслоу), экзистенциальными (Франкл), символическими (Юнг) и когнитивно-навигационными (Толман, О'Киф, Мозер). D–O–S–N не повторяет ни одну из них,

а действует на уровне функциональных операций — описывает не содержание, а структуру ориентации [Maslow, 1943; Frankl, 1946; Jung, 1959; Behrens et al., 2018].

Таблица 2 – Сопоставление гипотезы D-O-S-N с альтернативными моделями

Подход	Предмет объяснения	Единица анализа	Тип организации	Проверяемость / метод
Маслоу (1943)	Мотивация: иерархия потребностей от физиологии до самоактуализации	Уровни (иерархия)	Линейная, статическая	Психологические опросы, описательные данные
Франкл (1946)	Смысл и воля к смыслу как источник жизненной ориентации	Экзистенциальные состояния	Феноменологическая	Нарративный, терапевтический анализ
Юнг (1916–1959)	Архетипические структуры психики и символическое самоопределение	Символы, типы, образы	Динамическая, символическая	Интерпретация, клинические наблюдения
Когнитивные карты (Tolman; O'Keefe; Moser)	Навигация в физическом/концептуальном пространстве	Пространственные репрезентации	Сетевая, нейронная	Эксперименты, fMRI, нейрофизиология
D–O–S–N (настоящая гипотеза)	Универсальный механизм ориентации — от физического к экзистенциальному	Четыре взаимосвязанные функции (D/O/S/N)	Циркулярная, функциональная	Поведенческие, самоотчётные, нейронные индексы; фальсифицируемые предсказания

В отличие от других, D–O–S–N задаёт не мотивацию и смыслы, а операциональный каркас ориентации, что делает её проверяемой нейронаучно и поведенчески.

Гипотеза D-O-S-N

Основное предположение

Мы исходим из простой, но проверяемой идеи: человеческий мозг непрерывно решает четыре базовые задачи ориентации, без которых невозможны ни осмысленное поведение, ни устойчивое чувство «я». Эти задачи одинаково проявляются в разных «пространствах» — в реальной навигации по местности, в социальной координации с другими людьми и в экзистенциальных решениях, где на кону цели и смыслы. Мы обозначаем их как D–O–S–N и рассматриваем как архитектурный принцип когнитивной системы — механизм удержания направления жизни [Behrens et al., 2018; Bellmund et al., 2018].

В самом коротком виде:

Таблица 3 – Типы дезориентации при сбоях функций D-O-S-N

Функция	Вопрос	Когнитивная роль	Вероятные нейронные узлы
D — Diagnosis	Кто я и в каком состоянии нахожусь?	Самоопределение, распознавание текущего контекста	гиппокамп, постериорные ассоциативные зоны
O — Orientation	Где я относительно других и мира?	Локализация в среде и социальной расстановке	префронтальная кора (mPFC, LPFC) и TPJ (Saxe & Kanwisher, 2003; Euston et al., 2012)
S — Strategy	Как действовать?	Планирование, выбор траектории и следующего шага	базальные ганглии, стриатум, dLPFC (Badre & Nee, 2018; Daw et al., 2006)

Функция	Вопрос	Когнитивная роль	Вероятные нейронные узлы
N — Normativity	На каких основаниях действовать; что считать правильным/оправданным?	Ценностная оценка, приоритизация целей	вентромедиальная и медиальная орбитофронтальная префронтальная кора (vmPFC/mOFC) (Levy & Glimcher, 2012; Bartra et al., 2013)

Почему именно четыре? Каждая функция покрывает необходимое и достаточное условие адаптивного поведения.

– Без D субъект не знает, кто и в каком качестве действует — новичок или эксперт, лидер или исполнитель, и в каком он режиме (устал, заряжен, здоров, болен); значит, он путает собственные возможности с требованиями ситуации Нарушения этой функции хорошо описаны в нейропсихологических работах о связи самопредставления и автобиографической памяти [Klein & Nichols, 2012].
– Без O непонятно, *где* и *с кем* он взаимодействует: нет карты контекста, статусов, правил — от дорожной развязки до структуры команды.
– Без S нет перехода от знания к траектории: как именно двигаться, в каком порядке, какой следующий шаг минимизирует риск и приближает к цели.
– Без N планы лишены оснований и приоритета: на каких основаниях это делать сейчас, почему эта цель оправданна, где граница допустимого (см. обзор связки памяти/контекста, контроля и ценности: [Euston et al., 2012; Badre & Nee, 2018; Bartra et al., 2013].

Вместе эти функции образуют взаимозависимую систему обратных связей, поддерживающую устойчивость ориентации.

В ситуациях переориентации система проявляется как цикл D→O→S→N — от самоопределения к позиционированию, действию и оценке. Этот порядок не универсален и может начинаться с любого звена [Jadhav et al., 2012; Behrens et al., 2018].

Ключевым остаётся то, что выпадение любой функции приводит к предсказуемому типу дезориентации от утраты идентичности до паралича действия.

D–O–S–N описывает не содержание ориентации, а её структурный каркас — минимальную последовательность вычислений, через которую мозг превращает ситуацию в направленное действие.

Наконец, мы задаём нейронно-когнитивную рамку. На уровне сетей ожидаемо участие гиппокампально- энторинального комплекса в распознавании состояний и контекстов (D), префронтальных областей в моделировании позиции и правил (O), стриатальных контуров в выборе действий и обучении на подкреплении (S) *[O'Doherty, 2004]* и медиальных орбитофронтальных зон в оценке ценностей и приоритизации целей (N) [Moser et al., 2014; Euston et al., 2012; Badre & Nee, 2018; Bartra et al., 2013]. Мы не утверждаем жёсткой модульности; речь о функциональных «центрах тяжести» внутри распределённой петли *hippocampal–prefrontal–basal–orbitofrontal* [Haber & Knutson, 2010].

В таком понимании D–O–S–N — минимальный набор вычислительных опор, поддерживающих чувство направления, роли и согласование себя с миром. Нарушение любого звена приводит к дезориентации, а восстановление — возвращает целостность.

В дальнейшем мы рассматриваем D–O–S–N как функциональную архитектуру ориентации, которая может реализовываться через различные динамические паттерны — в том числе в форме цикла D→O→S→N.

Логическая структура взаимодействий (цикл как типичный режим)

Функции D–O–S–N образуют не набор изолированных операций, а взаимосвязанное поле с несколькими контурами обратной связи (D↔O, O↔S, S↔N, N↔D) [Euston et al., 2012; Jadhav et al., 2012]. В этом поле возможны разные режимы динамики; в типичных ситуациях восстановления курса они кластеризуются в последовательность D→O→S→N, но не являются жёстко линейными: процесс может запускаться с любой точки — например, от срочного действия к последующей нормализации и переопределению себя.

1. От самоопределения (D) к позиционированию (O)

Цикл начинается с вопроса «кто я, в какой роли и в каком состоянии?».

Эта фаза включает самоопределение — распознавание своей роли, ресурсов и ограничений, формируя внутреннюю систему координат, соотносимую с внешним миром. Без этого субъект не знает, чью позицию он соотносит с контекстом. Затем Ориентация (O) — это сопоставление внутренней модели с внешней: где я нахожусь, какие границы среды, кто рядом. На нейронном уровне — активация префронтальных сетей, отвечающих за интеграцию контекста и социальное позиционирование (mPFC, TPJ) [Siapas et al., 2005; Euston et al., 2012].

2. От позиционирования (O) к действию (S)

Когда координаты установлены, мозг переходит к выбору траектории — фазе Strategy (S). Она объединяет прогноз последствий и планирование действий, активируя контуры целеполагания и контроля (стриатум, dLPFC). На уровне опыта это переживается как появление вектора — от «где я» к «куда дальше» [Badre & Nee, 2018; Daw et al., 2006].

3. От действия (S) к ценностной оценке и допустимости (N)

Любое действие порождает новую информацию. Функция Normativity (N) оценивает, оправданы ли действия и соответствуют ли они внутренним и коллективным критериям. Здесь формируются ценности, удовлетворённость или сомнение; перераспределяются приоритеты. На нейронном уровне это активация вентромедиальной и медиальной орбитофронтальной коры (vmPFC/mOFC), участвующей в ценностной интеграции [Levy & Glimcher, 2012; Bartra et al., 2013].

4. От нормативной оценки (N) к обновлённому самоопределению (D)

Рефлексия изменяет внутреннюю модель. Оценка действий возвращается к Diagnosis (D), обновляя идентичность и пересчитывая ресурсы. Таким образом, D–O–S–N — это не линейный алгоритм, а петля обратной связи, обеспечивающая самокалибровку сознания [Jadhav et al., 2012]. В отдельных задачах обновление может предшествовать действию (N→S) или контекстной переоценке (N→O), что отражает адаптивную, а не последовательную организацию ориентации.

Четыре функции — не стадии, а условия устойчивости субъективного опыта. Когда система сбалансирована, они действуют фоново; когда одна опора нарушается, активируется цикл восстановления D→O→S→N.

5. Сбой ориентирующей системы: четыре типа дезориентации

Если одна из фаз не активируется или прерывается, система теряет целостность. Каждый тип сбоя даёт узнаваемое психологическое проявление:

Такое нарушение можно описать как кризис ориентации — временное выпадение одной из навигационных функций. Это не психопатология, а сбой нейрокогнитивной навигации. На поведенческом уровне человек ищет внешние «карты» — религию, тесты, ритуалы, символы — чтобы временно компенсировать внутренний D–O–S–N-контур и восстановить направление.

6. Вывод

Таким образом, цикл D–O–S–N можно рассматривать как нейрокогнитивный механизм самоподдержания субъекта. Он обеспечивает переход от восприятия себя — к действию, от действия — к осмыслению, от смысла — к обновлению идентичности. Эта последовательность универсальна: она одинаково проявляется в повседневных решениях, в личных кризисах и в культурных системах, создающих коллективные «карты ориентации».

D–O–S–N — не культурная схема и не психологическая метафора, а функциональная архитектура ориентации, встроенная в нейронную и когнитивную организацию человека.

Таблица 4 – Схема нейронного контура D-O-S-N (hippocampal–prefrontal–basal–orbitofrontal loop)

Выпавшая функция	Симптом дезориентации	Опыт субъекта
D — Diagnosis	Утрата идентичности	«Не знаю, кто я и на что способен»
O — Orientation	Потеря контекста	«Не понимаю, что происходит вокруг»
S — Strategy	Паралич действия	«Хочу, но не знаю, как действовать»
N — Normativity	Нарушение ценностного согласования и внутренней правомерности	«Делаю, но не вижу оснований/правильности этого»

Нейронные корреляты

Мы предполагаем, что четыре функции D–O–S–N реализуются в рамках взаимосвязанного контура hippocampal–prefrontal–basal– orbitofrontal cortex (OFC) loop — распределённой сети, объединяющей память, контекст, действие и оценку.

Мы не рассматриваем этот контур как фиксированную последовательную петлю, а скорее как динамическое поле связей, где разные функции могут активироваться в различном порядке в зависимости от задачи. Петлеобразная динамика (D→O→S→N) — один из режимов восстановления ориентации, а не универсальная архитектура мозга. Контур связывает системы автобиографической и эпизодической памяти (гиппокамп), интеграцию «я-в-мире» (префронтальные отделы и теменно-височные узлы), планирование действий (стриато-префронтальные петли) и ценностно-нормативную оценку (vmPFC/mOFC) [O'Keefe & Nadel, 1978; Badre & Nee, 2018; Bartra et al., 2013].

Ниже представлена функциональная разбивка и предполагаемая динамика их взаимодействия.

D — Diagnosis: "кто я и в каком состоянии"

Зоны: HC, PHC, PCC, RSC.

Роль: кодирование текущего эпизодического состояния, согласование внутренней и внешней карты — от телесного состояния до осознания «в каком качестве я действую [Vann et al., 2009].

Механика: тета-ритмика HC; переключение перспектив в RSC; SWR — переиндексация «я» после событий [Buzsáki, 2002; Jadhav et al., 2012].

O — Orientation: "где я относительно других и мира"

Зоны: mPFC, TPJ, LPFC/dLPFC.

Роль: позиционирование в физическом и социальном пространстве; «модель себя для других».

Механика: HC↔mPFC тета–гамма связность; TPJ — социальная перспектива; LPFC — стабилизация рамки задачи [Saxe & Kanwisher, 2003; Euston et al., 2012].

S — Strategy: "как действовать"

Зоны: BG, dLPFC, pre-SMA.

Роль: планирование, оценка вероятностей, выбор траектории (Daw et al., 2006).

Механика: стриатум — прогноз успеха; dLPFC — удержание плана; pre-SMA — инициация действия [Haber & Knutson, 2010].

N — Normativity: "на каких основаниях действовать"

Зоны: vmPFC, mOFC, PCC.

Роль: интеграция ценностей и норм; проверка допустимости целей [Levy & Glimcher, 2012].

Механика: OFC↔стриатум — переоценка стратегий; mPFC — социальная приемлемость; формирование «ценностной карты» (Barrett, 2017).

Модель не предполагает эксклюзивной локализации этих функций; скорее, они представляют собой распределённые вычислительные тенденции внутри гиппокампально–префронтально–базально–орбитофронтального контура и согласуются с сетевой организацией представлений («cognit») [Fuster, 2006].

Эти процессы не подразумевают морального содержания, а обеспечивают вычислительное согласование между прогнозами, вознаграждением и социальным контекстом.

Связующая динамика контура:

HC → PFC (D→O): гиппокамп задаёт «я-сейчас» и контекст; mPFC/TPJ встраивают это в социально-пространственные оси. PFC → BG (O→S): префронтальная карта ограничений и возможностей передаётся в стриатум для отбора действий; dLPFC удерживает план. BG → vmPFC/mOFC (S→N): результаты шагов возвращаются в ценностные узлы для оценки правомерности целей и коррекции приоритетов. vmPFC/OFC → HC (N→D): обновлённая ценность «перепрошивает» автобиографическую модель; цикл замыкается. Такая циркуляция сигналов обеспечивает постоянное сопоставление внутренних и внешних моделей.

Можно предположить, что мозг использует схожую вычислительную архитектуру как для пространственного, так и для экзистенциального ориентирования — различаясь лишь «масштабом» карты и типом кодируемых координат.

В регуляции цикла участвуют и классические системы нейромодуляции: дофамин (обучение стратегии), норадреналин (переключение контекстов), серотонин (поддержание нормативности), ацетилхолин (выбор карты при неопределённости).

Лезионные и клинические предсказания:

Таблица 5 – Цикл взаимодействия функций D-O-S-N в процессе ориентации

Дефицит	Функция	Проявление
HC/RSC	D	Фрагментарная автобиографическая память
mPFC/TPJ	O	Ошибки позиционирования
Striatum/dLPFC	S	Паралич планирования
vmPFC/mOFC	N	Потеря ценностной иерархии

Итог

Эта схема описывает не модульную сегрегацию, а распределённую функциональную архитектуру ориентации *(Pessoa, 2019)*. Её тестируемость заключается в воспроизводимых паттернах связности HC–PFC–BG–OFC, которые могут быть верифицированы методами fMRI, MEG или клинических наблюдений.

Таким образом, контур hippocampal–prefrontal–basal–orbitofrontal loop можно рассматривать как нейронный субстрат универсального механизма ориентации — архитектуры, через которую сознание удерживает направление между внутренним состоянием, контекстом, действием и ценностью.

Операционализация и измеримость

Для проверки гипотезы D–O–S–N каждой функции заданы три уровня измерения — поведенческий, самоотчётный и нейронный.

D — Diagnosis («кто я и в каком состоянии нахожусь»)

Поведение: self–context switch (чередование «я-утверждений» и описаний ситуации), autobiographical oddball (распознавание своих событий), state labeling (оценка состояния).

Самоотчёт: «Я понимаю, кто я в этой ситуации»; «Изменения легко сбивают моё ощущение себя»; «Могу описать своё состояние тремя словами».

Нейро: гиппокамп / парагиппокамп, PCC / RSC — согласование автобиографического «я» и контекста.

O — Orientation («где я относительно других и мира»)

Поведение: social / spatial re-anchoring, frame switch, role perspective taking.

Самоотчёт: «Я ясно ощущаю своё место в группе»; «Легко уловить действующие правила»; «Понимаю, чего от меня ожидают».

Нейро: mPFC (позиционирование), TPJ (перспектива другого), LPFC (контекстные правила).

S — Strategy («как действовать»)

Поведение: multi-step planning, explore-exploit bandits, удержание плана при интерференции.

Самоотчёт: «Понимаю следующий шаг»; «Легко перестраиваю план»; «Чувствую вектор действий».

Нейро: стриатум, dLPFC, pre-SMA — выбор и удержание траектории.

N — Normativity («на каких основаниях действовать; что считать правильным/оправданным»)

Поведение: value alignment task, goal consistency over time, counterfactual evaluation.

Самоотчёт: «Мои действия согласуются с долгосрочными целями»; «Могу обосновать, почему поступаю так»; «Отказываюсь от выгоды, если это против моих правил».

Нейро: vmPFC/mOFC (интеграция ценностей и приоритетов).

Сводный мини-протокол

Блоки выполняются последовательно: D (≈5 мин) → O (≈8 мин) → S (≈10 мин) → N (≈7 мин) с короткими самоотчётами после каждого.

Индекс каждой функции — среднее стандартных Z-оценок (поведение + самоотчёт); общий DOSN-индекс — среднее по четырём блокам и степень дисбаланса между ними.

Тип сбоя определяется функцией с минимальной Z или наибольшим падением консистентности.

Для каждой функции D–O–S–N можно выделить характерные поведенческие и нейронные проявления, позволяющие различать типы дезориентации. Сбой D выражается в потере ясности «я» и затруднении самоопределения; сбой O — в нарушении восприятия контекста и социальной позиции; сбой S — в хаотичности или ригидности действий; сбой N — в непоследовательности целей и утрате внутренней правомерности поступков. Эти состояния могут быть идентифицированы как по самоотчётным и поведенческим данным, так и по связности гиппокампально-префронтальных и орбитофронтальных сетей.

Минимальные показатели надёжности (внутренняя согласованность и повторяемость) позволяют рассматривать операционализацию D–O–S–N как пригодную для пилотных эмпирических исследований. Она делает модель измеримой в лабораторных и полевых условиях, позволяет диагностировать функциональные сбои и отслеживать восстановление

ориентации, а также служит базой для последующей нейровизуальной верификации.

Итог: Операционализация делает модель D–O–S–N измеримой — от лабораторных протоколов до онлайн-версий. Она позволяет диагностировать функциональные сбои и отслеживать восстановление ориентации, а также задаёт основу для fMRI / EEG-проверки предсказанных паттернов. Модель объединяет философскую категорию ориентации с когнитивной и нейронаучной практикой: четыре взаимосвязанные функции описывают минимальную архитектуру, через которую сознание удерживает направление между собой, миром, действием и ценностью.

Прогнозы и проверяемость

Фальсифицируемые предсказания

Чтобы гипотеза D–O–S–N имела статус проверяемой, для каждой функции можно сформулировать наблюдаемые поведенческие и нейронные следствия.

D (Diagnosis) — размывание идентичности снижает точность самоопределения и активность HC/PCC [Vann et al., 2009].

O (Orientation) — нарушение социального контекста повышает время адаптации; активны mPFC и TPJ [Tavares et al., 2015].

S (Strategy) — неопределённость вызывает хаотичные переключения; активен стриатум и dLPFC [Daw et al., 2006].

N (Normativity) — ценностные дилеммы приводят к нестабильным предпочтениям и изменению связности vmPFC/mOFC [Bartra et al., 2013].

Комплексные задачи должны вызывать последовательную активацию D–O–S–N сетей; отсутствие этого каскада при сохранной нагрузке опровергнет универсальность модели.

Поведенческая проверка гипотезы

Для первичной проверки подойдут сценарии типа «потеря работы», «переезд» или «этический выбор», каждый из которых преимущественно нагружает одну из функций D/O/S/N [Daw et al., 2006; Tavares et al., 2015].

Испытуемые делают быстрый выбор действия и оценивают уверенность в своём решении. Сбой D — неуверенность в роли; O — ошибки в понимании контекста; S — потеря плана; N — нестабильность ценностей. Так можно различать типы дезориентации без лабораторных инструментов и создать основу для нейровизуальной валидации.

Такая схема позволяет различать типы дезориентации без сложных лабораторных инструментов и создавать базу для последующей нейровизуализационной проверки.

Мини-протокол (fMRI)

Для демонстрации универсального контура планируется блочно-событийный fMRI дизайн: блоки, избирательно нагружающие D/O/S/N, и контроль навигации; в интегративных сценариях ожидается последовательная динамика D→O→S→N [Constantinescu et al., 2016; Bellmund et al., 2018].

ROI. HC/PHC; mPFC/TPJ/LPFC; striatum/dLPFC/pre-SMA; vmPFC/mOFC/PCC.

Контрасты (ожидания). D-блок > контроль → HC/PCC; O-блок > контроль → mPFC/TPJ; S-блок > контроль → striatum/dLPFC; N-блок > контроль → vmPFC/mOFC. В интегративных сценариях — временная каскадность D→O→S→N (моделирование FIR/конволюций). Дополнительно проводится анализ функциональной связности (*PPI — psychophysiological interaction; GC — Granger causality; DFC — dynamic functional connectivity*) для контура HC–PFC–BG–OFC.

Лонгитюд и выгорание

Долгосрочные наблюдения с регулярными самоотчётами и когнитивными тестами позволят отслеживать, какая функция D/O/S/N нарушается первой при стрессе и как восстанавливается после вмешательств. Так можно эмпирически описать динамику «потери и возврата направления».

Критерии верификации

Подтверждением модели станет повторяемое перекрытие сетей D–O–S–N в разных типах ориентации и устойчивость специфичных поведенческих профилей; отсутствие этих паттернов опровергнет модель.

Методологические следствия

Интердисциплинарный мост

Гипотеза D–O–S–N задаёт операциональную единицу анализа — структуру ориентации, проявляющуюся как цикл D→O→S→N. Она совместима с predictive coding, но действует на другом уровне: если первая объясняет, как мозг минимизирует ошибки восприятия, то D–O–S–N описывает, какие типы вычислений делают ожидания направленными и осмысленными. Модель соединяет когнитивную, антропологическую и клиническую перспективы: для нейронауки — это тестируемый набор функций, для философской антропологии — критерий целостности субъекта, для психологии — рамка диагностики дезориентации и восстановления направления.

К «науке ориентации»

D–O–S–N открывает возможность отдельного направления — *orientation studies,* где предметом становится не смысл, а структура навигации сознания в изменяющихся средах. Оно объединяет когнитивные, поведенческие и культурные данные, сочетая эмпирические методы с философским анализом. Методом становится многомодальная триангуляция — поведение, рефлексия и физиология; критерием прогресса — способность точно описывать и восстанавливать согласованность функций D/O/S/N.

Практические и методологические следствия

D–O–S–N задаёт основу практических приложений там, где утрачивается направление. В диагностике и терапии она позволяет различать типы дезориентации и восстанавливать слабое звено цикла; в обучении и консультировании — выстраивать процесс от самоопределения к действию и оценке; в дизайне интерфейсов и ИИ — проектировать ориентирующие системы, помогающие согласовывать «я», контекст и цели.

Методологически это меняет единицу анализа — от симптомов и мотивов к функциям ориентации. Эффективность вмешательств оценивается не по уровню стресса или удовлетворённости, а по восстановлению согласованности четырёх операций. Таким образом, ориентация становится наблюдаемой когнитивной структурой, объединяющей философский, психологический и прикладной уровни.

Ограничения и этика

Модель D–O–S–N носит концептуальный характер: она описывает не фиксированные модули, а распределённую структуру ориентации, где зоны мозга перекрываются и активируются в зависимости от контекста. Формы «внешней ориентации» — религиозные, ритуальные, психологические, цифровые — культурно вариативны, поэтому межкультурные сравнения требуют осторожности. D–O–S–N — не редукция психики к четырём осям, а минимальный каркас направленности, в который вплетены эмоции, мотивация, язык и культура.

Этические принципы включают уважение к кризису как нормальному режиму навигации, прозрачность методик, культурную чувствительность и защиту участников. Эти ограничения задают рамку ответственного применения и предотвращают превращение D–O–S–N из описательной модели в инструмент нормативного контроля.

Заключение

Мозг человека можно рассматривать как систему навигации не только в физическом, но и в «жизненном» пространстве, где нужно удерживать идентичность, контекст, траекторию и основания действия. Гипотеза D–O–S–N формулирует структурную схему этой ориентации: четыре функции — Diagnosis, Orientation, Strategy и Normativity — образуют взаимосвязанное поле, которое в ситуациях переориентации проявляется как цикл, обеспечивающий направленность поведения и непрерывность опыта.

Модель задаёт проверяемые поведенческие и нейронные предсказания, предлагая рассматривать ориентацию как фундаментальную когнитивную функцию наряду с восприятием, вниманием и памятью. Она даёт общий язык для диагностики кризисов, образовательных и терапевтических программ, а также для проектирования ориентирующих интерфейсов и ИИ-систем.

Культурные формы — религии, гадательные практики, типологии личности, тесты — можно понимать как внешние выражения того же навигационного контура, который D–O–S–N описывает изнутри. Это открывает путь к междисциплинарным исследованиям связи нейронной и культурной ориентации. В философской рамке Anthropology of Purpose (AoP) модель показывает поиск предназначения как универсальную форму человеческой навигации, соединяющую когнитивный и антропологический уровни.

Дальнейшие шаги: (1) проверка нейронных коррелятов цикла; (2) разработка протоколов восстановления ориентации при кризисах и выгорании; (3) сопоставление внутренних механизмов с культурными «картами» смысла. D–O–S–N можно рассматривать как универсальный каркас навигации сознания в биологических, психологических и культурных системах — минимальную структуру возможности быть ориентированным.

Библиография

1. Anderson M. L. Neural reuse: A fundamental organizational principle of the brain // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33, No. 4. P. 245–266. DOI: 10.1017/S0140525X10000853.
2. Badre D., Nee D. E. Frontal cortex and the hierarchical control of behavior // Trends in Cognitive Sciences. 2018. Vol. 22, No. 2. P. 170–188. DOI: 10.1016/j.tics.2017.11.005.
3. Barrett L. F. How emotions are made: The secret life of the brain. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
4. Bartra O., McGuire J. T., Kable J. W. The valuation system: A coordinate-based meta-analysis of BOLD fMRI experiments examining neural correlates of subjective value // NeuroImage. 2013. Vol. 76. P. 412–427. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2013.02.063.
5. Behrens T. E. J., Muller T. H., Whittington J. C. R. et al. What is a cognitive map? // Neuron. 2018. Vol. 100, No. 2. P. 490–509. DOI: 10.1016/j.neuron.2018.10.002.
6. Bellmund J. L. S., Gärdenfors P., Moser E. I., Doeller C. F. Navigating cognition: Spatial codes for human thinking // Science. 2018. Vol. 362, No. 6415. Article eaat6766. DOI: 10.1126/science.aat6766.
7. Buzsáki G. Theta oscillations in the hippocampus // Neuron. 2002. Vol. 33, No. 3. P. 325–340. DOI: 10.1016/S0896-6273(02)00586-X.
8. Constantinescu A. O., O'Reilly J. X., Behrens T. E. J. Organizing conceptual knowledge in humans with a gridlike code // Science. 2016. Vol. 352, No. 6292. P. 1464–1468. DOI: 10.1126/science.aaf0941.
9. Daw N. D., O'Doherty J. P., Dayan P., Seymour B., Dolan R. J. Cortical substrates for exploratory decisions in humans // Nature Neuroscience. 2006. Vol. 10, No. 7. P. 876–883. DOI: 10.1038/nn1722.

10. Euston D. R., Gruber A. J., McNaughton B. L. The role of medial prefrontal cortex in memory and decision making // Neuron. 2012. Vol. 76, No. 6. P. 1057–1070. DOI: 10.1016/j.neuron.2012.12.002.
11. Frankl V. E. Man's search for meaning. Boston: Beacon Press, 1959.
12. Friston K. The free-energy principle: A unified brain theory? // Nature Reviews Neuroscience. 2010. Vol. 11, No. 2. P. 127–138. DOI: 10.1038/nrn2787.
13. Frith C. D., Frith U. Social cognition in humans // Current Biology. 2007. Vol. 17. P. R724–R732. DOI: 10.1016/j.cub.2007.05.068.
14. Fuster J. M. The cognit: A network model of cortical representation // International Journal of Psychophysiology. 2006. Vol. 60, No. 2. P. 125–132. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2005.12.010.
15. Haber S. N., Knutson B. The reward circuit: Linking primate anatomy and human imaging // Neuropsychopharmacology. 2010. Vol. 35, No. 1. P. 4–26. DOI: 10.1038/npp.2009.129.
16. Jadhav S. P., Kemere C., German P. W., Frank L. M. Awake hippocampal sharp-wave ripples support spatial memory // Science. 2012. Vol. 336, No. 6087. P. 1454–1458. DOI: 10.1126/science.1217230.
17. Jung C. G. The archetypes and the collective unconscious. Princeton: Princeton University Press, 1959 (Orig. 1916).
18. Klein S. B., Nichols S. Memory and the sense of personal identity // Mind & Language. 2012. Vol. 27, No. 5. P. 505–529. DOI: 10.1111/j.1468-0017.2012.01452.x.
19. Levy D. J., Glimcher P. W. The root of all value: A neural common currency for choice // Journal of Neuroscience. 2012. Vol. 32, No. 45. P. 15006–15019. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.0009-12.2012.
20. Maslow A. H. A theory of human motivation // Psychological Review. 1943. Vol. 50, No. 4. P. 370–396. DOI: 10.1037/h0054346.
21. Moser E. I., Moser M.-B., Roudi Y. Network mechanisms of grid cells // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2014. Vol. 369, No. 1635. Article 20120511. DOI: 10.1098/rstb.2012.0511.
22. O'Keefe J., Nadel L. The hippocampus as a cognitive map. Oxford: Oxford University Press, 1978.
23. Peer M., Brunec I. K., Newcombe N. S., Epstein R. A. Structuring knowledge with cognitive maps and graphs // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Vol. 25, No. 1. P. 37–49. DOI: 10.1016/j.tics.2020.10.004.
24. Pessoa L. The cognitive-emotional brain: From interactions to integration. Cambridge, MA: MIT Press, 2019.
25. Plessner H. Levels of organic life and the human: An introduction to philosophical anthropology. New York: Fordham University Press, 1981.
26. Saxe R., Kanwisher N. People thinking about thinking people: The role of the temporo-parietal junction in "theory of mind" // NeuroImage. 2003. Vol. 19, No. 4. P. 1835–1842. DOI: 10.1016/S1053-8119(03)00230-1.
27. Schneider B., Koenigs M. Human lesion studies of ventromedial prefrontal cortex // Neuropsychologia. 2017. Vol. 107. P. 84–93. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2017.09.035.
28. Siapas A. G., Lubenov E. V., Wilson M. A. Prefrontal phase locking to hippocampal theta oscillations // Neuron. 2005. Vol. 46, No. 1. P. 141–151. DOI: 10.1016/j.neuron.2005.02.028.
29. Stachenfeld K. L., Botvinick M. M., Gershman S. J. The hippocampus as a predictive map // Nature Neuroscience. 2017. Vol. 20, No. 11. P. 1643–1653. DOI: 10.1038/nn.4650.
30. Straus E. The upright posture: A study in phenomenological anthropology. Bloomington: Indiana University Press, 1958.
31. Tavares R. M., Mendelsohn A., Grossman Y. et al. A map for social navigation in the human brain // Neuron. 2015. Vol. 87, No. 1. P. 231–243. DOI: 10.1016/j.neuron.2015.06.011.
32. Tolman E. C. Cognitive maps in rats and men // Psychological Review. 1948. Vol. 55, No. 4. P. 189–208. DOI: 10.1037/h0061626.
33. Vann S. D., Aggleton J. P., Maguire E. A. What does the retrosplenial cortex do? // Nature Reviews Neuroscience. 2009. Vol. 10, No. 11. P. 792–802. DOI: 10.1038/nrn2733.
34. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

D-O-S-N: A Hypothesis of a Universal Cognitive Mechanism of Orientation

Roman I. Golushko

Independent Researcher,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: roman27reg@gmail.com

Abstract

Orientation is a fundamental function of living systems: an organism must understand who it is, where it is, how to act, and why. Modern cognitive science has described spatial navigation (hippocampal "maps") in detail but has not explained how similar mechanisms support human orientation in social and existential tasks. We propose the D–O–S–N hypothesis—a universal mechanism of life orientation comprising four functions: Diagnosis (D: "who I am and in what state"), Orientation (O: "where I am relative to others and the world"), Strategy (S: "how to act"), and Normativity (N: "on what grounds to act and what is considered justified"). The presumed neural architecture is a distributed hippocampal–prefrontal–basal–orbitofrontal loop circuit, integrating memory, context, planning, and value integration. The model formulates falsifiable predictions: isomorphism of connectivity patterns during spatial and "life" navigation; specific profiles of disorientation during failures in D/O/S/N; reproducible signatures at behavioral, subjective, and neural levels. We describe the operationalization of each function and two mini-protocols (behavioral and fMRI), ensuring the testability of the model. The D–O–S–N hypothesis proposes an operational bridge between neuroscience, philosophical anthropology, and adaptation psychology, translating the category of orientation from the realm of meaning into the realm of a measurable cognitive mechanism.

For citation

Golushko R.I. (2025) D-O-S-N: gipoteza universal'nogo kognitivnogo mekhanizma orientatsii [D-O-S-N: A Hypothesis of a Universal Cognitive Mechanism of Orientation]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 209-223. DOI:10.34670/AR.2026.83.41.015

Keywords

Orientation, cognitive maps, hippocampus, prefrontal cortex, decision-making, identity, strategy, values, DOSN, crisis, cognitive science, research methodology.

References

1. Anderson M. L. Neural reuse: A fundamental organizational principle of the brain // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33, No. 4. P. 245–266. DOI: 10.1017/S0140525X10000853.
2. Badre D., Nee D. E. Frontal cortex and the hierarchical control of behavior // Trends in Cognitive Sciences. 2018. Vol. 22, No. 2. P. 170–188. DOI: 10.1016/j.tics.2017.11.005.
3. Barrett L. F. How emotions are made: The secret life of the brain. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
4. Bartra O., McGuire J. T., Kable J. W. The valuation system: A coordinate-based meta-analysis of BOLD fMRI experiments examining neural correlates of subjective value // NeuroImage. 2013. Vol. 76. P. 412–427. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2013.02.063.
5. Behrens T. E. J., Muller T. H., Whittington J. C. R. et al. What is a cognitive map? // Neuron. 2018. Vol. 100, No. 2. P. 490–509. DOI: 10.1016/j.neuron.2018.10.002.
6. Bellmund J. L. S., Gärdenfors P., Moser E. I., Doeller C. F. Navigating cognition: Spatial codes for human thinking // Science. 2018. Vol. 362, No. 6415. Article eaat6766. DOI: 10.1126/science.aat6766.
7. Buzsáki G. Theta oscillations in the hippocampus // Neuron. 2002. Vol. 33, No. 3. P. 325–340. DOI: 10.1016/S0896-6273(02)00586-X.
8. Constantinescu A. O., O'Reilly J. X., Behrens T. E. J. Organizing conceptual knowledge in humans with a gridlike code // Science. 2016. Vol. 352, No. 6292. P. 1464–1468. DOI: 10.1126/science.aaf0941.
9. Daw N. D., O'Doherty J. P., Dayan P., Seymour B., Dolan R. J. Cortical substrates for exploratory decisions in humans // Nature Neuroscience. 2006. Vol. 10, No. 7. P. 876–883. DOI: 10.1038/nn1722.
10. Euston D. R., Gruber A. J., McNaughton B. L. The role of medial prefrontal cortex in memory and decision making // Neuron. 2012. Vol. 76, No. 6. P. 1057–1070. DOI: 10.1016/j.neuron.2012.12.002.

11. Frankl V. E. Man's search for meaning. Boston: Beacon Press, 1959.
12. Friston K. The free-energy principle: A unified brain theory? // Nature Reviews Neuroscience. 2010. Vol. 11, No. 2. P. 127–138. DOI: 10.1038/nrn2787.
13. Frith C. D., Frith U. Social cognition in humans // Current Biology. 2007. Vol. 17. P. R724–R732. DOI: 10.1016/j.cub.2007.05.068.
14. Fuster J. M. The cognit: A network model of cortical representation // International Journal of Psychophysiology. 2006. Vol. 60, No. 2. P. 125–132. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2005.12.010.
15. Haber S. N., Knutson B. The reward circuit: Linking primate anatomy and human imaging // Neuropsychopharmacology. 2010. Vol. 35, No. 1. P. 4–26. DOI: 10.1038/npp.2009.129.
16. Jadhav S. P., Kemere C., German P. W., Frank L. M. Awake hippocampal sharp-wave ripples support spatial memory // Science. 2012. Vol. 336, No. 6087. P. 1454–1458. DOI: 10.1126/science.1217230.
17. Jung C. G. The archetypes and the collective unconscious. Princeton: Princeton University Press, 1959 (Orig. 1916).
18. Klein S. B., Nichols S. Memory and the sense of personal identity // Mind & Language. 2012. Vol. 27, No. 5. P. 505–529. DOI: 10.1111/j.1468-0017.2012.01452.x.
19. Levy D. J., Glimcher P. W. The root of all value: A neural common currency for choice // Journal of Neuroscience. 2012. Vol. 32, No. 45. P. 15006–15019. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.0009-12.2012.
20. Maslow A. H. A theory of human motivation // Psychological Review. 1943. Vol. 50, No. 4. P. 370–396. DOI: 10.1037/h0054346.
21. Moser E. I., Moser M.-B., Roudi Y. Network mechanisms of grid cells // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2014. Vol. 369, No. 1635. Article 20120511. DOI: 10.1098/rstb.2012.0511.
22. O'Keefe J., Nadel L. The hippocampus as a cognitive map. Oxford: Oxford University Press, 1978.
23. Peer M., Brunec I. K., Newcombe N. S., Epstein R. A. Structuring knowledge with cognitive maps and graphs // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Vol. 25, No. 1. P. 37–49. DOI: 10.1016/j.tics.2020.10.004.
24. Pessoa L. The cognitive-emotional brain: From interactions to integration. Cambridge, MA: MIT Press, 2019.
25. Plessner H. Levels of organic life and the human: An introduction to philosophical anthropology. New York: Fordham University Press, 1981.
26. Saxe R., Kanwisher N. People thinking about thinking people: The role of the temporo-parietal junction in "theory of mind" // NeuroImage. 2003. Vol. 19, No. 4. P. 1835–1842. DOI: 10.1016/S1053-8119(03)00230-1.
27. Schneider B., Koenigs M. Human lesion studies of ventromedial prefrontal cortex // Neuropsychologia. 2017. Vol. 107. P. 84–93. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2017.09.035.
28. Siapas A. G., Lubenov E. V., Wilson M. A. Prefrontal phase locking to hippocampal theta oscillations // Neuron. 2005. Vol. 46, No. 1. P. 141–151. DOI: 10.1016/j.neuron.2005.02.028.
29. Stachenfeld K. L., Botvinick M. M., Gershman S. J. The hippocampus as a predictive map // Nature Neuroscience. 2017. Vol. 20, No. 11. P. 1643–1653. DOI: 10.1038/nn.4650.
30. Straus E. The upright posture: A study in phenomenological anthropology. Bloomington: Indiana University Press, 1958.
31. Tavares R. M., Mendelsohn A., Grossman Y. et al. A map for social navigation in the human brain // Neuron. 2015. Vol. 87, No. 1. P. 231–243. DOI: 10.1016/j.neuron.2015.06.011.
32. Tolman E. C. Cognitive maps in rats and men // Psychological Review. 1948. Vol. 55, No. 4. P. 189–208. DOI: 10.1037/h0061626.
33. Vann S. D., Aggleton J. P., Maguire E. A. What does the retrosplenial cortex do? // Nature Reviews Neuroscience. 2009. Vol. 10, No. 11. P. 792–802. DOI: 10.1038/nrn2733.
34. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.955:612.822 **DOI:10.34670/AR.2026.33.92.016**

Нейрофизиологические корреляты когнитивной гибкости при умеренной когнитивной нагрузке: пилотное мультимодальное ЭЭГ-исследование

Литаш-Сорокина Елена Александровна

Аспирант,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 84;
Магистрант,
Московский институт психоанализа,
123007, Российская Федерация, Москва, Кутузовский просп., 34/14;
e-mail: elena@lita.sh

Аннотация

Настоящее пилотное мультимодальное исследование было направлено на изучение нейросетевых коррелятов когнитивной гибкости в условиях увеличения когнитивной и акустической нагрузки с использованием электроэнцефалографии. В итоговый анализ были включены данные 17 здоровых женщин (первоначально N = 18; одна запись исключена на этапе предобработки ЭЭГ). Эксперимент имел внутригрупповой дизайн и включал состояние покоя, выполнение когнитивной задачи в условиях тишины и выполнение той же задачи при акустическом воздействии (70 дБ). Оценка когнитивной продуктивности проводилась с использованием батареи тестов Cognifit, субъективное функциональное состояние оценивалось по методике САН. Функциональная связность ЭЭГ анализировалась с применением фазовых (PLV, wPLI) и амплитудных (AEC) метрик в тета-, альфа- и бета-диапазонах для фронтальной, лобно-теменной, теменной и височно-теменной сетей. Статистически значимых групповых различий показателей функциональной связности между экспериментальными условиями выявлено не было. Вместе с тем на индивидуальном уровне обнаружены тенденции перестройки сетевых взаимодействий, преимущественно в тета- и альфа-диапазонах, ассоциированные с различиями в стратегиях выполнения задачи, отражающих баланс между скоростью и точностью. Полученные результаты указывают на выраженную межиндивидуальную вариативность нейрофизиологических механизмов когнитивной гибкости в условиях нагрузки и подчёркивают информативность индивидуально-ориентированного анализа функциональной связности ЭЭГ в пилотных исследованиях.

Для цитирования в научных исследованиях

Литаш-Сорокина Е.А. Нейрофизиологические корреляты когнитивной гибкости при умеренной когнитивной нагрузке: пилотное мультимодальное ЭЭГ-исследование // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 224-241. DOI:10.34670/AR.2026.33.92.016

Ключевые слова

Когнитивная гибкость, функциональная связность ЭЭГ, когнитивная нагрузка, акустическая нагрузка, исполнительные функции, альфа-ритм, тета-ритм, мультимодальное исследование, пилотное исследование, нейрофизиологические маркеры.

Введение

В условиях современной информационно насыщенной среды когнитивная деятельность человека всё чаще осуществляется при одновременном воздействии многоканальных сенсорных стимулов и повышенных требований к переработке информации. Современные нейрокогнитивные модели рассматривают адаптацию поведения в условиях нагрузки как результат динамического взаимодействия когнитивных и регуляторных механизмов, обеспечивающих гибкость реагирования на изменяющиеся требования среды. В этом контексте в рамках современных нейрокогнитивных моделей когнитивная гибкость определяется как способность адаптивно изменять стратегии мышления и поведения, эффективно переключаться между задачами и правилами и перераспределять когнитивные ресурсы (Hohl, Dolcos, 2024).

Рост когнитивной нагрузки в условиях цифровизации и многозадачности приводит к перераспределению внимания, увеличению нагрузки на рабочую память и снижению эффективности обработки информации. Постоянное воздействие отвлекающих факторов, включая акустическое загрязнение, влияет на устойчивость исполнительных функций и субъективное восприятие сложности задач, усиливая когнитивное утомление даже при сохранении поведенческой эффективности (Mark et al., 2018; Lee, 2024).

Основная часть

Когнитивная гибкость рассматривается как мультимодальный конструкт, связанный с взаимодействием исполнительных функций, рабочей памяти и динамической координацией распределённых функциональных сетей мозга, прежде всего фронто-теменной сети [Dajani, Uddin, 2015; Uddin, 2021; Cole et al., 2013; Cai et al., 2023]. Наиболее изучены нейронные механизмы переключения правил, распределения внимания и ингибирования интерференции, реализуемые за счёт согласованной активности лобных и теменных областей коры (Ionescu, 2012; Jung et al., 2018).

Несмотря на значительный объём эмпирических данных, остаётся открытым вопрос о том, в какой мере проявления когнитивной гибкости определяются локальной активностью отдельных областей мозга или отражают перестройку функциональных сетей в целом. Хотя фронто-теменная сеть рассматривается как ключевой субстрат исполнительного контроля, данные о чувствительности её функциональной связности к кратковременной когнитивной нагрузке остаются противоречивыми (Cole et al., 2013; Hohl et al., 2019).

Электроэнцефалография является чувствительным методом изучения динамики когнитивных процессов благодаря высокой временной разрешающей способности и возможности анализа спектральных характеристик и функциональной связности между корковыми областями (Cohen, 2014; Bastos, Schoffelen, 2016). Использование фазовых и амплитудных метрик (PLV, wPLI, AEC) позволяет исследовать сетевую организацию мозга, лежащую в основе когнитивной гибкости, однако роль межиндивидуальной вариативности и

чувствительность этих показателей к умеренной кратковременной нагрузке остаются недостаточно изученными (Vinck et al., 2011; Fries, 2015; Uddin, 2021).

Настоящее пилотное мультимодальное исследование направлено на изучение нейрофизиологических коррелятов когнитивной гибкости в условиях когнитивной нагрузки и акустического отвлечения с использованием субъективных, поведенческих и ЭЭГ-показателей. Работа ориентирована на выявление как групповых закономерностей, так и индивидуальных профилей адаптации и направлена на уточнение границ чувствительности сетевых показателей ЭЭГ при анализе когнитивной гибкости в условиях умеренной нагрузки.

В рамках настоящего исследования когнитивная гибкость операционализируется как способность к адаптивному переключению когнитивных стратегий, перераспределению внимания и ингибированию интерференции в условиях изменяющихся требований задачи. Она рассматривается как интегративный поведенческий конструкт, отражаемый совокупностью показателей скорости, точности и эффективности выполнения задач переключения. На поведенческом уровне когнитивная гибкость оценивалась по показателям времени выполнения, точности и интегральной эффективности компьютерной батареи Cognifit, которые интерпретируются как прокси-метрики когнитивной гибкости, а не как клиническая диагностика (Dajani, Uddin, 2015; Uddin, 2021). На нейрофизиологическом уровне анализировались спектральные характеристики и метрики функциональной связности ЭЭГ (wPLI, PLV, AEC) в θ -, α_1-, α_2- и β-диапазонах. Следует подчеркнуть, что показатели Cognifit в рамках данного исследования интерпретируются как поведенческие прокси-метрики когнитивной гибкости и не используются в диагностических или клинических целях.

Исследование проводилось на базе кафедры нейробиологии Московского института психоанализа. Все участники подписали информированное согласие на участие и обработку данных. Участники имели нормальное или скорректированное до нормального зрение и не сообщали о наличии неврологических, психических или хронических заболеваний.

В исследовании приняли участие 18 женщин в возрасте от 25 до 50 лет, рекрутированных добровольно через социальные сети. Один участник был исключён на этапе предобработки ЭЭГ-данных из-за неудовлетворительного качества записей; итоговый анализ проводился на выборке из 17 человек. В исследовании участвовали только женщины, что учитывалось при интерпретации результатов. Ограниченный и однородный состав выборки снижает обобщаемость результатов, однако внутригрупповой дизайн частично компенсирует малый объём выборки.

Критериями исключения являлись эпилепсия, черепно-мозговые травмы, приём психотропных или психостимулирующих препаратов, а также употребление алкоголя за 24 часа до эксперимента.

Использовался внутригрупповой дизайн (within-subjects), при котором каждый участник последовательно проходил все экспериментальные условия. Порядок условий был фиксирован: состояние покоя → когнитивная задача в тишине → когнитивная задача при шумовом воздействии (70 дБ). Такой порядок был выбран для анализа направленной динамики когнитивной нагрузки и не рандомизировался; возможный эффект порядка учитывался при интерпретации результатов.

Эксперимент (рис.1) проводился в два этапа в течение одного дня (воскресенье, 12:00–19:00) в тихом помещении с комфортным освещением. Запись ЭЭГ включала:

– состояние покоя с открытыми глазами (17–29 с);

– выполнение когнитивной задачи в тишине (2,8–3,3 мин);

– выполнение той же задачи при шумовом воздействии (2,8–3,3 мин).

Между этапами предусматривались перерывы продолжительностью 3–5 минут, в ходе которых участники заполняли шкалу функционального состояния САН для оценки самочувствия, активности и настроения.

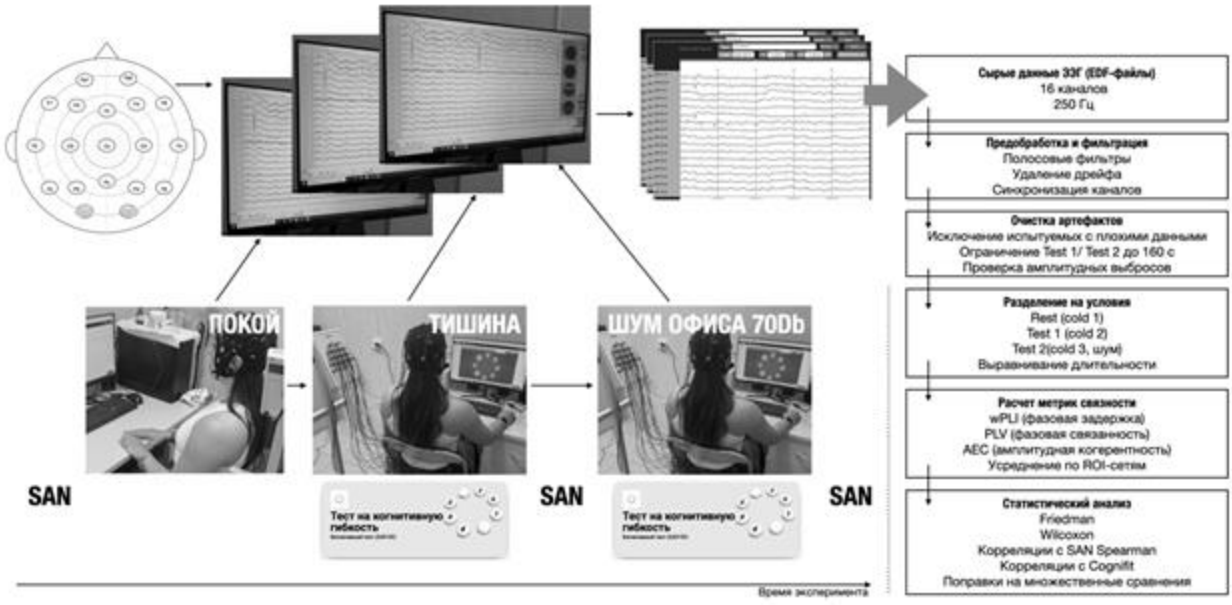

Рисунок 1 – Схема проведения эксперимента

Для оценки когнитивной гибкости использовалась стандартизированная компьютерная батарея Cognifit, включающая задания на переключение правил, ингибирование интерференции и одновременное выполнение нескольких условий.

Анализировались показатели времени выполнения, точности и интегральной эффективности (отношение точности ко времени). Cognifit рассматривался как инструмент оценки прокси-метрик когнитивной гибкости, а не как средство клинической диагностики. Экспорт данных осуществлялся вручную.

Шумовое воздействие представляло собой офисный open-space шум интенсивностью около 70 дБ, предъявляемый через динамик, расположенный на расстоянии 1,5 м от участника. Уровень шума контролировался с использованием бытового шумомера, что учитывалось как ограничение точности калибровки.

ЭЭГ регистрировалась с использованием 16-канальной системы Neurotravel (Ates Medica, Италия) по международной системе 10–20 с дополнительной регистрацией ЭОГ. Частота дискретизации составляла 500 Гц, импеданс поддерживался ниже 10 кΩ, использовался усреднённый референт; применялась аналоговая фильтрация 0,5–50 Гц. Предобработка данных выполнялась одинаково для всех участников и условий и включала полосовую фильтрацию (1–35/40 Гц), при необходимости notch-фильтр 50 Гц, ресемплинг до 250 Гц и переференцию к усреднённому референту. Удаление артефактов глазной и мышечной активности проводилось методом независимого компонентного анализа (ICA) с использованием MNE-Python 3.10. Записи исключались из анализа при наличии более 20% каналов с выраженными артефактами

или невозможности корректного выделения EOG-компонент. После очистки данные представляли собой непрерывные временные ряды ЭЭГ для каждого участника и условия. Спектральная мощность вычислялась методом Уэлча в диапазонах θ, α_1, α_2 и β. Функциональная связность оценивалась с использованием фазовых (PLV, wPLI) и амплитудных (AEC) метрик в скользящих окнах с последующей агрегацией по функциональным сетям: лобной, теменной, лобно-теменной и височно-теменной.

Для статистического анализа использовались непараметрические методы: критерий Фридмана для связанных выборок и критерий Уилкоксона для попарных сравнений с поправкой Бонферрони. Дополнительно рассчитывался размер эффекта r. Уровень значимости принимался равным $p < 0,05$ с учётом поправок.

Для оценки изменений субъективного состояния участников в ходе эксперимента был проведён анализ результатов теста САН, заполнявшегося в трёх временных точках: до начала эксперимента (baseline), после выполнения первой когнитивной задачи в тишине и после выполнения второй задачи под воздействием акустического шумового загрязнения. Анализ включал оценку трёх шкал («Самочувствие», «Активность», «Настроение») и интегрального показателя (среднее трёх шкал).

Описательная статистика (M ± SEM).

– Самочувствие: baseline 5.74 ± 0.29; задача 1 5.64 ± 0.25; задача 2 5.45 ± 0.25.

– Активность: baseline 5.36 ± 0.29; задача 1 5.06 ± 0.33; задача 2 4.98 ± 0.32.

– Настроение: baseline 6.00 ± 0.28; задача 1 5.78 ± 0.30; задача 2 5.72 ± 0.28.

– Интегральный показатель САН: baseline 5.70 ± 0.25; задача 1 5.49 ± 0.25; задача 2 5.38 ± 0.24.

По всем шкалам наблюдается сходная динамика: показатели снижаются после выполнения первой задачи и продолжают снижаться после выполнения задания под шумом.

Критерий Фридмана (глобальные различия).

– Самочувствие: $\chi^2(2) = 4.67$, $p = 0.097$.

– Активность: $\chi^2(2) = 2.58$, $p = 0.275$.

– Настроение: $\chi^2(2) = 1.09$, $p = 0.580$.

– Интегральный САН: $\chi^2(2) = 3.85$, $p = 0.146$.

Статистически значимых глобальных различий не выявлено ($p > 0.05$). После поправки на множественные сравнения ($p < 0.017$) достоверных различий также не выявлено.

Парные сравнения (Wilcoxon) и размеры эффектов (r).

– Самочувствие: baseline vs задача 1 $p = 0.531$, $r = 0.16$; baseline vs задача 2 $p = 0.038 \rightarrow$ $p_{Бонф} = 0.115$, $r = 0.52$; задача 1 vs задача 2 $p = 0.133$, $r = 0.38$.

– Активность: baseline vs задача 1 $p = 0.234$, $r = 0.30$; baseline vs задача 2 $p = 0.170$, $r = 0.34$; задача 1 vs задача 2 $p = 0.437$, $r = 0.19$.

– Настроение: baseline vs задача 1 $p = 0.271$, $r = 0.29$; baseline vs задача 2 $p = 0.142$, $r = 0.41$; задача 1 vs задача 2 $p = 0.944$, $r \approx 0.02$.

– Интегральный САН: baseline vs задача 1 $p = 0.263$, $r = 0.27$; baseline vs задача 2 $p = 0.117$, $r = 0.39$; задача 1 vs задача 2 $p = 0.431$, $r = 0.19$.

Таким образом, различия между тремя временными точками статистически значимыми не являются. При этом по всем шкалам наблюдается направленное снижение средних значений от baseline к условию с шумом (рис.1); для шкалы «Самочувствие» при сравнении baseline и шумового условия отмечен крупный размер эффекта ($r \approx 0.52$) при непрохождении поправки. В связи с этим изменения по САН в рамках настоящей выборки трактуются как тенденция.

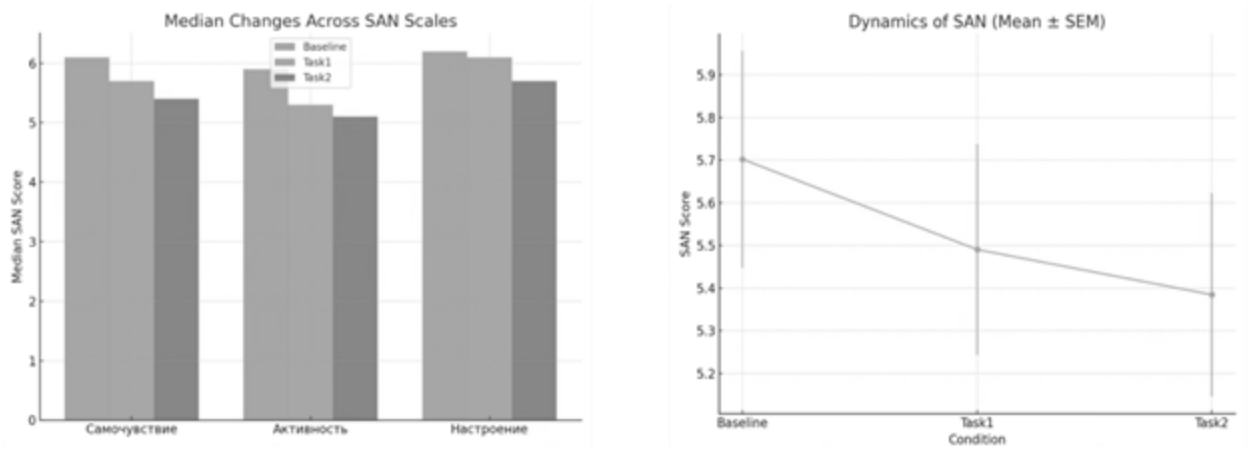

Рисунок 2 – Тенденция динамики субъективного самочувствия

Для количественной оценки когнитивной гибкости был проведён анализ поведения участников при выполнении двух задач в рамках теста Cognifit: первой — в условиях тишины, и второй — под воздействием акустического шумового загрязнения (70 дБ). Проанализированы три показателя когнитивной продуктивности: время выполнения, точность и интегральная эффективность (отношение точности к времени выполнения).

Описательная статистика (M ± SEM).

– Время выполнения (секунды): Task 1 (тишина) 80.78 ± 3.99; Task 2 (шум) 67.07 ± 2.51.

– Точность выполнения: Task 1 0.6 ± 0.014; Task 2 0.945 ± 0.012.

– Интегральная эффективность (accuracy/time): Task 1 0.01119 ± 0.00069; Task 2 0.01443 ± 0.00059.

Во всех трёх метриках наблюдается однонаправленная динамика: участники выполняют вторую задачу быстрее, точнее и эффективнее, чем первую (рис.2).

– Статистический анализ (Wilcoxon).

– Время выполнения: $p = 0.0026$; $Z = 3.01$; $r = 0.73$.

– Точность: $p = 0.00063$; $Z = -3.42$; $r = 0.83$.

– Интегральная эффективность: $p = 0.00168$; $Z = -3.14$; $r = 0.76$.

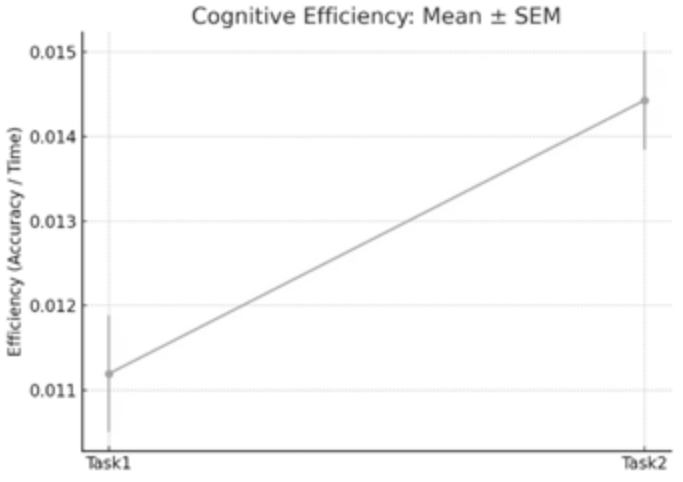

Рисунок 3 – Динамика интегральной когнитивной продуктивности

Таким образом, между Task 1 и Task 2 выявлены статистически значимые различия по времени выполнения, точности и интегральной эффективности ($p < 0.01$) с большими размерами эффекта. Отмечено, что улучшение показателей может частично отражать эффект повторного выполнения задания, что учитывается при интерпретации результатов в разделе «Обсуждение».

Фазовые (PLV, wPLI) и амплитудные (AEC) метрики функциональной связности использовались для оценки различных аспектов межрегионального взаимодействия: фазовой синхронизации и ко-модуляции амплитудных огибающих соответственно. Применение wPLI в анализе эмоциональных состояний EEG подтверждается в современных работах (например, Bai et al. , 2025). PLV используется для оценки фазовой синхронности и функциональной связности в контексте эмоциональной активности (Wang, Y., et al. 2024). Амплитудная корреляция огибающих (AEC) обсуждается в обзорах (Godfrey et al., 2021) как один из устойчивых способов оценки FC.

Динамика функциональной связности (wPLI). Метрика wPLI использовалась как показатель направленной фазовой асимметрии и применялась для оценки устойчивых функциональных взаимодействий между областями при сниженной чувствительности к объёмной проводимости (Shafiei et al., 2024).

Фронтальная сеть

– θ: 0.1938 → 0.1532 → 0.1360; α_1: 0.2138 → 0.1526 → 0.1462; α_2: 0.2011 → 0.1318 → 0.1354; β: 0.0756 → 0.0784 → 0.0462.

– Статистика: все диапазоны $\chi^2(2) < 3.0$, $p > 0.08$; для парных сравнений все p_corr > 0.017.

Фронтальная сеть демонстрирует снижение α_1–α_2-связанности, статистически значимые эффекты не выявлены.

Теменная сеть

– θ: 0.1434 → 0.1142 → 0.0997; α_1: 0.1919 → 0.1028 → 0.1087; α_2: 0.2237 → 0.1036 → 0.0887; β: 0.0911 → 0.0658 → 0.0552.

Статистика: все диапазоны $\chi^2(2) \leq 3.4$, $p = 0.10$–0.17; все p_corr > 0.017.

На уровне описательных данных отмечено наиболее выраженное снижение α_2, без статистической достоверности.

3.3.3. Лобно-теменная сеть

– θ: 0.1590 → 0.1347 → 0.1206; α_1: 0.2123 → 0.1473 → 0.1491; α_2: 0.2365 → 0.1182 → 0.1183; β: 0.0901 → 0.0711 → 0.0503.

Статистика: все диапазоны $\chi^2(2) < 3.4$, $p > 0.06$; все p_corr > 0.017.

Отмечен согласованный паттерн снижения α_2, статистически значимые эффекты отсутствуют.

3.3.4. Височно-теменная сеть

– θ: 0.1581 → 0.1388 → 0.1267; α_1: 0.2099 → 0.1464 → 0.1754; α_2: 0.2254 → 0.1330 → 0.1334; β: 0.0979 → 0.0572 → 0.0478.

Статистика: $\chi^2(2) < 2.8$, $p > 0.12$; все p_corr > 0.017.

Перестройка показателей носит описательный характер и не достигает статистической значимости.

Итог по wPLI. Во всех исследованных сетях отмечается согласованное снижение α_2-связанности при переходе от покоя к задачным условиям, однако статистически значимых различий между состояниями покоя, выполнения задачи в тишине и выполнения задачи при шуме не выявлено ($p > 0.05$).

Динамика фазовой синхронизации (PLV). Метрика PLV использовалась как показатель стабильности фазовой разности двух сигналов (Lachaux et al., 1999).

По данным сравнения условий (покой → тишина → шум) статистически значимых перестроек PLV ни в одной из сетей и частотных диапазонов не выявлено (все $p > 0.15$–0.32 в зависимости от сети). Для фронтальной сети отмечалось лёгкое снижение PLV в α_1–α_2 диапазонах; в частности, для α_2 приводились значения 0.4721 → 0.3950 → 0.3882. Для теменной сети α_2 оставался практически неизменным (0.3249 → 0.3207 → 0.3156). В целом PLV оставался наиболее стабильной метрикой.

Динамика когерентности амплитуд (AEC). AEC использовалась как мера согласованности медленных амплитудных колебаний (ко-модуляции активности) между областями; по данным ВКР, на уровне описательных трендов для AEC отмечается систематическое снижение α_2 при нагрузке, при отсутствии статистически значимых различий (все $p > 0.05$).

В сетевом анализе для фронтальной, лобно-теменной, височно-теменной и теменной сетей описаны вариативные изменения AEC в θ- и β-диапазонах, без формирования устойчивого общего паттерна. Статистический анализ не выявил значимых различий между условиями по метрике AEC ($p > 0.05$). Выявленные изменения трактуются как описательные; интерпретация приведена в разделе «Обсуждение».

Индивидуальные взаимосвязи функциональной связности с субъективными и поведенческими показателями

В условиях отсутствия статистически значимых групповых различий по метрикам функциональной связности был выполнен анализ индивидуальных взаимосвязей между показателями ЭЭГ-коннективности, субъективного состояния и когнитивной продуктивности.

Показаны индивидуальные ассоциации между показателями функциональной связности лобно-теменной сети и субъективными оценками состояния по шкале САН. Более высокие значения AEC и wPLI в α_1-диапазоне во время выполнения первой когнитивной задачи были связаны с более низкими показателями настроения после её завершения. В условиях выполнения задачи при шумовом воздействии отмечена ассоциация между θ-фазовой связностью (wPLI) в лобно-теменной сети и показателями настроения после второго блока.

Анализ взаимосвязей между показателями функциональной связности и поведенческими характеристиками выполнения задачи показал, что более высокие значения фазовой синхронизации (PLV и wPLI) в α_1-диапазоне лобно-теменной сети во время выполнения первой задачи ассоциировались с увеличением времени выполнения при тенденции к повышению точности. Указанный профиль соотносится с различиями в индивидуальных стратегиях выполнения задания и не приводит к изменению групповых средних показателей.

Таким образом, при отсутствии выраженных групповых эффектов показатели функциональной связности демонстрируют индивидуальные ассоциации с субъективными и поведенческими характеристиками выполнения когнитивной задачи. Выявленные взаимосвязи носят тенденциальный характер и требуют проверки на расширенных выборках и в протоколах с большей длительностью нагрузки.

Обсуждение

Одним из ключевых результатов настоящего исследования стало отсутствие статистически значимых групповых различий между тремя экспериментальными состояниями — покоем, выполнением когнитивного задания в тишине и выполнением того же задания при шумовом

фоне — по всем использованным метрикам функциональной связности: wPLI, PLV и AEC (Приложения 3–5). Хотя на первый взгляд подобный результат может показаться «негативным», он имеет самостоятельную научную ценность. Отсутствие выраженных сетевых сдвигов описано в ряде современных исследований, особенно при кратковременных протоколах (Cole, 2024).

В условиях отсутствия статистически значимых групповых различий по метрикам функциональной связности (wPLI, PLV, AEC) анализ был сосредоточен на описательных трендах изменения связности между экспериментальными состояниями.

По данным wPLI во всех исследованных сетях наблюдается однонаправленное снижение связности в α_2-диапазоне при переходе от покоя к выполнению когнитивной задачи в тишине; при переходе к шумовому фону общий тренд сохраняется. Наиболее выраженное снижение α_2-связности отмечено в теменной и лобно-теменной сетях, однако различия не достигают статистической значимости ($p > 0.05$).

В α_1-диапазоне для теменной, лобно-теменной и височно-теменной сетей во втором блоке задания отмечается относительное повышение wPLI по сравнению с первым блоком, тогда как во фронтальной сети сопоставимая динамика не наблюдается.

Для θ-диапазона характерна неоднородная динамика: в большинстве сетей при переходе к задачным условиям отмечается снижение wPLI, но в теменной и височно-теменной сетях во втором блоке наблюдается относительное повышение θ-связанности по сравнению с первым блоком.

Метрика PLV демонстрирует высокую стабильность фазовой синхронизации: изменения по сетям и диапазонам остаются в пределах вариативности и не формируют направленных перестроек, что согласуется с отсутствием значимых эффектов по критерию Фридмана.

По данным AEC также наблюдается тенденция к снижению α_2-связанности при переходе от покоя к задачным условиям при вариативных изменениях в θ- и β-диапазонах в зависимости от сети и этапа эксперимента (Приложение 6). Ни один из описательных трендов AEC не достигает статистической значимости.

Таким образом, на групповом уровне функциональная связность характеризуется высокой устойчивостью при выполнении кратковременной когнитивной задачи как в тишине, так и при шумовом воздействии; выявленные изменения носят описательный характер. Описанные тренды не могут рассматриваться как доказательство функциональной перестройки сетей и используются только для уточнения направлений возможных изменений.

Данные демонстрируют, что кратковременная (~3 мин) когнитивная нагрузка и умеренное шумовое воздействие (70 дБ) не приводят к устойчивому изменению фазовой или амплитудной синхронности в пределах исследованных сетей. Это согласуется с данными исследований, показывающих, что изменения функциональной связности при умственном утомлении проявляются преимущественно при длительных и более нагружающих протоколах (Li et al., 2020; Wu et al., 2025).

Важную роль играет выраженная межиндивидуальная вариативность уровней связности. Работы, использующие мультимодальную оценку когнитивной гибкости, подчёркивают высокую индивидуальную специфичность сетевых маркеров гибкости и усталости; связь между нагрузкой и изменениями связности существенно варьирует между участниками (Jiang et al., 2024). При небольших выборках это приводит к снижению статистической мощности и затрудняет выявление устойчивых групповых эффектов, поэтому нейрофизиологические проявления нагрузки в данном дизайне ожидаемо выявляются преимущественно на уровне индивидуальных профилей.

Дополнительным фактором является ограниченная длительность состояния покоя (17–29 секунд), что не обеспечивает достаточного количества стабильных сегментов сигнала для точного расчёта коннективности. Методологические обзоры подчёркивают, что для надёжной оценки метрик функциональной связности требуется более длительная и стационарная запись (Friedman & Miyake, 2017) — в рамках настоящего исследования этот фактор рассматривался как ограничение.

Наконец, исследования утомления и эмоционального выгорания последних лет показывают, что значимые изменения связности чаще фиксируются при кумулятивной усталости, дефиците сна, длительных задачах или эмоционально насыщенных нагрузках (Afek et al., 2025). В условиях умеренной нагрузки и короткой задачи нейросетевые механизмы могут сохранять функциональную стабильность, что и наблюдается в настоящем исследовании.

Таким образом, отсутствие значимых различий между условиями отражает устойчивость функциональной организации фронто-теменных сетей здоровых взрослых при умеренной когнитивной нагрузке и подчёркивает необходимость дальнейших исследований, ориентированных на более длительные или более ресурсозатратные протоколы.

Несмотря на отсутствие значимых групповых эффектов, анализ корреляций между метриками связности и данными опросника САН выявил ряд ассоциаций, которые могут отражать более напряжённый, ресурсозатратный режим функционирования лобно-теменной сети (fronto_par) в диапазонах θ и α_1.

Во-первых, наблюдалась отрицательная связь между АЕС в α_1-диапазоне во время выполнения первой задачи и настроением после неё: более высокая амплитудная когерентность α_1-активности в лобно-теменной сети ассоциировалась с более низкими оценками настроения по САН после Test 1 (ρ порядка -0.7). Сходная тенденция отмечалась и для фазовой связности в α_1 (wPLI): участники с более высокой лобно-теменной синхронизацией во время задания демонстрировали худшее субъективное настроение после его выполнения. Эти результаты могут указывать на то, что усиление координации в α-диапазоне связано с более напряжённым и ресурсозатратным режимом работы сети, субъективно переживаемым как ухудшение эмоционального состояния.

Во-вторых, была обнаружена положительная связь между θ-связанностью (wPLI в θ-диапазоне) в лобно-теменной сети во время выполнения задачи при шуме (cond3) и настроением после второго теста (SAN Test 2). Участники с более высокой θ-фазовой синхронизацией демонстрировали более благоприятный эмоциональный фон после выполнения задания в шумовых условиях. Это согласуется с трактовкой θ-ритма как компонента механизмов контроля внимания, рабочей памяти и интеграции информации (Cavanagh & Frank, 2021).

В совокупности эти корреляции показывают, что при стабильности средних уровней связности индивидуальные различия в сетевой организации мозга систематически связаны с субъективным переживанием когнитивной нагрузки и шума. Вместе с тем часть корреляций находится на уровне тенденций и при жёстких поправках на множественные сравнения может не достигать формального критерия значимости; интерпретация проводится с осторожностью как указание на направления дальнейших исследований.

Анализ взаимосвязей метрик связности с показателями когнитивной продуктивности (по данным тестов Cognifit: время выполнения и точность) выявил ряд тенденций, прежде всего для лобно-теменной сети в α_1-диапазоне.

Более высокая фазовая синхронизация (PLV и wPLI в α_1) во время выполнения первой задачи была связана с увеличением времени выполнения теста и тенденцией к повышению

точности. Такой профиль может отражать различия в стратегиях выполнения задания: участники с более сильной α-координацией в лобно-теменной сети, вероятно, используют более контролируемый, «аккуратный» стиль решения, тратят больше времени и допускают меньше ошибок. Участники с более низкой α-связностью могут действовать быстрее, но менее точно. При этом групповые средние могут не различаться, поскольку стратегии взаимно компенсируются.

Указанные связи преимущественно носят характер трендов и в сочетании с ограниченным объёмом выборки не позволяют делать жёсткие выводы. Отмечается корреляционный характер выявленных ассоциаций без вывода о причинно-следственных отношениях.

Сочетание отсутствия групповых различий по метрикам связности и наличия индивидуальных корреляций с показателями САН и Cognifit укладывается в концепцию устойчивых, но индивидуально вариативных функциональных сетей. На уровне группы лобно-теменные и теменно-височные связи сохраняют общий каркас взаимодействия, обеспечивающий выполнение задания как в тишине, так и при шумовом фоне. Межиндивидуальные различия в конфигурации и степени координации сетей оказываются значимыми для субъективного и поведенческого ответа.

В рамках интерпретационной схемы работы, предполагается: (1) θ-связность лобно-теменной сети отражает эффективность механизмов контроля и фильтрации информации, поддерживающих выполнение задачи в неблагоприятных условиях (в том числе при шуме), что может сопровождаться более благоприятным эмоциональным состоянием; (2) α_1-связность, особенно по амплитудным огибающим (АЕС), может отражать вовлечение регуляторных и подавляющих механизмов (ингибиция нерелевантной информации, стабилизация рабочей сети), которые при чрезмерной координации могут становиться ресурсозатратными и субъективно сопровождаться ухудшением настроения.

АЕС дополняет фазовые метрики: адаптация к нагрузке может проявляться не в перестройке фазовой синхронизации, а в перераспределении амплитудных ресурсов между сетями. В первом блоке отмечалась тенденция к повышению θ- и β-связанности по АЕС в ряде сетей, что может отражать мобилизацию когнитивного контроля и поддержание устойчивой когнитивной установки. Во втором блоке, особенно при шумовом воздействии, наблюдалось систематическое снижение α_2-связанности во всех сетях, что может указывать на ослабление альфа-торможения и/или истощение регулирующих механизмов при нарастающей нагрузке.

Сопоставление нейрофизиологических ритмов, поведенческих показателей и субъективной оценки состояния позволило условно выделить два паттерна адаптации к сенсорной и когнитивной нагрузке (на уровне тенденции), требующих проверки на расширенной выборке. Выделение паттернов носит эвристический характер и рассматривается как предварительное типологическое описание.

У части испытуемых (9 из 17) прослеживается адаптивная стратегия: высокая α_1-связанность в состоянии покоя; снижение α_2-связанности в шуме; рост θ-связности; сохранение уровня самочувствия и точности выполнения задачи (рис. 2). У другой части (8 из 17) наблюдается неадаптивная стратегия: α_1-связность сохраняется или усиливается, θ-активация отсутствует, показатели самочувствия и точности снижаются (рис. 4). Отмечается, что повышение точности и скорости во втором блоке может частично объясняться эффектом повторного выполнения (practice effect) и адаптацией к процедуре тестирования; для разделения эффектов порядка и акустического воздействия в дальнейшем целесообразны контрбалансировка порядка условий и/или дополнительный контрольный блок без шума.

Следует подчеркнуть, что данное разделение носит описательный характер и основано на визуальном сопоставлении индивидуальных профилей без применения формализованных методов классификации или кластерного анализа.

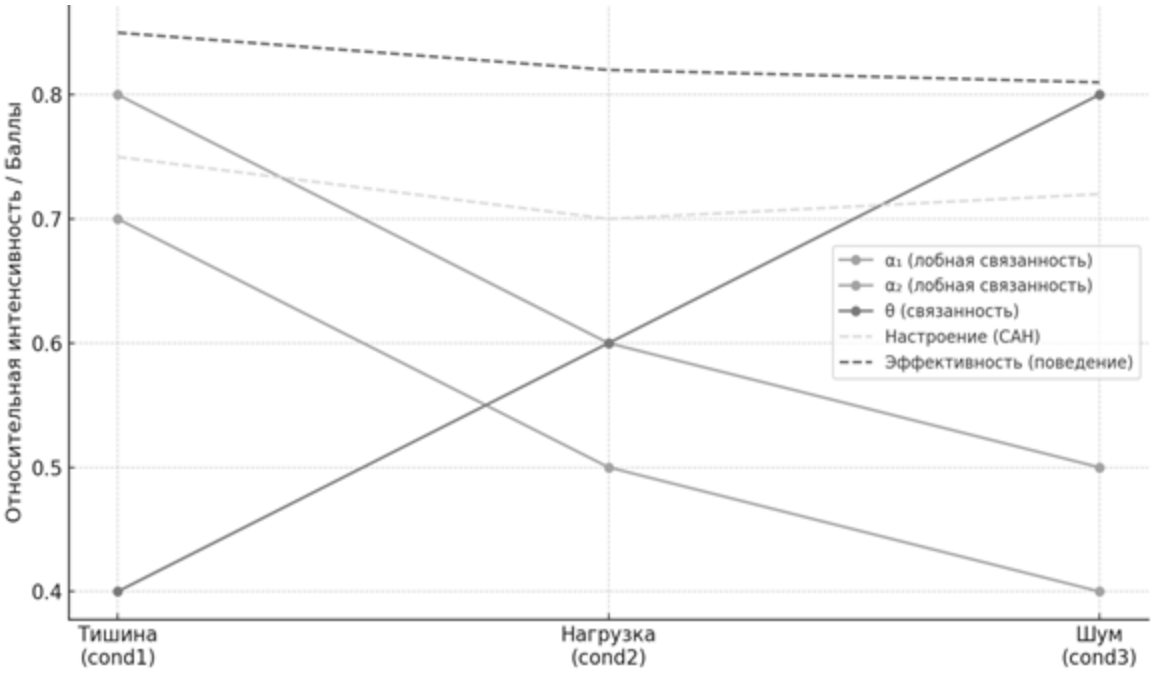

Рисунок 4 – Профиль эффективной стратегии адаптации (пример)

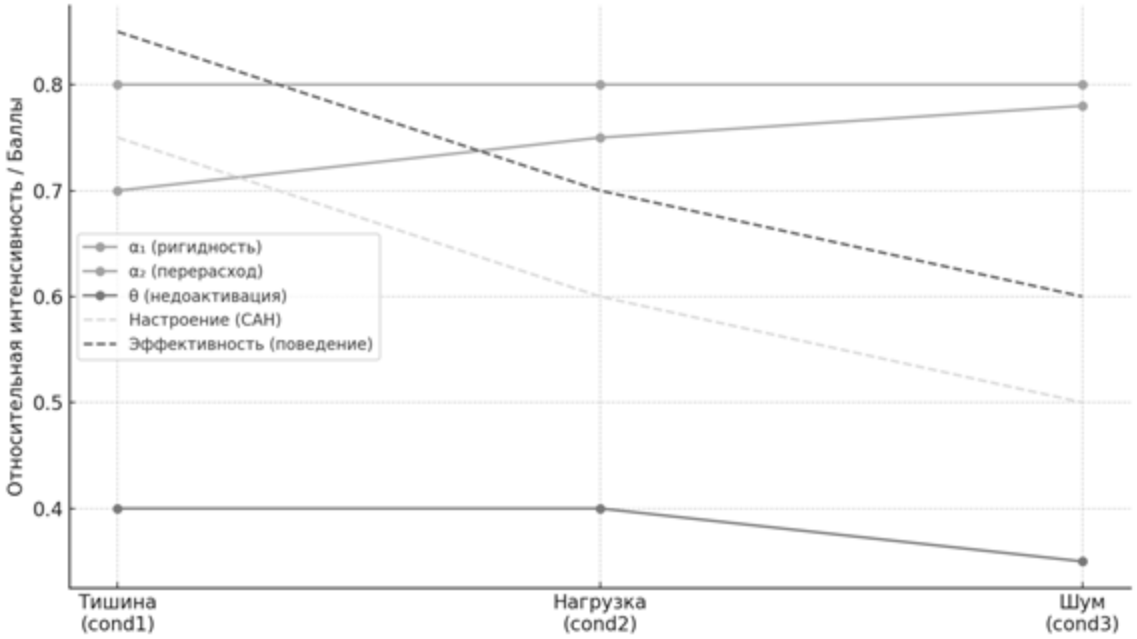

Рисунок 5 – Профиль неэффективной стратегии адаптации (пример)

Выделение указанных паттернов носит исключительно иллюстративный характер, не основано на формализованных методах кластеризации и не предполагает статистического сравнения подгрупп.

Настоящее исследование имеет ряд методологических ограничений, которые следует учитывать при интерпретации результатов. Длительность состояния покоя после очистки составляла 17–29 секунд, что ограничивает надёжность оценки фоновой функциональной связности. Для устойчивых расчётов wPLI, PLV и AEC требуется существенно больший объём данных, особенно при анализе низкочастотных ритмов (Friedman & Miyake, 2017). В связи с ограниченной длительностью записи состояния покоя (17–29 с) показатели функциональной связности в этом состоянии используются преимущественно как относительный базовый уровень, а не как стабильная характеристика фоновой сетевой организации.

Эффекты когнитивной усталости обычно проявляются при более длительных (10–20 минут и более) нагрузках. Краткие задания (2–5 минут) реже вызывают устойчивые изменения в сетевых показателях ЭЭГ, что согласуется с полученными результатами (Li et al., 2020; Wu et al., 2025).

Следует отметить, что фиксированный порядок предъявления условий («тишина → шум») не позволяет полностью разделить эффекты акустического воздействия и эффекты повторного выполнения задания; полученные различия по поведенческим показателям интерпретируются с учётом данного ограничения.

Шум open-space 70 дБ соответствует реальной офисной среде и не относится к сильным стрессорам. В рамках данного протокола мягкость стрессора могла ограничить выявление значимых эффектов.

Показатели связности связаны с индивидуальными когнитивными профилями и особенностями нейросетевой архитектуры (Jiang et al., 2024; Uddin, 2021). При небольшой выборке межиндивидуальная вариативность снижает статистическую мощность групповых сравнений.

В работе рассматривались четыре диапазона (θ, α_1, α_2, β) и четыре сети. Отсутствие анализа гамма-диапазона, динамической связности и directed connectivity могло ограничить полноту анализа.

С учётом изложенных ограничений перспективными направлениями дальнейшей работы являются: увеличение длительности записей покоя и задачных периодов, введение повторных блоков для оценки кумулятивной усталости; использование более интенсивных или многоуровневых нагрузок; применение анализа динамической и направленной связности; акцент на индивидуализированных нейросетевых профилях; развитие мультимодальных протоколов (ЭЭГ + поведение + субъективные шкалы и, при расширении дизайна, возможное подключение дополнительных методов регистрации).

Результаты исследования показывают, что при умеренной когнитивной нагрузке и шумовом воздействии (70 дБ) функциональная связность мозга остаётся стабильной по основным метрикам (wPLI, PLV, AEC), что указывает на устойчивость фронто-теменной сети и связанных исполнительных систем при кратковременных нагрузках (Cole, 2024; Uddin, 2021).

Дополнительным выводом является высокая межиндивидуальная вариативность показателей связности. Индивидуальные сетевые профили когнитивной гибкости и реакции на нагрузку существенно различаются и требуют персонализированного анализа (Jiang et al., 2024).

Стабильность метрик связности согласуется с данными о том, что кратковременные задачи реже вызывают выраженные изменения коннективности, тогда как устойчивые сдвиги выявляются при длительных или стрессогенных нагрузках, включая накопленную когнитивную усталость и эмоциональное истощение (Li et al., 2020; Afek et al., 2025; Wu et al., 2025).

В совокупности данные позволяют сформулировать два ключевых вывода: (1) групповые показатели функциональной связности демонстрируют повторяющиеся индивидуальные тенденции при умеренной кратковременной когнитивной нагрузке и шумовом фоне; (2)

индивидуальные различия в сетевой организации имеют существенное значение, включая вариации в реакции на шум и стратегии выполнения задания, что подтверждает необходимость дальнейших исследований с более длительными задачами, динамическим анализом связности и построением индивидуальных сетевых траекторий.

Заключение

Цель исследования — изучение изменений когнитивной гибкости в условиях когнитивной нагрузки с использованием нейрофизиологических, поведенческих и субъективных показателей — была достигнута. В эксперименте применён мультимодальный подход, включавший регистрацию ЭЭГ, выполнение стандартизированной когнитивной задачи (Cognifit) и оценку функционального состояния по шкале САН.

По субъективным показателям (САН) выявлен направленный тренд к снижению самочувствия, активности и настроения от baseline к условию выполнения задачи при шумовом фоне; однако глобальные различия между тремя временными точками и парные сравнения не достигли статистической значимости после поправок, что позволяет трактовать изменения как тенденциальные.

На поведенческом уровне (Cognifit) показано статистически значимое улучшение показателей во втором блоке по сравнению с первым: сокращение времени выполнения, рост точности и увеличение интегрального показателя эффективности, с большими размерами эффекта. При интерпретации учитывается возможность влияния эффекта повторного выполнения задания (practice effect) и адаптации к процедуре тестирования.

На уровне групповых нейрофизиологических показателей функциональной связности (wPLI, PLV, AEC) статистически значимых различий между состояниями покоя, выполнением задачи в тишине и выполнением задачи при шуме не выявлено ($p > 0.05$). По метрикам wPLI и AEC на уровне описательных данных отмечается систематическое снижение α_2-связанности при переходе от покоя к задачным условиям, однако данные тренды не подтверждены статистически в рамках используемого объёма выборки и длительности записей.

Анализ индивидуальных взаимосвязей показал содержательные ассоциации между показателями связности лобно-теменной сети (в диапазонах θ и α_1) и субъективными и поведенческими характеристиками выполнения задания. На основе сопоставления ЭЭГ-показателей, данных САН и результатов Cognifit в ВКР выделены два тенденциальных условных паттерна адаптации к нагрузке: адаптивный (9 из 17) и неадаптивный (8 из 17). Указанная типологизация носит предварительный, эвристический характер и требует проверки на расширенной выборке.

Ограничениями исследования являются малый объём и однородность выборки ($N = 17$, только женщины; исходно $N = 18$, один участник исключён на этапе предобработки), короткая длительность записи состояния покоя (17–29 секунд), умеренная длительность когнитивной нагрузки (~3 минуты) и умеренная интенсивность шумового воздействия (70 дБ). Эти факторы ограничивают статистическую мощность и надёжность оценки коннективности и определяют необходимость дальнейших исследований с увеличением длительности протокола, расширением выборки и применением более детализированных подходов к анализу сетевой динамики. Поскольку выборка включала только женщин, результаты не могут быть напрямую обобщены на мужскую популяцию; известны данные о половых различиях в ЭЭГ-ритмах и реакциях на когнитивную нагрузку.

Библиография

1. Афек Н., Харматиук Д., Гавловска М., Феррейра Дж. М. А., Голонка К., Тукарьев С., Попов А., Марек Т. Функциональная связность при синдроме выгорания: исследование ЭЭГ в состоянии покоя // Frontiers in Human Neuroscience. 2025. Т. 19. Статья 1481760. https://doi.org/10.3389/fnhum.2025.1481760
2. Бастос А.М., Шоффелен Дж.М. Обучающий обзор методов анализа функциональной связности и их интерпретационных ловушек // Frontiers in Systems Neuroscience. 2016. Т. 9. С. 175. DOI: 10.3389/fnsys.2015.00175. https://doi.org/10.3389/fnsys.2015.00175
3. Бай Й., Цзян Ц., Ху Дж., Ли Й. Обработка эмоций в виртуальной реальности: функциональная связность ЭЭГ с использованием взвешенного индекса фазового отставания // Ежегодная международная конференция IEEE по биомедицинской инженерии. 2025. С. 1-4. DOI: 10.1109/EMBC58623.2025.11253529. https://doi.org/10.1109/EMBC58623.2025.11253529
4. Винк М., Остенвельд Р., ван Вингереден М., Батталья Ф., Пеннартц К.М. Улучшенный индекс фазовой синхронизации для электрофизиологических данных при наличии объёмной проводимости, шума и смещения размера выборки // Neuroimage. 2011. Т. 55, № 4. С. 1548–1565. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2011.01.055. https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2011.01.055
5. Годфри М., Сингх К.Д. Измерение надежной функциональной связности по МЭГ состояния покоя с использованием корреляции амплитуды и энтропии по частотным диапазонам и временным масштабам // Neuroimage. 2021. Т. 226. С. 117551. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2020.117551. https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2020.117551
6. Джагани Д.Р., Уддин Л.К. Демистификация когнитивной гибкости: последствия для клинической нейробиологии и нейробиологии развития // Trends in Neurosciences. 2015. Т. 38, № 9. С. 571–578. https://doi.org/10.1016/j.tins.2015.07.003
7. Дзян Л., Эйкхофф С.Б., Генон С., Ван Г., Йи К., Хе Р., Хуан Х., Яо Д.Ч., Донг Д., Ли Ф., Сюй П. Мультимодальная ковариационная сеть отражает индивидуальную когнитивную гибкость // International Journal of Neural Systems. 2024. Т. 34, № 4. Статья 2450018. DOI: 10.1142/S0129065724500187. https://doi.org/10.3390/electronics13183742
8. Ионеску Т. Исследование природы когнитивной гибкости // New Ideas in Psychology. 2012. Т. 30, № 2. С. 190-200. https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2011.11.001
9. Кей В., Чен Т., Самеитат А.Дж., Менон В. Динамическая реконфигурация фронто-теменных контрольных сетей лежит в основе адаптивной когнитивной гибкости // Nature Communications. 2023. Т. 14, № 1. Статья 2460. https://doi.org/10.1038/s41467-023-38144-8
10. Коул Майкл У. Когнитивная гибкость как смещение потоков нейронной сети гибкими нейронными представлениями // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2024. Т. 57. С. 101384. https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2024.101384.
11. Лахо Ж.П., Родригес Е., Мартинери Ж., Варела Ф.Ж. Измерение фазовой синхронизации в сигналах мозга // Human Brain Mapping. 1999. Т. 8, № 4. С. 194-208. DOI: 10.1002/(SICI)1097-0193(1999)8:4<194::AID-HBM4>3.0.CO;2-C.
12. Ли Г., Хуан С., Сюй В. и др. Влияние умственной усталости на активность мозга: сравнительное исследование как в состоянии покоя, так и в состоянии выполнения задачи с использованием ЭЭГ // BMC Neuroscience. 2020. Т. 21. Статья 20. https://doi.org/10.1186/s12868-020-00569-1
13. Лиз И. Ли, Мэйрид П. Хили, Настасья Л. Фишер, Ке Тонг, Аннабель Ш. Чен, Барбара Дж. Саакян, Зои Курци. Тренировка когнитивной гибкости для воздействия в реальных условиях // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2024. Т. 59. С. 101413. https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2024.101413.
14. Маклохлин Г., Дьюркович М., Палмер Дж.А., Мейкиг С. Среднелобная тета-активность при психических заболеваниях: показатель когнитивной уязвимости при различных расстройствах // Biological Psychiatry. 2021. Т. 91, вып. 2. DOI: 10.1016/j.biopsych.2021.08.020. https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2021.08.020
15. Марк Г., Гудит Д., Клоке У. Стоимость прерванной работы: большая скорость и стресс // Труды конференции по человеческому фактору в вычислительных системах. 2008. С. 107-110. DOI: 10.1145/1357054.1357072. https://doi.org/10.1145/1357054.1357072
16. Саддагиани С., Кляйншмидт А. Сети мозга и α-осцилляции: структурные и функциональные основы когнитивного контроля // Trends in Cognitive Sciences. 2016. Т. 20, № 11. С. 805-817. DOI: 10.1016/j.tics.2016.09.004. https://doi.org/10.1016/j.tics.2016.09.004
17. Самаей Б. Шафи, Саид Шадпур, Амбреен Шафкат. Оценка умственной нагрузки с использованием взвешенного индекса фазового запаздывания и когерентных признаков, извлеченных из данных ЭЭГ // Brain Research Bulletin. 2024. Т. 214. С. 110992. https://doi.org/10.1016/j.brainresbull.2024.110992
18. Уддин Л.К. Когнитивная и поведенческая гибкость: нейронные механизмы и клинические соображения // Nature Reviews Neuroscience. 2021. Т. 22, № 3. С. 167-179. DOI: 10.1038/s41583-021-00428-w. https://doi.org/10.1038/s41583-021-00428-w

19. Фридман Н.П., Мияке А. Единство и разнообразие исполнительных функций: индивидуальные различия как окно в когнитивную структуру // Cortex. 2017. Т. 86. С. 186-204. DOI: 10.1016/j.cortex.2016.04.023. https://doi.org/10.1016/j.cortex.2016.04.023
20. Фрис П. Ритмы для познания: общение через когерентность // Neuron. 2015. Т. 88, № 1. С. 220-35. DOI: 10.1016/j.neuron.2015.09.034. https://doi.org/10.1016/j.neuron.2015.09.034
21. Хол К., Долкос С. Измерение когнитивной гибкости: краткий обзор нейропсихологических, самоотчетных и нейронаучных подходов // Frontiers in Human Neuroscience. 2024. Т. 18. Статья 1331960. DOI: 10.3389/fnhum.2024.1331960. https://doi.org/10.3389/fnhum.2024.1331960
22. Чанг В., Ни В., Лв Р., Чжэн Л., Лу Дж., Ян Г. Обнаружение состояния усталости водителя на основе пространственных характеристик сигналов ЭЭГ // Electronics. 2024. Т. 13, № 18. С. 3742. https://doi.org/10.3390/electronics13183742
23. Каванах Дж.Ф., Франк М.Дж. Лобная тета как механизм когнитивного контроля // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Т. 25, № 7. С. 591–604. https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.04.002
24. Ван Й., Чен Й., Цуй Й., Чжао Т., Ван Б., Чжэн Й., Рен Й., Ша С., Ян Й., Чжао Х., Чжан Л., Ван Г. Изменения функциональной связности электроэнцефалограммы у лиц с большим депрессивным расстройством: исследование электроэнцефалограммы в состоянии покоя // Frontiers in Neuroscience. 2024. Т. 18. Статья 1412591. DOI: 10.3389/fnins.2024.1412591. https://doi.org/10.3389/fnins.2024.1412591
25. У Дж., Гуань Ц., Ли Ц. и др. Функциональная связность мозга после когнитивной усталости, вызванной задачей Струпа // Scientific Reports. 2025. Т. 15. Статья 22342. https://doi.org/10.1038/s41598-025-08330-6

Neurophysiological Correlates of Cognitive Flexibility under Moderate Cognitive Load: A Pilot Multimodal EEG Study

Elena A. Litash-Sorokina

Postgraduate Student,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 84, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
Master's Student,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
123007, 34/14, Kutuzovsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: elena@lita.sh

Abstract

This pilot multimodal study aimed to investigate the neural network correlates of cognitive flexibility under conditions of increased cognitive and acoustic load using electroencephalography (EEG). Data from 17 healthy women were included in the final analysis (initial N = 18; one recording was excluded during the EEG preprocessing stage). The experiment had a within-subject design and included a resting state, performance of a cognitive task in silence, and performance of the same task under acoustic stimulation (70 dB). Assessment of cognitive performance was conducted using the CogniFit test battery, and subjective functional state was evaluated using the SAN (Mood, Activity, and Well-being) method. EEG functional connectivity was analyzed using phase-based (PLV, wPLI) and amplitude-based (AEC) metrics in theta, alpha, and beta frequency bands for frontal, fronto-parietal, parietal, and temporo-parietal networks. No statistically significant group differences in functional connectivity metrics between experimental conditions were found. However, at the individual level, tendencies for reorganization of network interactions were detected, primarily in the theta and alpha frequency bands, associated with differences in task

performance strategies reflecting a balance between speed and accuracy. The obtained results indicate pronounced inter-individual variability in the neurophysiological mechanisms of cognitive flexibility under load and emphasize the informativeness of an individually oriented analysis of EEG functional connectivity in pilot studies.

For citation

Litash-Sorokina E.A. (2025) Neyrofiziologicheskiye korrelyaty kognitivnoy gibkosti pri umerennoy kognitivnoy nagruzke: pilotnoye multimodal'noye YeYeG-issledovaniye [Neurophysiological Correlates of Cognitive Flexibility under Moderate Cognitive Load: A Pilot Multimodal EEG Study]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 224-241. DOI: 10.34670/AR.2026.33.92.016

Keywords

Cognitive flexibility, EEG functional connectivity, cognitive load, acoustic load, executive functions, alpha rhythm, theta rhythm, multimodal study, pilot study, neurophysiological markers.

References

1. Afek, N., Harmatiuk, D., Gawłowska, M., Ferreira, J. M. A., Golonka, K., Tukaiev, S., Popov, A., & Marek, T. (2025) Functional connectivity in burnout syndrome: A resting-state EEG study. Frontiers in Human Neuroscience, 19, Article 1481760. https://doi.org/10.3389/fnhum.2025.1481760
2. Bai, Y., Jiang, C., Hu, J., & Li, Y. (2025) Emotion processing in virtual reality: EEG functional connectivity using weighted phase lag index. In Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society (EMBC) (pp. 1-4). IEEE. https://doi.org/10.1109/EMBC58623.2025.11253529
3. Bastos, A. M., & Schoffelen, J. M. (2016). A tutorial review of functional connectivity analysis methods and their interpretational pitfalls. Frontiers in Systems Neuroscience, 9, 175. https://doi.org/10.3389/fnsys.2015.00175
4. Cai, W., Chen, T., Szameitat, A. J., & Menon, V. (2023). Dynamic reconfiguration of frontoparietal control networks underlies adaptive cognitive flexibility. Nature Communications, 14(1), 2460. https://doi.org/10.1038/s41467-023-38144-8
5. Cavanagh, J. F., & Frank, M. J. (2021). Frontal theta as a mechanism for cognitive control. Trends in Cognitive Sciences, 25(7), 591–604. https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.04.002
6. Chang, W., Nie, W., Lv, R., Zheng, L., Lu, J., & Yan, G. (2024). Fatigue driving state detection based on spatial characteristics of EEG signals. Electronics, 13(18), 3742. https://doi.org/10.3390/electronics13183742
7. Cole, M. W. (2024). Cognitive flexibility as the shifting of brain network flows by flexible neural representations. Current Opinion in Behavioral Sciences, 57, 101384. https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2024.101384
8. Dajani, D. R., & Uddin, L. Q. (2015). Demystifying cognitive flexibility: Implications for clinical and developmental neuroscience. Trends in Neurosciences, 38(9), 571–578. https://doi.org/10.1016/j.tins.2015.07.003
9. Friedman, N. P., & Miyake, A. (2017). Unity and diversity of executive functions: Individual differences as a window on cognitive structure. Cortex, 86, 186–204. https://doi.org/10.1016/j.cortex.2016.04.023
10. Fries, P. (2015). Rhythms for cognition: Communication through coherence. Neuron, 88(1), 220–235. https://doi.org/10.1016/j.neuron.2015.09.034
11. Godfrey, M., & Singh, K. D. (2021). Measuring robust functional connectivity from resting-state MEG using amplitude and entropy correlation across frequency bands and temporal scales. NeuroImage, 226, 117551. https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2020.117551
12. Hohl, K., & Dolcos, S. (2024). Measuring cognitive flexibility: A brief review of neuropsychological, self-report, and neuroscientific approaches. Frontiers in Human Neuroscience, 18, 1331960. https://doi.org/10.3389/ fnhum.2024. 1331960
13. Ionescu, T. (2012). Exploring the nature of cognitive flexibility. New Ideas in Psychology, 30(2), 190–200. https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2011.11.001
14. Jiang, L., Eickhoff, S. B., Genon, S., Wang, G., Yi, C., He, R., Huang, X., Yao, D. Z., Dong, D., Li, F., & Xu, P. (2024). Multimodal covariance network reflects individual cognitive flexibility. International Journal of Neural Systems, 34(4), 2450018. https://doi.org/10.1142/S0129065724500187
15. Lachaux, J. P., Rodriguez, E., Martinerie, J., & Varela, F. J. (1999). Measuring phase synchrony in brain signals. Human Brain Mapping, 8(4), 194–208. https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-0193(1999)8:4<194::AID-HBM4>3.0.CO;2-C.

16. Lee, L. Y., Healy, M. P., Fischer, N. L., Tong, K., Chen, A. S., Sahakian, B. J., & Kourtzi, Z. (2024). Cognitive flexibility training for impact in real-world settings. Current Opinion in Behavioral Sciences, 59, 101413. https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2024.101413
17. Li, G., Huang, S., Xu, W., Jiao, W., Jiang, Y., Gao, Z., & Zhang, Y. (2020). The impact of mental fatigue on brain activity: A comparative study both in resting state and task state using EEG. BMC Neuroscience, 21, 20. https://doi.org/10.1186/s12868-020-00569-1
18. Mark, G., Gudith, D., & Klocke, U. (2008). The cost of interrupted work: More speed and stress. In Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (pp. 107–110). ACM. https://doi.org/10.1145/1357054.1357072
19. McLoughlin, G., Gyurkovics, M., Palmer, J. A., & Makeig, S. (2021). Midfrontal theta activity in psychiatric illness: An index of cognitive vulnerabilities across disorders. Biological Psychiatry, 91(2), 173–183. https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2021.08.020
20. Sadaghiani, S., & Kleinschmidt, A. (2016). Brain networks and α-oscillations: Structural and functional foundations of cognitive control. Trends in Cognitive Sciences, 20(11), 805–817. https://doi.org/10.1016/j.tics.2016.09.004
21. Shafiei, S. B., Shadpour, S., & Shafqat, A. (2024). Mental workload evaluation using weighted phase lag index and coherence features extracted from EEG data. Brain Research Bulletin, 214, 110992. https://doi.org/10.1016/j.brainresbull.2024.110992
22. Uddin, L. Q. (2021). Cognitive and behavioural flexibility: Neural mechanisms and clinical considerations. Nature Reviews Neuroscience, 22(3), 167–179. https://doi.org/10.1038/s41583-021-00428-w
23. Vinck, M., Oostenveld, R., van Wingerden, M., Battaglia, F., & Pennartz, C. M. (2011). An improved index of phase-synchronization for electrophysiological data in the presence of volume-conduction, noise and sample-size bias. NeuroImage, 55(4), 1548–1565. https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2011.01.055
24. Wang, Y., Chen, Y., Cui, Y., Zhao, T., Wang, B., Zheng, Y., Ren, Y., Sha, S., Yan, Y., Zhao, X., Zhang, L., & Wang, G. (2024). Alterations in electroencephalographic functional connectivity in individuals with major depressive disorder: A resting-state electroencephalogram study. Frontiers in Neuroscience, 18, 1412591. https://doi.org/10.3389/fnins.2024.1412591
25. Wu, J., Guan, Z., Li, C., Ma, Y., & Wang, X. (2025) Brain functional connectivity after Stroop task induced cognitive fatigue. Scientific Reports, 15, 22342. https://doi.org/10.1038/s41598-025-08330-6

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.